

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, (главный редактор журнала «Herald of Europe»), Сергей Капица, Сергей Ковалев, Самуил Лурье, Лорд Брайан Маккензи, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьещух, Лорд Джордж Робертсон, Теодор Шанин

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Владимир Салимон (заместитель Главного редактора)
Игорь Клех (отделы литературы и культуры)
Алла Язькова (отдел международной политики)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Ксения Кульд (управление сайтом Vestnikevropy.com)

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головнин, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Александр Петров, Сергей Синельников-Мурылев, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Лион), Александр Кобак (Санкт-Петербург), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Фонда экономической политики, Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Раздел о деятельности Совета Европы публикуется по соглашению с Советом Европы и при содействии Информационного офиса Совета Европы в России

ИЗДАНИЕ № 30

Некоммерческое партнерство «Издательство журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03226 от 10.11.2000.

Адрес редакции: 109189, Москва, Николаямская, 1.

Тел./факс: 937 4926

Интернет-версия журнала: <http://magazines.russ.ru/vestnik>,
www.vestnikevropy.com, **e-mail:** Info@vestnikevropy.com

Использование материалов возможно только с письменного разрешения редакции, при перепечатке или использовании ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография «Наука»».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

© Вестник Европы™, 2011

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», составление и редакция текстов, журнал «Вестник Европы» том XXX

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан в Москве в 1802 году
Первый главный редактор Н.М. Карамзин
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXX

год 2011

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

4 Шотландия

письма из редакции

6 Виктор Ярошенко. На кругу истории

год без Гайдара

17 Леонид Лопатников. Жизнь идет по Гайдару

22 Судьбоносные развилки истории.

*Интервью Петра Филиппова с Егором**Тимуровичем Гайдаром*

39 Гайдаровские чтения.

Владимир Мау

Алексей Кудрин

Анатолий Чубайс

Андрей Клепач

мировая политика

47 Ближний Восток: столкновение цивилизационных кодов. Израиль рассчитывает на себя.

*Интервью с министром иностранных дел**Израиля Авигдором Либерманом, данное журналу «Вестник Европы» и «Herald of Europe»*

56 А. Язькова. Нагорный Карабах: возможен ли выход из тупика?

60 Н. Гегелашвили. Политика США на южном Кавказе в контексте «перезагрузки»

СОВЕТ ЕВРОПЫ

68 Новости в Совете Европы

74 Председательство Турции в Комитете министров Совета Европы

75 Осенняя сессия ПАСЕ: дебаты о положении цыган

76 Совет Европы выступает в защиту принципа нейтралитета в интернете

77 Дневник комиссара Совета Европы по правам человека Томаса Хаммарберга

78 Европе следует принимать больше беженцев, нуждающихся в безопасном переселении

80 Свобода демонстраций — это право человека

82 Европейская культурная конвенция

86 Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию

ЛИТЕРАТУРА

тема номера: центральная Европа

91 Бруно Шульц. Август. Рассказ.

Перевод Андрея Пустогарова

95 Вера Меньок. Бруно Шульц и его «особенная провинция»

литературная топография

98 Центральноевропейская мистерия.

*Фрагменты новелл Бруно Шульца**из путеводителя «Дрогобыч Бруно Шульца».**Перевод Игоря Клеха*

108 Игорь Клех. Дежавю в Галиции. Очерк

112 Чехи и война. Эссе

116 Чеслав Милош. Рай земной. Эссе.

Перевод Бориса Дубина

120 Анджей Стасюк. Судовой журнал.

*Эссе из книги «Моя Европа» (в сокращении).**Перевод Татьяны Изотовой*

126 Юрий Издрык. Львов: фазы психоза.

Перевод Андрея Пустогарова

132 Игорь Померанцев. Два эссе.

Под музыку Шопена

133 Записки на воздушных полях

135 Александр Чернов. Три стихотворения

136 Анатолий Гаврилов. Играем Гоголя.

Пьеса водном действии

145 Владимир Салимон. Новые стихи

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА

147 Андрей Медушевский. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма»

169 Франтишек Яноух. Франтишек Кригель. Эссе.

Перевод Ады Кольман

183 Выступление д-ра Франтишека Кригеля на заседании ЦК КПЧ 31.5.1969 г.

Перевод Ады Кольман

186 Григорий Померанец. Два эссе.

Огонь Паскаля.

190 Проблески. Новый Левиафан

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

193 Евгений Рашковский. Мысль, история, революция. Опыт параллельного чтения двух романов.

К 100-летию смерти Л.Н. Толстого

201 Екатерина Гениева. Книга, которую нельзя прочитать... и без которой невозможно представить литературу XX века

208 Татьяна Хофманн. Заметки об «остальгии» в Германии

211 Александр Сергиевский. Заметки о римских впечатлениях, 2008–2010 годы

225 Приключения «Журнального зала». Из воспоминаний и заметок *Татьяны Тихоновой*

229 Сергей Костырко. «Журнальный зал» вчера и сегодня. Заметки в связи с 15-летием проекта

233 Вильям Брумфилд. С американского юга по русскому северу. Заметки о русской архитектуре и русском характере

хроника культурной жизни

239 Между Эшером и Борхесом. О выставке графики *Александра Аксинина* в ГЦСИ

240 Выставки

243 Неизвестный Карамзин. К 250-летию *Н.М. Карамзина — основателя «Вестника Европы»*

247 Библиотека «Вестника Европы».

Книги, присланные в редакцию

artes

251 Шотландия в фотографиях Григория Ярошенко

267 Об авторах

269 Содержание номеров журнала «Вестник Европы» (тома XXI–XXX)

ШОТЛАНДИЯ

Компания Leica
представляет выставку

ГРИГОРИЯ ЯРОШЕНКО

«Spirit of Scotland» (Шотландия)
из проекта «Британия» 2001-2012,
при поддержке Land Rover,
Компаний Ойл-Трейд и Фото Фрейм,
журналов «Вестник Европы»
и «Herald of Europe».

Я фотограф, а не писатель, и моя задача не описать страну и ее людей, а попытаться увидеть ее. Это не так-то просто — увидеть. Она надежно спрятана за многослойными маскировочными завесами стереотипов, обычаев и норм поведения, неприкосновенностью частной жизни, (священное слово privacy!), писанными и — особенно — неписанными поведенческими ритуалами, которые распространяются и на заезжих фотографов. Но вообще-то все это существует в любой стране. Я скажу, что здесь живут очень естественные и уважающие себя и других люди, которые не видят врага даже в фотографе.

Сегодня я показываю «Шотландию» — первую часть моего проекта «Британия», который я начал снимать десять лет назад, в Лондоне. По началу не совсем понимая, что и зачем я делаю. Но сегодня я уже яснее вижу свою субъективную, еще незаконченную версию восприятия уникальной страны, и людей ее населяющих. Это очень разные люди, вышедшие из разных племен, времен, культур и верований.

Это страна, в которой смогли ужиться самые непримиримые враги, чьи потомки и через сотню лет не забыли нанесенных обид и оскорблений. Но они сумели, не забыв своего прошлого, своих дедов и отцов, своих «добрых» соседей, своей истории и своих традиций, двигаться дальше, строить дома, растить детей и жить в мире. Они победили, все вместе и каждый по отдельности, свою ненависть, свою гордыню и злость.

Я ни в коем случае не претендую на объективность, на глубокий анализ или исследование, я лишь показываю маленькую часть моих ежедневных и долгих наблюдений, за страной и ее людьми. Я решил начать с севера, с Шотландии, самой загадочной и возможно самой прекрасной.

Шотландия — это не только горы и озера, древние замки и волынки, виски и клетчатые юбки, но и очень упрямый, не потерявший своей самобытности народ. Малая страна с всемирным влиянием.

Шотландия больше чем я ожидал, небо плотнее, люди ближе, а озера голубей и глубже, дождь идет дольше, ночи темнее, а виски крепче. Мы с Ирой, верной моей помощницей, проехали не одну тысячу миль на Defender, который нам любезно предоставили в шотландском отделении Land Rover и много где побывали. Мы ели свежайшую треску со старым рыбаком Патриком из Питерхеда, мокли под дождем с лесорубами Комри и Стивом и смотрели как склоняются под их силой вековые деревья.

Я кормил лебедей с Томом и Маргарет Бениган, ел хаггис и пил имбирный эль в пабе под Абердином. Я был на скачках в Перте и проиграл десятку, пел и танцевал с Макдональдами в Крифе, играл в гольф с Дэвидом МакАлистером в Сент-Эндрюсе, а Ли МакЛауд играл для меня на волынке в замке Элиан Донан. Я снимал уличных музыкантов в Эдinburghе и циркачей в Инвернесе, наслаждался теплом юга и проливным туманом Острова Скай, я пил виски Хайленда в Даффтауне, катал из под него бочки, вместе с Рони и другими крепкими парнями.

...Но я много где не был; снова хочу вернуться туда где небо было выше, воздух густ и сладок, чужие люди ближе, а озера, полные сильных серебряных рыб, синие и глубокие.

Григорий Ярошенко. июль-август 2010.

НА КРУГУ ИСТОРИИ

СЛЕПЫЕ ПОВОДЫРИ

Как-то осенью был я в Горбачев-фонде. Шел очередной семинар. Обсуждали историческое значение гласности в эпоху перестройки. Выступали М.С. Горбачев, В.А.Медведев, социологи, историки. С докладом должен был выступать Гавриил Попов, но сказали, что он заболел (зал зашелестел: понятное дело, заболел — после изгнания Лужкова.)

В который раз вспоминали, как она начиналась — гласность. В.А. Медведев (в ту пору секретарь ЦК КПСС по идеологии) гордился тем, что разрешили Солженицына, вспомнил встречу с С.П. Залыгиным. Я был тогда зав. отделом публицистики «Нового мира» и членом редколлегии; Сергей Павлович с нами делился своими сильными впечатлениями от походов в «цековские» кабинеты. Я вспомнил, как Залыгин ПРОБИВАЛ «Архипелаг» с другой стороны, прорывался через них.

А в перерыве я купил в холле книгу. «В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)». М.: Горбачев-фонд, 2008.

Не рухнул СССР, подобные материалы еще лет пятьдесят лежали бы в самых секретных фондах. А теперь кого волнуют дела прошлой страны?

Пришел домой и зачитался. Совершенно уникальное произведение огромной исторической ценности. Шпионы чернеют от зависти: записи приватнейших, сверхсекретнейших бесед и заседаний в святая святых — в «ореховой комнате», в узком кругу Политбюро, среди

секретарей ЦК, с ближайшими помощниками, и это публикуется сейчас, пока все живо в памяти у многих. Не через пятьдесят, не через сто лет!

Ощущение от этой книги — сложное. Гигантского масштаба процессы (суть которых, кажется, не понимал, но историчность остро ощущал — один М.С. Горбачев). Надвигающийся распад огромной страны, ступор, паралич пронизавшей всё и вся семидесятилетней тоталитарной системы, и на этом фоне — люди, безнадежно пытавшиеся ее, еще живую, починить, отремонтировать, а страну — спасти. И все-таки главное ощущение — скорее визуальное: Питер Брейгель. «Слепые поводыри».

На фоне помощников и соратников постаревший М.С. Горбачев, с его прозрениями и философскими обобщениями действительно исторического масштаба, высится, как король Лир. Страна рушится, власть уходит, сателлиты бегут, республики на ходу меняют тон, ГДР тонет, и нет никаких сил ее спасти, Афганистан проигран, и Наджибулла брошен там на произвол судьбы... И все это происходит в мировой державе, раскинувшейся от Норвегии до Аляски, с ее ядерными боеголовками, ракетным потенциалом, паритетным США, в стране со службой разведки, пронизавшей весь мир, с тысячами аналитиков вокруг стола, готовых давать справки и советы. Но вот опубликованы эти «протоколы Кремлевских мудрецов», и видишь, что мудрецы-то — растерянные, случайные, малокомпетентные люди, случайные фигурки на тонущем корабле.

Виктор ЯРОШЕНКО

Какой блистательный материал для хорошего режиссера, КАКОЙ ТЕАТР! Слепцы и глухари, не видящие, не слышащие рокота истории, ни голоса своего народа, ни последствий своих так называемых судьбоносных решений, которые ни к чему не приводили. Впрочем, толстенную книгу было бы неинтересно читать, если бы там было только это, о чем мы все уже доподлинно знаем. Но вот перед нами совершенно неожиданные высказывания многих людей, за которыми уже закрепились стойкие политические амплуа. Мы слышим удивительные по честности (чего уж врать-то в узком кругу осведомленных «отцов народа») и горечи признания, поразительные цифры. Политбюро собиралось в те годы еженедельно; обсуждались (как мы думали тогда) важнейшие проблемы страны. Важнейшие-то они важнейшие, но теперь, когда читаешь протоколы их заседаний, после всех «подготовок вопроса» в институтах, министерствах, экспертных группах уровень осмысления и понимания этих проблем обескураживает. Раз за разом, год за годом разные важные люди, как мантру, повторяют заветные слова: «Что-то надо делать с ценами. С ценами что-то надо делать...» Иногда и Горбачева и его товарищей пронзало ледяное ощущение (знакомое, впрочем всем разумным обитателям СССР), что страна дрейфует на ощупь, неведомо куда.

Вот запись с заседания Политбюро в апреле 1987 г.

М.С. Горбачев: «В Соединенных Штатах 100 млн. долларов тратят на экономическое прогнозирование. А у нас? Не получится ли так, что, взявшись за важное дело, только обнаружим свое бессилие; один одно предлагает, другой — другое? Одни дают одно, другие — другое. И получается что-то наподобие прогноза погоды. Нет серьезной системы. Вопрос в том, кто должен объединять разные данные и оценки... Нужны другие структуры... Нужно и среднесрочное прогнозирование. А что у нас получается с анализом экономики? В Минфине одно, в КГБ — другое, и все это разовое, нет никакой системы. Вот встал перед нами вопрос о прогнозе экономик США. И выколачиваем из Арбатова и Примакова. Скорей, скорей... может быть, институт стратегических исследований создать? Не получилось бы так: размахнулись на важное дело, а когда подошли к механизму реализации, затвердили то, что имеем?» (С. 216).

Характерно признание Е.К. Лигачева в мае 1987 года: «Плаваем мы все в экономических делах. Госзаказ, контрольные цифры... науки не хватает...»

Горбачев: «У нас пока все механизмы работают против справедливости. Но социализму должна быть везде и во всем присуща справедливость... Объявим о ценах, объявим о сокращении аппарата, и такая су-

матоха пойдет. И народ скажет: зачем нам все это?» (С. 179).

И далее:

Горбачев: «Вопрос о ценах принципиальный, коренной. Если его не решим, не будет ни хозрасчета, ни самофинансирования, не будет работать перестройка. Но начинать новое в политике с повышения цен... Это знаете! Что-то, однако, надо делать. Но как, на каком этапе сказать и что конкретно предложить? Пока все у нас, я вижу, в тумане. Надо об этом начинать разговор и одновременно работать над проблемой цен по существу». (С.180).

В июне 1987 года Политбюро обсуждало перевод предприятий на полный хозрасчет.

Горбачев: «Вспомните 1965 год, реформу Косыгина-Либермана. Почему не получилось? Потому что не последовали совету Витте, который говорил, что если проводить реформу, то надо делать это глубоко и быстро» (С. 192).

Горбачев: «Нельзя, чтобы в оборонке никто ничего не считал, надо ввести плату за землю: во многих странах платят, особенно когда земля идет под строительство... Вступаем в период тяжелого финансового положения отраслей и предприятий».

Е.К. Лигачев еще энергично поддерживает Генерального секретаря ЦК КПСС: «Я решительно за. Пора идти от разработок к реализации. Либо дрейфовать, либо делать. Альтернативы нет. Мы в тяжелом положении. Нужен закон о ценообразовании. И определить сроки его введения» (С. 192).

Но наступил новый год, а воз по-прежнему не сдвинул. Заседание Политбюро 18 февраля 1988 года.

М.С. Горбачев снова говорит о ценах. «О ценах в связи с этим. Незаметно вползаем в новые цены. И, кстати, не объявляем об этом народу. Раньше через импорт скрытно повышались цены. Теперь будем через кооперативы. Это вопрос социальной стабильности, значит вопрос политический... чтобы не получилось, что новые кооперативы могут со своими ценами выходить на рынок, а колхозы не могут. Надо найти ответ... Что касается цен, то нигде в мире нет неконтролируемых цен на основные виды сельскохозяйственной продукции» (Так он себя уверил.) (С. 289).

Читаем запись встречи генсека с молодыми учеными.

М.С. Горбачев: «Вот, товарищи, стоят перед нами молодые в основном люди, талантливейшие ученые... Совести у нас нет! Рутин! А ведь мы каждый день подписываем решения, которые стоят то 120 млн, то 300 млн — такие деньги протрачиваем... Объем 1987 года монтажного строительства для этих

нужд — стыдоба! Дом себе построить не могут! Крохи просят... Это не им нужно, это нам нужно, стране» (С. 296).

19 октября 2010 года паре сотен ученых разрешили собраться на набережной Тараса Шевченко, подальше от глаз, пожаловаться друг другу на бедственное положение российской науки. Что за морок: четверть века прошло, а все ходим по этому заговоренному кругу!

Политбюро 14 апреля 1988 года. Обсуждается вопрос о перестройке системы оптовых цен.

Горбачев: «Государство имеет 58 млрд. рублей убытка от реализации импортного продовольствия населению из-за разницы между закупочной и розничной ценами... Павлов предлагает оптовые цены изменить с 1 января 1989 года, розничные — с 1 июля 1989 года... Что будем делать? Николай Иванович (Рыжков) говорит, что без этого шага экономическая реформа у нас не пойдет, экономический механизм не заработает, реформа заглухнет... И административная система продолжает править бал...» (С. 348).

Интересно сопоставить эти протоколы с материалами, опубликованными Е.Т. Гайдаром в книге «Гибель империи», а также с книгой О.Р. Лациса «Тщательно спланированное самоубийство».

Гайдар пишет: «Когда в 1985 году впервые в советской экономической истории добыча нефти начинает снижаться, это приводит к резкому падению поставок в развитые капиталистические страны.»

К тому же, как сообщает он, со ссылкой на американские источники, администрации Рейгана удается договориться с Саудовской Аравией о снижении цен на нефть. «ставилась задача» пишет Гайдар, «ослабить СССР в экономическом и политическом отношении. О том чтобы развалить его, используя экономическую уязвимость СССР, никто в американском руководстве в эти годы и не мечтал. Если эта версия событий точна, добавляет Е.Т. Гайдар, она многое говорит об интеллектуальном уровне советского руководства начала 1980-х годов. Чтобы поставить экономику и политику мировой сверхдержавы в зависимость от решений твоих потенциальных противников (США) и основного конкурента на нефтяном рынке (Саудовская Аравия)... и ждать, когда они договорятся, надо долго рекрутировать в состав руководства страны особо некомпетентных людей.» (Е.Т. Гайдар. «Гибель империи. Уроки для современной России». М. Росспэн. 2006. С. 194)

Замечательный журналист и экономист Отто Рудольфович Лацис в последней своей книге вспоминал, как он и Егор Гайдар, которого он перетащил тогда в журнал от своего друга экономиста академика

С.С. Шаталина — заведовать экономическим отделом, писали одну за другой тревожные записки в ЦК КПСС. Я работал тогда с Гайдаром в этом отделе и могу подтвердить написанное Лацисом... Еще в декабре 1988 года Гайдар и Лацис написали Горбачеву подробную и предельно откровенную записку о катастрофическом положении страны.

Лацис: «Записка настолько заинтересовала Горбачева, что он зачитал ее в начале очередного заседания Политбюро, в повестке которого этот вопрос даже не стоял. Два часа длилось обсуждение, и, как рассказывал Иван [Фролов], никто не мог вспомнить, когда вообще Политбюро обсуждало проблемы финансов, бюджета. Горбачев провел беспрецедентное решение поручить правительству пересмотреть только что утвержденный бюджет на 1989 год с целью сокращения дефицита».

Лацис рассказывает дальше, как развивался кризис, приведший СССР к гибели: «Предотвратить катастрофу можно было только ценой одновременного принятия нескольких непривычных решений. Надо было сократить военные расходы. Надо было сократить дотации к ценам на продовольствие, для чего провести хотя бы плановый пересмотр структуры розничных цен — такой непривычный шаг, как либерализация цен, тогда можно было еще, пожалуй, отложить, чтобы подготовиться к нему как следует. Наконец, надо было поставить какой-то заслон демократическому потоку популистских требований о повышении зарплат и пенсий без учета источников дохода бюджета, способных покрыть эти расходы. Правительство не решилось ни на один из этих шагов... Я не раз вспоминал этот эпизод позднее, когда Гайдара обвинили во всех смертных грехах, считая его виновником экономических и социальных потрясений 1992 года. Между тем, в записке Горбачеву в декабре 1988 года Гайдар предупреждал (предупреждали мы вдвоем, но именно прогнозная часть с расчетами на основе опыта других стран принадлежала Гайдару), что **именно эти самые бедствия произойдут, если не принять немедленных мер**».

16 февраля 1989 года Политбюро ЦК КПСС обсуждало вопрос «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и об укреплении товарно-денежных отношений». Должно быть, к этому времени аппаратный путь записки Гайдара–Лациса дошел до верхов.

Н.И. Рыжков: «Превышение расходов над доходами за три года составило 133 млрд. рублей. Потери из-за падения цен на нефть 40 млрд. рублей, от сокращения продажи водки — 34 млрд. рублей. За три года перестройки прибыль от промышленности выросла на

10 млрд. Но в сельском хозяйстве потеряли 15 млрд. Чернобыль взял 8 млрд. Эмиссия за три года составила 21 млрд. В 1988 году эмиссия достигла 11 млрд. — больше, чем в любой год после войны. Сейчас 40 млрд. избыточных денег, не покрытых предложением товаров. Мы имеем 324 млрд. внутреннего долга, то есть долга населению. На 70-80 млрд. скопилось товарных запасов, не имеющих спроса».

Горбачев: «Мы недооценили глубины той ямы, из которой пришлось выбираться, начиная перестройку. А желание поправить было огромное. Ускорения в главном звене — в производительности — добиться не удалось. Переоценили свои возможности...»

О ситуации, которая складывалась в стране, Гайдар написал в начале 1991 года (журнал «Коммунист». 1991. № 2): «Удастся ли стабилизировать экономику, сохранив ростки демократических и рыночных институтов, открытую миру внешнюю политику, курс на интеграцию в мировое хозяйство, или разгул безответственности, демагогии и анархии вновь уготовит нам путь в тупик тоталитарного режима и автаркии? Борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием экономической политики ближайшего будущего».

ЧИТАЯ ГАЙДАРА

Подробный анализ произошедшей катастрофы Егор Гайдар дал уже в книге «Гибель империи» (2006).

В ней он писал: «Сложившаяся ситуация — выбор между повышением розничных цен или сокращением капиталовложений и военных расходов ставила советское руководство перед непростой дилеммой — решаться на конфликт с населением или с партийно-хозяйственной элитой. Отказ от принятия решения по этому ключевому вопросу повышал риски того, что по мере развития кризиса, придется вступить в конфликт и с обществом, и с элитой. Новое поколение руководителей этого явно не понимало. Здесь нет ничего удивительного... Вопросы развития животноводства обсуждались на высшем уровне гораздо чаще, чем бюджет страны.» (с 230). Это, конечно, не случайно: в финансовых вопросах руководство страны мало что понимало.

Незадолго до своей столь преждевременной смерти Егор Гайдар начал углубленно заниматься проблемами «смут» — внезапно возникающих нестабильностей в политической, экономической и социальной жизни различных государств. Мы много раз обсуждали с ним эти проблемы, о которых Гайдар писал в «Вестнике Европы» (эти материалы потом вошли в книги «Долгое время»,

«Гибель Империи» и «Смуты и институты»). Он с большой тревогой наблюдал тенденции развития российских политических процессов, ползучее свертывание демократии, возвращение к волюнтаристскому принятию долгосрочных и дорогостоящих проектов, нарастающему и неутолимому бюджетному аппетиту.

На декабрьских Гайдаровских чтениях этого года Алексей Кудрин (см. его текст в этом томе ВЕ) с тревогой говорил о колоссальном росте бюджетных расходов — это на фоне кризиса.

16 декабря. Сегодня год со дня смерти Егора Гайдара. На его могиле открыли памятник.

Гайдар писал свои работы торопясь, чтобы их прочитали. Но главное их смысловое ядро оказалось, если можно так выразиться, «пролонгированного действия», оно адресовано в будущее. Нам предстоит еще кому прочитать, кому перечитать его книги, их заново осмыслить.

Гайдар написал «Государство и эволюция» в сентябре 94-го, написал быстро, как бы «в один присест». Быстро — потому что наработки у него были, еще была настоятельная внутренняя необходимость объяснить самому себе и обществу, что же произошло. Я был первым издателем гайдаровской книги «Государство и эволюция. Август-сентябрь 1994 года» (М.: Евразия, 1995). Глава 1-я — «Две цивилизации» начинается так: «Отшумели горячие споры 1987–1991 годов. Сегодня мы понимаем, что **противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии.** Эти слова необходимо было выговорить громко, ясно сказать, что с социализмом в России покончено, что наше будущее — на путях рыночной экономики, но ограничиться этим нельзя».

И далее: «Сам по себе отказ от социализма не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, как наивно надеялись многие в 1990 году, веря, что достаточно поменять фетиши и мы в обмен на отказ от «коммунистического первородства» как-то почти задаром...обменяем «капитал» на капитал.

Но в странах «третьего мира» людей живет куда больше, чем в странах «первого мира», а из нашего «второго мира» ворота открыты и туда и туда». Отметим, что об этой опасной и реальной для России возможности попасть в «третий мир» Егор Гайдар писал буквально до последнего дня своей жизни. Одна из последних его статей, опубликованная в «Вестнике Европы», так и называется — «Третий мир и третий центр».

Уже в «Государстве и революции», а в статьях — гораздо раньше (например, «Строительство России» в 1-м номере «Открытой политики») Егор Гайдар рассматривает происходящее в России в историко-цивилизационном ключе (он разовьет тему позднее, в «Долгом времени»). Но здесь уже дан краткий автореферат, набросок его историософской концепции, которая была необходима ему, как фундамент для объяснения происходящего в России, определения *реального* места страны в мире, и создания «маршрутной карты» пути в сообщество самых развитых стран.

ВОСТОК–ЗАПАД

«Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционная: Восток–Запад. Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века». Гайдар идет вначале по цивилизационной схеме А.Тойнби (от которой впоследствии, как слишком приблизительной, отойдет). Иллюзий у него не было: он понимал, что **лидер коммунистического мира — СССР был «по своим основным сущностным характеристикам «восточной деспотией»**». Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти, при несомненном доминировании последней, властные отношения, как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство (часто деспотическое) бюрократии — вот определяющие черты **восточных обществ**. Подобные черты присущи странам «третьего мира» даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться». Гайдара обвиняют в том, что это он создал фундамент нынешнего несимпатичного общества, которое, впрочем, вполне довольно собой. Но он уже тогда ясно видел особенности возникающей новой реальности: «Система, когда собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична, имеет несколько важнейших особенностей. Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной и экономической деятельности. *Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку, предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т. е. ликвидным бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело.* Что касается главного собственника — чиновника, то его собственническая

позиция является чисто паразитической; организация сложной экономической деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, движется только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, опять, разумеется, за счет ограбления частного сектора». А вот диагноз, поставленный Гайдаром еще при Ельцине: «Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности и при **доминировании первой** насытить непомерные аппетиты носителей власти».

Чтобы показать, что это не неизбежно, Гайдар обращается к аномалии: западной цивилизации, идущей от Греции и Рима. Нигде больше в мире не было таких институтов; уникальность Греции и западной модели показала свою эффективность в столкновении Запада и Востока в XIX веке. Возможно, — и такую возможность Гайдар к концу своих занятий уже видел — эта аномалия будет сметена восточным демографическим и экономическим натиском.

Вслед за многими исследователями Гайдар видит стержневой смысл ЗАПАДНОЙ МУТАЦИИ в понятии частной собственности, свободной от государства. Прежде всего ЗЕМЕЛЬНОЙ. Уникальность Греции после Солона — частная собственность, которой не было НИГДЕ В МИРЕ. Отныне, в этой аномалии, Государство — не повелитель, а инструмент. Причина жизнестойкости и процветания Европы — многовековая слабость европейской власти. (Гайдар совсем не рассматривает нематериальные факторы: РЕЛИГИЮ, ЦЕРКОВЬ, ВАТИКАН, позднее Реформацию.) Твердые гарантии частной собственности — основа европейского экономического роста с XV века.

АКТИВНОСТЬ И НАДЕЖДА

Гайдар пишет: «Обвинения, которые нам предъявляли в *свое время* (тогда — совсем недавно — всего-то два года назад! — В.Я.), что мы вместо марксистской догмы хотим строить государство по догме монетаристской, — заведомая демагогия.

Помню, — продолжает Гайдар, — как на съезде народных депутатов Р.И. Хасбулатов попытался затеять со мной публичную дискуссию. Вот, мол, существуют разные концепции рынка: социально ориентированное

государство с высокими налогами; «шведская модель») и классически капиталистическое — либеральное (американская модель). Он, Хасбулатов, сторонник первой. Гайдар — последней. И пусть депутаты (голосованием, по-видимому!) и выбирают между этими моделями путь развития для России. Все это в интеллектуальном плане смешно, а в моральном — постыдно. И кейсианцы, и монетаристы, и социально ориентированное государство, и классически рыночное и т. д. — все это относится к одной глобальной традиции, которую они сумели сохранить, — к социально-экономическому пространству западного общества, в ЛЮБОМ СЛУЧАЕ основанному на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т. д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем — вот наша задача. Тогда и поспорим о разных моделях».

«РЕАЛЬНАЯ альтернатива у нашей страны, — писал Гайдар в 1994 году, — сегодня совершенно другая... Речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого вмешательства, то есть о том, что будет представлять из себя государство. До тех пор пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о вмешательстве. Не вмешательство, а ПОЛНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ — вот на что запрограммировано государство такого типа. Результат известен: экономическая стагнация, эволюция России в направлении ядерной державы «третьего мира». И наконец политическая формулировка задачи: **«Против превращения нашей экономики в «экономику восточного государства мы и боремся»».**

Гайдар в «Государстве и эволюции» подводит свой предварительный итог социально-экономическим переменам первых лет реформ. Тогда, сразу после публикации этой работы, не был так заметен горький привкус многочисленных негативных, тогда еще не реализовавшихся, но уже предвидимых им вариантов развития событий.

«Если страна вступит в новый длительный период стагнации, то тогда, бесплодно исчерпав второй запас оптимизма» (первый кончился уже в 1991 году), общество, вновь почувствовавшее себя обманутым, может взорваться самоистребительным бунтом, или, что гораздо вероятнее, впасть в глухую апатию. В любом случае это сулит успех политическим авантюристам, а их прорыв к власти — это уже залог национальной катастрофы.»

И в другом месте: «Нужна АКТИВНОСТЬ И НАДЕЖДА. Если общество **утратит активность и надежду**, тогда страна начнет действительно погружаться в трясины «третьего мира»».

«Обмен власти на собственность — единственно реальный путь мирного реформирования общества», — писал он тогда. — ...Дальше свои позиции каждому владельцу придется подтверждать делом». Имелось в виду, что неэффективный собственник быстро разорится, а собственность перейдет к эффективному владельцу. Такие были тогда соображения. Хотя, конечно, административный ресурс он не игнорировал.

«Номенклатура хотела растащить собственность и при этом сохранить элементы этой системы, *гарантирующие сохранение власти над собственностью*. Многие мечтали об «очень частной собственности» для себя лично, для своего клана, а государственной — для всех остальных. Идеальная формула для бюрократии — прибавить к власти собственность! На нашем новоязе это называлось довольно точно: «регулируемый рынок». Регулируемый номенклатурой... Контроль над собственностью сохраняется в руках государства (бюрократии), но зато контроль над самими бюрократами государство ослабляет, а фактически утрачивает. В отношениях между собой, внутри государственной системы переходят на откровенно рыночный язык, уже без особого камуфляжа торгуют между собой и с бизнесменами, включенными в номенклатурный круг, дают и получают финансовые льготы (льготные кредиты), природные (квоты, лицензии)...

Гайдар пишет: «Когда-то автор термина «административно-командная система» (Г.Х. Попов) предложил, чтобы каждый чиновник вполне официально получал маржу — определенный процент с разрешенной им торгово-финансовой операции. Видимо, так известный экономист, — иронизирует Гайдар, — представлял формирование рынка... Это действительно составляло их мечту, которую они и реализовали.

В малоизвестной, но замечательной статье «Построить Россию» Гайдар писал: «Когда мы пришли в конце 1991 года...было понимание отсутствия какого то бы ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул на парашютах. Предстоял не полет и мягкая посадка, предстоял резкий переход в совершенно иное измерение — к строительству нового государства, к строительству России... *Нужно было начинать строить Россию, страну, у которой не было ни границ, ни таможи, ни внешнеэкономбанка, ни четкого и определенного понятия гражданства, ни системы внешнеэкономического регулирования... И тогда, в 1992-м, и теперь, в 1994-м, требуют государственной помощи отраслям, предприятиям, угрожают лавинообразным ростом банкротств и «непредставимыми социальными последствиями». В*

середине 1992 года нашими противниками, оказавшимися по большинству в Верховном Совете России, удалось серьезно изменить курс экономической политики. Под прикрытием слов о «мягких реформах» страну повернули на инфляционный путь» («Открытая политика», 1994, № 1).

«Нас позвали в момент выбора. До этого времени номенклатурная приватизация развивалась по классическому, при «азиатском способе производства», сценарию: приватизация, как тихое разграбление сатрапами своих сатрапий. Хватило и трех лет, чтобы увидеть дно колодца... Реально была приватизирована «практически вся сфера хозяйства». Номенклатура была готова к уступкам... Небольшим».

Это сказано еще в 1994 году. Правда, Гайдар считал, что российская цивилизация гораздо устойчивее, чем об этом рассуждают иные политологи, добывающие пропитание предсказаниями о конце света в отдельно взятой стране. «Сейчас выбор между бюрократическим рынком (стагнацией) и свободным рынком (развитием общества и экономики) означает, по сути дела, выбор для России: сохранится ли ее высокая цивилизация».

Вопросы, заданные Гайдаром тогда и сегодня еще не получили ответов. Это вопросы на долгое время. Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция? Действительно ли русская история запрограммирована на ЭКВИФИНАЛЬНОСТЬ? Обречены ли все попытки либералов, демократов, сместить главный вектор истории? Гайдар считал, что это не так...

Я не уверен, что до конца жизни он оставался в этом убеждении, но никогда он не стал бы искать самоутверждения в констатациях типа: «Россия? — Она утонула».

Он быстро избавился от романтического эмоционального перегрева первых дней, возглавив разработку конкретных экономических решений. Уже в самом начале (1994 г.) обратного хода он чутко заметил: «Симптомы нового ледникового периода налицо. Многие из тех, кто в 1989-91 годах клялись в верности гражданскому обществу, сегодня столь же горячо клянутся в верности государству... Сегодня соревнуются те, кто выговорит «Государство» с более звонкой медью в голосе. Государственничество вновь насаждается в нашей стране. Мы не можем не видеть перерождение власти, ее возвращение на круги своя. **Если приоритет — модернизация страны**, расчистка социально-экономического

пространства для развития современного общества, то перечень обязанностей государства достаточно четок и локален».

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Гайдар понимал: «Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма, может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории не было». А он знал русскую историю и привык взвешивать свои слова. В этой ранней работе Гайдар так сформулировал возможные альтернативы развития России: «Очередная бюрократическая приватизация власти, или, наконец, размыкание замкнутого контура, разделение власти и собственности. Секуляризация государства, **отделение государства от псевдорелигии, «государственничества», или новое обожествление государства — такова глобально историческая альтернатива России».** Политическая задача виделась ему хирургически точно: «Нужно вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Система называлась по-разному; но сущность всегда была одна: корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией».

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ

Гайдар в статье, опубликованной в «Вестнике Европы» (ВЕ, том XXVI–XXVII, 2010 г.) уже после его кончины, подводил итоги последнего десятилетия и описывал варианты возможных политических стратегий в ситуации неопределенно долгого мирового экономического кризиса.

«Быть популярным, иметь политическую поддержку, когда за тобой десять лет роста реальных доходов населения на 10 % в год, — нетрудно. В такой ситуации не нужны масштабные репрессии или манипуляции с выборами.

Когда реальные доходы населения под влиянием колебаний конъюнктуры мировых рынков перестают увеличиваться, растет безработица, взрывоопасной становится ситуация в депрессивных районах, — у власти есть альтернативные стратегии. **Первая** — ужесточение репрессий по отношению к несогласным. **Это напрашивающаяся, но самоубийственная стратегия.** Опыт России XX века это наглядно подтверждает. Рано или поздно у властей, проводящих подобную политику, не оказывается надежного полка, на который можно опереться. И 300-летняя династия Романовых, оказавшаяся 28 февраля 1917 года в таком положении, — наглядное тому подтверждение. Второй вариант — **упорядоченная либерализация режима**, восстановление реальной свободы слова, разделение властей, независимость судебной

системы, открытость механизма принятия государственных решений, эффективная борьба с коррупцией. Это непростой путь. Но, как показывает мировой опыт, пройти по нему возможно. Свидетельство тому — опыт Испании после Франко, опыт Тайваня..., опыт Чили. Гайдар взвешивает слова, не дает никаких чрезмерных надежд и не скрывает угроз: «Там, где правящая элита была способна реализовать такую политику, это приводило к позитивным результатам, позволяло уйти от катастрофы».

Январь 2011 года. Откуда-то появилось множество самозванных судей и «судов времени» — на телевидении, в прессе, в сети. Они с важным видом судят людей, ни в чем не соразмерных им, и в том получают самоудовлетворение. Вот и тут. Журналистка, бывавшая на гайдаровских семинарах для узкого круга, пишет в ЕЖ: «Как показали последующие исторические события, дело не в том, что народ Испании не годится для демократии, и не в том, что народ Китая не способен к модернизации. А в том, что в некоторых исторических условиях реформы, как и рабство, следует вводить железной рукой». И соответствующий вывод: «Не Гайдар столкнул Россию в пропасть — это сделали коммунисты. Но он не сумел удержать падение. «Такую претензию и к Б-гу нельзя обратить, если уж ты летишь... Но, развивая яркий образ, можно добавить, что он *грамотно* приземлялся, и Россия не погибла. Сильно пострадала, но все-таки жива. И спасибо ему за это». Однако хорошо осведомленная журналистка пишет: «Не Гайдар развалил Россию. Но ни Сунь Ятсен, ни Чан Кайши, ни Мануэль Асанья не входят в число выдающихся реформаторов, и никто не рассуждает о том, что они «спасли Китай от голода» или «избавили Испанию от засилья клерикалов». Точно так же в число выдающихся реформаторов не входят ни Гайдар, ни Ельцин. Их целью было создание демократической и рыночной России, но они своей цели не достигли».

Да уж... И эти не достигли, как и все предыдущие, и, скорее всего, многие последующие не достигнут. Но мы вспоминаем не без благодарности имена русской истории — и Карамзина и Сперанского и Александра I, и Александра II, и Герцена, и Витте, и Столыпина, Миллюкова и Горбачева, Ельцина, Гайдара, Головкина, как людей, которые все-таки *стремились* привести Россию в число государств, славнейших по удобству и достоинству жизни. Гайдар сам себя защищает, он об этом позаботился, написав свои книги. **Но ведь надо, чтобы прочли.**

ЗЛОБА ДНЯ

Громил, избивавших людей на Манежной, никто не тронул. Не посмели. С генералами люди в масках базарили

дерзко. Никого под руки не взяли. С лидерами «фирм» и националистических групп высокие иерархи тусуются, духоподъемный совет создают. Намечается вполне конструктивный диалог (даже не диалог, а многоголосье) власти, церкви и наиболее активной части общества. Но на превращенной в вольер Триумфальной площади (бедный Владимир Маяковский!) власти решили проявить суровость закона. Я там живу рядом и весь год мог наблюдать колонны ментовских грузовиков и автобусов, скукающих омоновцев.

В «Иностранной литературе» (великолепный номер 8-й за 2010 год, посвященный литературе межвоенной эпохи) читаю **Симону Вайль**. Из ее письма писателю Жоржу Бернаносу, в котором она рассказывает про реальность гражданской войны в Испании: «...Мужчины — очевидно, смелые, — я говорю о тех, чью смелость могу засвидетельствовать сама, — за столом в веселой кампании, с прекрасной, чистой улыбкой на устах рассказывали, сколько они убили попов или «фашистов» (определение весьма широкое). **У меня было такое чувство — лично у меня, — что, как только светские или духовные авторитеты отделяют некую категорию лиц от числа тех, чья жизнь имеет ценность, тут же убийство становится для человека самым естественным делом».**

Наблюдение очень точное, оно показывает механизм зарождения агрессии, санкционированной властью, постепенно становящейся тоталитарной. Убивать начинают не сразу; сначала *разрешают* от совести, позволяют шельмовать, унижать, хватать, избивать, сажать в кутузку.

Читал внуку из детской книжки Вадима Левина и Ренаты Мухи «Между нами»:

*«Мы с мамой
в Африке живем,
а в джунглях жизнь не шутка:
нам страшно ночью,
страшно днем,
а в промежутках
жутко.»*

Тут же само собой переделалось не про Африку: «*В России мы с тобой живем...*»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Который уж раз перечитываю Владимира Сергеевича Соловьева «Национальный вопрос в России». Который раз выписываю жгучие цитаты. С любого места читай — все актуально.

«Циркуляр министра внутренних дел, разъяснивший тогда несовместимость бороды с дворянским мундиром, был если и не самым основательным, то, во всяком случае, самым успешным из всех министерских циркуляров. Он сразу и навсегда положил конец тому фазису славянофильства, в котором вопрос о «русском направлении» сливался с вопросом о русском платье. Когда несколько лет спустя русским подданным возвращено было право облекаться в какую угодно, хотя бы азиатскую одежду, славянофильство этим правом уже не воспользовалось...» (В.С. Соловьев Т. V–VI. С. 185).

Вот когда еще обсуждался жгучий вопрос, именуемый теперь служителями религиозных культов гламурным словечком «дресс-код».

«...Начинается новый фазис славянофильской деятельности. Вместо бытовой борьбы против домашнего западничества на почве сюртуков и кафтанов, выступает теперь на первый план духовная борьба против самого настоящего Запада на почве религиозной. <...>Мне придется говорить здесь не о православии, — замечает Соловьев, — а о том искусственном православничании, которое, по моему глубокому убеждению имеет мало общего с истинною верой русского народа» (С. 185).

Та доктрина, которая сама себя определила как русское направление, и выступила во имя русских начал, тем самым признала, что для нее всего важнее, дороже и существеннее национальный элемент, а все остальное, между прочим и религия, может иметь только подчиненный и условный интерес. <...>православие есть атрибут русской народности; оно есть истинная религия, в конце концов, лишь потому, что его исповедует русский народ».

Соловьев отвечает своим оппонентам:

«Мы знаем, что действительная особенность христианского Востока вообще и России в частности, состоит в том, что церковь не утвердилась здесь как самостоятельное целое, а определилась как функция государственного организма» (С. 189).

Сказано будто про нынешних заседателей околочерковных присутствий, телевизионных ристалищ с их надутыми псевдопатриотическими затейниками.

— Скажите откровенно: «Вы могли бы отдать жизнь за Родину?»

— О, конечно, без колебаний! Никаких сомнений! А вы?

— И я! (*Бурные аплодисменты*).

«Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех

лучше. Это противоречие погубило славянофильство как учение, но оно же оставляет несомненное преимущество старых славянофилов, как людей и деятелей с их позднейшими преемниками... Самый вопрос о действительном благе России, о том, как ей полнее и лучше усвоить и осуществить общечеловеческую общественную правду, — самый этот вопрос вообще перестал существовать; он окончательно вытеснен в их сознании иллюзиями и обманами слепого национального самолюбия» (С. 194).

Над Россией, в результате сочетания целого ряда несочетаемых обстоятельств низкого (высокого), давления, холодного и горячего атмосферного фронта, отмены выборов, кристаллизации льда и массового разочарования в реформах и проч., каким-то образом сложилась и установилась столь душливая атмосфера (физическая и, так сказать, метафизическая), что ее убийственное дыхание чувствуют даже самые стойкие и верные функционеры режима.

В послесловии к «Гибели империи» Е. Гайдар писал: Свертывание элементов демократии и реального федерализма сказывается на динамике межнациональных отношений. Назвать государственный строй многих российских национальных республик в конце 1990-х начале 2000-х годов демократическим, язык не поворачивается... Тем не менее это были власти, сформированные местными элитами, способные контролировать межнациональные отношения в республиках, влиятельные для местного общества... Факт назначения Президентом автономных республик федеральным центром дает сильные козыри в руки националистам, позволяет им легко доказывать, что Москва воспринимает жителей автономий не как полноправных граждан страны, а как покоренных подданных. Лучший подарок сепаратистам придумать трудно». (С. 433)

В свое время западник Вл. Соловьев цитировал некоего г. Любимова, найдя его эскапады вполне точным описанием ситуации: «Создалась правительственная система, с которой не мог примириться ни один независимый ум, прилаживаться к которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя: скрываясь, сосредотачивая внимание на светлых сторонах, каких было немало, и закрывая глаза на темные, удовлетворяясь довольством личного положения, лицемера вольно или невольно, чтобы не прать против рожна». «Государственная идея, высокая сама по себе... в практике жизни приняла исключительную форму «начальства». **Начальство сделалось все в стране... Все сводилось к простоте отношений начальника и подчиненного. В начальстве совмещались закон, правда, милость и кара.** Губернатор при какой-то ссылке на закон, взявший со

стола том свода законов и севший на него с вопросом: «где закон»? — был лицом типическим...»

Далее Соловьев написал: «Самый восторженный и прямолинейный из славянофилов Константин Аксаков, несмотря на свою мечтательную веру в Россию как в единственную христианскую нацию, как в избранный народ Божий, имел гражданское мужество сказать, что Россия может погибнуть, если останется на прежнем пути восточного деспотизма».

В «Записке о внутреннем состоянии России», которую Конст. Аксаков представил Александру Второму, было много честной правды. Эту «Записку» вспомнил гениальный русский философ В.С. Соловьев, обсуждая содержание истинного и фальшивого патриотизма. «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... при потере взаимной искренности и доверенности, все обняла ложь, везде обман. Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности: без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут... Все зло, — продолжает К.Аксаков, — происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной, относительно свободы мнения, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаний в России нет. Гнет всякого мнения, всякого проявления мысли дошел до того, что иные представители власти государственной запрещают изъявлять мнение, даже благоприятное правительству, ибо запрещают всякое мнение... К чему же ведет такая система? К полному безучастию, к полному уничтожению всякого человеческого чувства в человеке... Эта система, если бы могла успеть, то обратила бы человека в животное, которое повинуется не рассуждая и не по убеждению...» «Да и к тому же люди, у которых отнято человеческое достоинство, не спасут правительства. В минуты великих испытаний понадобятся люди в настоящем смысле; а где оно тогда возьмет людей, где возьмет оно сочувствие, от которого отучило, дарований, одушевления, духа, наконец?!»

Трагично, если «лишними» и хулиганами объявляются люди, такие как Борис Немцов.

21 января. Сейчас благодаря Интернету мы быстрее узнаем новости, чем во времена Политбюро ЦК КПСС. Вчера на заседании Правительства России премьер В.В. Путин говорил о необходимости новой экономической

стратегии в условиях посткризисного мира. «Нам нужна модель роста, учитывающая современные реалии, способная обеспечить решение ключевых задач по модернизации экономики, повышению эффективности социальной сферы и системы госуправления.

Наша задача, — подчеркнул премьер, — выработать конкретный план действий и определить базовые проекты на долгосрочную перспективу, чтобы обеспечить устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности России в посткризисном мире.

Новую модель долговременной стратегии будут разрабатывать специалисты ВШЭ и АНХ при широком участии общественности и признанных авторитетных зарубежных экспертов».

При формировании новой модели роста должны быть найдены решения по крайней мере четырех крупных проблем, — сказал ректор АНХ Владимир Мау «Ведомостям»: новая модель регулирования в национальном и глобальном масштабе, новые валютный и финансовый механизмы, адаптация экономики к новым технологическим вызовам, новая социальная политика. Пока же, — говорит он, — ответов нет.

Речь может идти о «жестких сценариях» — повышении косвенных налогов или пенсионного возраста, об отмене налоговых льгот, — пишут «Ведомости». Но «жесткие» сценарии потребуют других отношений между властью и обществом: либо основанных на доверии и самоограничении; либо на все более широком применении государственного насилия и ограничений.

В этом томе «Вестника Европы» мы публикуем выступления ведущих экономистов на декабрьских Гайдаровских чтениях. Они пронизаны тревогой, как и высказывания членов Политбюро ЦК КПСС в 87-89 годах.

Завершая «Гибель империи» Егор Гайдар писал: «Как человек, знающий о происшедшем не только из книг и архивных документов, могу сказать, что урок, который можно вынести из опыта последних лет существования СССР, заключается в том, что выработывая политические решения важно понимать, что казалось бы прочные, но не гибкие экономико-политические конструкции, не способные адаптироваться к вызовам современного мира, оказываются хрупкими, рушатся под влиянием труднопредсказуемых обстоятельств.» (с 428.)

Страна описала большой круг и снова оказалась перед историческим выбором. Но она уже другая. Разочарованная, злая, не стремящаяся ни к свободе, ни к демократии, без которых, однако, не будет ни модернизации, ни достойного места в новом школьном курсе под названием «Россия в мире». ■

ЖИЗНЬ ИДЕТ ПО ГАЙДАРУ

Леонид ЛОПАТНИКОВ

2 января — особый день в истории новой России: в этот день в 1992 году «Отпустили цены» и началось спасение страны методом так называемой «шоковой терапии» и переход к рыночной капиталистической экономике. Или, если хотите, к экономике, «нормальной» для современного этапа истории человечества.

«Спасение страны» — это не моя, авторская оценка, и даже не исключительно оценка сторонников принятого тогда курса реформ, традиционно связываемого с именем Гайдара и термином «шоковая терапия». Даже ярый противник этого курса, называющий его адептов не иначе, как предателями и компрадорами, журналист Михаил Леонтьев признавал, что «... политическое течение, которое представляет Е.Т. Гайдар, сделало главное — спасло Россию». (См. отчет о заседании так называемого Реформ-Клуба «Взаимодействие» от 24 мая 1994 года).

Но уже за один этот факт (спасли Россию!) следовало бы поклониться «команде Гайдара» и ее последователям. Ибо он, этот факт, способен затмить, и уж, во всяком случае, уравновесить любые действительные и мнимые ошибки, за которые этих несчастных подвергают критике и поношениям со всех сторон на протяжении всех прошедших лет.

Но нет! Этот факт усердно замалчивается, выветривается из общественной памяти и общественного сознания. Что же касается «шоковой терапии», то она, как известно, была прервана на полпути, точнее, в самом начале пути, когда в стране утвердилось двоевластие¹. И потому она принесла лишь половинчатые результаты:

катастрофу удалось предотвратить, то есть умиравшую экономику с трудом, но все же как-то реанимировать, однако еще долго страна оставалась в кризисном, неустойчивом равновесии между жизнью и смертью.

Надо сказать, что уже с первых шагов противники реформ не только предрекали их неизбежный провал, и не только препятствовали их проведению, но и торопились кричать на всех углах, что провал этот уже состоялся.

Вспоминается, как некоторые корреспонденты, пробежавшись второго января по московским магазинам и увидев там по-прежнему полупустые полки, только с поменявшимися ценниками, в панике закричали: все пропало, реформа не удалась! Они ведь не могли тогда знать, как сегодня будут выглядеть прилавки столичных и провинциальных магазинов, минимаркетов, супермаркетов и гипермаркетов...

Хуже, что буквально то же самое заявил уже через две недели после 2 января Руслан Хасбулатов (сегодня почти позабытый, но тогда всемогущий Председатель Верховного совета страны). Есть такая аксиома экономической науки, как понятие об инерционности экономической системы. Попросту оно означает, что принятое сегодня экономическое решение отразится на состоянии экономики и, в конечном счете, на жизни людей, лишь спустя некоторый промежуток времени — причем чем крупнее это решение, тем обычно указанный промежуток продолжительнее. Конечно, экономист Хасбулатов прекрасно знал об этом, но политику Хасбулатову не терпелось утвердить, доказать правоту всех тех, кто с

самого начала этой реформе противостоял. Он назвал правительство Ельцина-Гайдара «недееспособным» и потребовал его устранения.

Есть политики, которые в то время прямо-таки специализировались на катастрофических пророчествах, призванных доказать пагубность действий Гайдара и его сторонников. Потом, когда Гайдар и большинство членов его команды были удалены из правительства, эти политики с тем же маниакальным упорством продолжали предвещать провал любых решений и действий президента Ельцина и последующих правительств (премьер-министров Черномырдина, Кириенко, Степашина и (кто-то может удивиться) даже Путина. Ведь все они, хотя и различались весьма существенно, и порой отступали от принятого курса, но все же вели дело к переходу экономики на новые, рыночные основы. Вот, например, одно из высказываний Сергея Глазьева:

«Ясно одно. Если наш подход к планированию и проведению экономической реформы не изменится — следующий виток экспериментов может закончиться экономической катастрофой, а поиск виновных выльется в гражданскую войну и распад государства» (ноябрь 1993 г.)²

Тот же автор в 1999 году, хотя всем уже был очевиден начавшийся после кризиса подъем, писал: «Дальнейший спад производства повлечет за собой стагнацию доходов населения, ... углубление тенденций разрушения системы национальной безопасности, деградации социальной сферы и дезинтеграции экономического пространства страны»³

Продолжать такое цитирование можно без конца. Но вот беда: критикуемая Глазьевым «ошибочная экономическая политика», как известно, плохо ли бедно ли, все последующие годы продолжалась, «рискованные», по его определению, эксперименты проводились снова и снова — и все же, какими бы ни были изгибы траектории экономического развития страны, катастрофические пророчества Сергея Юрьевича, к счастью, не сбылись. Страна живет, а не «распалась», ее экономика существует, и более того, даже неплохо развивается (и даже довольно успешно преодолела первый для нее циклический мировой кризис). Сегодня это должен признать и он сам.

Напрашивается одно историческое сопоставление. Оказывается, настроенные против реформ российские политики и экономисты вовсе не были оригинальны в поспешности своих суждений. Общеизвестный творец германского экономического чуда профессор Людвиг Эрхард подвергался подобным нападкам не только через две недели, но и, например, спустя три года после

начала его реформ (хотя их результаты к тому времени начали проявляться довольно отчетливо). Профсоюзы даже угрожали всеобщей забастовкой. Это счастье для немецкого народа, что президент Конрад Аденауэр не поддавался нетерпеливым и нетерпимым критикам, не отправил правительство в отставку, и они вместе довели дело до конца (по другому, напомним, поступил в свое время президент Ельцин, который при вполне аналогичных обстоятельствах отправил правительство Гайдара в отставку).

Вот, для примера, одна из инвектив, которые Эрхард в обилии цитировал в своей книге «Благосостояние для всех»:

«Экономическая политика Федеративной республики началась под лозунгом «свободного рыночного хозяйства» и «либерализации». Весной она закончилась. Тем временем ... почти все принципы и теории, которые здесь постоянно защищал федеральный министр народного хозяйства, а также и его догма, потерпели полное крушение»⁴.

Это слово в слово то, что бесчисленное количество раз произносили и писали оппоненты либерально-демократического курса, избранного на начальном этапе реформ в России. Нередко подобное можно услышать и сейчас. Причем в устах некоторых политиков реформаторы превратились теперь в «горе-реформаторов», либералы — в «так называемых либералов», а демократов и вовсе не гнушаются обзывать бранным словом — «демшиза». (Тут требуется пояснение. Уничажительную характеристику «шиза» обычно относят к отдельным неуравновешенным личностям, которые присоединяются, как известно, к любому политическому течению. Логично было бы сконструировать и какие-нибудь «комшиза», «соцшиза» или «сталинистшиза». Но вот теперь оно шулерски приклеивается к известным политическим деятелям демократического толка, и это, по-моему, — просто неприлично!).

Увы, приходится признать: хотя обещанный крах экономической политики в России не состоялся, такие факты отражают высокую степень разочарования в ней, испытанного значительной частью населения нашей страны. Это не удивительно: произошел катастрофический спад общественного производства. А спад неизбежно приводит к росту безработицы, снижению жизненного уровня людей, сокращению социальных расходов, множеству всяческих иных бед. Миллионы людей действительно с содроганием вспоминают первые годы реформ, так называемые «лихие девяностые»...

Впрочем, Егор Тимурович однажды, со свойственной ему тонкой иронией, написал так:

«Линия водораздела после социализма проходит между теми, кто нашел себе место в новом рыночном мире, и теми, кто не нашел. Подавляющее большинство из тех, кто преуспел, твердо уверены, что этим они обязаны себе, своему уму, разворотливости, умению работать и использовать обстоятельства. Те же, кто не сумел приспособиться, твердо убеждены, что это, разумеется, не потому, что они безрукие, бестолковые и ленивые, — просто антинародный курс правительства не оставил им никаких шансов».

Антинародный курс правительства... Но Россия и в подобных оценках не оригинальна и не одинока!

Вспомним: почти тридцать стран в конце XX века начали переход от одного общественного и экономического устройства к другому, отказавшись от централизованного планирования и управления экономикой. И, во-первых, все **они, без исключения**, испытали спад производства валового общественного продукта — от (в очень редких случаях) относительно небольшого, до катастрофического. Во вторых, тоже все без исключения рассматриваемые страны испытали подъем инфляции: немногие — незначительный, многие — существенный, вплоть до катастрофического, т. е. гиперинфляции. Продолжительность периода спада производства и периода высокой инфляции — очень важная экономическая характеристика тех трудностей, которые испытывались населением стран в процессе (и в результате!) постсоциалистического перехода. Так вот, эта продолжительность оказалась очень разной. Выяснилось, что она наименьшая в тех странах, которые успешно провели так называемую «шоковую терапию экономики» — либерализовали потребительские и оптовые цены, ужесточили бюджетную политику, в ряде случаев ввели новую национальную валюту, новые нормы валютного обмена и так далее. Таковы, например, первопроходец «шоковой терапии» Польша, а также Эстония, Словакия, Словения, Хорватия и некоторые другие. Напротив, наибольшие трудности испытали народы тех стран, власти которых предпочли постепенные, «щадящие» реформы, откладывали начало реформ — и тогда спад производства начался до них, как это произошло в Болгарии, Украине, да и у нас в России, которая, к тому же, до сих пор так и не сумела вывести инфляцию на нормальный уровень (хотя бы 4-5 процентов в год).

Оказывается, во всех без исключения странах — успешных и не очень — многие критиковали «своих» реформаторов — неудачных, неопытных, самонадеянных, «мальчишек в розовых штанишках», а по мнению иных рьяных конспирологов, — просто агентов вражеских держав. И не задавались вопросом о том, почему и соседи

испытывают такие же трудности? Там тоже подобрали не тех?...

Общепризнанно, например, что Польша — лидер постсоциалистического перехода. Казалось бы, реформаторы в этой стране могут гордиться своими достижениями. Но вот что пишет один из них, Яцек Куронь: «В ушах не переставая звучат слова, что «при коммуне было лучше», что «поляки никогда еще так не страдали», что «происходит биологическое истребление народа», что «в Польше устроили новый холокост», что «мы морим голодом» пенсионеров, врачей, деревенских детей». Цитируя Куроня в замечательной статье «Детские болезни постсоциализма» (Журнал «Иностранная литература» № 10 за 1998 год), Егор Гайдар печально резюмирует: «Все это поразительно похоже на современную Россию»...

Между тем, теперь, когда та же Германия восстала из руин и превратилась в одну из мощнейших экономик мира, когда высокий жизненный уровень ее населения, еще вчера нищего, разоренного войной — проигранной войной, с ее репарациями и просто грабежами, — вызывает острую зависть у бывших победителей, — теперь в городах этой страны стоят памятники президенту Конраду Аденауэру и профессору Людвигу Эрхарду. Тем самым, чья экономическая политика, как мы помним, «потерпела полное крушение»? Правда, там все уже, кроме историков, забыли о былых политических баталиях...

У нас — нет, не забыли. Такова уж у нас сила политической заданности, политических предубеждений. Причем противостояние сторонников и противников того курса реформ, который отождествляется с именами первого президента России Б.Н.Ельцина и особенно — профессора Е.Т.Гайдара, возглавлявшего на протяжении всего-то нескольких месяцев правительство страны, а также «идеолога приватизации» А.Б.Чубайса, в последнее время приняло новый оттенок. Сейчас чаще противопоставляются не идеи, концепции и решения, а личности. Один автор целую книгу посвятил доказательству того что Россия сделала ошибку, избрав своим президентом Ельцина, а Ельцин сделал ошибку, назначив премьером Гайдара (поправим автора — только и.о.премьера...). Отсюда, мол, и все наши беды.

Казалось бы, что верно, то верно: в начале девяностых годов страна, действительно катилась под гору: объемы производства падали, инфляция чудом остановилась на пороге разрушительной гиперинфляции, у всех на памяти неработающие банки, финансовые пирамиды, разгул преступности, «назначение» близких к власти людей миллионерами, задержки с выдачей заработной платы и кричащая бедность оставшихся без работы...Все это было.

Верно и то, что затем ситуация изменилась. Хотя и оставались нерешенными некоторые проблемы (а когда их не будет?); все мы видели, что общественное производство растет неплохими темпами, растут реальные доходы населения, строятся атомные подводные крейсера и сверхзвуковые самолеты (к сожалению, правда, пока не «плейеры», не «айфоны», не телевизоры, не биотуалеты, например, — тоже очень полезные в быту предметы; но и это, наверное, будет!). Вывод из всего сказанного напрашивается простой: прежний (Ельцинский) режим был плох (правильно Г.Зюганов и другие левые называли его «антинародным»), новый, основанный Путиным, режим — хорош, успешен.

Или еще проще и определеннее: президент Ельцин со своими реформаторами губил Россию, президент Путин ее спас.

Уверен, что многие читатели согласятся с этим выводом. Казалось бы, найдено вполне убедительное объяснение того, что произошло со страной за последние десятилетия. Все определяется личностью руководителя страны, его достоинствами и недостатками. Был плохой руководитель — в стране был спад, с хорошим руководителем начался подъем.

Но оказывается, не все так просто. При огромном разнообразии условий и обстоятельств, повсюду (за единственным исключением КНР, заслуживающим особого обсуждения) постсоциалистический переход, как мы уже обсуждали, начался со спада производства, со всеми вытекающими последствиями. И опять-таки во всех странах за спадом последовала стабилизация а дальше, наконец, наступил экономический рост — математики такой процесс изображают так называемой U-образной кривой. Различия в деталях: в глубине и продолжительности спада, в крутизне и устойчивости начавшегося после него подъема. Но уже сейчас почти все три десятка постсоциалистических стран восстановили дореформенный уровень объема общественного производства и продолжают развитие на новой, рыночной основе. Почти повсеместно растет жизненный уровень населения, для чего, собственно, все разумные реформы и проводятся.

Главное в таких исторических процессах — не выбор или смена действующих лиц. Их таланты, волевые качества, заслуги, имеют, конечно, значение — но дополнительное. Подобными процессами управляют экономические законы, столь же не подвластные людям, как законы природы. Иными словами, действует универсальная логика реформ. Развитие экономики России, как и других стран, следует этой логике. Можно спорить — много или мало полутора-двух десятков лет для того,

чтобы делать окончательные выводы и оценки о результатах российских реформ. Но известно, что хотя реформы Дэн-Сяо Пина в Китае начались в 1978 году, лишь где-то в середине 1990-х годов (то есть как раз лет через 15) экономика этой страны начала наращивать темпы роста, и мир заговорил об очередном экономическом чуде — Китайском...

Из всего сказанного следует вывод, с которым, может быть, не все согласятся: пора уже передать историкам ведущую в журналах и газетах, в других СМИ полемику о том, правильный ли курс был избран Россией почти 20 лет назад. Пусть они в тиши своих кафедр оценивают, насколько справедливы обвинения демократов 90-х годов в «выборе западного пути» (это деликатный вариант) и «предательстве, продаже Родины врагу» (вариант более откровенный). Пора прекратить и разговоры о частностях, например, об «ограблении старушек» в результате замораживания вкладов в сберкассах — вкладов, которые, как уже давно доказано, к тому времени просто не существовали: они были растрочены, «проедены» прежним советским режимом. А также — о том, что в начале девяностых годов Россия упустила какие-то неведомые альтернативные пути спасения (действительно, предлагался ряд альтернативных программ, но ни одна из них не оказалась осуществимой). И о многих других вопросах вчерашнего дня.

Особенно важно, по моему мнению, передать историкам ведущее в обществе обсуждение проблем прошедшей более десятка лет назад приватизации, — обсуждение, которое сегодня, по существу, сводится к требованиям передела собственности в пользу тех, кто опоздал к «дележу пирога». При таких обсуждениях обычно начисто забывается то, что отсутствие законов (откуда было им взяться сразу, на следующий день после слома прежней государственной системы, основанной на совсем иных принципах и абсолютно неприменимых в новой ситуации законах?), как и несовершенство поспешно слепленных новых установлений, с абсолютной неизбежностью, не зависящей ни от каких Чубайсов, ведет к массовому распространению случаев, которые сегодня нам представляются беззаконием и несправедливостью.

Как бы обидно ни было тем, кто вовремя не сумел получить желанный кусочек бывшей социалистической собственности, кому просто не повезло — из-за собственной неразворотливости и инертности, или из-за пробелов в принятых тогда законах — сегодня уже поезд ушел. Надо набраться терпения и засучив рукава работать, работать...

(Чтобы меня, автора, не упрекнули: «вам, наверное, легко говорить», сообщу, для ясности, существенный

факт. Я берегу, как память, почтовое извещение о переводе... аж 12 рублей дохода, полученного за шесть ваучеров моей семьи, отданных в «привилегированный» чековый инвестиционный фонд для участников и инвалидов Отечественной войны... И это все, что я получил.)

Ей богу, сейчас все это быльем поросло. Предоставим разбираться во всем этом историкам, и давайте перестанем делать это объектом актуальных политических дискуссий!

Страна преодолела за прошедшие годы трудный путь от централизованно планируемой к свободной рыночной экономике. Этот факт сегодня общепризнан. Он проявляется и в весьма высокой доле частной собственности (по сравнению с государственной), и в выработанном за последние годы принципиально новом для нашей страны законодательстве, и в появлении пусть пока не очень большого, но активного слоя предпринимателей, порою жестко конкурирующих между собой, и в том, что некогда «деревянный» российский рубль стал свободно конвертируемым, все увереннее становится полноценной и признанной в мире валютой. Для экономиста одним из главных является тот факт, что экономика «правильно», в соответствии с экономическими законами, реагирует на так называемые рыночные управляющие сигналы. (Для пояснения: не госплановские директивы, а изменение таких параметров, как уровень спроса, нормативы налогообложения, внешнеторговые тарифы, обменный курс рубля и тому подобное, воздействуют на уровень выпуска той или иной продукции).

Надо нам всем, наконец, согласиться: рыночные реформы, несмотря на трудности и преграды, несмотря на сопротивление и затягивание процесса, все-таки в России состоялись. Очень коротко и четко в одном из своих интервью сформулировал этот вывод Егор Тимурович: «Рыночные институты сегодня в России существуют — раз. И они приняты обществом — два». Это главное. Это гарантия будущего развития страны.

Реформы состоялись, но, конечно же, еще не завершены. Выражаясь языком пропагандистов советских времен, можно сказать, что капитализм у нас в стране построен, но лишь «в основном». Для окончательного построения «развитого капитализма» (если использовать ту же терминологию) предстоит еще долгая и

трудная работа. Развитие нового общества, опять-таки, как когда-то выражались, будет уже происходить «на собственной основе», а не на основе прежнего, отброшенного Историей, общественного устройства.

Рыночная экономика России еще очень молода и потому несовершенна, у нее масса дефектов. Но она — рыночная. И в ней начинают действовать не законы экономики переходного периода, а те хорошо изученные экономические законы, которые действуют в любом современном государстве (которые у нас часто называют цивилизованными). Может быть, нашим экономистам и государственным чиновникам теперь даже ничего не придется выдумывать своего, самобытного — как приходилось придумывать раньше, применяясь к своеобразным особенностям отечественной экономики, психологии народа, его историческим традициям. Просто надо хорошо овладеть достижениями современной экономической науки и современной практикой управления экономикой, ибо они, эти достижения, все больше и больше будут применимы к тем задачам, которые уже возникают перед нами и будут возникать в дальнейшем.

А пока ясно одно. Только со временем, когда мы все убедимся в необратимости и успехе начатого дела, можно будет сказать определенно: стоит ли, или не стоит помечать в календарях день *2 января красной краской* — как День начала реформ. *Тех., которые вернули Россию в стан цивилизованных стран мира и, в конечном счете, обеспечили ее народам достойную жизнь.*

Примечания

¹ Реформы в России на начальном, самом важном этапе проходили в ситуации острого противоборства примерно равных сил, в основном сосредоточившихся в двух ветвях власти, исполнительной и законодательной. Поэтому изучая траекторию развития экономики страны, ее спады и подъемы, следует всегда учитывать, что она — результат этого противоборства, и что ответственны за нее обе противостоящие силы, обе власти. Такую ситуацию и принято обозначать термином «двоевластие». (Замечу, что она совсем не то, что понимается под традиционным разделением властей в демократическом обществе).

² Глазьев .С. Ю. ... Эпизоды борьбы. М. 1994., с.50

³ Интернет. Сайт: budget.nsu.ru/publications/Magazines/VestnikSF/1999/vestnicsf90-2/

⁴ Эрхард Л. Благополучие для всех. М.:Начала-Пресс, 1991. С. 126

СУДЬБОНОСНЫЕ развилки истории

Интервью
с Егором Тимуровичем Гайдаром

Один из сподвижников Е.Т. Гайдара, Народный депутат РСФСР, выделявшийся в начале 90-х даже среди ярких людей гайдаровской команды, Петр Сергеевич Филиппов вместе со своим соавтором Татьяной Бойко проделал огромный труд, собирая 3-томник интервью и очерков о начале «гайдаровских реформ.», о ранних 90-х. С согласия друга нашего журнала Петра Филиппова мы начинаем публикацию на страницах журнала и на сайте «Вестника Европы» <http://www.vestnikevropy.com/> материалов его уникального труда, подготовленного к печати петербургским издательством «Норма».

Редакция

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1990–1991 годах — директор Института экономической политики при АНХ СССР;
с 6 ноября 1991 года по 2 марта 1992 года — заместитель председателя правительства по вопросам экономической политики;
с 11 ноября 1991 года по 19 февраля 1992 года — министр экономики и финансов;
с 19 февраля 1992 года по 2 апреля 1992 года — министр финансов;
со 2 марта 1992 года по 15 декабря 1992 года — первый заместитель председателя правительства;
с 15 июня по 15 декабря 1992 года — исполняющий обязанности председателя правительства;
с 18 сентября 1993 года по 20 января 1994 года — первый заместитель председателя правительства;
с 22 сентября 1993 года по 20 января 1994 года — исполняющий обязанности министра экономики;
с декабря 1993 года по декабрь 1995 года — депутат Государственной Думы, с января 1994 года — председатель депутатской фракции «Выбор России»;
с декабря 1999 года по декабрь 2003 года — депутат Государственной Думы от блока «Союз правых сил»;
с 1992 по 16 декабря 2009 года — директор Института экономических проблем переходного периода (Института экономики переходного периода).

— *Егор Тимурович, в ноябре 1991 года Вы заняли пост заместителя председателя правительства России. В это время одной из самых острых проблем была проблема обеспечения продовольствием городов. Почему именно она?*

— Это естественно. При любых революциях народ брался за вилы не по политическим мотивам, а потому, что есть было нечего. Экономическая несостоятельность государства нередко становилась главной причиной народных недовольств. В экономически благополучных странах люди не бунтуют. К моменту развала СССР прилавки магазинов были пусты. Во многих городах и регионах страны пришлось вводить хлебные карточки — почти как в блокадном Ленинграде. В конце 1991 года суверенитет России сформировался на фоне острого дефицита продовольствия. Зерна могло хватить лишь до начала февраля 1992 года, причем — при максимально жестком режиме его использования.

— *Это можно назвать естественным финалом социалистической системы хозяйствования или результатом политического краха советской системы?*

— Наверное, и тем, и другим. Или, переходя к более ранней истории, последствиями неверного выбора пути в прошлые времена. В 1928–1929 годах страна уже стояла перед подобной развилкой. Тогда страна готовилась к ускоренной индустриализации, проведение которой требовало колоссальных средств. Взять их решили в деревне.

Но взять можно по-разному. Один вариант — пойти по пути, который потом в экономической науке получит название «китайского»: развивать частное крестьянское хозяйство, рыночную экономику со стабильной валютой, основанной на золотом стандарте, — и все это при сохранении политического контроля коммунистической партии. Альтернативный вариант — демонтировать в деревне НЭПовские экономические институты, а зерно взять силой.

В руководстве не было единого мнения по решению этого стратегического вопроса. Он обсуждался на высшем уровне. Аргументы в пользу первого варианта были достаточно весомыми. НЭП показал свою эффективность, производство продовольствия заметно выросло, народ не голодал. В крестьянской стране, где большая часть армии была крестьянской, силой брать хлеб в деревне казалось делом крайне рискованным — вплоть до опасности утраты политического контроля над ситуацией.

В то же время получение из деревни больших объемов хлеба для экспорта было трудноразрешимой задачей. Крестьянские хозяйства, даже причисленные к «среднякам», были малопродуктивными и

мелкотоварными. Бессмысленно было ожидать, что они станут наращивать инвестиции в производство в условиях, когда за это могли причислить к кулачеству, лишиться избирательных прав, сослать. Реализация в деревне либерального экономического курса требовала хотя бы частичных перемен политического курса — либерализации режима, возврата к осужденному партией лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!» Для политического руководства страны это было непросто.

Иное дело — линия на демонтаж крестьянского хозяйства и силовое изъятие хлеба из деревни. Идеологически она была ближе многим партийным лидерам, для которых недавний отказ от военного коммунизма казался лишь тактической уступкой, причем временной.

Победили сторонники силового решения зерновой проблемы. Крестьянство к тому времени, в отличие от 1921 года, было разоружено. А в процессе массового изъятия хлеба выяснилось, что в невооруженной деревне даже крестьянская по составу армия послушно выполняет приказы власти.

Последствия оказались катастрофическими. Под лозунгом «Или мы станем сильными, или нас сомнут!» Сталин разгромил деревню, выжал из нее все, что было возможно, причем методами, беспрецедентными в экономической истории по жесткости. Голод 1932–1933 годов, по сути, был устроен властью. Рыночное сельское хозяйство, которое только и могло обеспечить продовольственную безопасность державы, в России было уничтожено, а крестьянство обречено на деградацию, обусловленную полукрепостническими условиями.

— *Однако у этого выбора и сегодня немало защитников. Главный аргумент: иначе страна не провела бы индустриализацию достаточно быстро, следовательно, не успела бы подготовиться ко Второй мировой войне.*

— Этот аргумент при всей его жесткости не лишен убедительности. Но при анализе сложившейся альтернативы надо учитывать исторический контекст и взаимосвязанность решений того времени.

Перспективу будущей войны не стоит считать фатальной. Во всяком случае, ни Америка, ни Франция, ни Англия, только-только оправившиеся от Первой мировой войны, нового военного конфликта не хотели. Это убедительно показала политика умиротворения, которой придерживались Франция и Англия во время событий в Австрии, а потом — в Чехословакии.

В мире имелись два других источника нестабильности: Германия, страдавшая постимперским синдромом, и Япония, которая быстро наращивала экономическую мощь и желала конвертировать ее в политическую силу.

В Германии ключевым вопросом, от которого зависело, будет она воевать или нет, было создание коалиции между социал-демократами и коммунистами, которые вместе контролировали половину электората. Было ясно, что при создании такой коалиции эта страна никогда не начнет войну против Советского Союза. Но Сталин был категорическим противником любого сотрудничества коммунистов и социал-демократов и наложил на такое соглашение табу. Это помогло ему настоять на жесткой политике в отношении советской деревни. Выбор «китайского пути» — политики, которую тогда в СССР предлагали Бухарин и Рыков, означал отказ от коммунистических догм, включая лозунг мировой революции.

Эта тема никогда не обсуждалась открыто, как слишком деликатная. Но если бы в 1928–1929 годах в СССР взяла верх линия Бухарина и Рыкова на либерализацию политики в отношении крестьянства, а в перспективе — и на отказ от наиболее одиозных коммунистических догм, включая лозунг мировой революции, история, возможно, развивалась бы по иному сценарию.

Альтернатива заключалась в следующем: мы отказываемся от мировой революции, разрешаем создание в Германии коалиции коммунистов и социал-демократов и приводим ее к власти. После чего Германия надолго, может быть, навсегда перестает быть угрозой для СССР. А наша страна получает возможность проведения индустриализации без спешки, спокойно и постепенно, не уморив голодом 6 млн человек в 1932–1933 годах. И неминуемость катастрофы Второй мировой войны исчезает. Но сталинское табу на союз социал-демократов и коммунистов в Германии, наоборот, проложило нацистам дорогу к власти*. Со всеми вытекающими последствиями...

Другой вариант был возможен и на Дальнем Востоке, в отношении Японии. Рост ее влияния сильно беспокоил Соединенные Штаты. И если бы в 1930-х годах в СССР произошла смена политического курса в бухаринско-рыковском стиле, США могли бы стать стратегическим союзником Советского Союза — в противовес усилившейся милитаризации Японии. После чего шансы на развязывание Японией крупномасштабной войны — особенно на севере, который ей не очень интересен, а не на юге, где еще можно было попытаться решить проблему обеспечения нефтью, свелись бы практически к нулю.

Разумеется, все это — лишь предположительные варианты, никто не знает, как события развивались бы в реальности. Но развилка была именно такая.

* В Германии на парламентских выборах 1928 года национал-социалистическая партия получила 12 мест. Социал-демократы увеличили свое представительство в парламенте до 153 депутатов, что даже при союзе с коммунистами, которые получили 54 голоса, не дало им контроля над парламентом, но позволило сформировать коалицию меньшинства и, соответственно, социал-демократическое — коммунистическое правительство. Сталин категорически запрещал коммунистам такую коалицию.

— *Получается, что все самые большие несчастья XX века, включая Вторую мировую войну, случились из-за того, что 80 лет назад на одной из исторических развилочек наша страна свернула «не туда»?*

— История, как известно, не терпит сослагательных наклонений. Но для нашей страны этот поворот действительно был роковым. Даже если перечислить ближайшие последствия, картина получается тяжелой. Прежде всего произошло вторичное закрепощение крестьянства, у которого отбирали хлеб для продажи на экспорт в условиях мирового кризиса по низким ценам. «Побочный результат» — голод 1932–1933 годов, унесший около 6 млн жизней на Украине и в Центральной России. Правда, на «хлебные» деньги была проведена ускоренная индустриализация страны, построены многочисленные заводы. Но еще одним «побочным результатом» стала сама Вторая мировая война, в которой СССР потерял 30 млн жизней. Хотя, не спорю, благодаря индустриализации страна технически подготовилась к войне...

В крестьянской стране сформировался общественно-политический строй, при котором крестьянство, большинство населения (сельское население в СССР преобладало до конца 1950-х годов), получало нищенские доходы, на порядок ниже городских. На этот слой общества не распространились социальные гарантии в виде пенсий, социальных пособий, возможность получить квалифицированную медицинскую помощь. Все толковые девочки и мальчики мечтали сбежать из деревни в город.

Результатом стало беспрецедентное в мировой экономической истории падение продуктивности сельского хозяйства. И если Российская империя была крупнейшим в мире экспортером зерна, то Советский Союз стал крупнейшим его импортером, ввозил зерна больше, чем Китай и Япония, вместе взятые.

Обработывающие отрасли промышленности не научились производить товары, которые можно было продавать за рубеж за свободно конвертируемую валюту. Потому наш зерновой импорт и импорт продовольствия в целом все годы напрямую зависели от нефтяного экспорта. Позже к нему прибавились нефтепродуктовый и газовый экспорт, вывоз необработанного круглого леса, черных и цветных металлов. Словом, страна стала сырьевым придатком высокоразвитых экономик.

Однако цены на сырьевые товары крайне нестабильны, колеблются в широком диапазоне. В 1985–1986 годах

они резко упали: на нефть — примерно в 4 раза с осени 1985 по весну 1986 года. Страна оказалась перед новой развилкой.

— *Быть или не быть?*

— Обрисую ситуацию. К 1985 году советская экономика уже была интегрирована в мировую, полностью зависела от внешних поставок продовольствия и комплектующих: от импорта зерна, мяса, масла, сахара зависело снабжение населения, от поставок высокотехнологических производств — состояние промышленности. Все это покупалось на «нефтедоллары». На мировом рынке упали цены на нефть — наш основной экспортный товар.

Что делать? Этот вопрос советское руководство тогда почти не обсуждало, по крайней мере, так следует из архивных материалов. Анализ показывает, что на той развилке у СССР было три альтернативных пути.

Первый путь, самый разумный, если основываться на экономической составляющей, — отказаться от советской империи в Восточной Европе, снизить бартерные поставки нефти и газа, увеличить продажи углеводородов в страны, способные платить конвертируемой валютой. Это было непросто. Стратегически, исходя из экономических соображений, можно было выбрать этот путь, а политически, в реалиях 1986 года — абсолютно невозможно. Если бы генеральный секретарь вынес на пленум такое предложение, то при своей должности он оттуда точно бы не вышел. Ведь это означало отказ от результатов Второй мировой войны!

Второй путь — повысить внутренние цены на продовольствие, сократив потребность в его импорте. Это решение надо было принимать в условиях, когда потребление продовольствия было мало эластично по цене: повышение цены на мясо на 10% совершенно не гарантировало снижения его потребления. Поэтому требовался «перелет» — резкое и масштабное повышение цен. У власти уже имелся негативный опыт начала 1960-х годов, который привел к массовым беспорядкам, в Новочеркасске — к потере контроля над ситуацией. В случае нового повышения цен на продовольствие было неясно, удастся ли власти сохранить контроль над Москвой и Ленинградом.

Третий путь — резко сократить военные расходы, срезать инвестиции в ВПК, то есть остановить там инвестиционные программы, перестать использовать никель, медь, платину, палладий, черные металлы в производстве вооружений. И все это направить на экспорт. Разумеется, это было чревато конфликтами с истеблишментом плюс, возможно, тяжелыми проблемами в моногородах. Тем не менее эту тему «мягко» поднимали на

обсуждениях в ЦК КПСС. Но было ясно, что и такое решение означало политическое самоубийство.

В итоге решили не выбирать ни один из трех путей, а занимать деньги на Западе. Тем более что их пока давали. До этого времени кредитная история Советского Союза была приличной. Но рано или поздно деньги закончатся. Можно занимать год, два, три. Потом кредиторы скажут: «Ну, а теперь отдавайте». Что и было заявлено советскому руководству на рубеже 1988/1989 года. После чего коллапс советской экономики, а затем и банкротство Советского Союза стали сначала неизбежностью, а затем объективной реальностью. Вопрос был лишь в конкретных сроках.

— *В результате появилось правительство во главе с президентом Борисом Ельциным и первым вице-премьером Егором Гайдаром. Что это было — «ликвидационная комиссия», созданная после банкротства СССР?*

— Ситуация следующая: де-факто Советского Союза больше нет, де-юре он существует. Но сразу после августовского путча в 1991 году Леонид Кравчук, председатель Верховного Совета Украины, вызвал к себе командующих тремя украинскими военными округами, где была сосредоточена значительная часть современной советской военной техники, и заявил, что теперь они подчиняются украинским властям. Хотя Министерство обороны СССР по-прежнему полагало, что все войска в стране подчиняются союзному руководству, украинские власти де-факто подчинили себе пограничную службу на территории Украины. То есть внешняя граница на этом направлении стала украинской, а внутренней не было вообще. В Прибалтике советская погранслужба тоже перестала функционировать, как и таможня.

Полный кавардак творился в финансовой сфере. Госбанк СССР не контролировал денежную эмиссию, которую осуществляли центральные банки союзных республик. А союзное правительство не получало налоговых доходов. Характерный факт, о котором мне рассказывал заместитель министра финансов СССР по бюджету Василий Барчук: он был вынужден отправить конвой с заключенными, не выдав конвойным ни проездных, ни суточных, ни продовольствия. У него просто не было денег. Государства не существовало! У него не было армии — ни одного полка, который гарантированно выполнил бы отданный с самого верха приказ.

Учтем, что советское государство строилось и функционировало на идее безграничного всевластия Центра. Стоило Центру чуть-чуть ослабеть — и система перестала функционировать. Зачем председатель колхоза будет кому-то поставлять зерно, если знает, что за непоставку

его не снимут с работы и не посадят в тюрьму? А других стимулов не было. Нельзя же было всерьез считать стимулом деньги, которые ничего не стоили, за что их называли «деревянными»? В результате заготовки зерна после августовского путча — буквально на следующей неделе — практически остановились.

Именно поэтому власти, пришедшие к руководству страной, сразу начали обсуждать ситуацию с продовольствием, которого не хватало бы до весны. Первая идея, которая в таких случаях приходит в голову, — купить его за границу. Но в стране не было валюты. Перед распадом СССР валютные резервы Госбанка колебались в пределах 26–100 млн долларов. Подчеркиваю: не миллиардов, а миллионов. И это — стратегический резерв великой страны! Купить хлеб было не на что. Можно было попробовать попросить в долг. Но при таком бардаке потенциальным заемщикам непонятно, кто будет отдавать деньги.

Зерна нет, денег нет, кредитов нет — живи, как знаешь! На этом фоне и было сформировано наше правительство. Дальше естественный вопрос уже к нам: что делать в этой ситуации? Ни в одном учебнике ответа на него вы не найдете.

Через несколько лет в Калифорнийском университете мне пришлось прочесть лекцию по российской макро- и микроэкономической политике 1991–1992 годов на семинаре, который много лет ведет профессор Арнольд Харбергер. Среди слушателей были его бывшие ученики, некоторые из которых доросли до высоких постов в своих странах, вплоть до министров финансов и председателей центральных банков. Обрисовав ситуацию в начале 1990-х годов в нашей стране в подробностях, я спросил этих опытных людей, что бы они сделали на моем месте? Министр финансов большой латиноамериканской страны ответил, что лично он сразу бы застрелился. Все остальные решения заведомо хуже.

— *Решение, которое приняло в итоге ваше правительство, известно: либерализация цен. Но было ли оно единственным, безальтернативным?*

— Наверное, можно было последовать примеру большевиков и послать продотряды с пулеметами в героический поход в деревню за зерном. Но мы знали, чем закончился прошлый такой поход. А теперь страна была начинена ядерным оружием. Мы не могли себе позволить развязать гражданскую войну. К тому же было ясно: как только мы встанем на этот путь, а там точно без крови не обойдется, никакой кредитной помощи от наиболее развитых стран мира точно не получим. Этот канал будет для нас перекрыт прочно и надолго.

На такой путь мы не встали. И даже не обсуждали всерьез эту тему. Но зерна-то не было. И я регулярно получал записки, что запасов хлеба в таком-то городе — на три дня, в другом — на два дня... Какое-то количество хлеба есть в деревне. Но купить его можно лишь за ту цену, которую деревня считает приемлемой. Значит нужно либерализовать цены, что является мерой заведомо непопулярной (об этом говорили все опросы ВЦИОМ), но технически не сложной. Опасно политически — да. За это ты всю дальнейшую жизнь будешь платить по счетам. А технически в экономической политике нет ничего более простого, чем либерализация цен.

Но дальше ожидается следующая развилка, на одном из указателей которой начертано: «Гиперинфляция!» И это серьезно. Экономическая история знает случаи кризиса продовольственного снабжения городов при свободных ценах — когда (и если) деньги слишком быстро обесцениваются. Ведь при гиперинфляции, когда деньгами оклеивают стены вместо обоев, крестьяне не продают за них продовольствие, сколько денег им ни предложи, потому что знают: через день-два цена, которую им предложат, окажется еще выше.

Остановить гиперинфляцию тоже несложно, если есть политическая воля: нужно просто перестать печатать деньги. Конечно, это требует сокращения государственных расходов, что вряд ли было популярной мерой. Но технически в обычной ситуации трудностей здесь нет.

Однако новое российское государство оказалось в ситуации, похожей на ту, что пережили две европейские страны после краха Австро-Венгерской монархии. В Австрии и Венгрии появились два эмиссионных центра, соревновавшихся в том, кто больше напечатает денег. Одна лишь Чехословакия — страна, также отколовшаяся от экс-империи, быстро ввела собственную валюту и избежала гиперинфляции. А Венгрия и Австрия пережили тогда труднейший период.

В распадавшемся СССР положение было еще хуже: реально имелось 15 столиц союзных республик — то есть 15 центров, каждый из которых имел возможность эмитировать безналичные рубли, уже без всякого контроля союзного Госбанка. И эти деньги, хотя и безналичные, имели хождение по всей территории СССР.

Для лучшего понимания представьте: мы с США оказались в общей долларовой зоне. И российский Центробанк эмитирует безналичные доллары в любом количестве, а потом переводит их на банковские счета отечественных предприятий и российских граждан. Теоретически после этого Россия может скупить всю Америку, ничего не поставляя туда взамен, кроме тех долларов, которые сама и напечатает.

Точно также в распадавшемся СССР каждая республика получила возможность скупить все остальные — на деньги, которые сама же «рисует». Это хорошо известная ситуация подробно описана в экономической литературе. Самые сильные стимулы к тому, чтобы эмитировать побольше денег появляются у самых малых экономик, входящих в единую валютную зону. Они начинают паразитировать на ситуации, экспортируя инфляцию в наиболее крупные экономики. В нашем случае это была Россия. Причем контролировать «чужую» эмиссию в такой ситуации невозможно. Сначала требуется разделить денежные системы: перейти от межфилиального оборота к корреспондентским счетам и т. д. А на это нужно время.

В общем, положение — хуже губернаторского. России нужен рынок продовольствия, но он невозможен без устойчивых денег, а их нет. Мало того, что нам достался солидный «денежный навес» в наследство от Советского Союза. Мы еще и не знали, сколько необеспеченных денег вбросят в экономику России другие республики. Расчеты показывали: чтобы технологически наладить систему контроля за импортом инфляции, требуется примерно 9 месяцев и столько же — для введения новых, собственно российских денег.

Очевидного решения не было. Потому первый вариант наших предложений заключался в том, чтобы с 1 января 1992 года «приотпустить цены»: большую их часть оставить контролируруемыми, но существенно увеличить долю свободных цен. А полную либерализацию совместить с введением российской национальной валюты примерно с 1 июля 1992 года, когда это технически можно будет сделать. Такова была база нашей программы в октябре — начале ноября 1991 года, когда мы еще не были правительством, а только группой экономистов, ищущих пути решения проблемы.

Но в ноябре, когда был сформирован новый кабинет, еще раз проанализировав ситуацию с продовольственным снабжением страны, мы поняли, что разработанная стратегия не годится. Не доживем мы с имеющимися проблемами ни до новых денег, ни до нового урожая. Значит надо идти на предельно рискованный вариант: размораживать цены в условиях, когда мы не контролируем денежную массу.

— *На что же вы рассчитывали?*

— Во-первых, на инерцию. На то, что у руководителей центральных банков республик есть некие представления об ответственной финансовой политике, исходя из которых, они сами будут ограничивать себя в «рисовании» рублей. Во-вторых, была надежда договориться с ними — не о том, что они вовсе не будут эмитировать

рубли, а помягче: мол, давайте будем осторожнее. В-третьих, нужно было самим проводить предельно жесткую бюджетную политику. Все-таки Россия — это примерно 62% советской экономики. Если мы резко сократим основные направления расходов — оборона, инвестиции, сельскохозяйственные субсидии, даже образование со здравоохранением, то, может быть, прорвемся.

У нас, кстати, не было в тот момент цели затормозить инфляцию. Задача была проще: сделать так, чтобы за деньги продавали хлеб. И мы ее решили. Конечно, попутно возникла ситуация, при которой профессор в Москве получал в несколько раз меньше, чем профессор в Киеве. Долго это продолжаться не могло. Но для того чтобы дожить до нового урожая, до момента, когда мы хотя бы технически сможем контролировать приток в Россию эмитированных в республиках рублей, решения оказались верными.

— *Проблема была не в профессорах, основной удар пришелся не на них. Люди, работавшие в оборонном комплексе, до сих пор с ужасом вспоминают 1992 год, когда оборонный заказ был обрезан «под корень». И рассматривают этот шаг «правительства Гайдара» как подрыв обороноспособности страны.*

— Их можно понять. Но надо помнить и понимать другую сторону проблемы: какая могла быть обороноспособность у государства, которое просило у цивилизованного мира гуманитарную помощь? Обычно ее просят нищие страны, сталкиваясь с угрозой голода. А в 1990 году в том же ряду оказался Советский Союз — еще до своего фактического и юридического распада. То есть «подрыв обороноспособности» начался задолго до «правительства Гайдара» — это хорошо задокументировано. Заметьте: гуманитарную помощь нам поставляли страны, которые еще недавно рассматривались в качестве потенциальных противников СССР. Ну, какие вам нужны военные расходы в такой ситуации? Для чего и как вы собираетесь воевать со странами, у которых просите гуманитарную помощь, в том числе для того, чтобы накормить собственную армию?

Конечно, решение нашего правительства резко сократить военные расходы было тяжелым. Генералы, когда я им об этом сообщил, были крайне удивлены и сказали мне, что это — политический вопрос. Я ответил: «Тогда считайте, что это — политическое решение». А Политбюро больше нет, апеллировать некуда. Это было тяжело и для военно-промышленного комплекса. Зато мы не умерли с голоду.

Как мы и предполагали, политическая плата была огромной. Еще осенью 1991 года мы обсуждали ключевой

вопрос: позволят или не позволят нам провести столь кардинальные и болезненные реформы? Ведь наша команда была, по существу, «технической» — никто нас не выбирал, а значит в любой момент могли уволить. Политиком, на котором все держалось, был Ельцин. Причем политиком невероятно популярным. Выиграть выборы в столице и других крупных городах с оглушительным 90%-м результатом в условиях, когда против него работала вся власть и вся пропагандистская машина, мог только он.

Нам предстояло убедить Бориса Николаевича конвертировать свою популярность в проведение жесточайших мер, необходимых для предотвращения катастрофы в России. И мы его убедили. Хотя вряд ли он понимал в полной мере, какую цену ему придется заплатить и насколько это будет тяжело ему лично. В январе 1992 года, после либерализации цен — крайне непопулярной меры — он поехал по России. Приехал в Нижний Новгород, зашел в магазин поговорить с народом. Он привык, что его любят, а там сплошной ор. Президент пытается что-то объяснить — бесполезно. Потом, как рассказывал сопровождавший его Борис Немцов, вышел, сел в машину и сказал: «Господи! Что же я наделал!»

Тем не менее он и тогда не отрекся от сделанного и продолжал поддерживать рыночные реформы...

— *Критики гайдаровских реформ утверждают, что катастрофичность ситуации была обусловлена либерализацией цен в условиях монополизированной до предела экономики. Мол, сначала надо было провести приватизацию, и только потом либерализовать цены.*

— Очень хотелось бы узнать, как и чем они кормили бы Москву, Петербург, Нижний Новгород и другие крупные города пока проводили бы демонополизацию и приватизацию? Хотя бы до июля. И в какие сроки собирались провести приватизацию и демонополизацию — между январем и июлем? Но ведь это смешно...

Разные реформы требуют разной протяженности во времени. Либерализовать цены можно с сегодня на завтра. Чтобы провести приватизацию — даже с той энергией, с которой ее проводил Анатолий Чубайс, нужно несколько лет. А демонополизировать экономику в России толком не удалось до сих пор, хотя прошло почти два десятка лет.

Конечно, можно написать красивую программу — типа «500 дней», в которой заводы и фабрики, колхозы и совхозы, торговля и коммуналка приватизируются в срок между 1 января и 1 марта. Следующий месяц — до 1 апреля — отводится на демонополизацию... В программе написать можно. Сделать нельзя!

— *Вашему правительству до сих пор ставят в вину и неверно проведенную приватизацию. Декать, ее результатом стало колоссальное обогащение кучки приближенных к власти олигархов, а бывшее государственное имущество так и не получило эффективных собственников.*

— Приватизацией «по-русски» я тоже недоволен. Но могло быть и хуже, если бы 100% экономики просто перешло в руки директоров. А такая опасность была реальной. Если посмотрите опросы ВЦИОМа того времени, то на вопрос: «Кто является хозяином вашего предприятия?», больше половины опрошенных отвечали: «Директор». При этом сами директора тоже искренне считали себя хозяевами и сознательно шли к тому, чтобы стать ими легально. Возможности у них для этого были и немалые, включая мощнейшее лобби в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов.

Мы же считали, что они будут плохими хозяевами, потому что никогда не работали в условиях рынка, далеко не все сумеют приспособиться к ним. Максимум на что они способны — финансово обескровить свои предприятия, вывести активы. И в стране вместо «общенародной», то есть ничьей, собственности появилась бы квазиличная, непрозрачная, не торгуемая собственность, которая еще очень долго не могла бы перераспределяться в пользу наиболее эффективного собственника.

По-моему, приватизационная развилка была такая: либо мы делаем директоров хозяевами предприятий де-юре, что было проще всего, либо все-таки пытаемся ограничить их права в соответствии со здравым смыслом, представлениями о нормально работающем рынке и об элементарной справедливости.

Это была одна из труднейших развилочек. Мы с Анатолием Чубайсом долго обсуждали, что делать. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» уже принят Верховным Советом, но нам он не нравился. Мы хотели проводить приватизацию за деньги, прозрачно — тому, кто предложит наибольшую сумму. Я был противником ваучерной приватизации по ряду причин, и многие мои тогдашние опасения позже сбылись. Но сама идея оказалась популярной, и большинство населения, как показывали опросы ВЦИОМа, ее поддерживало. Еще бы: предложение разделить собственность поровну между всеми — разве может быть что-нибудь лучше в России?

Было ясно и другое: идея денежной приватизации в то время не имела шансов пройти через Верховный Совет. И если бы мы все-таки остановили ваучерную приватизацию и предложили депутатам альтернативный закон, реальным итогом дебатов стала бы приватизация

«красными директорами» основной части собственности на основе действовавшего законодательства: выкуп за рубль, на себя, на жену и т. д.

После тяжелых обсуждений мы решили, что приватизация на основе хотя бы каких-то прозрачных правил будет все-таки лучше. Это было плохим решением — выбором из двух зол. И мы выбрали меньшее. А было оно правильным или нет — остается вопросом и ныне. Но лично я считаю его правильным.

— *Давайте уточним. Перед вами был выбор между политикой и экономикой: ваучерная приватизация давала правительству политические дивиденды — поддержку населения, без которой трудно было бы продолжать реформы. Этот вариант не требовал конфронтации с парламентом, отношения с которым у правительства оставались довольно напряженными. Но экономические результаты ожидалось, мягко говоря, скромные.*

При денежной приватизации все наоборот: продажа собственности за реальные деньги принесла бы экономические дивиденды, пополняя казну и обеспечивая предприятиям эффективных собственников. Но о народном одобрении пришлось бы забыть. Более того, было неизвестно, удалось ли бы вообще реализовать такой вариант приватизации. Такой была развилка?

— Да. Хотя вариантов могло быть больше. Мы теперь имеем опыт 28 постсоциалистических стран, и у каждой были свои особенности. Например, венгры реализовали денежный вариант приватизации, и ее результаты мне очень нравятся. Но если вы думаете, что это нравится венграм, — так нет! Мой хороший знакомый, который работал в венгерском правительстве, сказал: «Венгерская приватизация — это ужасно! Ничего хуже не бывает!» И я вполне понимаю причину его недовольства: в результате получилось, что венгерская промышленность ныне принадлежит не венграм.

— *А почему в ходе российской приватизации не был использован шанс вернуть россиянам дореформенные сбережения, замороженные в Сбербанке? В последние годы их владельцам выдавались какие-то копейки в виде «предварительных компенсаций». Но ведь были предложения обменивать эти вклады на акции крупных приватизируемых предприятий — таких, как «Газпром».*

— Для этого надо было отказаться от принципа равенства прав, который был положен в основу ваучерной приватизации, как наиболее справедливый. Вместо него пришлось бы устроить «соревнование кошельков»,

неизвестно каким способом наполненных. Кстати, в самом начале реформирования экономики мы столкнулись с любопытным феноменом резкого притока личных денег на вклады. Отдельные приросты были просто астрономическими по тем временам — на миллионы рублей! Потому что люди думали: с деньгами все ясно, грохнутся, ничего от них не останется. А вклады вдруг останутся?

Теперь представьте, что в самом начале «общенародной приватизации» власть заявляет: собственность будем распределять в зависимости не от числа «едоков» в семье, а от того, сколько миллионов ты успел положить на вклады. Причем откуда эти миллионы, проверить было практически невозможно.

— *У вашего правительства был еще один бесценный опыт — работа с оппозиционным парламентом, который принимал «в штыхы» большинство ваших идей и предложений. И постоянно подталкивал правительство на популистские шаги, которые вели страну к катастрофе. В этой ситуации возникает вопрос: а нужен ли такой парламент стране?*

— При всех моих очень непростых отношениях с Верховным Советом могу сказать, что в целом дееспособный парламент стране нужен. Да, правительству было непросто проводить через него документы. Но это значит, что мы должны были более тщательно их готовить, содержательно аргументировать. Через грамотный, взыскательный, требовательный парламент было бы просто невозможно провести, например, так называемый закон о монетизации льгот, где расходы, как потом выяснилось, оказались заниженными в разы.

— *Вряд ли кто-то будет возражать против высokoпрофессионального парламента. Но что делать, когда российское население, не имея механизма отбора профессионалов, сплошь голосует за популистов, за тех, кто выдвигает неосуществимые, но красивые лозунги. И мы упираемся в этот тупик непрофессионализма. Видите ли Вы пути решения этой проблемы, хотя бы в будущем, хотя бы в принципе?*

— Ясно, что в стране, где долгие годы профессионального парламента не было, люди не понимают, что, если хотят жить лучше, они должны выбирать не тех, кто громче кричит, а тех, кто ответственен. Этот вопрос решается только со временем, методом проб и ошибок: выбираешь популиста — получаешь соответствующие результаты! Лучше всего это видно на примере отказа от выборности губернаторов. На мой взгляд, это серьезная ошибка, даже несмотря на риск того, что неопытное население может выбрать проходимца.

Но со временем, при сохранении выборности, население начинает понимать: будет в домах тепло или нет, зависит от того, кого мы выбрали. Будет регион развиваться или стагнировать, насколько улицы городов окажутся безопасными, дороги — широкими и гладкими, тоже зависит от нашего выбора. Но это не приходит сразу, не делается ни за год, ни за два. Требуется время. Время и усилия...

— *Первый период создания реального парламентаризма в новейшей России завершился в октябре 1993 года, когда президент Ельцин своим указом распустил недееспособный и реакционный Верховный Совет, а тот объявил об отрешении президента от должности. Результатом стало вооруженное противостояние, закончившееся кровопролитием. Почему Ельцин довел ситуацию до критической точки? Ведь развилку, на которой можно было избежать будущей кровавой конфронтации между президентом и парламентом, Россия миновала значительно раньше — после провала августовского путча и развала СССР. Именно тогда, как утверждают многие эксперты, возникли юридические основания для роспуска Съезда народных депутатов РСФСР, который многие называли «второсортным». Имея в виду, что лучшие из лучших российских политиков уже вошли в состав Съезда народных депутатов СССР, а российскому парламенту достались те, что остались. Когда рухнул СССР, и союзный съезд остался не у дел, в предложениях о проведении в России новых свободных выборов не было недостатка. Однако президент оставил все, как есть. Почему?*

— Действительно, многие весьма авторитетные и уважаемые эксперты называют «ключевой ошибкой Ельцина» то, что он сразу после августовских событий не распустил Съезд народных депутатов России.

Но давайте вспомним тогдашние реалии. Съезд сам не собирался распускаться, а у Ельцина по действующей Конституции не было прав на его принудительный роспуск. И не было силовых возможностей — ни одного боеспособного полка, который выполнил бы его указ. Да и граждане России, включая самых горячих сторонников Ельцина, не поняли бы и не приняли таких действий. Как же можно без конституционных оснований, да еще и насильственно распускать Съезд народных депутатов и Верховный Совет, которые только что поддержали президента во время августовских событий!

Тем не менее в российском правительстве эта тема обсуждалась. Мы пришли к солидарному мнению: пока не отрегулирована проблема легитимности Советского

Союза при фактическом его распаде, любой серьезный конфликт исполнительной власти с Верховным Советом породит такой бардак, какого Россия давно не видела в своей истории. Следовательно, вопрос о роспуске съезда мы, правительство, даже не будем поднимать. Я и сегодня считаю принятое тогда решение правильным и единственно возможным.

— *Может быть, это следовало сделать в декабре 1991 года — после официального распада СССР, но до начала российских экономических реформ? Вы же не могли не видеть, что тот состав Верховного Совета, настроенный контрреформаторски, наверняка серьезно осложнит работу правительства. Что и произошло.*

— Это было бы не менее рискованно и политически неправильно. Первым реальным реформистским актом нашего правительства стала либерализация цен, которую большинство населения восприняло негативно, хотя она была абсолютно необходима для спасения России. Представьте, какой была бы реакция, если бы чуть раньше или чуть позже мы распустили Верховный Совет, да еще без конституционных оснований!

К сожалению, нам пришлось начать болезненные реформы в ситуации двоевластия. В стране был популярный президент, получивший на выборах 57% голосов — и это при активнейшем противодействии партийной верхушки, которая тогда еще имела в своих руках немалый административный ресурс. И были не столь популярные, но абсолютно легитимные Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, которые не желали отвечать за принятое исполнительной властью очень непопулярное решение — отмену административного регулирования цен.

Отвечал за это президент — не только как глава верховной власти, но и как человек, намеренно возглавивший в тот момент российское правительство. Тем самым он «вызвал огонь на себя», поставил свою популярность под удар огромной разрушительной силы. Разве мог он на этом фоне, без опоры на мнение народа или хотя бы на какие-нибудь президентские силовые структуры, тогда еще даже не созданные, пойти на роспуск парламента и съезда?

Не желая допустить насильственного развития событий, Ельцин выбрал иной путь — путь компромисса с парламентским большинством. Компромисс был достигнут на апрельском 1992 года Съезде народных депутатов, когда наша команда, составлявшая костяк правительства, предъявила, по сути, ультиматум обеим сторонам: мы уйдем, если есть такое желание у съезда и президента, и тогда сами разбирайтесь с экономикой...

Ельцину это крайне не понравилось, но он... промолчал. Взял паузу, которую умел держать, как никто другой. Большинство съезда быстро осознало, что в случае нашего ухода ответственность за дальнейшее развитие событий ляжет на них. К чему депутаты были абсолютно не готовы. Именно поэтому съезд пошел на попятную, заявив о пересмотре своих решений, о том, что в целом он поддерживает экономическую политику, проводимую правительством.

Ситуация от этого не поменялась, а «заморозилась» на короткое время. В стране оставалось двоевластие: с одной стороны, вроде есть полномочные президент и правительство, с другой — есть съезд, который может принять к своему рассмотрению любой вопрос и решить его, как депутатам заблагорассудится.

— **Парламент вмешивался в prerogatives исполнительной власти?**

— Сколько угодно — и не всегда по злой воле депутатов. Многих «правил игры» они просто не знали или их тогда вообще не существовало. Например, сегодня в России действует Бюджетный кодекс, который четко прописывает бюджетный процесс, включая прохождение закона о бюджете через парламент. Кодекс определяет, что любые решения, связанные с увеличением расходов бюджета, должны согласовываться с правительством, которое обязано назвать источники финансирования или объявить, что их нет. Это нормальная ситуация.

А в 1992 году, когда мы обсуждали на пленарном заседании Верховного Совета бюджет на текущий год (правда, обсуждение велось в июне, но это — другая тема), депутаты всего за час-полтора приняли поправки, которые увеличивали бюджетные расходы на 9% ВВП. Поправки принимались не только без согласования с правительством, но даже без какого-либо серьезного обсуждения самими депутатами, «с голоса». И как в таких условиях можно было вести разумную финансовую политику?

Не удивительно, что законодательная и исполнительная власти регулярно входили в клинч. Чем дальше, тем яснее становилось, что страна нуждается даже не в другом составе депутатского корпуса, а в других взаимоотношениях парламента и правительства, в других законах, в другой Конституции. И это оказывало огромное влияние на весь политический процесс в России вплоть до 3–5 октября 1993 года.

— **Но ведь было соглашение, заключенное в декабре 1992 года. Почему оно не сработало?**

— Я сам вел переговоры, сам его согласовывал, подписывал и сам пытался реализовать. Расскажу историю его появления. Сначала в мой кабинет на Старой

площади пришел глава Конституционного суда Валерий Зорькин и спросил, готов ли я пожертвовать креслом премьера для того, чтобы ликвидировать нынешний политический кризис. Я ответил, что за урегулирование политического кризиса готов пожертвовать не только премьерским креслом, но и гораздо большим, при условии, что это не будет капитуляцией Ельцина. По моему мнению, обеим сторонам нужен согласованный компромисс, который станет выходом из конституционного тупика. А за моей отставкой дело не станет.

Решили организовать в Кремле переговоры между исполнительной и законодательной властями под руководством Зорькина как нейтральной стороны. Переговоры провели, долго договаривались и вышли, на мой взгляд, на приемлемую формулу компромисса. На бумаге она выглядела витиеватой, а фактически сводилась к моей отставке в обмен на согласие депутатов принять новую Конституцию. Причем было предусмотрено, что, если Верховный Совет и президент придут к согласованной позиции по тексту Конституции, он выносится на всенародный референдум. Если не сумеют договориться, на референдум будут вынесены и президентский, и парламентский варианты.

Свою отставку я фактически менял на ельцинскую Конституцию. Ибо в ситуации 1992 года, когда популярность Ельцина была достаточно высокой, у меня не было сомнений, что Россия проголосует за его вариант Конституции. Кстати, тот вариант был гораздо менее пропрезидентским, более сбалансированным, с большим уважением к принципу разделения властей по сравнению с вариантом, подготовленным после октябрьских событий и принятым в декабре 1993 года.

— **Получается, что к началу 1993 года была подготовлена новая развилка, после которой Россия могла реформироваться относительно бесконфликтно. Что же помешало?**

— Мои переговоры с Верховным Советом, как и идея в целом, не нравились ни Ельцину, ни Хазбулатову. Ельцину — потому, что там была моя отставка, а он ее не хотел в принципе. Хазбулатов понимал, что будет покончено с двоевластием, а это ему было невыгодно. Тем не менее они подписались под этой договоренностью, после чего за нее проголосовал Съезд народных депутатов. На мой взгляд, тем самым была найден хороший выход из политического кризиса — без крови, без гражданской войны.

Но уже на следующем Съезде народных депутатов Хазбулатов заявил, что достигнутое соглашение было политической ошибкой, которую нужно исправить. К тому времени депутаты мою отставку уже получили — и

соблюдать договоренность им было «ни к чему». Вместо вынесения на всенародное голосование новой Конституции, после долгих дебатов съезд предложил провести референдум о доверии. И все последующие события, включая бои в Москве 3–5 октября, стали следствием этих решений съезда.

— **Но ведь и референдум мог стать развилкой для бескровного поворота к дальнейшим реформам, поскольку большинство россиян проголосовало за Ельцина.**

— Для «той стороны» это было полной неожиданностью. Учтем, что сами вопросы референдума были сформулированы Верховным Советом, некоторые из них носили откровенно издевательский характер — например, «Поддерживаете ли вы экономическую политику, которая проводится в России после 2 января 1992 года?» Но к изумлению многих политиков и экспертов, включая большую группу депутатов и аппаратчиков Верховного Совета, россияне сказали: «Да».

— **Почему же и после всенародного одобрения президент не распустил Съезд народных депутатов, а пошел на новые, долгие и мучительные переговоры, которые все равно ни к чему не привели?**

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Мне в тот момент представлялось, что в ситуации, когда народ однозначно высказал свое мнение, надо было немедленно распустить Съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначать новые выборы.

Наверное, Борису Николаевичу тоже было ясно, что дальше нужно назначать выборы и принимать новую Конституцию. Но как конкретно это сделать? Народ-то высказался, однако проблему это не решало, так как по действовавшей Конституции результаты референдума не являлись документом прямого действия.

По-моему, в сложившейся тогда обстановке можно и нужно было просто не пропускать депутатов в их кабинеты. К тому же за два года президентства удалось сформировать силовые структуры, готовые выполнять приказы Верховного Главнокомандующего. Однако у Ельцина было серьезное внутреннее «табу» на применение силы против своих же граждан. Ему казалось, что все можно сделать цивилизованно. Поэтому он не распустил съезд, а созвал Конституционное совещание для подготовки новой Конституции. По-моему, он был неправ. Но таким было его решение, и я понимаю мотивы.

Обратите внимание еще на одну деталь: президент не хотел насилия даже после того, как противостояние с хазбулатовским Верховным Советом достигло «точки кипения», и 21 сентября 1993 года ему пришлось издать Указ Президента РФ № 1400 о роспуске парламента.

Даже тогда он не приказал очистить здание парламента, а заявил, что парламент должен разойтись сам.

Дальше случилось то, что случилось. И это — еще один урок будущим политикам: нельзя безнаказанно проходить ключевые развилки наугад, в надежде, что рано или поздно любая из тропинок приведет к выбранной цели. Привести-то она, может быть, и приведет, но цена будет уже иной.

— **Перейдем от политики к экономике. Какие другие развилки в решениях власти были значимы для нашего общества в то время?**

— Одной из самых острых и болезненных проблем на протяжении многих лет оставалась финансовая стабилизация. Там было несколько судьбоносных развилок. В частности, осень 1994 года еще раз показала риск инфляционного финансирования государственно-го бюджета.

— **Демонстрация получилась очень убедительной: «черный вторник» октября 1994 года, когда рухнул валютный курс и сбережения россиян сократились на треть, до сих пор считается одним из наиболее памятных событий того времени. Хотелось бы услышать Ваше мнение о предыстории «черного вторника»: что, где и когда пропустили российские власти, какое неправильное решение позволило ему состояться?**

— «Черный вторник» действительно был предпринят раньше — на одной из ключевых развилок конца 1993 — начала 1994 годов, когда правительственный кабинет Виктора Черномырдина приостановил, а затем свернул экономические реформы. Хотя ситуация в то время была наиболее благоприятной для их форсирования.

Напомню: в декабре 1993 года страна получила новую Конституцию, которая реально давала президенту серьезные полномочия в проведении экономической политики. В новом парламенте (Государственной Думе) пропрезидентская партия «Выбор России» имела крупнейшую фракцию и при желании могла образовать коалицию в поддержку реформ.

Одновременно в высшем руководстве страны шла острая дискуссия по этому вопросу. Те, кто разделял мою позицию, считали: нам сейчас тяжело, но из кризиса двоевластия выбрались. У президента появились широкие конституционные полномочия. Значит именно сейчас можно и нужно проводить те реформы, о которых ранее не могли даже мечтать: останавливать инфляцию, формировать новую налоговую систему, легализовать частный земельный оборот, реформировать и сделать более прозрачной систему финансового федерализма.

А наши оппоненты, которых тоже было немало в окружении президента, убеждали его в том, что народ устал, надо дать ему передышку. Не следует сейчас делать решительных шагов, ведь как-то живем — можем, и слава Богу!

Вот такие линии были предложены президенту двумя группами. Лидером первой был ваш покорный слуга, а второй — Виктор Степанович Черномырдин. Увы, мы тогда проиграли: не сумели убедить руководство в нашей правоте, целесообразности линии на решительное продолжение реформ. После чего в январе 1994 года я ушел в отставку с поста первого вице-премьера и министра экономики.

Дальше за выбор «другой линии» пришлось заплатить, в том числе «черным вторником». Иного не могло быть: если ты накачиваешь экономику деньгами, не вполне понимая, как при этом будет обеспечена финансовая стабильность, рано или поздно жди, что все это взорвется. Что и произошло осенью 1994 года.

— *Тем не менее «черный вторник» форсировал поворот к финансовой стабилизации.*

— Действительно, эта проблема вышла на первый план. В политических и правительственных кругах, в беседах с руководством МВФ мы активно обсуждали, имеет ли смысл в сложившейся ситуации предпринять попытку радикальной финансовой, денежной стабилизации. То есть не затормозить, а остановить рост инфляции. Но было понятно, что останавливать инфляцию, не имея надежного контроля за бюджетным дефицитом, рискованно. Тем не менее договорились, что мы хотим, во-первых, остановить инфляцию, во-вторых, кардинально сократить бюджетный дефицит — правда, не до нуля.

Ситуация была предельно сложной, потому что в качестве «якоря» мы использовали номинальный курс рубля по отношению к доллару. То есть мы перестали опускать рублевый курс. Но мешала инфляционная инерция и сильные инфляционные ожидания. Когда я говорил, что курс рубля по отношению к доллару может начать укрепляться уже в начале 1995 года, мало кто в это не верил.

А золотовалютные резервы быстро сокращались. Правда, к январю 1995 года они были несопоставимы с тем объемом, который нам достался в конце 1991 года от советского правительства. Но уже снизились примерно до 2 млрд долларов, что было близко к критическому порогу. Это был серьезный стимул к тому, чтобы сдать, отпустить или, как минимум, резко снизить валютный курс — и тем самым поставить крест на предпринятой попытке переломить ситуацию.

Ключевое решение в тот момент принял Анатолий Чубайс. Мы думали, что можем не удержать ситуацию без

радикального снижения курса. Он сказал: «Давай попробуем продержаться еще 24 часа». Ему так показалось: если 24 часа продержимся, то и дальше все будет нормально. И мы продержались, чем, как оказалось, переломили ситуацию. Ибо на следующие сутки был отмечен рост резервов. И затем началось укрепление реального курса рубля.

Позже нам пришлось вводить валютный коридор, хотя в программе, принятой нами и Международным валютным фондом, который нас поддерживал финансово, коридор не предусматривался — там речь шла о поддержке плавающего курса рубля. Но после выхода из кризиса начала 1995 года динамика курса переломилась, началось быстрое укрепление номинального курса рубля — что ваш покорный слуга и предсказывал, причем публично.

Это укрепление стало меня беспокоить, оно становилось избыточным и могло спровоцировать спекуляцию на переоцененном рубле. Спекулянты могли решить, что рубль укрепился избыточно и пора играть на его понижение. В результате вместо того, чтобы получить финансовую, денежную стабильность, мы оказались бы в ситуации непредсказуемых колебаний курса национальной валюты, что вредно для реального сектора экономики.

Выход был найден: мы провели переговоры с МВФ и ввели валютный коридор — уже не для того, чтобы избежать обесценения рубля, а с целью не допустить его избыточного укрепления.

— *Российской экономике пришлось пережить еще одно колоссальное потрясение в августе 1998 года, когда рухнула выстроенная государством пирамида ГКО. Кстати, возводиться она начала в 1995 году, после решения правительства прекратить финансировать бюджетный дефицит за счет кредитов Центрального банка и с той же целью перейти на заимствования средств у коммерческих банков, фирм и корпораций и даже населения в виде государственных кредитных обязательств. Известная и вполне рыночная практика. Вопрос: в мере, которую должна была знать или хотя бы чувствовать власть. Где, по Вашему мнению, тот предел, переходить который правительство было не вправе?*

— Точный ответ на этот вопрос дать невозможно. Мы анализировали развитие событий в российской экономике 1996–1998 годов. Но даже серьезные исследования специалистов нашего Института экономики переходного периода не позволяют однозначно ответить на вопрос, когда нормальная система заимствования средств на внутреннем рынке для финансирования

бюджета стала тем, что в экономической теории называется схемой Понзи. То есть чем-то подобным действиям Мавроди.

Общэкономические показатели свидетельствуют: что, по крайней мере, до ноября 1997 года это еще не была схема Понзи, ибо процентные ставки по ГКО быстро падали, а соотношение внутреннего долга и ВВП не было необычным для стран нашего уровня развития. Фактором риска представлялась короткая дюрация — увеличенная доля короткого долга. Но и она не была аномально высокой.

— *Не кажется ли Вам, что само создание рынка ГКО перекосило экономику, привело к ненормальной ситуации на финансовом рынке? Рассмотрим ситуацию подробнее. Сначала правительство, у которого появилась возможность покрывать бюджетный дефицит внутренними заимствованиями посредством выпуска ГКО, перешло к проведению довольно мягкой бюджетной политики. Это усугубилось лоббизмом прокоммунистического большинства в парламенте, принятием Думой безответственных решений по увеличению государственных расходов — в те годы Бюджетный кодекс не был столь строгим, как теперь. Естественно, денег постоянно не хватало, и правительство расширяло рынок ГКО. Причем проценты по кредитным обязательствам государства устанавливались настолько высокими, что с ними не могли конкурировать по прибыльности кредиты, выдаваемые предприятиям.*

Банки быстро поняли, где хлеб гуще намазан маслом, и перестали выдавать кредиты реальному сектору — в пользу гораздо более высокодоходных игр на рынке ГКО. Предприятия оказались на голодном кредитном пайке — со всеми вытекающими последствиями. Следует ли из всего этого, что решение о создании рынка ГКО изначально было порочным?

— Это была очень рискованная политика. Более ответственной была бы политика сокращения и бюджетных расходов, и заимствований на внутреннем рынке. Но по политическим причинам тогда она была невозможна. К тому же вспомним, что именно в 1997 году в России начался экономический рост, рост промышленного производства. Мировое сообщество признало успехи России в выходе из кризиса, а Анатолия Чубайса назвали лучшим министром финансов в развивающихся странах.

Правда, как вскоре выяснилось, это же сообщество не сумело предвидеть, что в Юго-Восточной Азии вот-вот разразится мощнейший экономический кризис, и не

предугадало тяжесть его последствий — в том числе степень влияния на другие экономики.

Думаю, что без азиатского кризиса мы бы не получили дефолт в 1998 году, поскольку внутри России не было серьезных предпосылок к негативному развитию событий. Скорее наоборот: в 1997 году у нас началось резкое снижение ставок по ГКО, а валютный курс рубля стабилизировался. Были основания надеяться, что линия, выработанная в 1995 году, сработала в «плюс». Статистика 1997 года, обнародованная позже крупнейшими инвестиционными банками, работавшими тогда в России, была позитивной.

Но был и такой фактор, как динамичная ситуация на мировых финансовых рынках, в которые мы уже были тесно интегрированы. Любые неприятности, даже происшедшие на другой половине земного шара, могли сразу же отразиться на экономике России.

— *Экономический кризис в Юго-Восточной Азии, «зацепивший» Россию примерно в октябре–ноябре 1997 года, наша страна встретила в приличном состоянии — похожем на то, в котором тогда находилась Бразилия. Но почему Бразилия вышла из кризиса без дефолта, а мы — с дефолтом?*

— Не менее любопытный вопрос: в такой ситуации для страны лучше выйти из кризиса с дефолтом или без него? Ведь Россия, пройдя через дефолт, затем вошла в период гораздо более динамичного экономического роста, чем Бразилия, которая вышла из кризиса с «гордо поднятой головой», но с большими долгами и серьезными расходами на их обслуживание.

Но в историческом плане ключевым для нас остается вопрос: почему бразильцам удалось обойтись без дефолта, а нам нет? Тем более что дефолт — это травма не только для экономики, но и для населения. За ним стоят утраченные сбережения значительной части населения.

Этот вопрос можно обсуждать с технической точки зрения: когда, какие решения были приняты или не приняты, кто допустил ошибки. На мой взгляд, бразильские финансовые власти более адекватно реагировали на кризис. Конечно, они имели больший опыт работы в условиях рыночной экономики и лучше понимали, как она устроена, за считанные часы принимали решения, на которые у российских властей уходили недели.

Но главной российской бедой в этой ситуации оказалось отсутствие в нашем обществе консенсуса по ключевым вопросам. У нас было правительство, которое при Черномырдине, а потом при Кириенко, хотело и пыталось справиться с кризисом, не всегда понимая, что для этого надо делать, допуская ошибки. А в Госдуме царили иные настроения. Парламентское большинство

было коммунистическим. С небольшим перевесом, но все же... Коммунистический электорат — это в первую очередь малообеспеченные люди. Чем их больше в стране, тем больше голосов на выборах получают коммунисты. Они были заинтересованы в том, чтобы в стране все было плохо: чем хуже населению — тем больше избирателей голосуют за КПРФ.

Помню, в июле 1998 года Стэнли Фишер (тогда первый заместитель руководителя МВФ), с которым у меня дружеские отношения, говорил мне, что обычно в стране, которую накрывает кризис, происходит политическая консолидация вокруг антикризисной программы. Даже самые ярые политические противники гораздо легче идут на контакты и компромиссы, заключают «водяное перемирие», соглашения о согласованных антикризисных действиях. Идеиные разногласия и споры переносятся на «потом» — мол, когда страна выйдет из кризиса, начнем снова заниматься своими политическими проблемами. «А почему у вас-то не так?!», — спрашивал меня Стэнли.

Речь шла о конкретном примере. Тогда Анатолий Чубайс при моем участии договорился с МВФ о выделении России крупного стабилизационного кредита. Его получение давало нам надежду на то, что страна выйдет из кризисной ситуации более или менее благополучно — во всяком случае, без дефолта. Но такой кредит включает требования к стране-получателю принять организационные, а иногда и политические меры, которые дают кредитору уверенность в том, что деньги будут возвращены.

Так было и на этот раз. Правительство пошло с перечнем этих мер в Думу, но коммунистическое большинство, заявив, что «этот капиталистический ультиматум» принимать не будет. Правительство резонно возразило, что тогда у нас случится экономическая катастрофа! И получило в ответ: «Это ваши проблемы».

Стэнли удивлялся, так как в других странах со схожей ситуацией всегда удавалось провести подобный пакет через парламент. Пришлось сказать ему правду: «Наши парламентарии хотят, чтобы было хуже. У них имеются прагматические и политические интересы в дальнейшем ухудшении ситуации в стране. Надеяться на то, что они примут что-нибудь из пакета, нацеленного на ее улучшение, — иллюзия. Поэтому давай смотреть, что можно сделать без принятия законов, в рамках указов президента и решений правительства. Это мы сможем обеспечить».

— *МВФ этот уровень показался недостаточно высоким? Ведь полноценного кредитования Россия так и не получила, в результате чего угодила в дефолт...*

— Все было проще и смешнее: в самый ответственный момент Россия попала в нелепую ситуацию, которая классически характеризует «роль личности в истории», в данном случае — в истории нашего дефолта.

После того как мы практически договорились с МВФ о кредитах на основе президентских и правительственных гарантий, Сергей Кириенко (очень компетентный, на мой взгляд, премьер, но не имевший на тот момент большого опыта работы в сфере государственных и международных финансов) сделал правильную вещь: пригласил к себе 12 влиятельных и важнейших для российского рынка инвесторов, чтобы объяснить им, как мы — с помощью кредитов МВФ — собираемся справиться с кризисом.

Один из его коллег (не буду называть имен) подготовил материалы для предварительной раздачи инвесторам и накануне встречи повез их согласовывать в московский офис МВФ. А там кураторы — обычные чиновники среднего звена — говорят: «Материалы нас не устраивают, потому что здесь то-то и то-то, на наш взгляд, неправильно». Коллега Кириенко тут же внес эти поправки вместо того, чтобы связаться со мной. Я бы позвонил руководству МВФ и объяснил, почему предлагаемые их чиновниками корректировки будут катастрофическими.

Инвесторы получили бумагу, которая «не билась» по цифрам, более того — был виден финансовый разрыв, который ничем не покрывался. Естественно, на встречу с премьером они пришли с большими подозрениями, а после встречи стали дружно закрывать российские активы и выводить деньги с рынка. На рынке тут же поднялась паника, которая и привела к неминуемому дефолту.

Казус произошел всего-навсего из-за того, что один человек не позвонил другому. Мы наверняка урегулировали бы проблему: просто требовалось объяснить руководству МВФ, что значит для инвесторов та самая бумага, получив которую, они дальше должны были нести юридическую ответственность за то, что не утратят деньги кредиторов и акционеров.

Такой вопрос не могли решить чиновники среднего уровня, его следовало перевести на уровень высшей бюрократии, вплоть до президентов. Убежден, что я урегулировал бы его в течение нескольких минут.

— *В 1992 году Вы занимались созданием принципиально новой для нашей страны системы налогообложения, приспособленной к реалиям рыночной экономики, причем при высокой инфляции. Спустя несколько лет, уже как депутат Госдумы Вы принимали участие в разработке Налогового кодекса. Какие здесь встретились развилки?*

— Первая была связана с выбором: вводить или нет налог на добавленную стоимость одновременно с либерализацией цен? По этому поводу у нас развернулась дискуссия с коллегами из МВФ, которые были скорее против. Я провел несколько совещаний в правительстве и принял решение, что надо вводить НДС. К тому времени оборотные налоги на фоне высокой инфляции практически вышли из-под контроля государства. Нам нужен был крупный общегосударственный источник доходов в федеральную казну. Таким источником мог стать только НДС.

Приводились контраргументы: мы административно не готовы, законодательство по НДС абстрактно и размыто. Высоки риски, что НДС мы введем, но получим минимальные доходы. К тому же мы предлагали по нему высокую ставку (28%) просто потому, что в стране бушевал финансовый кризис, и казне требовались финансовые поступления.

Тем не менее мы ввели именно 28%-й НДС. И тем самым, я думаю, предотвратили в 1992 году паралич денежного обращения в стране. А это и было нашей главной задачей. Ставку мы потом снизили.

Но введение НДС было лишь частью общей задачи — определения стратегии реформы налоговой системы. Когда берешься за это в стране, где на протяжении многих десятилетий не было рыночной налоговой системы, придумывание ее из головы — задача, не имеющая решения. Неизбежно приходится брать налоговые системы рыночных экономик и адаптировать их к условиям своей страны. Так была сформирована и налоговая система, которую мы ввели в России в 1992 году. Хуже или лучше, но она работала.

По мере накопления опыта становилось ясно, что система функционирует отвратительно. Причина проста: мы ее позаимствовали у стран, которые были «демократиями налогоплательщиков», где налоговая система формировалась не теми, кто собирает налоги, а теми, кто их платит. Именно налогоплательщики, исходя из своих интересов, а только потом — из интересов общества и государства, решали, как лучше устроить систему сбора налогов. Они могли позволить себе создание сложных, запутанных налоговых систем, где высокие налоговые ставки сочетаются с массой льгот по уплате налогов.

Известно, что за каждой льготой стоят чьи-то интересы. Но если вы с самого начала без принуждения договорились, что уплата налогов — не вынужденное зло, а общественная необходимость, что налоги требуются для финансирования общегосударственных нужд, то можете иметь сложную и запутанную систему. Ибо она

создавалась не в качестве «капкана» для уклоняющихся, а в интересах налогоплательщиков.

В России же налоговая система традиционно основана на ином принципе. Она импортирована к нам татаро-монголами.

— *Налоги — дань, а не складчина?*

— Именно так. Монголы заимствовали эту модель в Китае, а потом распространили по всем покоренным землям и народам. Мы попытались поломать эту не лучшую традицию и начали внедрение, условно говоря, европейско-американской модели — с предельно высокими ставками и массой возможностей их снизить, а то и вообще с уходом от налогов. В результате создалась парадоксальная ситуация, при которой предприятия, легально и добросовестно уплачивавшие все налоги, стали неконкурентными в сравнении с теми, кто уходил от налогов с помощью различных хитростей и лазеек.

Мы решили пойти другим путем: в отличие от европейцев и американцев радикально снизить верхние планки налоговых ставок и столь же радикально сократить число налоговых льгот и исключений.

Я позвонил Анатолию Чубайсу, который тогда был руководителем администрации президента, и сказал, что реформу надо подготовить ко второму сроку президентства Ельцина. Попросил назначить руководителем группы реформаторов Сергея Игнатова — в то время помощника президента по экономике. После чего работа началась, и к концу января 1997 года основные концептуальные положения были сформулированы. Весной Ельцин упомянул о них в президентском послании, затем от имени президента они были внесены на рассмотрение в Госдуму. Но не прошли из-за отсутствия парламентского большинства, готового поддержать правительство.

Тогда было решено переработать их в более последовательные и радикальные предложения, не рассчитывая на их реализацию в обозримой перспективе. Это были времена правительства Евгения Примакова. Мы не сомневались, что его кабинету наши предложения — с плоской шкалой подоходного налога, резким снижением налога на прибыль и ликвидацией льгот по нему, радикальной реформой системы обложения природных ресурсов — ни к чему.

Однако в реальной жизни никогда не знаешь, как могут повернуться события. В 1999–2000 годах сначала премьером, а потом президентом стал Владимир Путин. Ему была нужна экономическая программа. Наша программа налоговых реформ оказалась единственной проработанной — с подготовленными законопроектами и проектными расчетами. Так она оказалась востребованной и была воплощена в 2000–2002 годах.

— Почему, разрабатывая Налоговый кодекс, Вы остались приверженцем НДС, а не взяли за основу налог с продаж, как у американцев?

— Потому что я прекрасно знаю американских специалистов по налогообложению, причем лучших. Они стонут от своего налога с продаж. США не переходят к НДС потому, что это конституционно невозможно: нужно вносить поправки в Конституцию, ведь косвенные налоги — прерогатива штатов.

— Вы внесли в Налоговый кодекс презумпцию невиновности налогоплательщиков, хотя она присутствует в налоговых законодательствах немногих государств. Но российская административная и судебная практика оставляют от этой нормы крайне мало. Как презумпцию невиновности превратить из декларации в реальность?

— Я колебался при обсуждении вопроса: включать ли презумпцию невиновности в Налоговый кодекс? Действительно, это необычная практика. Многие высококвалифицированные специалисты говорили, что

такую норму вряд ли стоит вносить из гражданского права в Налоговый кодекс. Налоги не собираются на основе гражданского права.

Принимая решение, я исходил из того, что если мы включим такую норму в кодекс, никакой нормальный налогоплательщик без серьезного повода не станет судиться с налоговыми органами. Но для налогоплательщика она будет дополнительным аргументом, если налоговые органы начнут злоупотреблять своими полномочиями.

Эта норма, внесенная в Налоговый кодекс, чуть-чуть изменила баланс прав и обязанностей в пользу налогоплательщика. Но далее, как это часто бывает в России, вопрос начал упираться в качественный состав налоговой службы, в реальную практику налогового администрирования, в «управляемость» судебной системы. Не вижу, что еще требуется дополнительно прописать в законе, чтобы сделать ситуацию более сбалансированной. Это вопрос административной практики и общей политической культуры представителей власти и самих граждан.

*Беседу провели Петр Филиппов и Татьяна Бойко
Июль 2009 года* ■

ГАЙДАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

посвященные 20-летию Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Расшифровка диктофонной записи «Вестник Европы»

Владимир МАУ, Алексей КУДРИН, Анатолий ЧУБАЙС, Андрей КЛЕПАЧ

Владимир МАУ,
ректор Академии народного хозяйства
при правительстве РФ

открывая юбилейное заседание, говорил о завершении первых Гайдаровских чтений, организованных в связи с 20-летием Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара.

Чтения начались в сентябре, открывались выступлением члена Попечительского совета Института Гайдара Г.О. Грефа; заканчиваются в декабре выступлением А.Л. Кудрина. Прошло 6 тематических панелей, на которых глубоко обсуждались проблемы макроэкономики, социальной политики, политической экономии, региональной политики, внешнеэкономической деятельности, бюджетной политики; в отдельном заседании обсуждались наиболее острые проблемы экономики Северного Кавказа. Мы рассматриваем Гайдаровские чтения, если угодно, как отчет Института обществу, тем, кто заинтересован в том, чтобы в стране — хотел сказать, либеральная, но на самом деле — развивалась нормальная, профессиональная экономическая мысль.

Задачи, которые ставил перед нами и институтом прошедшие двадцать лет Егор Тимурович, в конечном счете были связаны с тем, чтобы рекомендации в области экономической политики всегда были связаны с серьезными теоретическими исследованиями. Фундаментальной особенностью Института является как раз сочетание исследований достаточно высокого уровня и вовлеченность в выработку принимаемых решений, в реальный

политико-экономический процесс. Нас с детства учили, что экономисты «сильно задолжали» — они должны идти на предприятия практику, изучать жизнь, постоянно что-то должны и постоянно не догоняют. Общество постоянно ругает экономистов. И понятно, почему: экономические советы или, как правило, банальны и потому бессмысленны, или оригинальны — и потому глупы.

Гайдар часто говорил, что в экономической теории то, что правильно, то достаточно просто, а то, что требует сложных математических доказательств, часто оказывается некорректным. Экономист может быть осмысленным и уместным, не только когда он читает книги (это критически необходимо), не только когда дискутирует с другими экономистами, но и когда он общается с теми, кто занимается реальной экономической политикой. Экономист может дать осмысленные рекомендации, только если он «в теме», знает контекст дискуссии, условно говоря, что обсуждалось в Минфине в прошлый понедельник или в прошлом месяце; только тогда рекомендации могут быть эффективными, иначе они повисают в воздухе, даже если они совершенно правильны. Недавно я читал роман про американского экономиста; который был советником у президента. И когда его спрашивали, трудно ли быть экономическим советником президента, он отвечал: да нет, проще простого, надо всегда говорить одну лишь фразу: «Главное, чтобы бюджет был сбалансирован» (*смех*). Мне иногда кажется, что наш Институт, выходя за пределы этой парадигмы, работает на более глубоком уровне.

* * *

Позволю себе коротко напомнить этапы развития Института. Первый начался, когда осенью девяностого года Гайдар собирал нас. Он тогда сказал слова поистине исторические: «Мы не пишем программ, рынок буквально переполнен программами. Явлинский пишет, Абалкин пишет, Аганбегян... все пишут, а мы будем заниматься текущим экономическим анализом. Мы будем писать обзоры, будем обсуждать, что реально происходит в экономике, а не о том, как ее улучшать, потому что это и так понятно, вопрос только в том, кто это будет делать». Обзоры — это был наш первый опыт, мы продолжаем его двадцать лет, уже не вполне довольны результатами, считаем, что надо что-то менять. В 90-м, 91-м, 92-м годах этим никто не занимался, а сейчас этим занимаются решительно все. Мы думаем, во что трансформировать наши обзоры, потому и отказываться от них жалко, но ясно, что у них должен быть новый профиль, новый ракурс, новый читатель.

92-й год — это наша первая программа углубления реформ, которую все мы писали; такая наша экономическая юность, романтизм, Волынское — все было замечательно. Должен сказать, что это была единственная программа в двадцатом веке, которая была полностью выполнена. Ее выполнение, правда, заняло не три года, а семь лет; но если мы посмотрим 1999-й год — практически все, что было написано в программе 92 года, было выполнено. Этим занимались разные правительства, причем чем больше правительство ругало эту программу, тем более последовательно оно следовало ей, как мы знаем из опыта правительства Примакова, по сути, завершившего реализацию нашей программы.

Дальше были дискуссии о макроэкономической стабилизации, о природе инфляции; помню, как мы с присутствующими здесь спорили, в какой мере инфляция является мониторным фактором или связана с издержками; дальше была массовая приватизация, о которой я здесь говорить не буду; потом фантастическое время внезапного финансового кризиса, когда казалось, что все рухнуло, а на самом деле все лишь только начиналось... Тогда, в конце 98-го, Гайдар сказал, что поскольку последующие лет восемь мы востребованы не будем, давайте придумаем нечто такое, что понадобится следующему правительству лет через восемь-десять. И тогда Институт занялся разработкой новой налоговой модели (что потребовалось через полгода) плоской шкалы налогообложения. Это был важнейший момент в подготовке программы Грефа. Далее возникла проблематика стабилизационного фонда, в которую все мы были погружены... Ну и наконец, Гайдар понял, что в решении вопроса *приоритетов* выбор должен быть не между металлургией и сельским

хозяйством, авиацией и электроникой, а между пенсионной системой, здравоохранением и образованием — основными функциями государства, главными расходными статьями бюджета в цивилизованном мире.

Бюджетными и политическими приоритетами ответственного правительства всегда являются факторы развития *человеческого капитала*, а не та или иная сфера материального производства... Как-то один довольно высокопоставленный чиновник спросил меня: что можно почитать про пенсионную систему? Я рекомендовал ему гайдаровскую книгу «Долгое время». Потом этот человек звонит: хотелось бы поговорить с автором. Пожалуйста, отвечаю, Егор Тимурович охотно с вами встретится. Да нет, говорит, я хочу с тем, кто это действительно написал! Только после встречи он понял, что автором действительно был Гайдар.

Алексей Леонидович КУДРИН,
вице-премьер правительства РФ,
министр финансов

...Из множества проблем, связанных с кризисом, хочу выбрать одну проблему, важную для России: **роль Стабилизационного фонда в устойчивости российской экономики, или как нам сохранить устойчивость в ближайшие годы.** Я выбрал эту тему потому, что считаю: действительно существует некий долг экономистов в России за кризис 98-го года, когда была разрушена финансовая система. Тогда, по сути, все ведущие банки прекратили свое существование, понизился жизненный уровень... Долг экономистов состоял в том, чтобы создать некую *защитную систему финансовой системы*. Чтобы при подобном или гораздо более серьезном мировом кризисе, при еще более выросшей нашей зависимости от нефти и газа, нашего монотовара, который нас питает, позволяя иметь достойный жизненный уровень, эта зависимость была как-то смягчена, демпфирована.

Поэтому уже с начала двухтысячных годов обсуждалась идея создания Стабилизационного фонда. Не помню, кто первый ее предложил; этот человек сейчас удивится: это был, оказывается, Анатолий Чубайс. (*Чубайс в президиуме и вправду сделал удивленное лицо.*) Это было в декабре 97-го года, накануне кризисного 98-го. Чубайс говорил, что экономика находится в очень опасном состоянии и нужно срочно создавать Стабилизационный фонд, примерно в размере двух миллиардов долларов, с мировыми инвестиционными банками. В Интернете сохранилось подробное интервью Анатолия Борисовича по этому поводу, список банков, которые он собрал у себя; тогда, накануне 98-го года, они рассматривали это как выгодное вложение. Да, вот такая история.

Потом, в апреле 2001 года, я выступил с этим предложением, хотя в экспертной среде это уже обсуждалось, на эту тему уже писал Илларионов.

В 2002 году законодательство изменилось — и все эти предложения были реализованы. Когда-нибудь я напишу, с кем советовался, кроме Егора Тимуровича Гайдара, кроме Синельникова, Мау, которые здесь присутствуют; это были Гавриленков, Вьюгин, Гурвич, могу кого-то сейчас и не назвать... Все эти люди поддержали нашу идею. Гайдар писал мне в 2002 году, отметил, что Стабилизационный фонд создан правильно, но у России есть свои особенные серьезные риски, связанные с демографией и прежде всего — с пенсионной системой. Эти риски — самые масштабные в российской экономике и финансовой системе, они могут создать главные риски для нашей финансовой устойчивости, поэтому на них нужно обратить серьезное внимание. Егор Тимурович предлагал аккумулировать эти деньги для страховки пенсионной системы; при этом, будет ли это фонд за счет размещения и инвестиционного дохода поддерживать пенсионную систему (и он предлагал здесь еще один вариант, связанный с перечислением накопленных средств на индивидуальные накопительные счета граждан); все равно, осуществляемые в рамках бюджетной процедуры в среднесрочной перспективе, они не приведут к росту денежного предложения, не создадут угроз, связанных с «голландской болезнью», не станут формировать трудно отменяемые текущие бюджетные обязательства. Речь шла о дополнении собственно Стабилизационного фонда тем, что называют «фондом будущих поколений».

Мы эту задачу частично потом тоже решали. Решали через то, что ограничили размеры собственно Резервного фонда десятью процентами ВВП, а средства, накапливаемые сверх этого, направлялись в Фонд национального благосостояния. Эту тему с 2002 года мы постоянно обсуждали. Напомню, что мы разделили Резервный фонд и Фонд национального благосостояния уже с 2008 года. Сегодня можно сказать, что российский Стабилизационный фонд существует в двух его видах — Резервного фонда и Фонда национального благосостояния. Тогда мы определили размеры Резервного фонда как 10 % ВВП — и он был наполнен и накануне кризиса составлял 10%. В нашей модели это означало, что при падении цен на нефть примерно с 50 до 30 долларов за баррель у нас будет возможность сохранить уровень всех наших бюджетных обязательств примерно на три года; с тем чтобы, пройдя пик кризиса, иметь возможность заимствовать на рынках, перестраивать бюджетную стратегию, не сбрасывая, не отменяя сразу социальные обязательства. В течение трехлетнего периода использовать средства фонда

плавно, через принятие новых моделей бюджетной политики, которые позволяют цивилизованно жить и действовать в условиях кризиса... Эта задача как раз сейчас и осуществляется.

До кризиса вложения в эти оба фонда (на март 2009 года) были эквивалентны 220 миллиардам долларов (в трех разных валютах на счетах Центрального банка). Это составляло примерно 17 процентов ВВП. А сегодня он составляет примерно 119 млрд долларов, около 8,3 % ВВП — то есть фонд еще работает, он еще живет и страхует нас от новых рисков. Большая часть этих средств — это Фонд национального благосостояния, который мы минимально тратили в прошлом году, а в этом году отказались от его трат. В прошлом году мы страховали падение доходов Пенсионного фонда (которые тоже упали), а в этом году он опять должен страховать будущие риски, о которых я еще скажу. В 2009 году, когда надо было осуществлять антикризисную программу, сохранить все взятые обязательства в целом, мы из этого фонда взяли 93 миллиарда. Многие не знают технологию: как это — взять 93 миллиарда в пик кризиса? Надо было продать ценные бумаги, мы их продали; без убытка, без ущерба для этих бумаг, потому что они были размещены в наиболее консервативный портфель бумаг, самых надежных и ликвидных. В тот момент это были краткосрочные (3, 6 месяцев, год) облигации казначейства США; когда все активы падали, эти росли в цене, а мы стояли в этих бумагах. И когда мы их продавали, мы выходили даже с каким-то доходом. В целом мы сохраняли доходность по нашему фонду, мы ее не потеряли. Накануне кризиса мне говорили: доходность низкая, много теряем, Счетная палата бранила меня за это. Надо вкладывать, говорили наши критики, в акции, вот смотрите, как действуют другие фонды — Сингапура, Китая, они менее ликвидны, но доходны; они и нефтяные месторождения покупают, и большие пакеты крупнейших финансовых институтов, а мы так скромно стоим. В правительство даже было послано несколько записок на имя Премьера и Президента: дескать, нужно срочно размещать, не то мы опоздаем... Считалось, что наиболее сбалансированная структура вложений у норвежского фонда. У него 40 процентов в акциях, 60 процентов в государственных облигациях. Но в период кризиса и он «просел», сейчас, правда, восстанавливается. Я думаю, что мы еще не прошли всех передрыг кризиса, еще встретимся с ними; однако в целом фонды восстанавливаются. В пик кризиса акции упали и, соответственно, фонды потеряли — в той части, что была в акциях. Акции просели на 45 процентов, облигации просели, по портфелям, в среднем до 15-20 процентов. Но поскольку мы стояли в очень консервативном

пакете, мы ничего не потеряли и нормально работаем. Многие работают не только с самыми надежными государственными бумагами, но и менее надежными, однако более доходными. Норвежский фонд, например, сидел и в государственных бумагах Российской Федерации, и в корпоративных облигациях нескольких крупных российских компаний, связанных (и не связанных) с нефтяным сектором. В пик кризиса мы оказались в очень выгодном портфеле, о чем есть заключения ведущих банков: кризис показал, что Россия собрала оптимальный портфель...

Я считал, что нам нужно иметь определенный запас портфеля в консервативном варианте, на период кризиса, или среднесрочных проблем в пенсионной системе... Если бы мы могли точно сказать, что профиль наших расходов таков, что нам не раньше чем через пять или десять лет придется тратить средства фонда, тогда бы, конечно, я часть портфеля перевел бы в более доходные бумаги. В тот момент мне казалось, что мы накопили не такой уж большой фонд. Сегодня мы говорим, что эта политика состоялась.

Еще один тезис: перед кризисом в мире было более пятидесяти суверенных фондов, из них половина были созданы за последние десять лет, и только 25-27 процентов — до 90-го года. Это явление последних двадцати лет, причем (это отдельная тема) это свидетельство давних дисбалансов в мировой экономике. В то время как одни накапливали и сберегали, другие тратили и потребляли. Этот дисбаланс известен, он складывался и нарастал и ныне отражается в накопленных фондах ряда государств. Есть накопленные фонды — сырьевые и несырьевые; из 56 фондов около 29 нефтяных и газовых, еще 5 связаны с металлами (золото медь и др.). Остальные фонды несырьевые. На первом месте по количеству фондов находится Китай, больше 900 миллиардов долларов накоплено, и они — несырьевого характера. И это не золотовалютные резервы, это именно выделенные фонды с другими средствами и целями инвестирования во всем мире.

Как известно, Китай проводит очень жесткую денежно-кредитную политику (о чем свидетельствует проблема занижения курса юаня) которая в рамках своих инструментов способна стерилизовать весь профицит текущего сальдо, связанного с экспортом...

Китай проводит стерилизацию, чтобы удержать инфляцию и курс — до 15 процентов ВВП ежегодно. Поэтому их фонды растут очень быстро. Мы в некоторые годы проводили до 10-11 процентов, и меня за это ругали, а Китай в денежно-кредитной политике действует более круто, чем учили в Чикаго.

Цели поставили, инструменты знают, заданные параметры строго исполняют. Не исполнил — накажут. У

нас более мягкая политика компромиссов, договоренностей... Группы интересов просят на что-то потратить, добавить, учесть... Текущих задач-то много: образование, здравоохранение... Сокращать расходы, перераспределять трудно. Когда деньги рядом, практически неодолим соблазн увеличивать расходы. Поэтому в последние годы расходы бюджета у нас увеличивали на 20, 30 процентов, что по мировым меркам нереально, неестественно; сегодня же мы пытаемся удержать достигнутый уровень.

Важна не только величина фондов (в Китае, хоть у них и больше 900 млрд, это пока около 7-8 процентов ВВП, норвежский фонд — 110 процентов от ВВП, в Объединенных Арабских Эмиратах — 300 процентов ВВП, до кризиса было 344. В Саудовской Аравии 114, в Сингапуре — около 200 процентов ВВП (если брать их два фонда). В Кувейте 206 процентов ВВП, в Катаре 66 процентов, в России сейчас чуть больше 8 процентов, а до начала кризиса было 17 процентов.

Величина фондов тоже всех пугает: зачем откладывается столько денег?

Для разных стран, вообще говоря, существуют разные задачи; например Европейскому Союзу такого фонда не хватает, и он начал создавать его в период кризиса. Вообще роль фондов в связи с этим кризисом существенно переосмысливается. Проблемы их размещения и сохранения тоже увеличились, стали более острыми. Улюкаев недавно справедливо говорил: беда, если долговые обязательства стран выйдут за черту безопасности (60-100 процентов ВВП). Но большинство стран Европы уже вышли за 70 процентов, Италия — за 120, Япония — процентов за 200, США подступают к семидесяти, все смело идут вперед, накапливают долги. Ближайшее десятилетие будет периодом увеличения суверенной задолженности. Долговой рынок суверенных обязательств становится рискованным: одна за другой страны оказываются «слабым звеном».

На днях мы исключили из списка долговых обязательств Ирландию и Испанию. Конечно, Испания не имеет таких рисков, как Ирландия; мы верим, что она не придет к такой ситуации. Мы ведем себя довольно консервативно, видимо, все большее число ведущих стран будет исключаться из наших портфелей. Тогда возникает вопрос: как сохранить такие большие ресурсы?

На середину июня всех золотовалютных ресурсов в мире было около 8,5 триллиона долларов. Это тоже тот ресурс, который сегодня ищет надежной гавани. Эта проблема имеет свое продолжение. У нас тоже есть многие фонды, фонды правительства на виду. Но есть фонды накопительные, вроде нашего Пенсионного фонда. Сегодня величина этих фондов под 900 миллиардов рублей (под

государственным и частным управлением). У нас есть фонды по страхованию вкладов, есть и другие резервы. Это обычная вещь в финансовых системах, и все это требует надежного размещения.

Назвав эти некоторые параметры, хочу вернуться к пенсионной системе. Она остается уязвимой; мы не сможем удерживать уровень пенсий в среднем к заработной плате (то, что мы через коэффициент замещения измеряем) повышать даже до каких-то приемлемых мировых стандартов, если мы не решим проблему долгосрочной стабильности и дефицита пенсионной системы. Одна из тем, которую мы обсуждали с Егором Тимуровичем Гайдаром, — создание достаточно большого фонда (больше 60 процентов к ВВП), за счет ресурсов находящихся в распоряжении правительства и государства. На первом месте это, конечно, средства от цен на нефть (превышение определенного уровня); на втором месте — то, что пока у государства в достаточном количестве. Это государственное имущество, акции крупных компаний. Они, по-видимому, должны быть мобилизованы для специальных целей. Раз мы с ними остались и перед нами стоит наиболее важная и острая задача, которая сопоставима с вызовом для всей экономики и всей финансовой системы, этот ресурс должен быть правильно сработать и не потрачен на какие-то другие, текущие задачи. И, по-видимому, мы стоим на пороге политического обсуждения этой проблемы. Мы стоим на пороге того, чтобы предлагать к реализации похожую модель, крупнейшее решение. Безусловно, эта проблема требует и оптимизации обязательств пенсионной системы, о которой я сейчас подробно говорить не буду. Изменения — когда-то, рано или поздно — пенсионного возраста, уменьшения числа досрочных пенсий... Сегодня, при назначении пенсий, сорок шесть процентов из них приходится на граждан, не достигших пенсионного возраста. То есть **почти половина новых назначений — это досрочные пенсии**, в соответствии со всякими льготами (за вредность, выслугу лет, неблагоприятный климат, тяжелые условия работы и т. д. по спискам еще 1950–1960-х годов). И в этом направлении придется работать.

Проблема проста: если мы не повышаем налоги и не увеличиваем расходы, то чтобы выйти на нулевой дефицит при цене на нефть примерно 82 доллара за баррель в 2015 году, (82 доллара — это примерно 75 нынешних в текущих ценах на инфляцию в США). 82 — доллара это значит, что нам надо сокращать расходы примерно на **ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ** в реальном выражении.

Если у нас не хватит политической воли и возможностей в оптимизации пенсионных обязательств, нам придется обсуждать другие источники. Сохранение

дефицита считаю более опасной альтернативой, а если мы собираемся повышать расходы бюджета, у нас уже маячат серьезные проблемы — на более дальнем горизонте, за пределами трех-пяти лет.

Но при этом пенсионная система будет генерировать большой и растущий дефицит; при этом будет происходить снижение коэффициента замещения.

Поэтому я считаю, что в нашей финансовой системе проблема номер один — это устойчивость и сбалансированность пенсионной системы в долгосрочном аспекте, сбалансированность бюджетной системы всех расходов и приоритетов в среднесрочном и долгосрочном аспектах.

И последнее. Когда бюджет уже внесен, принят, что у нас получится в 2013 году в сравнении с 2009 годом? Что мы проведем за три года, с точки зрения консолидации бюджетной системы? Цифры интересные. В целом примерно с 5,9% дефицита в 2009 году мы снизимся до 2,9%. Три процента — это неплохо. При этом как распределится консолидация между повышением доходов и снижением расходов? (В этом прогнозе мы не хотим, чтобы дефицит перекрывался ростом цен на нефть.) Доходы за этот период не вырастут, а даже снизятся еще на **ДВА ПРОЦЕНТА ВВП**. Это связано с тем, что у нас доля нефтегазового комплекса уменьшается (в 2009 году он составлял чуть больше 17 процентов ВВП, а в 2020 году его доля будет 13 процентов ВВП). Его доля в экономике сократится, потому что увеличение добычи будет или нулевым, или 1-2 процента. Для наших старых моделей мы брали 2 процента роста, сейчас поняли, что надо брать меньше. Нефтегазовый комплекс свои доходы поддерживать к уровню ВВП не сможет. В 2013 году за счет повышения налогов доход бюджета увеличится на 0,6% к ВВП. Чтобы уменьшить дефицит на три процента и компенсировать падение доходов на 2 процента, нам надо сократить расходы на 5%. В нашем бюджете так и есть. На первый взгляд этого не видно, но если в номинальном выражении расходы не сокращаются, то в реальном они сократятся. Если программы остаются в номинале — это означает снижение финансирования в реальном выражении. Объявленные 20 триллионов на оборону пока не имеют закрепленного источника. Мы пока идем в жестком варианте; мы даже не сохраняем уровень доходов. Очень уверенно растет к ВВП НДС. Нас критикуют, что мы держим НДС, но это налог — труженик, именно он тащит бюджет, а значит и пенсионную систему.

Егор Тимурович говорил о необходимости создания новых «подушек безопасности» для пенсионной системы — как главного вызова финансовой системе страны, и это весьма очень актуально сегодня...

Анатолий Борисович ЧУБАЙС
генеральный директор российской корпорации
нанотехнологий

ОСМЫСЛИТЬ СДЕЛАННОЕ ГАЙДАРОМ

Здесь сидят профессионалы, которые понимают, что 100-110 миллиардов долларов страна направила на спасение банковской системы и финансовой системы страны. Я думаю, что пятую часть бюджетных расходов этого года дал стабфонд, накопленный в предыдущий период. Раз. Второй источник такого же масштаба — золотовалютные резервы. Это произошло с осени 2008 года до середины 2009 года. Сейчас у нас объем золотовалютных резервов практически вернулся на докризисный уровень. Теперь подумайте, что означают два эти фактора. А это означает, что именно благодаря тому, что было сделано Егором Гайдаром, страна в 2009 году сохранила банковскую систему, а в 2010 году сохранила бюджетную систему. Представьте на секунду сценарий, что этого бы не было. Что бы происходило на широких просторах родины? Последовательное падение банка за банком, метания вкладчиков, переход в бурное возмущение, дальше — милиция и ОМОН, первая задавленная бабушка, реакция общественности... И что бы происходило в социальной сфере, в оборонке, в этом сравнительно спокойном году, если бы мы потеряли пятую часть расходов бюджета. Если все эти нас миновавшие напасти перевести на простой язык, то получается, что в 2009-10 годах был предотвращен крах социально-политической системы России.

Предотвращен — благодаря мировоззрению, предвидению, анализу, политике Егора Тимуровича Гайдара. Не хочу лишнего пафоса, но это наша давняя слабость: мы слишком легко уходим в бесстрастную профессионально-технологическую сферу. Но сегодня, когда приближается год со дня ухода Гайдара, будет правильно на другом языке описать и трезво, спокойно оценить им сделанное. Причем, вообще говоря, заметьте, что события произошли (или, к счастью, не произошли) уже после ухода Гайдара. Я считаю, что наша задача не просто продолжить дело Егора, но и, как ни странно может показаться, по-настоящему осмыслить им сделанное. Причем я даже говорю не о социально-политическом срезе (здесь все более-менее ясно), и даже наши самые непримиримые оппоненты согласны, что Гайдар место в истории завоевал. Мы будем это поддерживать, этим заниматься, и Институт, и Фонд, но я даже не об этом: здесь все понятно.

Я вспоминаю мой уже давний спор с Гайдаром, когда вышла несколько лет назад некая книжка: Россия это Америка или не Америка, потому что изотермы идут не горизонтально, а вертикально... Я требовал от Гайдара, что он должен высказаться, непрофессионализм умноженный на наглость вместе с хамством, надо поставить на место... А Егор как-то отмахивался — да ладно, брось ты.. Я напирал: да как же так, его все читают, от министра обороны до иерархов православной церкви! А Егор морщился, — не стоит внимания... Глядя с сегодняшней позиции, я думаю, что он был прав больше чем я...

Это я к тому, что не надо слишком уж большие силы тратить на спор с идиотами... Надо ли доказывать, что Гайдар изменил ход истории нашей страны? Особенно для собравшихся здесь профессионалов-ученых, задача под названием *осмыслить* — она не менее важна, а в чем-то даже более важна, чем задачи прикладного пропагандистского свойства...

Я считаю, что мы по-настоящему еще сами не отрефлексировали, не вскрыли глубинные гносеологические корни мировоззрения Гайдара. Здесь есть что самим правильно понять, что самим правильно исследовать, разобраться. Особенно, когда такие крупные платформы сталкиваются друг с другом как экономика и культура. Известно, что Гайдар был экономическим детерминистом; как ни странно, он в этом был последователем Маркса — он сам говорил. Роль культуры в развитии экономики — труднейшая тема — чрезвычайно привлекала его в последние годы. Он создал мощнейший задел, с которым нам надо разбираться, анализировать. Или: экономика и политика. Известно классическое выражение Егора, о том, что страна с ВВП на душу населения больше 10 тысяч долларов, не может долго оставаться авторитарной. Хорошо, не может долго, но долго — это сколько? Как мы понимаем, для нас это вопрос совсем не абстрактный, и совсем не только теоретический. Мне кажется, здесь есть предмет для анализа: серьезного, не апологетического, не с задачей доказать величие (это само произойдет), а разобраться для себя, для решения наших практических и прикладных задач, которые всем нам совершенно необходимо решать.

Я читал последнюю статью Егора которая вышла уже после его смерти в «Экономической политике». В этой статье Егор обозначил два вывода для долгосрочной российской экономической политики. Первый вывод о том, как надо взаимодействовать с российскими кампаниями, а второй — о необходимости сделать важнейшим приоритетом создание в России конкурентноспособного сектора инновационной экономики. Это пишет Гайдар

в разгар кризиса — о главном стратегическом направлении экономической политики нашей страны: необходимо инновационное развитие.

Но если это так, то нужно сделать, или попытаться сделать то, что не успел сделать Гайдар (жизни не хватило) — попытаться понять, заново осознать то, что им сделано, и дать ответы на те вопросы, которые сегодня перед нами стоят. Я убежден, что здесь есть предмет для более чем серьезной работы, предмет, которой не только не исчерпан, а скорее наоборот: через год после смерти Гайдара эта работа только начинается. Я хотел бы пожелать всем нам, чтобы мы эту работу провели на уровне, достойном Егора. Спасибо за внимание.

Андрей Николаевич КЛЕПАЧ
заместитель министра экономического
развития РФ

СОЗДАТЬ МОДЕЛЬ СТРАНЫ, СПОСОБНОЙ РАЗВИВАТЬСЯ

Мы вышли из той группы ученых, которая работала в Институте прогнозирования, Егор Тимурович тоже там работал... Я хочу сказать, что если начинать от истории, то важно то, что наша экономика сейчас тоже находится на некоторой развилке, на которой она находилась и в 91-92 годах.

Тогда общество кардинально изменилось и был дан ответ на то, как России развиваться, какую другую экономику по другим правилам строить. Можно обсуждать, какова цена вопроса, спорить, можно ли было найти более оптимальные пути, но за эти годы очень дорогой, правда, ценой, была построена рыночная экономика, которая базируется на капитале. И уже в 2000-ные годы эта экономика после встряски 98-го года могла продемонстрировать неплохие результаты; было явлено миру «русское чудо»: если взять с 2003 по 2007 год — экономика росла на 7 с лишним процентов в год. И мы создали, при всех рисках, достаточно надежную финансовую систему, где у нас был и профицит по 5 с лишним процентов в год, и Стабфонд, и Резервный фонд, и фонд Национального достояния. Вся идеология развития эти годы была связана с именем Егора, да и практическая реализация шла при участии Егора Тимуровича и его команды, которая продолжает работать в его Институте и органах власти.

В то же время получается, что через двадцать лет мы опять находимся на развилке. Кризис показал насколько эта модель уязвима. И мы начинаем опять спорить: а не

нужна ли другая модель, другая платформа или формы развития, или нужно что-то лишь подправить. Или, может быть, нужно убрать тот перегрев, который кризис и так убрал в части рынка недвижимости, или отыграть назад в части бюджетных расходов, которые действительно динамично росли не только в предкризисные годы, но и в условиях самого кризиса. Хотя здесь, особенно на фоне других стран, мы, казалось бы, неплохо стоим. И США, и Великобритания, у которых мы учились, на которые смотрел институт: с 10-11 процентами дефицита бюджета на фоне России, у которой дефицит пять (а в этом году меньше 4 процнтов), выглядят скорее как антипример.

Тем не менее, одна из проблем, которую нужно будет решать и в среднесрочном и долгосрочном периоде — это формирование новой модели финансовой системы... Но я думаю, что создать такую модель с разросшимся фондом Национального благосостояния будет очень сложно, если не невозможно. Потому что перейти не только к нулевому дефициту, а потом опять и к похвальному профициту бюджета — это не только шок.

Возникает вопрос: а насколько реализация такой модели совместима с задачами развития? Один из предметов постоянной полемики, которая и раньше шла, и сейчас идет, заключается в том что мы создали рыночную экономику (можно спорить насколько она конкурентная, о ее качестве, называть олигархической, сырьевой, но она все-таки рыночная, она создана на накоплении капитала). Правда, накопление капитала у нас крайне слабое по всем мировым меркам... Но нам так и не удалось в полной мере решить проблему развития. То, с чего начинались все реформы и в 90-м году. Россия по-прежнему остается *развивающейся* страной, где развитие не приобрело устойчивости, не приобрело уверенной зрелости. Это проявляется во многих аспектах, начиная от наших постоянно колеблющихся темпах роста (доходили до 7 процентов, сейчас если брать наши базовые прогнозы, рост около 4 процентов в год). Это не случайно. Если очистить рост от случайных составляющих, от колебаний цен на энергоносители и металлы, годовой рост составлял около 4 процентов. Что это означает?

Это означает, что Россия будет отставать; сейчас мы даем около трех процентов мировой экономики. Ее доля даже будет падать. Это означает, что мы не сможем ни за 10, ни за 20 лет сократить разрыв в уровне доходов населения и производительности, который есть между нами и Европой. Примерно через два-три года Казахстан, который развивается динамичнее, перегонит

Россию по уровню доходов на душу населения. Народ начнет перемещаться не только в Штаты и в Англию, но и в Казахстан. Уже многие российские кампании переносят туда свой интерес.

Я полностью согласен с тем выводом, который дал Егор Тимурович. Мы очень много говорим об инновационности, но не решили этой задачи. Сколково, это конечно хорошо, но пока не профинансировано ни одного проекта.

Или возьмем стандартные показатели инновационной деятельности, самый простой — расходы в процентах на НИОКР к ВВП. У нас один процент, у Китая уже полтора. Я не говорю про Израиль и Финляндию. В среднем по ЕС два процента. Мы отстаем по расходам на науку, в разы по доле частных вложений на исследование. Наш бизнес на науку не тратит. Он инновации импортирует вместе с технологиями. Непонятно, как нам решить задачу перехода к инновационной экономике. Без этого никак нельзя, но и цена вопроса очень большая, и не только для бюджета. Есть куча расчетов, по которым мы вынуждены увеличивать многие расходы — и государственные, и частные — и на науку, и на образование, и на здравоохранение...

Можно спорить в чем главное ядро модернизации; но если оно заключается во вложении в человеческий капитал, то мы в него особенно не инвестируем, у нас образование финансируется на уровне Индии. По здравоохранению у нас лучше чем в этих странах, но мы существенно отстаем от Европы. Как решить эти проблемы? Заявленные подходы есть; но мы не знаем бюджетную цену этих преобразований. Если опираться на оценки, мы не сможем выйти на нулевой дефицит

бюджета. Дефицит лет 10-20 будет около 2 процентов в год; и получается: либо мы вползаем в долговую экономику и тогда не сможем создать себе резервный фонд, а значит подвержены рискам, либо нужно кардинально менять налоговую систему, повышать налоги, вообще создавать другое общество, другой бизнес, с другой налоговой нагрузкой.

В общем, один из главных вызовов, который стоял перед нами и в 90-м году и стоит сейчас — это как создать модель страны, которая способна развиваться? Развиваться можно по-разному, и разные страны эти примеры демонстрируют. Мое убеждение, как и гайдаровская идеология, основано на том, что развитие должно опираться на свободу. Свободу не в инструментальном понимании: больше конкуренции, меньше административные барьеры, хотя все мы этим занимаемся. Видимо свобода шире всего этого; кроме справедливого суда, отсутствия коррупции и административных барьеров, есть кое-что еще. Нам пока не удалось создать условия, чтобы в России интеллектуальный труд, а не использование ренты (властной, земельной, природной,) мог приносить высокий доход. Потому что при той модели, какая у нас есть, и учитель, и ученый, и врач будут всегда существенно беднее (в среднем, примерно вдвое), чем те, кто занят в других секторах экономики.

Только когда интеллектуальный труд будет приносить хорошие деньги, мы получим инновационную экономику, а не страну, которая экспортирует нефть, девушек и будущих лауреатов нобелевской премии.

Надеюсь, в результате этих дискуссий появится новая модель преобразований, — мы просто обречены выиграть. ■

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: столкновение цивилизационных кодов ИЗРАИЛЬ РАССЧИТЫВАЕТ НА СЕБЯ

Авигдор ЛИБЕРМАН, министр иностранных дел Израиля,
отвечает на вопросы главных редакторов журналов «HERALD OF EUROPE»
и «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» **Михаила БОРЩЕВСКОГО** и **Виктора ЯРОШЕНКО**

Вступление, в котором журналисты рассказывают Министру об истории «Вестника Европы», основанного Н.М. Карамзиным 208 лет назад, а также журнала «Herald of Europe», основанного редакторами как форум интеллектуалов Европы в 2004 году (далее по тексту «В&Н»), и формулируют задачу встречи: услышать не сиюминутный, а своего рода философско-исторический комментарий министра иностранных дел Израиля г-на Либермана, лидера партии «Наш дом Израиль» (НДИ).

Вопрос «В&Н»: Уважаемый господин министр, когда мы анализируем мировую прессу о событиях в Израиле, в Газе, в Палестинской автономии, складывается впечатление односторонности, даже пристрастности и необъективности. Израиль в глазах, пожалуй, большинства европейской общественности, выглядит в

результате этой пропаганды, стороной, творящей несправедливости, применяющей непропорциональное насилие, в общем — несимпатичной стороной. Как вы это объясните?

А. Либерман: Ответ на этот вопрос, наверное, займет половину нашего времени... Это очень важный вопрос, и важно правильно его осветить: испокон веков существует конфликт между моральными ценностями и ценностями, которые измеряются в денежных знаках; люди чаще всего предпочитают денежные знаки, а не моральные ценности. Отсюда — основная проблема Израиля; она состоит в том, что это маленькое еврейское государство (семь с половиной миллионов населения), против которого пятьдесят семь исламских государств с населением в полтора миллиарда человек.

Территория у нас — двадцать одна тысяча квадратных километров, у них — шестьдесят четыре миллиона квадратных километров; кроме того, они контролируют 70 процентов всех энергоресурсов на земном шаре.

Поэтому, когда речь идет об интересах государства (как когда-то сформулировал, кажется, Уильям Питт, а за

ним Черчилль: «у Англии нет друзей, а есть интересы»), оно всегда следует своим интересам. Есть люди, вполне приличные и симпатичные, весьма здравомыслящие, но один хочет избираться на пост генсекретаря ООН, другой метит, скажем, в директора ЮНЕСКО, третий претендует на заметный пост в комиссии по правам человека, четвертый делает карьеру в международном спортивном движении... И все они вынуждены будут учитывать, что с одной стороны — 57 голосов, а у нас, у Израиля, только один голос, причем «глас вопиющего в пустыне» и, конечно, люди делают вполне ожидаемый выбор не в нашу пользу.

Вспомним также нашу зависимость от энергоресурсов; мировую конкуренцию, непрестанные попытки захвата новых рынков сбыта.

«В&Н»: Антиизраилизм ширится даже на фоне растущих антиисламских настроений в Европе.

Недавно медиамагнат Мердок, выступая в Нью-Йорке, процитировал американского экономиста Лоуренса Саммерса: «Если антисемитизм традиционно считался уделом необразованных правых популистов, то сегодня антиизраильские настроения распространены среди прогрессивных левых интеллектуалов». По словам Мердока, сегодня антисемитизм, к сожалению, находит поддержку как в верхах, так и в низах европейского общества.

Как, по-вашему, почему это происходит? Откуда берет корни такая растущая международная эмоциональная изоляция Израиля?

А.Л.: Да, мы давно видим, что антисемит сегодня выступает в личине озабоченного критика Израиля. Тому много причин.

Вот вы (к Борщевскому) живете в Лондоне.

В Лондоне есть сильное израильское посольство, там работают очень хорошие профессионалы, но оно одно. И оно ограничено, бюджетом, многочисленными правилами, нормами, рамками цивилизованного государства. С другой стороны, в том же Лондоне двадцать три посольства мусульманских стран, которые не ограничены ни моральными, ни бюджетными рамками. Если мы сейчас включим, к примеру, любой мировой новостной телеканал (я специально смотрел, чья идет реклама, какие у передач спонсоры), — основные спонсоры окажутся, как правило, из стран Персидского залива, мусульманского мира. И, безусловно, это тоже находит отражение в том, как день за днем, год за годом однобоко освещаются события на Ближнем Востоке.

А теперь к этому фактору прибавьте громадную мусульманскую общину — в той же Англии, в том же

Лондоне, которые в десятки раз превышают размеры еврейских общин, а ведь это избиратели, электорат!

«В&Н»: Во Франции, например, мусульманские избиратели дают до 16 процентов голосов — это уже серьезно, а может быть, приобретает и решающее значение...

А.Л.: — Вы знаете, какое сейчас самое распространенное мужское имя в Англии до 16 лет?

«В&Н»: — Джон?

А.Л.: — Мухаммед. И все названные ранее факторы создают постоянное силовое поле, в котором люди меняют свои ценности и поведение. И конечно, они предпочтут денежные знаки, а не моральные ценности.

«В&Н»: — Антисемитизм совсем не всегда маскируется, напротив, часто выступает вызывающе открыто, как современный Иран, который устами своих лидеров во всеуслышание заявляет, что Израиль должен быть уничтожен.

Израиль сегодня, по сути дела, единственная страна, которая вслух говорит о необходимости принятия жестких мер для снятия опасности появления иранского ядерного оружия. Многие страны очень бы устроило, если бы Израиль взял ликвидацию этой головной боли на себя.

Наш вопрос: насколько Израиль готов в одиночку идти в глубь конфликта с Ираном?

А.Л.: — Абсолютно ясно для любого здравомыслящего человека, «что такое хорошо, что такое плохо».

Когда Иран говорит, что ему необходим «мирный атом», — при собственных огромных запасах газа и нефти, мы все, конечно же, верим, что ему нужен исключительно мирный атом и чтобы его распространяли по всему миру «мирные» же межконтинентальные баллистические ракеты дальнего радиуса действия.

Сегодня иранская угроза подобна германскому нацизму тридцатых годов в Европе.

Когда Гитлер пришел к власти, говорили: подождите, на него легла ответственность за страну, у него не будет выхода, он начнет меняться, он откажется от радикализма...

Когда начались прямые угрозы, когда стали приниматься чудовищные антиеврейские законы, когда потянули руки к Чехословакии, Запад говорил: — ну что же, нам мировую войну опять затевать из-за какой-то Чехословакии? Давайте умиротворим Гитлера, подпишем соглашение в Мюнхене... «Я привез вам мир», — заявил Чемберлен англичанам. И в конце концов все давление сфокусировалось не на фашистской Германии, а именно

на Чехословакии. Запад сдал Чехословакию, и результаты этой политики хорошо известны...

То же самое происходит и сейчас — как результат политики умиротворения. В буквальном смысле слова история все время повторяется, наматывая новые витки.

Мы говорим миру: «опомнитесь!» Однако мы «вопием в пустыне».

Мы говорим: смотрите, это страшная, глобальная угроза, в основе своей даже не военная, а моральная. Именно столкновение моральных принципов, если хотите, цивилизационных кодов. Иран проповедует совершенно иную шкалу моральных ценностей. И опасность, исходящая от него, — не только в военных авантюрах, хотя они имеют значение; но именно в промывке мозгов, зарядении слепой ненавистью и примитивными понятиями. Надо принимать всерьез их слова и дела, как в свое время надо было принимать всерьез слова Гитлера. И следует всерьез отнестись к словам о всемирной «исламской революции». За последние тридцать лет эти «революционеры» заразили мир. Как любые революционеры, они занимаются экспортом своей «исламской революции». Мы видим, что происходит сегодня в Сомали, Пакистане, Афганистане, Ираке, Индонезии... На Ближнем Востоке были созданы террористические движения — Хезболла, Хамас, джихад и другие; все это происходит при активном участии «стражей исламской революции», их эмиссаров — аятолл, мулл и прочих.

Сегодняшний Иран — это угроза мировому сообществу. Не Израилю, а в первую очередь порядку, сложившемуся в самом мусульманском мире. Основное противостояние на Ближнем Востоке сегодня — это не противостояние между Израилем и Палестиной, и даже не между Израилем и арабским миром, а война внутри мусульманского мира.

Мы видим экспорт этой «революции» в Европу, в Африку, в Россию, в США. Корабли с иранским оружием, которые вдруг обнаруживаются в Нигерии... Терракты, которые происходят в Малайзии и Индонезии, на острове Бали, на Филиппинах...

Иран пользуется израильской тематикой как пропагандистским жупелом, для сплочения своих адептов, подстрекания массы, но его реальная цель совершенно другая.

Мы подготовили большой аналитический документ, над которым работали долгое время. Там есть и прогнозные сценарии.

«В&Н»: — Каким будет, по вашим представлениям, первый шаг Ирана, после того как он получит в свои руки ядерное оружие?

А.Л.: Первым его шагом будет не атака Израиля. Первым шагом будет оккупация стран Персидского залива. Ибо ключ к контролю над мировым сообществом, мировой экономикой лежит там, где находятся энергоресурсы. Именно поэтому в свое время Саддам Хуссейн вторгся в Кувейт.

Вторым шагом будет свержение существующей династии в Саудовской Аравии. И только после этого они, может быть, вспомнят об Израиле.

Однако продолжается постоянное разжигание ненависти к Израилю, призывы его уничтожить, циничное отрицание Холокоста, что, по закону, уголовно преследуется в странах Евросоюза, — но никто реально не пытается применять эти законы. Все это используется как примитивный прием для сплочения мусульман...

Иран, безусловно, пытается затягивать переговоры, тянуть время, для того чтобы получить реально все необходимые технологии, произвести необходимое количество обогащенного урана для создания ядерного оружия. Ни у кого никаких сомнений по этому поводу нет. Но лицемерию нет предела.

Когда ты видишь все эти голосования на Ассамблее ООН, где Израиль клеймят за нарушение прав человека, попрание демократических принципов и т. п... Кто же обвиняет единственную демократическую страну на Ближнем Востоке? Самые одиозные режимы! Кто голосует против нас? Северная Корея, Иран, Зимбабве. Но когда цивилизованные государства присоединяются к этому — это уже театр абсурда! Ионеско, наверное, в самый расцвет своего творчества не представлял, что «носороги» расплодятся в таких количествах.

«В&Н»: — Вы провели очень интересную аналогию со сговором в Мюнхене. Ведь в тот раз Европа, по сути дела, предала европейское и мировое еврейство. У меня такой вопрос: как вы считаете, сегодня государство Израиль, израильтяне — это совсем другая общность, чем то разрозненное европейское ашкеназийское еврейство, выросшее из штетлов, жившее очень герметично и на протяжении веков сохранявшее традиции смирения, приспособления, повиновения... довоенные евреи, обреченные на заклятие Гитлером и его молчаливыми попустителями?

Израилю все-таки уже более шестидесяти лет, это, как сказали бы в советское время, новая историческая общность, «израильский народ».

Это народ с другим менталитетом, другой установкой, включая и ту его часть, которая пришла из Европы, России и из Америки.

Как вы полагаете, на этот раз люди, населяющие Израиль и поддерживающие его во всем мире, понимающие его значение, — могут ли они допустить повторение Холокоста?

А.Л.: — В последние два года я встречался с лидерами большинства стран мира, включая всю Европу — Западную, Центральную, Восточную.

Когда сидишь один на один, с глазу на глаз, — все с тобой соглашаются, все всё понимают. Но, к сожалению, мир захлестнула новая волна популизма. Понимаете, Запад устал. Когда доходит до дела, все предпочитают спасать какие-то свои интересы.

Сегодня США, НАТО, Европейский Союз, Россия, — все они поглощены своими проблемами: кто с в Афганистаном, Пакистаном, Ираком, Косово, кто с Кипром, с Кавказом, и каждый политик ориентируется на общественное мнение своей страны; каждому политику нужно еще раз избираться, переизбираться, и поэтому никто не хочет рисковать собственной карьерой ради каких-то отвлеченных моральных принципов. К сожалению, дружба с Израилем, даже просто объективное к нему отношение, никому не сулит политических дивидендов. В наше время, как и всегда, «Черчиллей», к сожалению, очень мало. А «Чемберленов» — много.

Чем нынешняя ситуация в корне отличается от ситуации накануне Второй мировой войны? Тем, что тогда не было Израиля. Сегодня Израиль есть, и его народ полон решимости отстаивать свою правду до конца. Мы не склонны к авантюрам, мы не ищем столкновений, не хотим никого провоцировать, но мы будем бороться до конца. Вы знаете — Великий Израиль хоть и мал, но отступать некуда, позади Иерусалим.

Рассчитывать мы должны только на себя.

ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

«В&Н»: — Всеобщее внимание привлекла высказанная вами неоднократно позиция о том, что сегодня невозможно окончательное соглашение между Израилем и палестинцами, возможно лишь временное, но долгосрочное соглашение.

А.Л.: — Долгосрочное промежуточное соглашение, мы так называем этот подход.

«В&Н»: — По каким ключевым вопросам, по вашему мнению, можно попытаться найти и зафиксировать согласие и на какой срок?

А.Л.: — Вы знаете, я хочу вернуться к изначальным постулатам. Отношения между субъектами в международ-

ной политике всегда происходят в трех плоскостях: в политике, экономике, сфере безопасности. Наш конфликт является не столько рациональным, который можно разрешить, сколько эмоциональным, т. е. иррациональным.

Такие вопросы, как раздел Иерусалима, проблема беженцев, признание Израиля в качестве еврейского государства, проблема поселений — чрезвычайно эмоциональные вопросы, и с обеих сторон общество не готово к их разрешению сколько-нибудь радикально. И поэтому нам надо оставить политическую плоскость в стороне до лучших времен; зато мы можем удачно сотрудничать во всем, что касается безопасности и экономики.

С приходом нынешнего правительства в Израиле у нас уже есть конкретные результаты в цифрах, от которых невозможно отмахнуться сегодня.

...Экономический рост в Палестинской автономии за полтора года составил около 10 процентов. Тони Блэр в своем недавнем интервью говорил, что не верил, будто за столь короткое время можно достичь такого прогресса в экономике, как это сделано за последние полтора года.

С точки зрения безопасности, ситуация находится полностью под контролем. И поэтому сегодня нам нужно сосредоточиться на этих двух сферах: **экономике и безопасности**. Опять-таки тут много составляющих в этих проблемах; возьмем, к примеру, ситуацию в области безопасности в Израиле и у наших соседей.

При всех наших политических расхождениях у нас сейчас практически нет ни столкновений, ни жертв, ни терактов. Ситуация в соседнем Ираке за последний месяц: сотни, тысячи убитых, захваты заложников в католической церкви, серия взрывов в Багдаде. Возьмите ситуацию в Йемене, в Судане, который находится накануне гражданской войны и раздела страны; возьмите ситуацию в Ливане, в Пакистане.

Но при этом все давление и возмущение выплескиваются на Израиль: его обвиняют в том, что Израиль не продлил им же установленный мораторий на — только подумайте, о чем речь! — гражданское строительство. Это ли не свидетельство полной неспособности мирового сообщества реально видеть и решать мировые проблемы?! Конечно, легче всего давить на Израиль, поскольку он является единственным демократическим государством в этом море тирании и диктатур. Легче — потому что это давление оказывает влияние на наших избирателей, а те, в свою очередь, на своих политиков.

Это все тот же классический антисемитизм, который сегодня видоизменился и выступает в респектабельной оболочке антиизраилизма. Самый популярный лозунг тоже видоизменился: «Клейми Израиль, спасай мировое

сообщество!» Увы, сегодня это уже популярный межконтинентальный лозунг.

В КОНТЕКСТЕ ВОЙН И КОНФЛИКТОВ

А.Л.: — Я хочу продолжить, с вашего позволения. Следует понимать, что израильско-палестинский конфликт занимает даже менее двух процентов всех конфликтов на Ближнем Востоке. Большой ложью являются попытки доказать, что израильско-палестинский конфликт — это сердце всей ближневосточной напряженности. Ничего подобного! Вспомните:

- ирано-иракскую войну: более миллиона убитых и раненых;
- потом вторжение Саддама Хуссейна в Кувейт;
- первая война в Персидском заливе;
- гражданские войны в Алжире, в Тунисе;
- геноцид в Дарфуре и в Судане;
- вторая война в Персидском заливе;
- свержение Саддама;
- война в Афганистане.

И наконец то, что происходит в Ираке сегодня... Наши проблемы — это даже не два процента конфликтов на Ближнем Востоке, и тенденция идет на уменьшение; если бы не усилия Ирана, не накачка Хамаса извне, мы бы продвинулись еще дальше в экономическом и социальном развитии палестинских территорий.

Давайте заглянем в историю. Девятнадцать лет арабский мир контролировал всю территорию Иудеи и Самарии (с сорок восьмого по шестьдесят седьмой год, до шестидневной войны), мог создать свое палестинское государство — но никто его не пытался создавать. А если посмотреть шире — поражает неспособность решить не только на Ближнем Востоке, но и вообще нигде ни одного конфликта. Мировое сообщество неспособно, увы, даже решить проблему Северной Кореи — самого изолированного государства в мире.

А можно ли сравнить нашу ситуацию с тем, что происходит в Афганистане? В Пакистане? В Зимбабве?

На мой взгляд — это лицемерие в чистом виде и бороться с ним непросто.

Я хочу подчеркнуть еще один аспект: большинство конфликтов на земном шаре — вообще не решаемы в принципе. Они затяжные, вековые, эмоциональные, иррациональные.

«В&Н»: — Но большинство цивилизованных государств научилось жить даже в условиях глубоких разногласий.

А.Л.: — Даже возникло такое понятие: «мирное сосуществование». Не так уж и плохо, если иметь в виду альтернативой взаимное уничтожение.

Посмотрите на спор между Японией и Россией, или, точнее, претензии Японии к России по поводу Курильских островов. Серьезный политический спор. Но оба государства имеют посольства, поддерживают нормальные отношения, никто не угрожает другому. Или Британия и Аргентина. В их замороженном конфликте вокруг Фоклендских (Мальвинских) островов. Или проблема Северного Кипра, или другие многочисленные проблемы по всему миру.

Вот поэтому я предлагаю: давайте исходить не из политических утопий, а из того, что реально возможно решить. Давайте будем продолжать сосуществовать, давайте продолжать сотрудничать в сферах безопасности и экономики. А политические решения созреют, наверное, но не сейчас, и не завтра, и даже не послезавтра.

«В&Н»: — Ваши предложения можно трансформировать так: надо договариваться о том, о чем можно договориться, скажем, по вопросам безопасности. И как бы развести соперников по разным углам ринга... Скажите — принесла ли пользу возведенная Израилем Стена?

А.Л.: Стена свое дело сделала; число проникновений и терактов резко упало. Сейчас мы начинаем строительство стены, оснащенной современными сигнальными системами, между Израилем и Египтом на Синае, длиною 266 километров.

Она призвана закрыть страну от проникновения нелегальных иммигрантов с юга. Их проводят бедуины через пустыню; это их немалый бизнес. Число нарушителей растет год от года, в этом месяце к нам пришли уже больше тысячи беженцев. Мы не можем отправить их назад и оставляем у себя; для Израиля это уже серьезная проблема. Египет тоже строит стену, закрывающую его от Газы.

Но дело совсем не в этом заборе. Мир отказывается признать основной диагноз. А когда ты ставишь неправильный диагноз, у тебя нет никакого шанса назначить правильное лечение и выйти из болезни. Мир отказывается смотреть правде в лицо.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

«В&Н»: Не согласитесь ли вы с такой мыслью: период «холодной войны», который был объявлен в конце сороковых годов и продлился почти полвека, должен быть оценен позитивно?

А.Л.: — Да, тогда был апробирован уникальный проект СОСУЩЕСТВОВАНИЯ, когда противоборствующие стороны имели возможность так или иначе поддерживать экономические отношения, развивать политические и культурные контакты и, в общем, продвигать взаимное понимание.

Угроза взаимного уничтожения заставила учитывать существование соперников, хотя политические конфликты развивались и даже вступали в очень острую фазу (Берлинская стена, Куба, Чехословакия). Но тогда мировое противостояние сложилось по оси противоборства политических систем внутри одной цивилизации. Теперь же основная проблема современного мира — это противостояние двух цивилизаций. Но Западный мир после окончания «холодной войны» не опознал своего исторического естественного соперника, не перенастроился к новому видению мира. И удар 11-го сентября достиг цели — он глубоко травмировал западное сознание, скорее напугал, чем мобилизовал. Чем дальше, тем больше «политкорректность» определяет политическое поведение. Запад даже отказывается назвать своего реального противника. Так человек самому себе боится признаться в том, что он неизлечимо болен. Сегодня этот противник придерживается совершенно неадекватных для нас принципов, абсолютно не рациональных. При всех минусах, ужасах и при всем негативе коммунистической диктатуры это все-таки были рациональные люди. Сегодня у нас противник не рациональный. Почему я столь категоричен? Сегодня сложилась новая карта международного сообщества.

Когда я был студентом на факультете международных отношений Иерусалимского университета, мы подробно изучали, что такое международное сообщество? Кто есть игроки в международном сообществе? Это страны, международные корпорации, международные организации (ООН, ЮНЕСКО, НАТО, МВФ и др.), в том числе религиозные.

Сегодня добавились новые игроки, которых раньше не было.

Прежде всего «полугосударства». Сомали нельзя назвать государством в полном смысле. Разнообразные автономии: Карабах, Приднестровье или Палестинская автономия. Что это? Государства или нет? Какова их международная ответственность, их обязательства?

Наконец появились «нерациональные» игроки (террористические организации). Например, Аль-Каида. Является ли она всемирным игроком? Несомненно, да, очень сильный игрок, опасный игрок, но абсолютно нерациональный. Что можно предложить Бен-Ладену в обмен на прекращение террористической деятельности?

Деньги, территорию? Ему ничего этого не надо. Он является нерациональным игроком.

В противостоянии с вспыхнувшим в двадцатом веке радикальным исламом большой, как говорили в девятнадцатом веке, «сонный», «тлеющий» исламский мир пасует.

Двадцать два года назад аятолла Хомейни приговорил к смерти Салмана Рушди за его роман «Сатанинские стихи». И он до сих пор должен скрываться от мусульманских фанатиков. Но во всем исламском мире нет ни одного — ни политического, ни духовного лидера, — который осудил бы Иран за этот несправедливый приговор. Вспомните разрушение статуй Будд в Бамиане талибами — ни один исламский авторитет этого не осудил. Или реакцию на карикатуры на их пророка либо на 11-е сентября...

Речь идет о столкновении двух цивилизаций. Мы придерживаемся разных шкал ценностей. И западный мир пытается этого не замечать, увильнуть от выбора, самоустраниться.

Ведь все понимают, что основная угроза традиционному исламскому миру исходит не от Израиля, не от сионистов, не от мудрецов Сиона, а именно от радикального ислама. Основная угроза палестинской автономии не Израиль, а Хамас и джихад; основная угроза правительству в Ливане — это Хесболла; основная угроза правительству в Египте — это «Братья-мусульмане»; в Йемене — Аль-Каида; для стран Персидского залива — это Иран аятолл и Ахмадинежада.

Удручает неготовность мира мобилизоваться, собрать все усилия, скоординироваться, чтобы остановить чуму двадцать первого века в обличье агрессивного радикального ислама. Когда имеешь дело с людьми рациональными, можно доказывать, убеждать, — и достигать взаимопонимания, адекватности. Проблема с людьми, такими как Бен-Ладен, как Ахмадинежад, как Хасан Насралла, в том, что они нерациональны и неадекватны.

Все, что они проповедают, — ненависть и насилие. Стремление всех обратить в своих адептов — или истребить. Так что это общая угроза и для Европы, и для Израиля, и для России.

Каждый ищет свою личную выгоду, но, в конце концов, все заплатят очень высокую цену.

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

«В&Н»: — Хотелось бы спросить о некоторых деталях. Не кажется ли вам, что затягивание переговоров с Израилем арабской стороной всякий раз обусловлено

еще и тем, что это большой бизнес. Кто кормится от этого бизнеса?

А.Л.: Эта самая преуспевающая промышленность в мире называется «Мирный процесс на Ближнем Востоке». Эта промышленность производит мирный процесс. В ней заняты тысячи людей.

Есть тысячи людей, которые зарабатывают себе на хлеб этим мирным процессом, летают из столицы в столицу, пишут бумаги, встречаются за завтраками, обедами и ужинами...

Людям нужны эффективное сельское хозяйство, рабочие места, хорошая система здравоохранения, образования, социальная защита. Но политики и бюрократы продолжают «мирный процесс». Это очень большая и очень серьезная на сегодняшний день тормозящая структура.

«В&Н»: — Если состоится провозглашение Палестинского государства в одностороннем порядке, многие страны поддержат эту идею. Как вы думаете, Америка и президент Обама окажут Аббасу поддержку в одностороннем провозглашении палестинского государства?

А.Л.: Я не вижу особого интереса в этом вопросе. Проблема в том, что нет единого палестинского государства, есть Хамас в Газе, есть Фатх в Иудее и Самарии, они уже трижды отложили выборы у себя в Палестинской автономии.

С нашей точки зрения, такое одностороннее создание Палестинского государства позволит нам отказаться от принятых на себя обязательств и договоров, начиная с соглашения в Осло, подобного тому, как в свое время поступил Ясир Арафат...

И тогда будем разбираться. Меньше всего меня волнует чисто риторическая проблема провозглашения. Это ничего не значит. Нужна экономика, нужны реальные рабочие места, нужен бюджет, нужны институты власти — ничего этого нет.

Никто, кроме Израиля, в это ничего не вкладывает. Мы в палестинскую экономику только за последние годы вложили сотни миллионов долларов. Мы считаем, что это наш интерес: чем больше там будет рабочих мест, чем сильнее развита экономика, тем меньше будет противостояние, тем труднее будет мобилизовать людей к террору и провокациям. Мы это делали и будем делать вне всяких связей со всякими декларациями. Вся очищенная пресная вода поступает на территорию палестинской автономии из Израиля. То же самое касается электроэнергии, лекарств, медицинского оборудования и многого другого.

«В&Н»: — Если сегодня говорить о взаимодействии Израиля с другими странами, кого вы видите стратегическими партнерами Израиля?

А.Л.: В определении «стратегический» много условного. Тут трудно выделять кого-то. Мы все находимся по одну сторону баррикад. И под угрозой находится не только Израиль. И взрывы 11 сентября в Нью-Йорке, и взрывы на острове Бали, в Лондоне, Мадриде, Беслане — все это звенья одной цепи. Весь этот ваххабизм сегодня на Кавказе — он тоже не зародился на месте в советскую эпоху, он экспортирован туда со стороны этих радикальных режимов.

Поэтому партнерами должно стать все здравомыслящее человечество, чтобы остановить эту опасность.

А свести всю эту проблему к израильско-палестинскому конфликту — все равно что свести все амбиции Гитлера к заботе о судетских немцах.

«В&Н»: — В 2002 году вы послали взволнованное письмо Патриарху Алексию II по поводу судьбы христианской общины в Вифлееме. Это было связано, как вы помните, с террористическим захватом и осквернением храма Рождества Христова в Вифлееме. Вы тогда предлагали создать христианский кантон в Вифлееме. Каков был результат вашего письма?

А.Л.: Ответа не было, реакции не было, результата не было, и сегодня, к сожалению, число христиан в Вифлееме стремительно сокращается. Было больше 60 процентов, потом 33, теперь — меньше пятнадцати. Этот процесс выдавливания христиан идет по всему исламскому миру. Мы видим, что происходит с христианами внутри Ливана. Большинство христиан оставили Ливан; сегодня это уже не просто мусульманская; а даже скорее шиитская страна.

ИЗРАИЛЬ И РОССИЯ

«В&Н»: — Как вы оцениваете ваши отношения с Россией, со страной, откуда вышло столь большое число израильтян? Есть ли у вас взаимопонимание? Положительная динамика отношений?

А.Л.: — Как посмотреть — стакан наполовину полон или наполовину пуст? Ответ зависит от контекста. Мы понимаем, что у России есть свои традиционные связи и интересы в исламском мире. Конечно, взаимоотношения России с Хамасом для нас абсолютно неприемлемы. Или поставка российских ракет Сирии для нас является весьма чувствительным, обидным и довольно болезненным решением. Мы не видим здесь дальновидной политики.

Скорее — успех какой-то из лоббистских околоправительственных групп.

Вместе с тем за двадцать лет дипломатических отношений проделан большой путь. Сам факт, что Россия присоединилась к санкциям против Ирана, отказалась от поставок ракет С300, говорит о многом. Президент Медведев принял мужественное решение. После отмены визового режима полмиллиона российских туристов в год посещают Израиль, видят нашу жизнь своими глазами, это тоже немаловажный фактор. С большим успехом прошел очередной Всемирный Конгресс русской прессы в Иерусалиме в этом году; стали регулярными встречи с виднейшими интеллектуалами сегодняшней России; постоянны культурные контакты.

«В&Н»: — Возник новый фактор — люди, которые уже в третьем поколении выросли, скажем, в Англии, учились там, получили образование, вдруг оказываются террористами-исламистами. Ангела Меркель недавно заявила о провале политики мультикультурализма. А как видится эта проблема вам?

А.Л.: По-видимому, в Европе начали понимать, что угроза радикального исламизма заразна, она передается. Самая острая проблема современной Европы — это вопрос об исламских общинах и их интеграции в современное общество. В Германии много дискуссий по этому поводу. Люди приезжают, пользуются всеми благами западного общества и при этом категорически отказываются воспринять его ценности, нормативы и правила. Так поступают и у нас нелегалы, ежедневно пересекающие южную границу. Поэтому мы называем наше государство еврейским и демократическим. Мы граждане не вообще какого-то абстрактного государства, а в основе своей — еврейского, демократического, что означает его первородную суть, фундамент нашей легитимности на этой земле.

«В&Н»: — Что вы можете сказать о перспективах вступления Турции в Евросоюз?

А.Л.: Израиль — не член Евросоюза. Это проблема Турции и Евросоюза.

«В&Н»: — И все-таки, как вы оцениваете изменения внешней политики Турции, происходящие в последнее время, в частности проявившийся в этом году ее явный антиизраильский акцент?

А.Л.: Турция озвучила свою новую внешнеполитическую концепцию, которая называется НЕООТТОМАНИЗМ и означает полный отказ от наследия Ататюрка, все большее внедрение исламских ценностей в общество за счет секулярных ценностей. Турция — единственный член НАТО, который проголосовал в СБ против санкций к Ирану. У этих сдвигов много причин...

О «РУССКОЙ УЛИЦЕ»

«В&Н»: — Вы двадцать лет в политике, были видным функционером в «Ликуде», создали и возглавляете партию «Наш дом — Израиль». Скажите, как по-вашему, произошла ли интеграция «русской улицы» в израильское общество? И есть ли признание русской общины со стороны общества?

А.Л.: Представить современный Израиль без русской общины просто невозможно. Это очень удачный образец интеграции. И быстрый. Прежде всего я назвал бы израильскую экономику, особенно наш хайтек. Вся наукоемкая промышленность, которая принесла Израилю колоссальные дивиденды, не только экономические, но и признание Израиля как государства состоявшегося, самодостаточного; вообще израильский хайтек невозможен без русской общины. Велика роль ее в политике, в армии; когда я начинал в конце восьмидесятых, не было ни одного русскоязычного депутата Кнессета; а сегодня русскоязычные министры и депутаты уже исчисляются десятками, в верхнем эшелоне власти и госслужбе их уже множество.

«В&Н»: — Как вы относитесь к идиш и есть ли перспектива сохранения культуры этого языка?

А.Л.: — Я очень люблю идиш, у моего отца была самая большая библиотека на идиш в Советском Союзе; в эту субботу я ходил в театр, дающий спектакли на идиш, хороший театр. Эта культура сохраняется, хотя насколько он останется ходовым языком — трудно сказать; хотя ортодоксальная община говорит на идиш, я надеюсь, что эта культура сохранится.

«В&Н»: — Мы планируем организовать в Лондоне семинар, посвященный тому, как Израиль видит международные проблемы. Можем ли мы рассчитывать на ваше участие?

А.Л.: — Безусловно. ■

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫХОД из тупика?

Алла ЯЗЬКОВА

После российско-грузинского конфликта 2008 года стала очевидной необходимость стабилизации обстановки на Южном Кавказе, через который пролегают множественные пути транспортировки каспийских энергоресурсов. Поэтому не случайно, что уже в августе 2008-го в политике региональных и мировых держав активно обозначилась проблема урегулирования армяно-азербайджанского конфликта вокруг локальной, но в то же время взрывоопасной международной проблемы принадлежности Нагорного Карабаха*.

Армяно-азербайджанский конфликт стал одним из наиболее затяжных, кровопролитных и трудноразрешимых. На этапе распада СССР этот конфликт сопровождался острым политическим, а затем и полномасштабным военным противостоянием между Арменией и Азербайджаном, 16-17 мая 1994 г. завершившимся подписанием при посредничестве России договора о прекращении огня и невозобновлении военных действий. Но породившие вооруженный конфликт спорные проблемы не решены и

по сей день. Наиболее острым на протяжении истекших лет оставался вопрос о так называемой «зоне безопасности» вокруг НКР — семи районах Азербайджана, оккупированных Арменией в ходе вооруженного конфликта.

Основным сдерживающим фактором на протяжении всех истекших лет оставалась Минская группа ОБСЕ по карабахскому урегулированию. Официально в нее были включены девять стран-посредников, но основными действующими членами являются ее сопредседатели — Россия, США и Франция. В течение долгого времени странам-сопредседателям удавалось сохранять общий подход к переговорному процессу на основе признания *status quo*, т. е. состояния «замороженного конфликта», поскольку ни азербайджанская, ни армянская сторона не были готовы пойти на компромисс. Однако в последние годы, особенно после признания западными странами независимости автономного края Косово и в свете результатов российско-грузинской войны 2008 г. ситуация стала меняться.

* Нагорный Карабах — бывшая автономная область Азербайджанской ССР, объявившая в сентябре 1991 г. о создании независимой республики в границах Нагорно-Карабахской области и Шаумяновского района Армении (НКР). Нагорный Карабах был одной из наименьших по размерам территории автономных областей СССР, его площадь равна 4 400 кв. км. Согласно переписи 1989 г., его население составляло 192 тыс. человек, из них 75,9% армян, 22,9% азербайджанцев, которые проживали преимущественно в восточных районах — город Шуша с 12-тысячным населением был преимущественно азербайджанским.

Ещё в ноябре 2007 г. на встрече глав правительств ОБСЕ в Мадриде министры иностранных дел России, США и Франции представили перечень основных принципов урегулирования конфликта, предложив принять на их основе подготовку проекта мирного договора. Ими был предложен конкретный план урегулирования, в соответствии с которым:

- армянская сторона должна освободить на первом этапе пять из семи оккупированных районов Азербайджана, куда начнут возвращаться азербайджанцы;
- в зону конфликта должны быть введены международные силы по поддержанию мира — миротворцы;
- временные перемещенные лица из Азербайджана возвращаются в места своего проживания на территории НКР;
- после этого — в течение 10-15 лет будет проведен референдум, который должен определить и закрепить статус республики.

Последующий опыт, однако, показал, что ни одна из сторон не была готова к принятию компромиссных, а значит и непопулярных для обществ своих стран решений, а без этого урегулирование конфликта казалось практически невозможным. За истекшие два десятилетия в обществах двух стран сложилась обстановка

тотального взаимного неприятия и недоверия. Обсуждению возможных вариантов решения были посвящены состоявшиеся в последние два года многократные встречи президентов Азербайджана и Армении Ильхама Алиева и Сержа Саргсяна, которые, однако, не привели к достижению компромиссов.

Нараставшая весной и летом 2010 г. напряженность вокруг проблемы Нагорного Карабаха грозила перерасти в открытое вооруженное столкновение на фоне резкого повышения воинственной риторики Азербайджана и фактического отказа Армении от предложенных международными посредниками условий урегулирования конфликта. Все это заставило ведущих мировых акторов — Евросоюз, а также Россию, США и Францию как сопредседателей Минской группы ОБСЕ еще раз публично сформулировать наиболее приемлемые условия урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

В начале июня 2010 г. Европейским парламентом была одобрена Резолюция 2216, содержащая требование «вывода армянских сил из всех оккупированных районов Азербайджана». Тогда же на встрече Президента РФ Д.А.Медведева с канцлером ФРГ Ангелой Меркель было принято решение о совместном поиске путей

урегулирования «замороженных» конфликтов. И, несмотря на высокий уровень сотрудничества с Арменией, позиция России по поводу урегулирования конфликта вокруг НКР последовательно формулировались в соответствии с согласованными в рамках Минской группы принципами. «Главное, чтобы процесс продолжался на основе соблюдения территориальной целостности Азербайджана и уважения других основополагающих норм международного права, без применения силы», говорилось в Заявлении МИД РФ от 24 мая 2010 года.

В июне — сентябре состоялся ряд международных встреч, завершившихся подписанием согласованных всеми сторонами документов, в их числе: совместное заявление президентов России, США и Франции по Нагорному Карабаху (июнь 2010) и последующая за этим министерская встреча на форуме ОБСЕ в Алма-Ате; визит в Баку и Ереван госсекретаря США Хиллари Клинтон (июль 2010); официальный визит в Азербайджан Президента Турции Абдуллы Гюля (август 2010); наконец, визит в Ереван и Баку Президента России Дмитрия Медведева (август–сентябрь 2010) и встреча президентов США и Азербайджана в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Наиболее важным в этом ряду стало принятие совместного заявления президентов стран–сопредседателей Минской группы ОБСЕ — России, США и Франции по Нагорному Карабаху от 26 июня 2010 года.

В заявлении еще раз суммировались согласованные сторонами принципы прочного урегулирования конфликта:

возвращение... территорий вокруг Нагорного Карабаха; промежуточный статус для Нагорного Карабаха, обеспечивающий гарантии безопасности и самоуправления; наличие коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом; определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющей обязательную юридическую силу волеизъявления [его населения; право всех внутренних перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места прежнего проживания: международные гарантии безопасности, включая миротворческую операцию.

В приведенном тексте слова «его населения» взяты в скобки, поскольку в основном — английском варианте они отсутствуют. Само это уточнение имеет принципиальное значение, т. к. от него зависит, кто именно будет принимать участие в референдуме: все население Азербайджана, как это записано в его Конституции, или только жители одного региона республики, каковым, согласно нормам международного права, считается Нагорный Карабах. В английском тексте говорится также

о «возвращении *оккупированных* территорий вокруг Нагорного Карабаха», в русском это уточнение отсутствует.

Официальным в данном случае считается английский текст, поэтому в Баку не стали указывать на имеющее место несоответствия, назвав их «технической ошибкой».

Вслед за принятием этого, по сути своей базового, документа последовал визит в Азербайджан, Армению и Грузию госсекретаря США Хиллари Клинтон. Центральным пунктом ее визита было Баку, где она еще раз подчеркнула, что США выступают за мирное урегулирование проблемы Карабаха с учетом принципов территориальной целостности, неприменения угрозы силы и права на самоопределение, отраженных в Хельсинкском Заключительном акте.

Визит в Армению был сфокусирован на проблематике нормализации турецко-армянских отношений и открытия армяно-турецкой границы — вопросу, имеющему для американской стороны стратегическое значение. Сдвинуть эти вопросы с мертвой точки не удалось, к тому же отсутствие прямой увязки с необходимостью разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха вызвало крайне негативную реакцию в политических кругах Азербайджана. Ведущие азербайджанские политологи расценили визит госсекретаря США как «провальный».

Более определенными, с точки зрения интересов Азербайджана, стали результаты официального визита в Баку Президента Турции Абдуллы Гюля, во время которого 16 августа 2010 г. сторонами был подписан «Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи». При этом турецкий президент недвусмысленно намекнул на возможность силового решения затянувшегося конфликта: «В сегодняшнем мире оккупация чужих земель не может затянуться на столь долгий период. Если вопросы не решатся, могут возникнуть неконтролируемые проблемы». Абдулла Гюль призвал к «бесшумной, но решительной дипломатии», и его призыв был поддержан азербайджанской общиной Нагорного Карабаха, лидеры которой заявили о готовности решить проблему военным путем. В то же время в азербайджанской прессе появились сообщения о том, что в Азербайджане готовятся к возвращению в Нагорный Карабах временно перемещенные лица из восточной части бывшей автономной области.

Риск вмешательства Турции в региональный передел на Кавказе при отсутствии реальных гарантий стабильности со стороны США мог бы привести к новой кавказской войне, что поставило бы перед Москвой трудно выполнимые оперативные задачи. На перекрестке внешних угроз оказался и стратегический союзник

России — Армения, где в августе 2010 г. на информационном уровне развернулась открытая антироссийская кампания. В то же время, по оценке ситуации на начало сентября, ситуация легко могла выйти из-под контроля: инциденты на линии соприкосновения вооруженных подразделений стали практически ежедневными, а мониторинговая миссия ОБСЕ составляла всего 6 человек. Поэтому было важно выстроить систему сдержек и противовесов, чтобы не допустить неконтролируемого разползания конфликта.

В этих условиях состоялись государственные визиты в Армению и Азербайджан Президента России Д.А.Медведева. Позиция России исходила из основного тезиса: Азербайджан и Армения — стратегические партнеры России, война между ними недопустима, сотрудничество с ними важно для России как регионального и глобального игрока на Кавказе.

Переговоры в Армении завершились подписанием нового договора о военном сотрудничестве и продлении срока пребывания российской военной базы в Гюмри с 25 до 49 лет. Своего рода компенсацией явилось то, что Россия взяла на себя обязательства по охране границ Армении не только с Ираном и Турцией, но и с Азербайджаном.

Армянский политолог Сергей Минасян положительно оценил этот факт, хотя и заметил, что наличие иностранной военной базы в определенной мере ограничивает суверенитет государства.

Во время визита в Баку был подписан ряд важных для обеих сторон документов, в их числе — о государственной границе и об увеличении в четыре раза поставок газа из Азербайджана в Россию, при этом Д.А.Медведев также заявил, что Россия не будет препятствовать участию Азербайджана в Nabucco.

Тем временем, по сообщению председателя общественного объединения «Азербайджанская община Нагорного Карабаха», еще летом стала готовиться к возвращению в освобожденные от оккупации районы, а также в район Шуши, где до войны преобладало азербайджанское население. С конца сентября стала работать международная оценочная миссия во главе с сопредседателями Минской группы, которая должна будет дать оценку положения дел на оккупированных территориях, в связи с чем Азербайджан приостановил рассмотрение проекта

подготовленной им резолюции на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

О долгосрочных последствиях достигнутых договоренностей для расстановки сил на Южном Кавказе пока еще трудно судить. На сей день Армения получила гарантии безопасности своей территории; Азербайджан заручился поддержкой Турции на основе «Договора о стратегическом партнерстве и взаимопомощи». Что же касается главного вопроса — о Нагорном Карабахе, то наметились подвижки в поэтапной реализации обновленных Мадридских принципов, хотя это еще не означает гарантии окончательного выхода из нагорнокарабахского тупика.

Состоявшийся в начале декабря 2010 г. саммит ОБСЕ в Астане ознаменовался новым обострением ситуации вокруг Нагорного Карабаха — впервые, вопреки ранее достигнутой договоренности, не состоялась встреча президентов Ильхама Алиева и Сержа Саргсяна. Лидерам двух стран трудно о чем-либо договориться, если Баку говорит и желает слышать только о территориальной целостности, а Ереван — о независимости Карабаха, пока еще юридически входящего в состав Азербайджана. В последнее время стороны все более активно заговорили о возможности разрешения спора вооруженным путем, чреватого большими и неоправданными жертвами с обеих сторон. После чего последует принуждение к миру, долгожданный ввод миротворческих подразделений, а затем — вновь длительные споры о принадлежности территорий.

Но это худший сценарий. Представляется, что еще не исчерпаны возможности для диалога, который мог бы быть перенесен с межгосударственного на общественный уровень, и на начальном этапе речь могла бы пойти хотя бы о сохранении статус-кво и решении практических вопросов обмена военнопленными и убитыми в ходе перестрелок снайперов, о чем президенты Армении и Азербайджана договорились в ходе недавней встречи в Астрахани. При этом помощь и субсидии для организации переговоров и встреч на общественном уровне могли бы быть предоставлены европейскими и международными фондами и программами, такими, например, как Международный центр по предотвращению вооруженных конфликтов. Об этом стоит подумать — пока еще не поздно... ■

ПОЛИТИКА США НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

Н. ГЕГЕЛАШВИЛИ

Политика США в Большом Черноморско-Каспийском регионе с приходом в Белый дом Барака Обамы начала претерпевать значительные изменения. Пока не очень ясно, вызваны ли они объективными факторами, глобальным экономическим кризисом, поставившим под сомнение незыблемость основ капитализма как стабильной общественно-экономической формации, несостоятельностью политики Вашингтона в Ираке и Афганистане, что привело к пересмотру стратегических интересов Вашингтона и обеспечило их сокращение и возвращение США в русло *real politik* — или же новым внешнеполитическим курсом американского президента, в основе которого лежит модель глобализации или универсализации всего мира.

Такая модель, похоже, сполна отражает одну из ключевых тенденций XXI века, означающую втягивание мира в открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и информационных связей.

Еще в годы президентства Дж.Буша-мл. начали реально создаваться многочисленные геополитические мегапроекты, предусматривавшие радикальное изменение баланса сил и территориальные перекройки с целью вовлечения постсоветских стран в процесс глобализации, и являвшиеся «частью широких стратегических усилий по созданию зоны стабильности, простирающейся от Балкан до Центральной Азии», в обход «непредсказуемой Москвы». По периметру России в ускоренном порядке начали формироваться крупные геополитические конструкции, составные части которых предполагалось объединить общностью долгосрочных целей. Их

названия, как правило, непременно включали в себя эпитет «большой»: «Большая Европа», «Большой Ближний Восток», «Большой Черноморский регион» (его логическим продолжением стал «Большой Черноморско-Каспийский регион»).

Связывающими звеньями между ними должны были стать маршруты нефте— и газопроводов, проходившие через территорию этих государств, тем самым обеспечивая как общность их экономических, а впоследствии и национальных интересов, так и различные транспортные коммуникации, призванные активно связать данные страны с внешним миром. Внутри «пояса стабильности», как предполагалось стратегами США, должен был активно продвигаться процесс демократизации.

Учитывая геополитическую и энергостратегическую значимость стран Большого Черноморско-Каспийского региона, а также их отдаленность от мировых центров цивилизации, данный регион стал одним из первых по подключению его к «мировому потоку цивилизации».

Представляется, что в настоящее время главной особенностью политики американского президента Барака Обамы по отношению к Москве стали признание и поддержка Соединенными Штатами России как одного из ключевых центров силы, что по замыслу американской администрации должно было обеспечить подключение Москвы к общему процессу интегрирования в глобальное пространство. Это стало беспрецедентным шагом со стороны текущей американской администрации по отношению к Москве и резко контрастирует с политикой всех предыдущих администраций США. Таким образом,

нынешний американский президент выступил против изоляции России: он пытается говорить с ней и втягивать ее в процесс многосторонних отношений.

Основные идеи нового внешнеполитического курса Барака Обамы — необходимость коллективного решения современных острейших международных проблем, разделение ответственности за это между многими государствами, отказ от стремления к доминированию над другими государствами, призывы к ним — не стоять в стороне и вместе с США браться за решения глобальных задач, не могут, по крайней мере, в настоящее время восприниматься иначе, как базисные принципы нового революционного внешнеполитического курса американского президента, в основе которого лежит «мультилатерализм» — принцип, включающий в себя многосторонность, вовлеченность и сотрудничество.

В силу своего энергоресурсного, коммуникационно-го и военно-стратегического потенциала Большой Черноморско-Каспийский регион продолжает оставаться важнейшим субъектом мировой политики, а потому и одним из самых проблемных регионов в российско-американских отношениях, могущим стать лакмусовой бумажкой в контексте заявленной Вашингтоном перезагрузки.

Сразу же после распада СССР Вашингтон взял курс на усиление американского присутствия на постсоветском пространстве. Одним из ключевых аспектов политики Дж.Буша-ст. по отношению к Новым Независимым Государствам (ННГ) стала подготовка в апреле 1992 г. законопроекта «О поддержке свободы», который предусматривал американскую правительственную помощь ННГ как непосредственно, так и через МВФ. Закон этот был одобрен конгрессом и подписан президентом Дж.Бушем 30 октября 1992 г.¹

Приход к власти Б.Клинтон ознаменовал начало нового этапа в политике США по отношению к ННГ, который с самого начала определялся как вовлечение (engagement) в те бывшие советские республики, которые, с точки зрения администрации Б.Клинтон, имели жизненно важное политическое и экономическое значение для США. К ним, в первую очередь, Вашингтон отнес все три государства Южного Кавказа и пять бывших советских республик Центральной Азии. Тогда же было заявлено, что заинтересованность США к этим регионам обусловлена в первую очередь богатыми запасами углеводородного сырья, располагающимися в бассейне Каспийского моря. Также отмечалось, что США придают большое значение геополитическому положению Южного Кавказа и Центральной Азии, поскольку все государства, входящие в данные регионы, представляют собой важнейшие звенья «нового Шелкового пути», ведущего

к возрождению исторических торговых связей Китая и государств Центральной Азии с Европой.

Важной частью политики «вовлечения» США в данные регионы явилось и оказание Вашингтоном содействия государствам этих регионов в создании там демократических институтов, способствовавших развитию демократии и демократическим преобразованиям. Это положение было закреплено в принятом в марте 1999г. американским конгрессом «Акте о стратегии Шелкового пути», призванного стимулировать экономическую помощь, развитие инфраструктуры (включая трубопроводы), поддержку в упрочении безопасности, укрепление демократии и развитие гражданского общества»².

Также администрация Б.Клинтон заявила о своей активистской позиции и о намерении полностью включиться в процесс по урегулированию конфликтов, вспыхнувшим на Южном Кавказе. В августе 1993 г. был назначен специальный координатор от США по урегулированию конфликтов в СНГ (Дж.Коллинз) и было создано соответствующее подразделение в госдепартаменте. В тот же период Вашингтон стал активным участником Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта.

Таким образом, все делалось для максимального закрепления лидирующих позиций США на Южном Кавказе и в Центральной Азии надолго и всерьез, что с точки зрения Вашингтона, должно было способствовать институциональной интеграции этих стран в западное сообщество.

Приход в Белый дом президента Дж.Буша-мл. в январе 2001 г. ознаменовался двумя сроками нахождения неоконсерваторов у власти, составлявших внешнеполитический костяк его администрации. Провозгласив «глобальный поход за продвижение демократии», администрация Дж.Буша-мл. начала формирование стратегически важного для Вашингтона Большого Черноморско-Каспийского региона в контексте многоцелевого энергетического транспортного коридора Восток-Запад с более продвинутых в демократическом отношении государств этого региона, где главным оплотом стали Грузия и Азербайджан.

Параллельно с этим формировалась и стратегия постепенного внедрения НАТО на Южный Кавказ. Это осуществлялось путем разработки для стран региона поэтапных программ, предусматривавших возможность их вступления в НАТО в средне— или долгосрочной перспективе по следующему сценарию: участие этих стран в специально созданной для них альянсом программы «Партнерство ради мира» (PFP), затем получение ими

статуса страны-кандидата в члены НАТО в рамках Плана индивидуального партнерства с альянсом (IPAP), и, наконец, включение этих стран в План по вступлению в НАТО (MAP).

В марте 2008 г. в Вашингтоне состоялось открытие комиссии НАТО-Грузия, в рамках которой Соединенные Штаты и Грузия намерены придерживаться структурного плана действий по увеличению оперативной совместности и координации возможностей между НАТО и Грузией, в том числе посредством увеличения масштабов обучения грузинских вооруженных сил и поставок необходимого им оборудования.

Результаты бухарестского саммита НАТО, состоявшегося в апреле 2008 г., на котором Грузия не получила заявку на вступление в План по вступлению в альянс (MAP), и последовавшие за этим августовские события 2008 г. в зоне грузино-южно-осетинского конфликта, не повлияли на последовательную политику США и НАТО по отношению к Тбилиси — они по-прежнему остаются непреклонны в проведении избранной ими политики по вступлению в Грузию в эту организации. Наглядное тому подтверждение — подписание в Вашингтоне 9 января 2009 года между Соединенными Штатами Америки и Грузией Хартии о стратегическом партнерстве, подтверждающей важность отношений между стратегическими партнерами, и призванной расширять сотрудничество по широкому спектру общих приоритетов — «распространение демократии и экономической свободы, обеспечение безопасности и территориальной целостности, а также укрепление энергетической безопасности в евроазиатском регионе»³.

Выступая в Конгрессе США 18 июня 2009 г. помощник государственного секретаря по делам Европы и Евразии Филипп Гордон отметил, что «Южный Кавказ должен идти по европейскому пути, а Соединенные Штаты твердо настроены продвигать “рубежи свободы” в Армению, Азербайджан и Грузию, помогая этим странам улаживать региональные конфликты и строить демократические институты. Вопрос о том, может ли регион между Черным морем и Каспием на деле присоединиться к Европе и ее институтам, решается уже сейчас»⁴.

Во время официального визита в Москву 7 июля 2009 г. президент США Барак Обама на встрече с российским президентом Д. Медведевым выразил свою убежденность, что «территориальная целостность и суверенитет Грузии должны уважаться, и никто не заинтересован в возобновлении военного конфликта в этой зоне»⁵. А посетивший Грузию 22 июля 2009 г. вскоре после визита Б.Обамы в Россию вице-президент США Дж.Байден заявил, что «США выступают против

каких-либо зон влияния и сфер интересов, а перезагрузка в отношениях с Москвой вовсе не означает, что Вашингтон готов пожертвовать своими теплыми отношениями с Грузией или Украиной»⁶. Визит Дж.Байдена в Грузию в разгар политического кризиса стал явным свидетельством того, что США не намерены пускать развитие событий на самотек, а, наоборот, заинтересованы в определенном разрешении конфликта.

По линии деятельности Комиссии Грузия-НАТО события развивались и продолжают развиваться в том же русле. 4 декабря 2009 г. в Брюсселе, на заседании вышеназванной комиссии, генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен подтвердил, что «решения Бухарестского саммита остаются в силе, а это означает, что Грузия обязательно станет членом НАТО, хотя для этого она должна выполнить соответствующие условия»⁷.

А на последнем заседании комиссии, состоявшемся 11 июня 2010 г., министры обороны стран альянса в очередной раз выразили всемерную поддержку суверенитета и территориальной целостности Грузии и ее стремлению пополнить ряды НАТО, рекомендовав Тбилиси продолжать осуществление реформ, необходимых для вступления.

Таким образом, несмотря на имеющиеся с Россией разногласия по грузинскому вопросу, США и НАТО остаются непреклонны в отношении проводимой ими политики к Тбилиси и продолжают призывать Россию уважать суверенитет и территориальную целостность Грузии.

Тем не менее, похоже, что на сегодняшний день вопрос о приеме Грузии в НАТО фактически заморожен. Такая ситуация может отчасти быть обусловлена полной растерянностью в рядах альянса, порожденной как отсутствием хоть какого-нибудь отлаженного механизма, способного заново поставить на рельсы приостановленный процесс по вступлению Грузии в альянс, и тем самым обеспечить ей институциональную (законодательную) основу для достижения этого, так и давно созревшей необходимостью реформирования самого альянса. Одной из предпринимаемых мер по урегулированию этой проблемы стал запущенный Альянсом проект разработки новой стратегической концепции НАТО, активизацию которого в значительной степени способствовали предложения России по созданию новой архитектуры европейской/евроатлантической безопасности.

В рамках восточноевропейского турне, состоявшегося в начале июля 2010 г., Государственный секретарь США Хилари Клинтон посетила все три страны Южного Кавказа. Визит, в первую очередь, был призван подчеркнуть и еще раз обозначить приверженность взятого

Вашингтоном внешнеполитического курса по отношению к данному региону, чтобы несколько смягчить непрекращающийся шквал критики со стороны неоконсерваторов в адрес администрации Б.Обамы в контексте объявленной перезагрузки в российско-американских отношениях.

Характерно, что в преддверии визита Х. Клинтон в страны Южного Кавказа помощник госсекретаря по связям с общественностью и прессой Филипп Кроули заявил на брифинге для прессы в Вашингтоне, что «визит Х. Клинтон в Тбилиси будет конкретным выражением нашей поддержки территориальной целостности Грузии, и я убежден в том, что он станет наглядным доказательством неизменной приверженности США этому принципу»⁸, отметив важность Грузии как союзника США в Афганистане, внесшей значительный вклад в осуществление этой миссии.

А на пресс-конференции, состоявшейся 5 июля 2010 г. в Тбилиси, госсекретарь США со своей стороны заявила, что «Вашингтон твердо поддерживает суверенитет и территориальную целостность Грузии, не признает сфер влияния и продолжает призывать Россию выполнять соглашение от 12 августа 2008 года, подписанное президентами обеих стран, и предусматривающее деокупацию и вывод войск из Абхазии и Южной Осетии и их возвращение на позиции до конфликта»⁹. Х. Клинтон также призвала Грузию продолжать реформы и заверила грузинскую сторону, что «США будут делать все для оказания поддержки своим партнерам, для усиления демократических процессов, для того, чтобы построить свободную и безопасную страну»¹⁰.

Таким образом, как президент США Б.Обама, так и госсекретарь Х. Клинтон, еще раз констатировали имеющееся принципиальное разногласие между Москвой и Вашингтоном по грузинскому вопросу, отметив, тем не менее, что Вашингтон не безразличен к действиям России на постсоветском пространстве, а Америка не отступит от своих демократических ценностей, несмотря на желание улучшить отношения с Россией. Пожалуй, что сегодня грузинская проблема — одна из считанных проблем, если не самая серьезная, позиции по которой между Москвой и Вашингтоном расходятся.

Однако, похоже, что Москва в целом остается равнодушной к критике Вашингтона на сложившуюся в ее отношениях с Тбилиси ситуацию. Вялая реакция Кремля на обвинения со стороны американской администрации объясняется пониманием, что американской администрации приходится реагировать на критику «правого крыла» — нелегкое наследство, полученное ею от Джорджа Буша-мл. В этой ситуации главное Москва видит в

другом — перезагрузка отношений с Россией красной нитью пронизывает все выступления Госсекретаря США во время ее поездки по странам Южного Кавказа.

Говоря о целях визита Х. Клинтон в Азербайджан и Армению, представитель госдепа Филипп Кроули отметил, что «США вложили большие усилия и энергию в нормализацию отношений между обеими странами, и это является свидетельством нашего намерения работать и далее над разрешением стоящих проблем, которые препятствуют нормализации отношений между ними»¹¹.

На встречах с президентами Азербайджана Ильхамом Алиевым и Сержем Саргсяном в Баку и Ереване госсекретарь США отметила необходимость скорейшего урегулирования карабахского конфликта на основе Мадридских принципов, согласованных Минской группой ОБСЕ (РФ, США и Франция). Были затронуты и другие острые проблемы, связанные с нормализацией отношений Армении с Турцией и открытием турецко-армянской границы, а также перспективы энергетического сотрудничества между Баку и Вашингтоном в контексте проекта Nabucco, который в последнее время застопорился из-за разногласий между Баку и Анкарой по поводу транзита газа.

Между тем становится все более очевидным, что решением конфликтов на Южном Кавказе, препятствующим нормализации отношений между Баку, Ереваном и Анкарой, с одной стороны, Грузией и Россией, с другой, должны заниматься как Москва, так и Вашингтон, однако на новом качественном уровне, когда общие цели способствуют решению общих задач.

Характерно, что заявление госсекретаря США о том, что Вашингтон, вместе со всем международным сообществом, все еще ожидает от России выполнения соглашения от 12 августа 2008 г., предусматривающее вывод войск с территории Грузии и прекращение ее оккупации, не осталось без ответа со стороны российского руководства. Глава правительства России В.Путин призвал власти Грузии «самостоятельно договариваться с Южной Осетией и Абхазией, а не искать решения на стороне»¹².

Нетрудно понять, что данное заявление имело своей целью еще раз продемонстрировать, прежде всего, Вашингтону, что ключ от решения грузинской проблемы находится в руках у Москвы. При этом имеются большие сомнения в реальной возможности наладить диалог между Тбилиси, Сухуми и Цхинвалом без помощи «третьей стороны».

С другой стороны, в заявлении Х. Клинтон о солидарности с Грузией лежит признание, заключающееся в том, что, несмотря на то, что Тбилиси является

союзником США, в настоящее время изменить ситуацию в пользу Грузии за счет поддержки Вашингтоном выдвинутого Тбилиси проекта интеграции Абхазии и Южной Осетии практически невозможно.

Ясно одно, что решение данной проблемы не может быть достигнуто без прямого российско-грузинского диалога, и что сегодня как Вашингтон, так и Евросоюз, должны максимально способствовать этому, тем более, в свете недавно сделанного российским президентом Д. Медведевым заявления о том, «ЕС и США являются ключевыми партнерами Москвы»¹³.

В этой ситуации Вашингтон, скорее всего, будет всячески приветствовать политику России по нормализации отношений с Грузией. На самом деле, только сотрудничество Вашингтона и Москвы может сблизить позиции США и России по этому вопросу. Однако, учитывая сегодняшние отношения между Москвой и Тбилиси, грузинскому руководству остается делать лишь заявления, демонстрирующие жесткую позицию в отношении своих мятежных провинций — Абхазии и Южной Осетии до наступления лучших времен. Москва со своей стороны считает, что ничего не теряет, не поддерживая никаких отношений с сегодняшним Тбилиси, и что это проблема лично грузинского президента М. Саакашвили.

Одной из возможностей, предусматривающей взаимодействие Тбилиси и Москвы по грузинской проблеме, может стать проект соглашения о совместном существовании с Южной Осетией и Абхазией в форме конфедерации, а также целый ряд других, подготовленных к рассмотрению социально-политических проектов. Не последнюю роль в этом может играть и публичная дипломатия, способная дать достойный старт для возобновления диалога.

Что же касается конфликта в Нагорном Карабахе, то здесь и Москва и Вашингтон выступают как заинтересованные посредники. Визиту Х. Клинтон в Азербайджан и Армению предшествовали два события. Одно из них состоялось в рамках саммита G8. 26 июня 2010 г. в Торонто, на котором президенты России, США и Франции приняли совместное заявление по нагорно-карабахскому конфликту, призвав лидеров Армении и Азербайджана ускорить работу над Основными принципами урегулирования конфликта с тем, чтобы приступить к разработке проекта мирного соглашения. Второе событие — это состоявшаяся на Петербургском саммите встреча С. Саргсяна и И. Алиева, и принятое на ней заявление, предусматривающее обязательное возвращение оккупированных азербайджанских районов вокруг Нагорного Карабаха, а также оформление промежуточного статуса, обеспечивающего гарантии безопасности

и самоуправления. Среди прочих обязательств — обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом, а также права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места прежнего проживания, что предусматривает необходимость создания гуманитарно-миротворческой миссии во главе со странами — председателями МГ ОБСЕ. В заявлении также отмечается необходимость определения будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем референдума.

Похоже, что сегодня администрация Б.Обамы полностью осознает всю сложность проблем, скопившихся на Кавказе, равно как и необходимость их скорейшего решения. К числу таких проблем, можно отнести возобновление старых конфликтов в этом регионе, вероятность которых крайне высока, продолжающееся ухудшение отношений между Азербайджаном и Арменией в свете нерешенного конфликта в Нагорном Карабахе, и как результат — рост напряженности в зоне конфликта, наблюдающийся за последнее время. К тому же временный провал на переговорах по нормализации отношений между Арменией и Турцией способствует эскалации этого напряжения. С учетом отсутствия эффективных механизмов, способных обеспечить скорейшее урегулирование этого конфликта со стороны Запада, такая ситуация может выйти из-под контроля и перерасти в настоящую войну.

Урегулирование грузинской проблемы также требует скорейшего решения. Последствия августовской войны 2008 г. и экономический кризис не вызвали в Тбилиси, вопреки всем ожиданиям, сильных потрясений, между тем как вопрос суверенитета и территориальной целостности Грузии продолжает оказывать дестабилизирующее влияние на эту страну.

Однако самой большой опасностью в регионе может стать Северный Кавказ. В этой связи представляется, что Вашингтон будет всячески способствовать максимальному вовлечению Москвы к решению проблем на Северном Кавказе, чтобы не допустить, в случае обострения ситуации в регионе, дальнейшую эскалацию напряженности и ее распространения на территорию Южного Кавказа. Проблема осложняется тем, что в настоящее время у Вашингтона практически нет никаких рычагов влияния на Россию на этом направлении. Для урегулирования ситуации на Северном Кавказе важно, чтобы Россия выработала эффективные механизмы, предусматривающие укрепление границ и оказание помощи этому региону со стороны международного сообщества, а также начали осуществлять поэтапную политику, способствующую укреплению политической и экономической стабильности

в регионе, где привлечение западных инвестиций должно играть не последнюю роль.

Важно учитывать, что одним из ключевых факторов в контексте объявленной перезагрузки в российско-американских отношениях является то, что ее необходимо рассматривать как «улицу с двусторонним движением», а это означает, что, как Москве, так и Вашингтону, необходимо начать движение навстречу друг друга, чтобы российско-американский диалог, предусматривающий сотрудничество по многим сложнейшим вопросам современности, смог бы перерасти в реальное и полноценное партнерство. Только это могло бы изменить сложившуюся ситуацию и начать развивать российско-американские отношения с «чистого листа».

При этом обе стороны должны пойти на определенные уступки для устранения имеющихся у них основных разногласий, особенно с учетом пока еще недостаточно прочного политического и экономического фундамента нынешних российско-американских отношений.

Таким образом, представляется, что новой чертой политики России на Южном Кавказе мог бы стать ее переход из политической плоскости в экономическую. Этому способствует, во-первых, новый характер отношений между Москвой и Вашингтоном в свете заявленной перезагрузки, особенно в той ее части, которая касается отказа от любых «сфер влияния». Другое соображение, которым мола бы руководствоваться Москва, имеет чисто прагматический характер. Оно тесно сопряжено с попытками Москвы дать ответ на вопрос, насколько напористая политика Кремля, особенно в отношении непосредственных соседей России, отвечает ее долговременным стратегическим интересам. Этот ответ должен быть найден в обозримой перспективе.

С учетом этого, необходимо осознавать и то, что по мере развития и укрепления государственности стран Южного Кавказа, их национальные интересы будут приобретать все более четкие очертания, что со временем может резко ослабить проводимую ими политику «многовекторности». В результате это может заметно усилить роль каждого из этих государств в отдельности, и, тем самым, подготовить их к осуществлению широкомасштабного сотрудничества, диктуемого мировой конъюнктурой, что приведет к созданию более изощренных условий для конкурентной борьбы между заинтересованными потребителями (Россия, Европа, Китай, Индия).. Кроме того, представляется, что Грузия и Азербайджан в силу их геостратегического значения со временем могут начать вести изнурительную борьбу за усиление своих региональных амбиций. В конечном счете, каждой стране Южного Кавказа придется выбирать

свои приоритеты. Сегодня это необходимо учитывать как Москве, так и Вашингтону.

Более того, активизация политики Москвы, вызванная событиями на Кавказе, была направлена на формирование различных блоков краткосрочного действия, в основе которых находится скоропалительное союзничество со странами, находящимися далеко не в фарватере мировой политики, которые могут приостановить (но только временно) неизбежное сотрудничество между Россией и Западом (в лице ЕС и США). Подобные метания из одной крайности в другую не могут привести к завоеванию Россией ключевых позиций в формирующемся мире. Политические и экономические реалии, происходящие в мире, не способствуют жизнеспособности однополярной и даже биполярной систем; их место неизбежно займет полицентричный мир.

Похоже, что сегодня главный интерес Москвы направлен на то, чтобы интеграция стран Содружества в западные структуры осуществлялась не против России, а вместе с ней, с учетом ее интересов. В какой-то степени такая позиция Москвы совпадает с одним из программных заявлений американского президента Б.Обамы относительно заинтересованности Америки в международной системе, которая способствует сотрудничеству при уважении суверенитета всех государств, так как «государственный суверенитет должен быть краеугольным камнем международного порядка, а Америка никогда не будет навязывать меры безопасности другой стране.»¹⁴.

В этой связи необходимо отметить и то, что реформирование мировой политики требует также и реформирование дипломатии. Для этого нужно полностью устранить недоверие и предвзятость с обеих сторон и постараться выстроить новую парадигму российско-американских отношений.

Представляется, что объявленная перезагрузка в российско-американских отношениях имеет своей целью способствовать превращению России в современную и модернизированную страну. А это значит полномасштабное интегрирование России в мировые структуры, приобщение ее к игре по единым правилам, и выход на тот уровень, на котором Москва может стать одним из ключевых центров силы на мировой шахматной доске. Потому что иного пути, кроме интеграции в мировые западные структуры, у нас просто нет. Альтернатива — это изоляция страны. Но интеграция предполагает и развитие гражданского общества, и реальную многопартийность, и цивилизованный парламентаризм, и нормальную судебную систему. Все это связано с развитием демократии, а у нас сегодня даже само это понятие дискредитировано.

С учетом этого, Россия должна осознать, что в нынешней ситуации необходимо действовать сообща с остальным «развитым» миром, в котором она сможет занять одно из лидирующих мест при проведении более сбалансированной и прагматичной политики.

Похоже, что сегодня Москва вплотную занялась выработкой региональной стратегии, в которой четко сформулированы цели и задачи военно-политических и экономических связей России с государствами Южного Кавказа, а также методы и средства по их достижению. Все это должно быть направлено на дальнейшее продвижение российских интересов, которые могут быть обеспечены только тогда, когда Россию начнут воспринимать здесь в качестве выгодного, надежного и заслуживающего уважения партнера.

С другой стороны, пересмотр стратегических интересов Вашингтона и возвращение США в русло *real politik*, позволяет им с большей очевидностью осознавать тот факт, что они вряд ли когда-нибудь смогут стать единственной доминирующей силой на Южном Кавказе: нет никаких предпосылок к тому, что это произойдет. Реальные цели — энергетическая безопасность, близость к главному театру войны с терроризмом (Афганистану и Пакистану), борьба с торговлей наркотиками, оружием и технологиями производства оружия массового поражения, поощрение прозрачности социально-экономического развития — требуют твердых обязательств.

Непрерывный диалог с региональными игроками, а также с Китаем и Европейским Союзом и его ключевыми членами, Японией и Индией может скоординировать политику в регионе и предотвратить кризисы. Тем более, что после окончания противостояния периода «холодной войны» наблюдается активный переход с глобального уровня на региональный при решении как экономических проблем, так и проблем безопасности в силу объективных условий, сложившихся в современном мире, что диктуется отчасти и большей целесообразностью.

На данном этапе похоже, что экономические интересы, равно как и интересы безопасности России и США на Южном Кавказе, не исключают друг друга и могут быть лучше реализованы только через сотрудничество.

Пока что общими интересами России и США, которые необходимо культивировать, являются развитие и безопасность поставок и транзита энергоносителей, борьба с терроризмом и ограничение распространения ядерного оружия. Однако со временем список общих интересов в контексте объявленной США перезагрузки с Россией в таких областях, как контроль над вооружениями, противоракетная оборона и Афганистан, может быть расширен, и включать в себя более сложные вопросы, такие, как расширение НАТО, независимость Косово, статус Абхазии и Южной Осетии, а также место России в евро-атлантической архитектуре безопасности. В этой связи необходимо учитывать и то, что в настоящее время система европейской безопасности нуждается в значительной реконструкции, а российско-грузинский кризис убедительно продемонстрировал, что ни одна из существующих европейских структур, обеспечивающих безопасность, не смогла предотвратить его. Отсюда Западу, похоже, предстоит в полной мере осознать тот факт, что связанные с территориальной целостностью вопросы должны решаться в рамках новой единой системы европейской безопасности.

При этом необходимо осознавать главное — а это то, что отсутствие общего мнения по каждой проблеме не должно препятствовать сотрудничеству государств для достижения общих целей. Все это становится более реальным в контексте перезагрузки в российско-американских отношениях.

Примечание

- ¹ The Freedom Support Act, www.house.gov
- ² Silk Road Strategy Act of 1999, www.house.gov
- ³ www.state.gov
- ⁴ June 18, 2009. www.state.gov
- ⁵ www.state.gov
- ⁶ "Georgian Times", July 23, 2009
- ⁷ www.nato.int
- ⁸ www.state.gov.com
- ⁹ www.state.gov
- ¹⁰ <http://www1.voanews.com/>
- ¹¹ www.state.gov
- ¹² <http://www.prime-tass.ru/news/articles>
- ¹³ «Коммерсантъ», N124 (4424), 13/07/2010
- ¹⁴ www.state.gov

В Страсбурге завершилась зимняя сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы. О ее итогах, а также перспективах сотрудничества Европы с Россией и Беларуссией в интервью Радио Свобода рассказал генсек Совета Европы Турбьерн Ягланд.

— **Господин Генеральный секретарь, в Москве как раз в период очередной сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы произошел взрыв, десятки людей погибли и были ранены. Какова была ваша реакция на произошедшее?**

— Во-первых, я хотел бы выразить свое сочувствие и понимание всем пострадавшим и семьям погибших, а также населению России, в очередной раз пережившему ужасную трагедию. Сейчас все должно быть сделано для того, чтобы найти тех, кто это сделал, провести необходимое расследование, и, кроме того, мы должны усилить нашу общую борьбу с терроризмом. Это — общая угроза для Европы. И мы должны дать единый сигнал о том, что терроризм является неприемлемым инструментом для решения политических конфликтов. Политические конфликты должны разрешаться демократическими методами, и с терроризмом мы тоже должны бороться с соблюдением прав человека и верховенства закона, это очень важно.

— **Одной из основных тем зимней сессии ПАСЕ были ситуация в Беларуссии после президентских выборов декабря 2010-го года. В ходе дискуссии западные парламентарии Минск критиковали, а российские его защищали. Как Совет Европы при таком отсутствии единства может повлиять на белорусские власти?**

— То, что произошло после президентских выборов в Беларуссии, для нас абсолютно неприемлемо, и мы призываем освободить всех заключенных. На самом деле у нас есть возможность влиять на Беларуссию, поскольку Совет Европы для Беларуссии — это ворота в Европу, и их никак нельзя обойти. Выбор, который сейчас Беларуссия делает — это быть или не быть европейской нацией. Перед выборами могло сложиться впечатление, что у Беларуссии есть только один выбор: быть либо с Россией, либо с Евросоюзом. Но это совсем не так. Беларуссия может либо стать частью Европы, частью которой является и Российская Федерация, либо быть изолированной от европейской семьи. И если белорусы хотят быть членами европейской семьи, то надо к этому идти по проторенной другими дороге. Беларуссия, надо сказать, ратифицировала одну из наших конвенций — она присоединилась к группе государств, борющихся с коррупцией, есть и другие конвенции, которые могли бы быть интересны этой стране. Так что у нас есть возможности приблизить Беларуссию к Европе. И Беларуссии стоит спросить себя, хочет ли она присоединиться к этой общеевропейской семье.

— **События, подобные белорусским, происходили и в Москве — лидеры оппозиции, участвовавшие в декабре и январе в разрешенных демонстрациях, были арестованы и провели до 15 суток в заключении. Не является ли это прямым нарушением стандартов Совета Европы?**

— Свобода собраний — это одно из основных прав человека, и оно не должно ограничиваться, если, конечно, демонстрации законные и мирные. Но не чиновники должны решать, могут люди

собираться или нет. В принципе, власти могут указать, где следует проводить демонстрации, ведь нельзя проводить демонстрации где угодно. Но нужно быть очень аккуратным, ограничивая демонстрации по принципу времени и места проведения. И если говорить о демонстрациях по 31-м числам, о которых вы сказали, я не вижу никаких проблем ни в смысле безопасности, ни каких-либо еще, которые могли бы угрожать российскому обществу. Напротив: власти могли бы продемонстрировать, что в России есть свобода высказываний и свобода собраний, и можно собираться именно в этом месте именно в эти дни.

Беларусь: ПАСЕ призывает к немедленному освобождению заключенных и сохраняет приостановку статуса «специально приглашенного»

Страсбург, 27.01.2011 Возмущенная беспрецедентной волной преследований и насилия, которые последовали за объявлением результатов президентских выборов в Беларуси в декабре 2010 года, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала сегодня власти страны «немедленно освободить» всех задержанных по политическим мотивам кандидатов в президенты от оппозиции, журналистов и правозащитников, и положить конец притеснениям и запугиваниям.

По итогам срочного обсуждения и в соответствии с предложениями, выдвинутыми докладчиком Синиккой Хурскайнен (Финляндия, СОЦ), члены Ассамблеи призвали провести транспарентное расследование «массивного и несоразмерного использования силы» полицией в отношении демонстрантов. Они также призвали власти прекратить исключение студентов из университетов и увольнение людей с работы в связи с их участием в демонстрациях протеста.

Учитывая «существующие дополнительные серьезные недостатки», Ассамблея подтвердила свое решение приостановить деятельность, связанную с контактами на высоком уровне с властями Беларуси. Она также призвала Бюро Ассамблеи не прекращать приостановку статуса «специально приглашенного» в отношении парламента Беларуси до введения моратория на исполнение смертной казни и пока не будет достигнут существенный, весомый и очевидный прогресс в соблюдении страной демократических ценностей и принципов, защищаемых Советом Европы.

По мнению Ассамблеи, любые санкции, связанные с контактами с лицами, ответственными за эти события, не должны приводить к «дальнейшей изоляции белорусского народа», призвав при этом государства-члены Совета Европы поддержать санкции ЕС в отношении высоких должностных лиц этой страны. Одновременно ПАСЕ приняла решение укреплять диалог с демократическими силами Беларуси, гражданским обществом, оппозиционными группами, свободными СМИ и правозащитниками.

Турбьерн Ягланд: «Активизировать международные усилия по борьбе с терроризмом»

Стамбул, 16.12.2010 Генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд призвал государства-члены активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом.

Выступая на конференции, проводимой в Стамбуле под эгидой Турецкого председательства в Совете Европы, он заявил: «Террористическая угроза не ослабевает. Совет Европы разработал уникальный подход к борьбе с терроризмом, основанный на трех принципах: укрепление международно-правовой базы, устранение причин терроризма, сохранение ценностной основы общества. Ключевым элементом данного подхода является наша приверженность верховенству права и защите прав человека.

Я призываю те государства-члены, которые еще не ратифицировали наши конвенции, ускорить этот процесс. В то же время мы должны продолжать работу по искоренению факторов, порождающих терроризм, развивать межкультурный диалог с целью профилактики стигматизации, дискриминации и нетерпимости в отношении меньшинств».

В Конвенции Совета Европы по предупреждению терроризма содержится требование о введении уголовной ответственности за публичные призывы к совершению террористических актов, вербовку и подготовку террористов. Конвенция подписана 43 государствами и ратифицирована 26 из них. В дополнение к ней приняты еще две конвенции: **Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма** и **Конвенция о преступности в киберпространстве**.

День защиты персональных данных: гарантировать право граждан на неприкосновенность частной жизни

Брюссель, 28.01.2011 В наши дни обмен информацией в мире стал более легким и более быстрым. Такой рост потоков информации в мире представляет собой и серьезный вызов в отношении права людей на частный характер персональных данных. Вопросы защиты данных, в том числе их трансграничное измерение, затрагивают людей повсеместно — на работе, в контактах с государственными органами, при приобретении товаров или услуг, а также в поездках или при посещении страниц в Интернете. Сегодня, в День защиты персональных данных, Совет Европы и Европейская комиссия объединяют усилия в обеспечении основного права на защиту информации о гражданах.

Ежегодно отмечаемый День защиты персональных данных имеет целью дать людям возможность понять, какие данные о них собираются и почему, и каковы права граждан по отношению к их обработке.

Сегодня мы отмечаем 30-летие Конвенции Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера («Конвенция № 108»). *«Во времена, когда мы сталкиваемся с проблемами, порождаемыми стремительным развитием информационных технологий, неприкосновенность частной жизни значит больше, чем когда-либо. Конвенция о защите данных уже 30 лет является основным инструментом обеспечения права на защиту персональных данных и должна совершенствоваться, чтобы оставаться таковой еще три десятка лет»,* — заявил Турбьерн Ягланд и подчеркнул *«необходимость создания гибкой, транспарентной и всеобъемлющей международной системы защиты, базирующейся на правах человека».*

Правила защиты данных ЕС насчитывают уже более 15 лет. Они выдержали испытание временем, но сейчас необходимо их модернизировать для того, чтобы они отражали новый технологический ландшафт. В конце этого года Европейская комиссия предложит внести изменения в Директиву 1995 года о защите данных. *«Эффективная защита данных имеет жизненно важное значение для наших демократий и лежит в основе других основных прав и свобод»,* - заявила заместитель председателя Европейской комиссии **Вивиан Реддинг**, занимающаяся вопросами правосудия, основных прав и гражданства. *«Нам необходимо установить равновесие между заботой о частной жизни и свободным потоком информации, которая помогает создать новые экономические возможности. Именно эти вопросы я хотела бы рассмотреть в наших предложениях по модернизации правил защиты данных ЕС в 2011 году».* В последние годы вопросы частной жизни и защиты данных неоднократно выносились в заголовки новостей. Технология развивается экспоненциальными темпами, внося радикальные изменения в то, как используются персональные

данные для обеспечения людей товарами и услугами. Это особенно касается среды Интернета — от банковских операций и путешествий до социальных сетей. Обмен персональными данными — это также часть обеспечения безопасного и стабильного общества.

Общая информация Деятельность Совета Европы в области защиты информации

Конвенция Совета Европы № 108, ставшая стандартом для 47 государств в Европе, являясь при этом единственным международным обязывающим документом, который может применяться во всем мире, была открыта для подписания в 1981 году. К ней может присоединиться любая страна в мире, имеющая необходимое законодательство в области защиты данных. В Конвенции излагается ряд всеобщих признанных основных принципов и обязывающих правовых стандартов. Ее положения, не связанные с технологическими аспектами, защищают от вмешательства в частную жизнь со стороны публичных и частных органов. Конвенция обеспечивает правовые рамки для передачи персональных данных между странами, которые ее ратифицировали, и является платформой многостороннего сотрудничества государств-участников на основе равенства. Страны могут обмениваться идеями и передовой практикой, а также совместно разрабатывать новые стандарты. В 2001 году к Конвенции № 108 был принят Дополнительный протокол в отношении надзорных органов и трансграничных потоков данных. 28 января был выбран Днем защиты данных, поскольку именно в этот день празднуется годовщина Конвенции № 108. В этом году Совет Европы использует этот День защиты данных для того, чтобы начать *консультации о том, как обновить Конвенцию № 108*, и продолжить повышать уровень стандартов защиты данных не только в Европе, но и во всем мире.

ПАСЕ принимает резолюцию о незаконной торговле органами в Косово* и требует расследования при поддержке на высоком уровне

Страсбург, 25.01.2011 Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала к проведению расследования на международном и албанском национальном уровнях совершенных после конфликта в Косово преступлений, в том числе «многочисленных свидетельств», согласно которым органы якобы брались у заключенных на албанской территории и затем отправлялись за рубеж для трансплантации.

Принимая резолюцию по докладу Дика Марти (Швейцария, АЛДЕ), Ассамблея потребовала исследовать признаки наличия тайных центров содержания под стражей под контролем Армии освобождения Косово и случаев исчезновения людей, связанных с военными действиями в Косово, а также «столь часто упоминаемого сговора между организованными преступными группами и политическими кругами».

Ассамблея призвала снабдить «EULEX» (миссия ЕС в Косово) четкими полномочиями, ресурсами и политической поддержкой высокого уровня для того, чтобы она смогла сыграть эту «чрезвычайно сложную и важную роль». В частности, Ассамблея подчеркнула необходимость принятия эффективной программы защиты свидетелей.

Парламентарии заявили, что «отвратительные преступления, совершенные сербскими силами» вызвали очень сильные чувства во всем мире, и возникло предположение, что одна сторона

* Все ссылки на Косово — идет ли речь о территории, учреждениях или населении — в этом документе должны пониматься в полном соответствии с резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН и не предопределяя статус Косово.

неизменно совершала преступления, а другая — всегда была жертвой. «Реальность менее очевидна и более сложна», — говорится в резолюции. «Не может быть одного правосудия для победителей, а другого — для побежденных».

Резолюция призывает албанские власти и администрацию Косово «безоговорочно сотрудничать» с «EULEX» и любым другим международным органом, имеющим полномочия по установлению правды в отношении преступлений, связанных с конфликтом в Косово, независимо от происхождения подозреваемых или жертв.

Саммит Совета Европы: новый политический импульс для организации

Страсбург, 25.01.2011 Озаботившись снижением активности стран-членов, Парламентская ассамблея (ПАСЕ) предложила провести саммит Совета Европы, "чтобы придать ему новый политический импульс, повысить ответственность государств и, при необходимости, пересмотреть их нынешнюю роль".

В принятой сегодня резолюции по докладу Жана-Клода Миньона (ЕНП/ХД, Франция) «О мерах по реформированию Совета Европы» парламентарии вновь подтвердили поддержку мер, принимаемых генеральным секретарем Совета Европы. Эти меры направлены на «реформирование Совета Европы, придание ему нового импульса, повышение его политической роли и лучшую его адаптацию к нуждам европейцев».

В связи с этим ПАСЕ предлагает серию мероприятий, направленных на достижение данных целей, и, в частности, выступает за установление более тесного взаимодействия между различными органами, структурами Совета Европы; за нахождение политических решений с тем, чтобы снизить растущую нагрузку на Европейский Суд по правам человека. ПАСЕ подчеркивает важность проведения конференций отраслевых министров, а также выступает за установление подлинного стратегического партнерства Совета Европы и Европейского Союза.

Ассамблея согласна с тем, что деятельность Конгресса местных и региональных властей должна нести дополнительный вклад в работу Совета Европы и приносить практическую пользу для местных и региональных властей стран-членов, не дублируя работу других инстанций.

Являясь уставным органом Совета Европы, Ассамблея также выражает желание «получать самую полную информацию относительно политического курса, который генеральный секретарь предложит во второй части реформы». В этом контексте, даже если учитывать то, что Совет Европы должен сосредоточить усилия на приоритетных политических вопросах, ПАСЕ считает важным не забывать темы, связанные с культурой, образованием, социальной сплоченностью и миграцией, о чем наглядно свидетельствует «Страсбургская декларация о правах цыган».

Журналистские источники информации могут раскрываться лишь в ситуациях жизни или смерти, — заявляет ПАСЕ

Страсбург, 25.01.2011 По завершении прений по вопросу о защите журналистских источников Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) заявила, что раскрытие устанавливающей этот источник информации может иметь место «лишь в исключительных случаях», когда под угрозой оказываются жизненно важные общественные или личные интересы. В таких ситуациях компетентные органы обязаны указать причины, оправдывающие раскрытие источника. «Когда национальное законодательство защищает

источники от раскрытия, требовать этого нельзя», — подчеркивается в рекомендации. По мнению парламентариев, защита журналистских источников информации «представляет собой важнейшее условие свободного осуществления работы журналистов и соблюдения права населения быть информированным о вопросах, представляющих всеобщий интерес».

Парламентарии выразили обеспокоенность в связи с растущим количеством случаев в Европе, когда «органы государственной власти заставляли или пытались заставить журналистов раскрыть свои источники», несмотря на четкие правила, провозглашенные Европейским судом по правам человека и Комитетом министров Совета Европы.

Говоря о новом венгерском законе о прессе и СМИ, Ассамблея призвала правительство и парламентариев изменить его, при этом следя за тем, чтобы его применение не ограничивало права, гарантируемые на основании статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека.

Ассамблея попросила Комитет министров СЕ помочь государствам-членам проанализировать и усовершенствовать свое законодательство в отношении защиты конфиденциальности журналистских источников, в частности, путем оказания поддержки пересмотру национального законодательства о розыскной работе, о борьбе с терроризмом, о хранении данных и доступе к архивам радио и телевидения.

Те государства-члены, которые не имеют законодательства, охраняющего право журналистов не раскрывать свои источники информации, должны «принять закон, соответствующий юриспруденции Европейского суда по правам человека» и рекомендациям Комитета министров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО ТУРЦИИ В КОМИТЕТЕ МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Турция представляет свои приоритеты

Страсбург, 10.11.2010 Турция только что приняла на ближайшие шесть месяцев эстафету председательства в Комитете министров Совета Европы. Имеющая целью укрепление роли, авторитета и влияния на континенте и в мире старейшей общеевропейской политической организации программа ориентируется на пять приоритетных направлений:

1. Реформа Совета Европы: Турция будет поддерживать амбициозные реформы генерального секретаря, направленные на то, чтобы поставить Совет Европы в центр международной арены как инновационную, гибкую и широко известную организацию, способную адаптироваться к изменениям политического ландшафта Европы.

2. Реформа Европейского Суда по правам человека: для обеспечения долгосрочной эффективности европейской системы защиты прав человека Турция продолжит работу своих предшественников; она примет у себя конференцию по реформе Суда в целях развития процесса, начавшегося в Интерлакене в феврале 2010 года.

3. Укрепление механизмов независимого мониторинга: турецкое председательство будет проводить конференции, круглые столы и семинары по повышению осведомленности об этих уникальных механизмах Совета Европы. Будут привлекаться и другие европейские и международные партнеры с тем, чтобы выявить сравнительные преимущества методов работы Совета Европы.

4. Присоединение Евросоюза к Европейской конвенции о правах человека: Турция будет способствовать ускорению партнерами процесса присоединения и нахождению решений возможных технических проблем.

5. Ответы на вызовы многокультурного общества в Европе: Турция убеждена, что Совет Европы лучше всех других региональных и международных органов может решать новые задачи, возникающие в связи с ростом нетерпимости и дискриминации в Европе. Это по его инициативе была образована Группа видных деятелей, которой поручен поиск новых направлений в этой сфере и формулирование новых предложения о том, как «жить вместе».

ОСЕННЯЯ СЕССИЯ ПАСЕ: ДЕБАТЫ О ПОЛОЖЕНИИ ЦЫГАН, ВЫСТУПЛЕНИЯ МАКЕДОНСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

Среди основных моментов повестки дня осенней сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, проходившей в Страсбурге с 4 по 8 октября 2010 г., внимание привлекли дебаты на тему «Недавнее усиление риторики по проблемам национальной безопасности в Европе: вопрос о цыганах». Среди других тем сессии — борьба с экстремизмом, права человека и бизнес, а также прения по докладу «Доступ женщин к законной медицинской помощи: проблема неурегулированности вопроса об отказе в оказании медпомощи по религиозным или иным убеждениям».

Парламентарии также приняли участие в торжественной церемонии, посвященной 60-летию Европейской конвенции о правах человека.

Ассамблея также обсудила ряд докладов по защите прав детей: «Насилие над детьми в детских учреждениях: обеспечение полноценной защиты жертв»,

«Дети, оставшиеся без попечения родителей: необходимы срочные меры»,

«Обеспечение права на образование для больных детей и детей-инвалидов».

В рамках сессии состоялись обсуждения докладов о деятельности Организации экономического сотрудничества и развития, Европейского банка реконструкции и развития, а также Банка развития Совета Европы.

СОВЕТ ЕВРОПЫ ВЫСТУПАЕТ В ЗАЩИТУ ПРИНЦИПА НЕЙТРАЛИТЕТА В ИНТЕРНЕТЕ

Комитет министров Совета Европы принял Декларацию о сетевом нейтралитете, в которой подчеркивается приверженность принципу нейтралитета в Интернете и указывается, что любые отклонения от этого принципа должны обосновываться исключительно высшими интересами общества.

Пользователи должны иметь максимально возможный доступ к интернет-контенту, приложениям и услугам на каких бы условиях они ни предоставлялись, с использованием соответствующих устройств по своему выбору,— говорится в декларации Комитета министров.

Так же указывается, что соревновательная и динамичная среда может содействовать инновационным процессам, повышению доступности и производительности сетей, снижению затрат, а также развивать свободный обмен контентом и услугами в Интернете.

У операторов электронных телекоммуникационных сетей может возникнуть необходимость в регулировании Интернет трафика в интересах обеспечения качества услуг, развития новых сервисов, обеспечения стабильности и устойчивости сетей или борьбы с киберпреступностью. Однако **Комитет министров также подчеркнул, что меры регулирования должны быть уместными и пропорциональными, исключать дискриминацию и подлежать периодическому пересмотру.**

О таких мерах следует информировать пользователей: они должны быть понятны им с точки зрения влияния на их основные права, в частности, свободу выражения мнений и право на частную жизнь.

Комитет министров также принял Декларацию о Цифровой повестке дня для Европы и Декларацию об управлении ресурсами IP-адресов в интересах общества.

В первом документе Комитет министров приветствует Гренадскую декларацию министров стран Европейского союза и Цифровую повестку дня для Европы, призывает государства-члены Совета Европы стремиться выполнять эти задачи на национальном уровне и приглашает Европейский союз к сотрудничеству с Советом Европы в этой области.

В декларации по вопросам управления IP-адресами Комитет министров подчеркнул важность проблемы дефицита интернет-ресурсов, в частности, адресов IPv4. В документе указывается, что ресурсы IP-адресов должны рассматриваться как ресурсы коллективного пользования, их распределением и управлением должны заниматься органы, которым доверены эти задачи, в интересах общества и с учетом текущих и будущих потребностей пользователей Интернета. Кроме того, в декларации отмечается, что необходимо обеспечить своевременный и эффективный переход на новый межсетевой протокол IPv6, существенно расширяющий адресное пространство, в государственном секторе и незамедлительно приступить к продвижению подготовительных процессов по переходу к стандарту IPv6 и его внедрению в частном секторе.

Комитет министров подчеркнул, что информация о действиях и сетевой активности пользователя, а также о передаче данных, относящаяся к сфере персональных данных, должна обрабатываться и использоваться в соответствии с требованиями статьи 8 Европейской конвенции о правах человека и соответствующим прецедентным правом Европейского суда по правам человека, а также положениями Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных

ДНЕВНИК Комиссара Совета Европы по правам человека

ЛИЦА, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА СМЕРТЬ НАТАЛЬИ ЭСТЕМИРОВОЙ, ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД ПРАВОСУДИЕМ

Прошел год после жестокого убийства правозащитницы Натальи Эстемировой. 15 июля ее похитили рядом с ее домом в Грозном в Чечне. Группа людей напала на нее, затолкала в машину, а несколько часов спустя ее тело было найдено в лесу в Ингушетии. Ей выстрелили в голову и в грудь.

Винные в этом ужасном и подлом преступлении по-прежнему не предстали перед правосудием. Это неприемлемая и опасная ситуация.

Наталья Эстемирова была одним из ведущих членов правозащитной организации «Мемориал». Ее мужество и личная приверженность защите прав человека в Чеченской Республике были беспримерными. За свою работу она несколько раз награждалась международными премиями, например, она стала первым лауреатом премии имени Анны Политковской в 2007 году.

Это жестокое убийство вызвало широкое осуждение, как на национальном, так и на международном уровне. Год тому назад я и многие другие люди выразили свои глубокие соболезнования семье и коллегам Н.Эстемировой и призвали российские власти провести безотлагательное, тщательное и беспристрастное расследование с целью привлечения к уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших это преступление.

С тех пор я неоднократно поднимал вопрос в связи с этим делом с российскими властями, в том числе с Дмитрием Медведевым в январе 2010 года. Во время моих встреч в федеральном Следственном комитете в сентябре, декабре и январе меня уверяли в том, что это расследование будет успешно завершено в ближайшем будущем. Мир по-прежнему ждет результатов. Это убийство было особенно показательным, поскольку оно вызвало серьезную обеспокоенность в отношении безопасности тех, кто работает на правозащитные НПО на Северном Кавказе. После этого убийства, «Мемориал» был вынужден прекратить, на некоторое время, свою деятельность в Чечне. Безнаказанность в этом деле имела бы весьма отрицательные последствия для чувства безопасности у НПО и для их возможностей работать в Чечне. Я могу засвидетельствовать, что неправительственный мониторинг и доклады о правах человека имеют важнейшее значение для мирного развития и защиты прав человека в этом регионе. Совершенно очевидна необходимость содействовать безопасным и благоприятным условиям их работы и обеспечивать их защиту, в полном соответствии с международными стандартами.

Российское правительство должно наглядно продемонстрировать, что оно готово защищать правозащитников в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и Декларацией Комитета министров Совета Европы о правозащитниках — причем не только на словах, но и через конкретные действия.

Убийство Натальи Эстемировой напоминает нам о том, что необходимы сильные действия по защите активистов правозащитных организаций. Чрезвычайно важно, чтобы свершилось правосудие, причем наказанию должны подвергнуться не только фактические убийцы, но и те, кто стоит за ними.

Томас Хаммарберг

ЕВРОПЕ СЛЕДУЕТ ПРИНИМАТЬ БОЛЬШЕ БЕЖЕНЦЕВ, НУЖДАЮЩИХСЯ В БЕЗОПАСНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

Страсбург 23.11.2010 — «Европейские страны закрывают свои границы для мигрантов, утверждая, что принимают только настоящих беженцев, которые не могут вернуться на родину без риска для жизни или свободы», — пишет Комиссар по правам человека в опубликованном сегодня номере своего «Дневника прав человека».

Однако роль Европы в оказании таким беженцам помощи в том, чтобы они обрели безопасность, сравнительно невелика. Предстоит сделать намного больше в сотрудничестве с Агентством ООН по делам беженцев для того, чтобы предложить возможности переселения лицам, разбросанным по лагерям беженцев по всему миру.

Каждый из этих беженцев нуждается в защите. Ряд этих беженцев нуждается в переселении, поскольку они не могут вернуться в свою страну происхождения, а их интеграция на месте пребывания не может быть обеспечена.

По оценке УВКБ ООН, около 800 000 беженцев в мире нуждаются в переселении, в том числе населения, в отношении которых эти шаги предусматривались в течение уже нескольких лет. В

2011 году УВКБ пришло к выводу, что переселение необходимо осуществить в 172 300 случаях. Зачастую это весьма уязвимые люди, в том числе и те, кто пережил насилие и пытки, а также женщины и девочки, которым угрожает насилие, и беженцы, нуждающиеся в медицинской помощи.

Девять из десяти человек обречены на ожидание

К сожалению, большинство беженцев, нуждающихся в переселении, скорее всего обречены на то, чтобы и далее дожидаться решения своей судьбы в лагерях. В настоящее время все правительства в совокупности предлагают принимать у себя не более 80 000 таких беженцев в год. Поэтому в силу существующих квот более 90% из 800 000 беженцев останутся там, где они находятся в настоящее время. Если нынешняя тенденция будет сохраняться, то понадобится десять лет до того, как все они будут переселены — а в течение этого времени мы можем ожидать появления дополнительных аналогичных дел. При этом даже некоторые из самых неотложных дел так и не будут урегулированы в 2011 году.

США, Канада и Австралия оказались более отзывчивыми к призывам УВКБ и осуществили значительные программы по переселению, которые включают перевод беженцев из тех первых стран, где они попросили убежище, на свою территорию, где им было предоставлено постоянное место жительства и возможность жить в условиях уважения к их достоинству и соблюдения безопасности.

Такое переселение является не только инструментом защиты наиболее уязвимых среди беженцев, но и средством предложения им долгосрочного решения; это также и выражение того, как распределить нагрузку между более богатыми промышленно развитыми странами и более бедными развивающимися странами. Ведь именно последние принимают у себя большинство беженцев, зачастую в очень трудных условиях.

США принимает в семь раз больше беженцев, чем Европа

В то время как упомянутые три страны приняли у себя 62 000, 6 500 и 6 700 беженцев соответственно, все европейские страны по программам переселения УВКБ ООН приняли у себя менее 9 000 беженцев. Некоторые из этих стран имеют постоянные программы переселения, на

основании которых они выделяют ежегодную квоту для беженцев: у Швеции ежегодная квота составляет 1 900 беженцев, а у Норвегии — 1 400 беженцев в год.

Другие европейские страны, имеющие ежегодные квоты — это Финляндия, Соединенное Королевство, Нидерланды, Дания, Франция, Ирландия, Чешская Республика, Румыния и Португалия. Помимо этого, есть страны, которые принимают беженцев в рамках целевых программ. Наиболее яркий пример — Германия, которая в 2008 и 2009 годах приняла 2 500 беженцев из Ирака, другие специальные программы осуществляются Италией, Люксембургом и Бельгией.

Разумеется, потенциал по приему беженцев для переселения зависит от ряда факторов, в том числе и от того, что ряд лиц в поисках убежища приезжает напрямую в определенную страну. Однако, в целом, неправда то, что Европа является континентом, «наводняемым» лицами, которые спонтанно просят убежища. На самом деле в последние годы их число уменьшилось. Заставляет задуматься тот факт, что некоторые африканские государства принимают на своей территории больше беженцев, чем все европейские страны вместе взятые.

Недавно Европейская комиссия предложила создать совместную программу ЕС по переселению, в рамках которой государства-члены будут получать финансовую помощь для переселения беженцев, и которая будет способствовать дальнейшему сотрудничеству в области переселения. Это — хорошая инициатива, и можно лишь надеется, что она будет в ближайшее время одобрена и реализована на практике.

Европа должна действовать быстро

А пока, отдельные правительства европейских стран должны оказывать УВКБ помощь в преодолении существующего кризиса и увеличивать свои ежегодные квоты. Европейские государства обязаны помогать лицам, которые на основании международных норм имеют право на защиту.

Необходимо разделять ответственность с теми странами, которые принимают у себя намного больше беженцев. Мы не должны оставлять беженцев и их семьи в лагерях или в бедных и заброшенных городских кварталах на протяжении неопределенного времени, когда их жизнь буквально останавливается и у них нет иного выбора, кроме как ждать. Беженцы нуждаются в нашей срочной помощи — и это их право.

СВОБОДА ДЕМОНСТРАЦИЙ — ЭТО ПРАВО ЧЕЛОВЕКА — ДАЖЕ КОГДА ИХ ЛОЗУНГИ СОДЕРЖАТ КРИТИКУ

3 Уже более года митинги движения «Стратегия-31» проводятся в Москве, Санкт-Петербурге и в некоторых других городах по месяцам, в которых есть эта дата. Судьба этих митингов до сих пор свидетельствовала о том, что на практике право на свободу собраний ограничивалась. И такая проблема существует не только в России.

В Москве митинги «Стратегии-31» регулярно заканчивались применением суровых мер со стороны ОМОНа, причем ряд лиц подвергался аресту, а участников избивали. 31 августа 2010 года СМИ сообщили о том, что в демонстрации участвовало 400 человек, при этом 70 из них были

арестованы милицией, в том числе оппозиционные политики, журналисты и активисты. Во время одного из митингов движения «Стратегия-31» (31 декабря 2009 года) была задержана Людмила Алексеева — 83-летняя диссидентка советской эпохи, ветеран правозащитного движения и действующий председатель Московской хельсинкской группы.

Препятствия в отношении осуществления права на свободу собраний

Право на свободу мирных собраний является основным правом в демократическом обществе. Это право принадлежит всем людям, а не только большинству населения или тем, кто выступает с позиций, которые нравятся власти.

В России — как и в большинстве других европейских стран — преобладает законодательство о собраниях, которое просто предусматривает от организаторов митинга уведомить власти о своем намерении его провести. Иными словами, необходимости просить разрешения для проведения демонстрации не предусмотрено. И это факт, который неоднократно подчеркивал российский федеральный уполномоченный по правам человека Владимир Лукин.

Однако во многих странах, в которых законом предусмотрена процедура уведомления о собраниях, власти неправильно — и незаконно — рассматривают такие уведомления как просьбы о разрешении на проведение митинга или, расширительно, как возможность для них отказать в таком разрешении или рассматривать митинг как «несанкционированный». Например, активисты «Стратегии-31» в Москве в прошлом регулярно получали отказ после уведомления соответствующих органов власти о своем намерении провести митинг.

И даже когда нет явного «отказа», местные власти в ряде стран часто прибегают к другим способам снизить влияние демонстраций. Одним из таких методов является разрешение на проведение демонстраций, однако в другое время и в более отдаленном месте, что делает митинг и его лозунги более или менее «невидимыми» для широкой общественности.

Еще один метод состоит в том, чтобы разрешать или даже поощрять альтернативные мероприятия в то же время и в том же месте — причем иногда со стороны враждебных групп. Такие средства используются в разных странах для ограничения свободы собраний притесняемых или подвергаемых остракизму групп, таких как сообщества ЛГБТ.

Иногда в таком разрешении отказывают из-за обеспокоенности за безопасность демонстрантов. Если дело обстоит именно так, то сами власти должны обеспечить защиту. Общий запрет на мирную демонстрацию может быть оправдан только в том случае, если существует реальная опасность беспорядков, которую невозможно предупредить разумными и соразмерными мерами.

Стандарты и руководящие принципы в отношении свободы мирных собраний

Право на мирное собрание закреплено в статье 11 Европейской конвенции о правах человека и во Всеобщей декларации прав человека. Главный принцип состоит в том, что власти должны соблюдать право на мирное коллективное выражение мнений людьми по широкому кругу тем, будь то политических, религиозных, культурных, социальных или иных. Европейский суд по правам человека четко заявил, что государство обязано защищать участников мирных демонстраций, уточнив при этом «что это обязательство имеет особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных взглядов или принадлежащих к меньшинствам, поскольку они более уязвимы в отношении преследований».

Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ), совместно с Венецианской комиссией Совета Европы, опубликовало набор **Руководящих принципов о свободе мирных собраний**, который может служить полезным пособием для законодателей и практиков, занимающихся исполнением законов. В этих принципах уточняются обязательства государства, такие как обязанность защищать мирное собрание, обеспечивать эффективное управление путем четкого информирования общественности о том органе, который несет ответственность за принятие решения о регулировании свободы собраний (регулирующий орган), а также действовать без какой-либо дискриминации.

Мы должны с осторожностью относиться к любым тенденциям ограничения права на мирные собрания, которые могут пойти наперекор основным идеям, изложенным в вышеупомянутых стандартах и руководящих принципах. Как я понял, парламент России недавно обсудил поправки к закону о проведении митингов; в этом контексте, крайне важно, чтобы существующие стандарты прав человека на свободу собраний были в полной мере отражены во всех изменениях законодательства.

Томас Хаммарберг

ВАЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СЕ

Европейская культурная конвенция

Париж, 19 декабря 1954 года

(Официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации)

Правительства-члены Совета Европы, подписавшие настоящую Конвенцию,

- считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами в целях, среди прочего, защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием;
 - считая, что углубление взаимопонимания между народами Европы способствовало бы достижению этой цели;
 - считая, что для достижения этих целей желательно не только заключить двусторонние культурные конвенции между членами Совета, но и следовать политике общих действий, направленных на защиту и поощрение развития европейской культуры;
 - принимая решение заключить общую Европейскую культурную конвенцию, направленную на содействие тому, чтобы граждане всех государств-членов и таких других европейских государств, которые могут присоединиться к ней, изучали языки, историю и культуру других стран и культуру, общую для всех них,
- согласились о нижеследующем:**

Статья 1

Каждая Договаривающаяся Сторона принимает надлежащие меры для защиты и поощрения развития своего национального вклада в общее культурное достояние Европы.

Статья 2

Каждая Договаривающаяся Сторона, насколько это возможно:

- а) поощряет изучение своими гражданами языков, истории и культуры других Договаривающихся

Сторон и предоставляет этим Сторонам соответствующие возможности для того, чтобы способствовать такому изучению на ее территории, а также

- б) стремится поощрять изучение своего языка или языков, истории и культуры на территории других Договаривающихся Сторон и предоставляет гражданам этих Сторон возможности для того, чтобы проводить такое изучение на ее территории.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны проводят взаимные консультации в рамках Совета Европы с целью согласования их действий по поощрению культурных мероприятий, представляющих интерес для Европы.

Статья 4

Каждая Договаривающаяся Сторона, насколько это возможно, содействует передвижению и обмену лицами, а также предметами, имеющими культурную ценность, в целях осуществления положений статей 2 и 3.

Статья 5

Каждая Договаривающаяся Сторона рассматривает передаваемые под ее контроль предметы, имеющие культурную ценность для Европы, в качестве неотъемлемой части общего культурного достояния Европы, принимает надлежащие меры для их защиты и обеспечивает разумный доступ к ним.

Статья 6

1. Предложения по применению положений настоящей Конвенции и по вопросам, касающимся их толкования, рассматриваются на совещаниях Комитета экспертов по вопросам культуры Совета Европы.
2. Любое государство, не являющееся членом Совета Европы, которое присоединилось к настоящей Конвенции в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, может назначить представителя или представителей для участия в совещаниях, предусмотренных в предыдущем пункте.
3. Выводы, сделанные на совещаниях, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, представляются в форме рекомендаций Комитету министров Совета Европы, если только они не представляют собой решения, подпадающие под компетенцию Комитета экспертов по вопросам культуры, как относящиеся к вопросам административного характера, не влекущим за собой дополнительных расходов.
4. Генеральный секретарь Совета Европы направляет членам Совета и правительству любого государства, присоединившегося к настоящей Конвенции, любые относящиеся к ней решения, которые могут быть приняты Комитетом министров или Комитетом экспертов по вопросам культуры.
5. Каждая Договаривающаяся Сторона своевременно уведомляет Генерального секретаря Совета Европы о любых действиях, которые могут быть ею предприняты в целях осуществления положений настоящей Конвенции в соответствии с решениями Комитета министров или Комитета экспертов по вопросам культуры.
6. Если какие-либо предложения относительно применения настоящей Конвенции представляют интерес только для определенного числа договаривающихся Сторон, такие предложения могут быть более обстоятельно рассмотрены в соответствии с положениями статьи 7 при условии, что их осуществление не повлечет за собой расходов для Совета Европы.

Статья 7

Если для содействия достижению целей настоящей Конвенции две или более Договаривающихся Стороны желают организовать в штаб-квартире Совета Европы другие совещания, помимо тех,

которые указаны в пункте 1 статьи 6, Генеральный секретарь Совета оказывает им такую административную помощь, которая может понадобиться.

Статья 8

Ничто в настоящей Конвенции не может рассматриваться как затрагивающее:

- а) положения любой действующей двусторонней культурной конвенции, которая может быть подписана какой-либо из Договаривающихся сторон, или как уменьшающее целесообразность заключения любой другой такой конвенции какой-либо из Договаривающихся Сторон, или
- б) обязательство любого лица соблюдать законы и положения, действующие на территории любой Договаривающейся Стороны, относительно въезда, пребывания и отъезда иностранцев.

Статья 9

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания членами Совета Европы. Она подлежит ратификации, и ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Как только ратификационные грамоты будут сданы на хранение тремя правительствами, подписавшими Конвенцию, настоящая Конвенция вступает в силу для этих правительств.

3. В отношении каждого правительства, подписавшего Конвенцию и впоследствии ратифицировавшего ее, Конвенция вступает в силу в день сдачи на хранение его ратификационной грамоты.

4. Комитет министров Совета Европы может единогласно принять решение пригласить на таких условиях, которые он считает необходимыми, любое европейское государство, не являющееся членом Совета, присоединиться к настоящей Конвенции. Любое приглашенное таким образом государство может присоединиться к Конвенции путем сдачи на хранение своего документа о присоединении Генеральному секретарю Совета Европы. Такое присоединение вступает в силу в день получения указанного документа.

5. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет всех членов Совета и любые присоединившиеся государства о сдаче на хранение всех ратификационных грамот и документов о присоединении.

Статья 10

Любая Договаривающаяся Сторона может указать территории, на которых действуют положения настоящей Конвенции, путем направления Генеральному секретарю Совета Европы заявления, которое последний рассылает всем другим Договаривающимся Сторонам.

Статья 11

1. Любая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию в любое время после того, как она действовала в течение пяти лет, путем уведомления в письменной форме на имя Генерального секретаря Совета Европы, который информирует об этом другие Договаривающиеся Стороны.

2. Такая денонсация вступает в силу для соответствующей Договаривающейся Стороны через шесть месяцев после даты получения уведомления Генеральным секретарем Совета Европы. В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими соответствующими Правительствами, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в Париже девятнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который будет находиться на хранении в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь препровождает заверенные копии Конвенции каждому из подписавших ее или присоединившихся к ней правительств.

Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию

Страсбург, 4 ноября 1999 года

The Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community entered into force on 1 December 2009. As a consequence, as from that date, any reference to the European Community shall be read as the European Union.

(Неофициальный перевод)

Преамбула

Государства — члены Совета Европы, другие государства и Европейское Сообщество, подписавшие настоящую Конвенцию,

- Считаая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами;
- Осознавая важность укрепления международного сотрудничества в борьбе с коррупцией;
- Подчеркивая, что коррупция представляет собой серьезную угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и угрожает надлежащему и справедливому функционированию рыночной экономики;
- Осознавая вредные финансовые последствия коррупции для частных лиц, компаний и Государств, а также для международных институтов;
- Будучи убеждены в важности вклада гражданского права в борьбу с коррупцией, в частности позволяя лицам, понесшим ущерб, получить справедливую компенсацию;
- Напоминая решения и резолюции 19-й (Мальта, 1994 год), 21-й (Чешская Республика, 1997 год) и 22-й (Молдова, 1999 год) Конференций Министров Юстиции Европейских стран;
- Принимая во внимание Программу Действий по борьбе с Коррупцией, принятую Комитетом Министров в ноябре 1996 года;
- Принимая также во внимание результаты изучения возможности разработки конвенции о гражданско-правовых средствах возмещения ущерба, возникающего в результате актов коррупции, одобренной Комитетом Министров в феврале 1997 года;
- Учитывая Резолюцию (97) 24 о двадцати Руководящих Принципах Борьбы с Коррупцией, принятую Комитетом Министров в ноябре 1997 года на его 101-й Сессии, Резолюцию (98) 7, санкционирующую принятие Частичного Расширенного Соглашения о создании «Группы Государств против Коррупции (ГРЕКО)», принятую Комитетом Министров в мае 1998 года на его 102-й Сессии, и Резолюцию (99) 5 о создании ГРЕКО, принятую 1 мая 1999 года;
- Напоминая о Заключительной Декларации и Плана Действий, принятых Главами Государств и Правительства Государств — членов Совета Европы на своей второй встрече в Страсбурге в октябре 1997 года,

Договорились о нижеследующем:

Раздел I МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Статья 1 — Цель

Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве эффективные средства правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков.

Статья 2 — Определение коррупции

Для целей настоящей Конвенции «коррупция» означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового.

Статья 3 — Возмещение ущерба

1. Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве нормы, закрепляющие право лиц, понесших ущерб в результате коррупции, подать иск в целях получения полного возмещения ущерба.
2. Такое возмещение может охватывать причиненный реальный ущерб, упущенную финансовую выгоду и компенсацию морального вреда.

Статья 4 — Ответственность

1. Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве следующие условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы ущерб подлежал возмещению:
 - i) ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные шаги для предотвращения акта коррупции;
 - ii) истец понес ущерб; и
 - iii) существует причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом.
2. Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве, что если несколько ответчиков ответственны за ущерб, причиненный одним и тем же актом коррупции, то они будут нести солидарную и долевую ответственность.

Статья 5 — Ответственность государств

Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве надлежащие процедуры, позволяющие лицам, понесшим ущерб в результате акта коррупции, совершенного ее публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, требовать возмещения ущерба от Государства или в случае, если Страна не является государством, от соответствующих властей данной Страны.

Статья 6 — Неосторожность пострадавшего

Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве, что объем возмещения ущерба уменьшается или в его возмещении может быть отказано, принимая во внимание все обстоятельства, если истец по своей собственной вине способствовал причинению ущерба или его усугублению.

Статья 7 — Сроки исковой давности

1. Каждая Страна предусматривает в своем национальном законодательстве, что к судопроизводству по возмещению ущерба применяется срок исковой давности не менее трех лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно или, исходя из здравого смысла, должно было

стать известно о возникновении ущерба или о совершенном акте коррупции и о лице, ответственном за это. Тем не менее подобный иск не может быть предъявлен по истечении десяти лет с момента совершения акта коррупции.

2. Законодательство Сторон, регулирующее приостановление или перерыв сроков исковой давности, должно в случае необходимости применяться к срокам, определенным в пункте 1.

Статья 8 — Юридическая сила сделок

1. Каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве, что любая сделка или положение сделки, предусматривающие совершение акта коррупции, являются недействительными и не имеющими юридической силы.

2. Каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве возможность для всех сторон сделки, чье согласие было нарушено актом коррупции, обратиться в суд в целях признания сделки недействительной, несмотря на их право требовать возмещения ущерба.

Статья 9 — Защита государственных служащих

Каждая сторона в своем национальном законодательстве предусматривает надлежащую защиту от любых неправомерных санкций, направленных в адрес государственных служащих, имеющих серьезные основания подозревать наличие коррупции и добросовестно сообщающих о своем подозрении компетентным лицам или органам.

Статья 10 — Отчеты и аудит

1. Каждая Сторона в целях развития своего национального законодательства принимает все необходимые меры, с тем чтобы ежегодные отчеты компаний составлялись надлежащим образом и содержали достоверные сведения о финансовом положении компании.

2. В целях предупреждения актов коррупции каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве нормы об аудиторах, задачей которых является подтверждение достоверности сведений о финансовом положении компании, представляемых в ежегодных отчетах.

Статья 11 — Получение доказательств

Каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве эффективные средства получения доказательств при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства дел, вытекающих из актов коррупции.

Статья 12 — Временные меры

Каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве возможность для суда выносить такие распоряжения, которые необходимы для защиты прав и интересов Сторон при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства дел, вытекающих из актов коррупции.

Раздел II МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНТРОЛЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ

Статья 13 — Международное сотрудничество

Стороны в соответствии с положениями международных договоров о сотрудничестве в сфере экономических и гражданско-правовых отношений, участниками которых они являются, а также в соответствии с их национальным законодательством эффективно сотрудничают в вопросах делопроизводства, получения доказательств за рубежом, юрисдикции, судебных расходов, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Статья 14 — Контроль

Группа Государств против Коррупции (ГРЕКО) контролирует выполнение данной Конвенции Сторонами.

Раздел III ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

.....
 Совершено в Страсбурге 4 ноября 1999 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в одном экземпляре, который сдается на хранение в архив Совета Европы. Генеральный Секретарь Совета Европы передает заверенные копии Конвенции каждому Государству — члену Совета Европы, Государствам, не являющимся его членами, которые принимали участие в разработке настоящей Конвенции, Европейскому Сообществу и любому другому Государству, которому было предложено присоединиться к Конвенции.

АВГУСТ

Бруно ШУЛЬЦ

1

В июле отец уезжал на воды, оставляя меня, мать и старшего брата на растерзание хмельным, белым от зноя летним дням. Одурев от их блеска, перелистывали мы эту большую книгу каникул с пылающими от света страницами, на дне которых лежала сладкая до истомы мякоть золотых груш.

Сияющим утром возвращалась Аделя — как Помона из пламени раскаленного дня — и высыпала из корзины цветастые дары солнца: поблескивающую, влажную под прозрачной кожей черешню и таинственную черную вишню — ее запах превосходил то, что способен был дать вкус, и абрикосы, чья золотая мякоть была самой сердцевинной длинных послеполуденных часов, а по соседству с этой чистой поэзией фруктов выкладывала она наполненные силой и сытостью куски мяса с клавиатурой телячьих ребер и водоросли овощей, похожие на мертвых осьминогов и медуз — это сырье для обеда, с неоформленным, яловым еще вкусом, вегетативные и теллурические компоненты обеда с дикими, полевыми запахами.

Через полутемную квартиру на втором этаже каменного дома на рыночной площади ежедневно насквозь проходило большое лето: и тихо подрагивающие артерии воздуха, и сияющие квадраты, прикорнувшие на полу в своих жарких снах, и извлеченная из золотой струны дня мелодия шарманки, и два-три такта мотива, которые снова и снова наигрывало где-то фортепиано — оброненные в пламени глубокого дня, сомлевшие под солнцем на белых тротуарах. Сделав уборку, Аделя задергивала полотняные занавески и запускала в комнаты тень. И краски брали на октаву ниже: комната, словно в освещенную морскую глубину, погружалась в тень, мутно отражаясь в зеленоватых зеркалах, а весь дневной зной дышал на занавесках, слегка колеблясь в полуденных грезах.

По субботам после полудня мы с матерью шли на прогулку. Из полумрака подъезда сразу попадали мы в солнечную купель дня. Окутанные золотом прохожие шурились от солнечного сияния, словно веки им склеил мед, а приподнятая верхняя губа открывала зубы и десны. И у всех, кто брел по золотистому дню, на лице была одна и та же гримаса зноя, будто солнце надело на каждого своего приверженца одну и ту же маску — золотую маску солнечного братства, и все — старые и молодые, дети и женщины — при встрече на улицах, ощерясь вакхической гримасой, на ходу приветствовали друг друга этой маской — нанесенным на лицо толстым слоем золотой краски, маской варварского языческого культа.

Рыночная площадь была пуста, желта от зноя, горячий ветер, как с библейской пустыни, смел с нее всю пыль. Колючие акации, росшие на пустыре желтой площади, вскипали светлой листвой, гроздьями искусно выполненной зеленой филигрании, словно деревья на старинных гобеленах. Казалось, деревья заигрывают с ветром, театрально взвихрив кроны, чтобы в патетических поклонах продемонстрировать, будто благородный мех лисицы, изысканное

серебристое подбрюшье вееров своей листвы. Старые дома, которые дни напролет шлифовал ветер, тешились теперь отблесками воздушного простора, эхом, припоминанием красок, рассеянных в толще живописной погоды. Казалось, целые поколения летних дней (словно терпеливые штукатурки, сбивающие заплесневевшую штукатурку с фасадов) соскребали фальшивый глянец, понемногу изо дня в день извлекая на свет настоящие лица домов, сформированные изнутри жизнью и судьбой. Слепленные блеском пустой площади, спали окна, балконы признавались небу в своей пустоте, из отворенных дверей пахло прохладой и вином.

В углу площади кучка оборванцев, не выметенная оттуда огненной метлой зноя, обступила участок стены и снова и снова подвергала его испытанию, бросая в него пуговицы и монеты, как будто гороскоп этих металлических кружков мог поведать им настоящую тайну стены, покрытой иероглифами шрамов и трещин. Остальная часть площади была пуста. Казалось, в полумрак сводчатого подъезда с бочками виноторговца из тени дрожащих на ветру акаций подведут сейчас за узду ослика Самаритянина, и двое слуг заботливо снимут страдальца с раскаленного седла и осторожно поведут его по прохладной лестнице в пахнущий шаббатом дом.

Так странствовали мы с матерью по двум солнечным сторонам площади, проводя, как по клавишам, по всем домам нашими изломанными тенями. Квадраты брусчатки медленно проходили под нашими мягкими и равномерными шагами — одни светло-розовые, как кожа человека, другие — золотые и синие, но все ровные, теплые, бархатные от солнца, словно солнечные лица, затертые подошвами до неузнаваемости, до сладкого смирения.

И лишь на углу Стрыйской входили мы, наконец, в тень аптеки. В витрине большой стеклянный шар с малиновой жидкостью символизировал прохладу бальзамов, способных избавить от любого страдания. А еще через пару домов улица больше не могла блюсти свой городской вид, словно крестьянин, возвращавшийся восвояси, освобождается от городского лоска и по мере приближения к дому постепенно превращается в деревенского оборванца.

В предместье буйное, витиеватое цветение небольших садов затопляло дома, подымаясь выше окон. Ускользнув от внимания дня, буйно и скрытно росли всевозможные травы, цветы и сорняки, радуясь его забывчивости — за окнами времени, на пограничье бесконечного дня. Огромный подсолнух, поднявшийся на непомерном стебле, большой слоновьей болезнью, дожидаясь в золотом трауре печального окончания своей жизни, перегибаясь от избытка чудовищной полноты. Но наивные пригородные колокольчики и непривередливые ситцевые цветочки лишь растерянно стояли в своих накрахмаленных белых и розовых рубашечках, так и не осознав великой трагедии подсолнуха.

2

Густые заросли травы, сорняка, бурьяна, репейника полыхают в солнечном пламени. Роями мух гремит послеполуденное оцепенение сада. Золотая стерня, точно рыжая саранча, кричит на солнце; горланят в ливне огня сверчки, и тихо, как кузнечики, скачут врассыпную семена взорвавшихся стручков.

А у забора, как мохнатый тулуп, набух травяной горб, словно это сад перевернулся во сне на живот и от его белых мужицких плеч повяло тишиной почвы. И на плечах у сада неопрятное ведьмовское неистовство августа подняло из глухих впадин непомерные гигантские лопухи, заполонило все лоскутами их ворсистых листьев, жадными языками мясистой зелени. Широко разбросанные по саду, отовсюду теперь тарачились лопухи, словно пучеглазые ведьмы в наполовину объеденных шальных юбках. А сад распродал за бесценок самую дешевую, отдающую мылом крупу дикой сирени, и грубое пшено подорожника, и резкую водку мяты, и остальную распоследнюю летнюю дрянь.

По другую же сторону забора, за чащами лета, где разросся кретинизм идиотических сорняков, раскинулась буйно заросшая бурьяном свалка. И никому на свете было неведомо, что именно здесь совершал этот август свою великую языческую оргию. На этой свалке вплотную к забору в зарослях дикой сирени стоит кровать дурочки Тлуи. Так ее называют все. На куче мусора и отбросов, негодной кухонной утвари, рваной обуви, посреди руин и развалин, стоит ее крашенная зеленой краской кровать, отсутствующую ножку которой заменяют два старых кирпича.

Воздух над этими руинами — разъяренный от зноя, пронизанный сверкающими молниями конских навозниц, осатаневших от солнца, — словно грохочет невидимыми трещотками, доводя себя до исступления.

Тлуя как прикованная сидит среди тряпья на своей желтой постели. Большая ее голова топорщится пучками черных волос. Лицо сморщено в гармонию. Ежеминутно гримаса плача сжимает эту гармонию в тысячу поперечных складок, а изумление растягивает ее в обратную сторону, расправляет складки, показывает щелки маленьких глаз и влажные десны с желтыми зубами под похожими на хобот мясистыми губами. Проходят полные зноя и скуки часы — Тлуя

что-то вполголоса бормочет, дремлет или тихо ворчит и похрюкивает. Мухи облепили ее неподвижное тело густым роем. Но вдруг вся эта куча грязного, изодранного в клочья тряпья начинает шевелиться, словно это закопошились расплодившиеся в нем крысы.

Потревоженные мухи поднимаются в воздух большим гудящим роем, полным жужжания, дрожания, поблескивания. Тряпье падает на землю и, словно испуганные крысы, разбегается в стороны, из него выбирается, очищаясь от шелухи, ядро, сердце свалки — полуголая, вся черная идиотка медленно приподымается и, словно языческий божок, встает на своих коротких детских ножках. Набухшая от приступа злости шея, побагровевшее, потемневшее от гнева лицо, на котором, как варварская живопись, расцвели арабски набрякших сосудов, извергают хриплый звериный рык, добытый из всех бронхов и труб этой полуживотной-полубожественной груди.

Кричит обожженный солнцем бурьян, набухают и чванятся бесстыжим мясом лопухи, сорняки обслынялись своим блестящим ядом, а дурочка, охрипшая от крика, с яростным пылом, в судорогах, тычется мясистым лоном в ствол дикой сирени, он тихо поскрипывает под напором распутной похоти, а заклинания всего этого хора оборванцев попускают его к извращенному языческому плодородию.

Мать Тлуи драит полы в чужих домах. Это маленькая, желтая, как шафран, женщина, и шафраном же натирает она вымытые полы, сосновые столы, лавки и кровати в чужих бедных жилищах. Однажды Аделя взяла меня с собой в дом этой старой Марыськи. Было раннее утро, мы вошли в маленькую комнату с голубой побелкой на стенах, с глиняным полом, на котором лежал свет солнца, ярко-золотой в этой утренней тишине, размеченной ужасающим тиканьем грубых настенных часов. В сундуке на соломе спала придурковатая Марыська, бледная, как облатка, и тихая, как варежка, из которой выскользнула рука. И, словно пользуясь ее сном, разглагольствовала тишина — желтая, яркая, злая, никем не прерываемая, скандалила, громко и нагло тараторила маниакальный свой монолог. И время Марыськи, время, за точенное в ее душе, вышло наружу во всей своей жуткой очевидности и без помех двинулось по комнате — гулкое, раскатистое, адское, хлынувшее в светлом молчании утра из-под жерновов стальных часов, словно злая, сыпучая, дурацкая мука сумасшедших.

3

В одном из этих тонувших в буйной зелени домов, за коричневым штакетником, жила тетя Агата. Войдя за ограду, проходили мы мимо насаженных на шесты разноцветных стеклянных шаров — розовых, зеленых, фиолетовых, — в которых колдовской силой заключены были ярко светящиеся миры, точь-в-точь те полные совершенства и счастья картины, что расцветают на неприкосновенной, недостижимо прекрасной оболочке мыльных пузырей. В полутемном коридоре, где на стенах висели изъеденные плесенью, ослепшие от старости олеографии, встречал нас знакомый запах. Этот старый надежный запах каким-то на удивление простым способом вобрал в себя всю жизнь этих людей, став возгонкой их породы, ее отличительным знаком, тайной их судьбы, неощутимо присутствуя в повседневном течении их особого времени. Старая, мудрая дверь, — ее темные вздохи впускали и выпускали обитателей дома, она была молчаливой свидетельницей входа и выхода матери, сыновей, дочек, — распахнулась беззвучно, словно дверца шкафа, и мы вошли в их жизнь. Они беззащитно сидели в тени своей судьбы и первыми же неловкими жестами выдали свою тайну. Но разве не породнились мы с ними и кровью, и судьбой?

Комната казалась темной и бархатной от синей обивки с золотыми узорами, хотя латунные отзвуки пламенеющего дня, прошедшие сквозь густую зелень сада, подрагивали и здесь — на окладах образцов, на дверных ручках и золотистых рейках. От стены поднялась тетя Агата — крупная, резвая, с пышным белым телом, усеянным рыжей ржавчиной веснушек. Мы сели с ними рядом, словно на берегу их судьбы, слегка пристыженные беззащитностью, с которой они безоговорочно нам сдались, и принялись пить воду с розовым сиропом — удивительный напиток, что стал для меня сконцентрированной эссенцией этой жаркой субботы.

Агата жаловалась. Это был основной мотив всех ее разговоров, голос ее белого плодородного тела, отделенного, казалось, от нее самой, сама же она едва сохраняла целостность, удерживая себя в узах индивидуальной формы, но даже в этой целостности уже множилась, готовая распасться, разветвиться, рассыпаться, становясь целой семьей.

Была это плодovitость, казалось, самооплодотворяющейся, женской сути, болезненно буйной и лишенной тормозов. Словно один только запах мужчины, аромат табачного дыма, холостяцкая шутка могли подтолкнуть эту распаленную женственность к распутному партеногенезу. И, собственно, все ее жалобы на мужа, на слуг, хлопоты о

детях были лишь капризами, привередничаньем ее неуголенного плодородия, продолжением ее сердито-плаксивого кокетства, которым напрасно терзала она своего мужа. Дядя Марек, маленький, сгорбленный, с потерявшим признаки пола лицом, сидел, погружившись в серое свое банкротство, смирившись с долей, укрывшись в тени гигантского презрения, в которой он словно отдыхал. В серых глазах его тлел прошедший через окно приглушенный далекий огонь сада. Иногда слабым жестом пытался он возразить, оказать сопротивление, но волна самодостаточного женского начала, не обращая внимания, отбрасывала этот жест в сторону, триумфально проносилась мимо и топила в широком своем течении робкие взбрыкивания мужской натуры.

Что-то трагическое было в этом неряшливом и необузданном стремлении к плодородию, что-то нищенское, сражающееся на грани исчезновения и смерти, некий героизм женской сути, побеждающей своей плодovitостью даже ущербность естества и несостоятельность мужчины. Однако потомство делало оправданной эту материнскую панику, это неистовство деторождения, которое исчерпывало себя в неудачном приплоде, в поколении эфемерных фантомов — обескровленных и безликих.

Вошла Люция, средняя, — голова ее слишком уж расцвела и вызрела на детском пухлом теле, белом и нежном. Протянула мне свою кукольную ручку, развернувшись, как почка, прямо на глазах, и тут же зацвело и все ее лицо, словно вспыхнувший розовой луной пион. Несчастлива из-за этих приливов крови к лицу, бесстыдно выдающих секреты ее менструаций, она закрывала глаза и пламенела еще сильнее от самого невинного вопроса, который тем не менее тайно намекал на ее сверхчувствительную девственность.

Эмиль, самый старший из двоюродных братьев и сестер — с его украшенного белокурыми усами лица жизнь словно бы смыла всякое выражение, — расхаживал взад-вперед по комнате, засунув руки в карманы широких брюк.

На его элегантно дорогом костюме лежала печать экзотических стран, в которых он побывал. Поблекшее, потускневшее его лицо, казалось, понемногу забывало о своем собственном существовании, становясь гладкой белой стеной, покрытой бледной сетью жилок, на нем, как линии затертой карты, перепутались гаснущие воспоминания о бурной и понапрасну растроченной жизни. Он был знатоком всех карточных премудростей, курил длинные изысканные трубки и благоухал удивительными ароматами дальних стран. Со взглядом, блуждающим по давним воспоминаниям, рассказывал он удивительные истории, которые вдруг обрывались, распадались, развеивались без следа.

А я не сводил с него своих тоскующих глаз, надеясь, что он обратит на меня внимание и избавит от томительной скуки. Я решил, что он и вправду подмигнул мне, выходя в другую комнату. Я последовал за ним. Он сидел на низком диванчике, скрестив ноги — колени почти на уровне лысой, как бильярдный шар, головы. Казалось, что это лежит одна одежда — смятая, собравшаяся в складки, сброшенная на диван. От лица его осталось только дыхание — словно струйка, оставленная в воздухе незнакомым прохожим. В бледных, будто покрытых голубой эмалью руках у него был раскрытый бумажник, он что-то в нем разглядывал.

Сквозь туман его лица с трудом проглянуло бельмо тусклого глаза, подзывая меня плутовским подмигиванием. Я чувствовал к нему неодолимую симпатию. Зажав меня коленями, он умелыми движениями перетасовывал перед моим лицом фотографии, на которых в странных позах изображены были голые мужчины и женщины. Я стоял, прижимаясь к нему боком, глядя на эти нежные тела невидящими глазами, пока флюиды непонятного возбуждения, от которых вдруг помутнел воздух, не дошли до меня и не пробежали по мне беспокойной дрожью, волной внезапного понимания. А тем временем дымка улыбки, что вырисовалась под его пушистыми красивыми усами, завязь вождения, набухшая пульсирующей жилкой на виске, напряжение, на минуту собравшее вместе черты его лица, — снова опали, возвращаясь в пустоту, и лицо перестало существовать, забыло себя, развеялось в воздухе.

Перевел с польского Андрей Пустогаров (специально для «Вестника Европы») ■

БРУНО ШУЛЬЦ и его «особенная провинция»

Вера МЕНЬОК

Этот край и этот город замкнулись, как створки раковины, создав самодостаточный мирок, и замерли на пороге вечности.

БРУНО ШУЛЬЦ «РЕСПУБЛИКА ГРЁЗ»

Небольшому западноукраинскому городу Дрогобычу суждено было приобрести мировую известность благодаря Бруно Шульцу — польскому писателю и художнику еврейского происхождения, родившемуся, жившему, творившему и погибшему здесь. Поэтому шульцевский Дрогобыч нередко сравнивают с кафкианской Прагой, джойсовским Дублином или Витебском Марка Шагала. Прорыв в пространство мировой литературы Шульц смог осуществить создав и детальнейше прописав миф своего родного города. Вместе с двумя другими польскими писателями-модернистами межвоенного времени — Витольдом Гомбровичем и Виткацы (Станиславом Игнацием Виткевичем) — сумел вывести польскую литературу с эпигонских задворков романтически-мессианских пророчеств национально-освободительного характера на широкий простор мировой культуры. Шульц, Гомбрович и Виткацы стали литературным авангардом своего времени, к неудовольствию тогдашней литературной критики, обвинявшей их в пессимизме, деструктивности, распушенности и прочих смертных грехах. Однако новое литературное качество их текстов оказалось безупречным, что подтвердило последующее развитие западноевропейского искусства. «Тремя мушкетерами» назвал их французский литературовед Жан-Пьер Сальгас, но и из этой троицы друзей Шульц выпадает и выглядит в ней чересчур *иным*. Да и вся его творческая биография, с не столь уж частыми взлетами, выглядит и читается *иначе*. Но эта тема требует особого рассмотрения, и мы остановимся лишь на одной ее линии, точнее — круге «Шульц и Дрогобыч», в котором оказались замкнуты жизнь и творчество этого автора. Так что же в этом особенного и иного?

Один из пионеров шульцеведения польский поэт Ежи Фицовский, автор фундаментального труда «Регионы великой ереси», считал беспрецедентным, что скромный школьный учитель рисования в небольшом провинциальном городе отважился и сумел в одиночку создать воображаемый мир в рамках реальной топографии — стать автором-ересиархом художественной «библии», главным предметом культа которой являются таинственная суть вещей и магия творчества. Шульц действительно, любил свой «город, единственный на всем белом свете», и «особенную провинцию», которую никогда не стремился покинуть в поисках другого пространства для своей реализации. Он считал, что в Варшаве ничего не смог бы написать, и даже из Парижа, в котором так страстно желал побывать, с чувством огромного облегчения возвращался домой, к своей ни с чем не сравнимой дрогобычской тишине. Он любил свой город как самое близкое живое существо — как никого и никогда не любил.

В своих рассказах он ни разу не назвал его по имени, и его гротескный город очень мало похож на тогдашний или нынешний Дрогобыч. Тем не менее, заселив его своими персонажами и разыграв на его подмостках метафизические истории, он создал достовернейший экспрессионистский портрет души этого города — и тем его обессмертил.

О перспективе бесконечности в творчестве и биографии Шульца писал профессор Владислав Панас, который, позаимствовав у Эммануэля Левинаса понятие «интрига бесконечности», вписал в эту интригу феномен Шульца, начиная с самого внешнего и топографически прозрачного круга его жизни. Я бы сказала, с петли, туго затянутой на его горле в смертельный узел. Потому что рукой подать от того дома на углу Рыночной площади, где 12 июля 1892 года родился в еврейской семье ребенок, получивший христианское имя Бруно, до перекрестка, где 19 ноября 1942 года Шульц был убит прытким гестаповцем (да будет проклято его имя) выстрелом в затылок в ходе дикой охоты на людей.

Безымянность шульцевского города имела пророческое последствие и для самого Шульца. Мы не знаем и уже никогда не узнаем, где покоятся его останки.

Фото Игоря Фецака

Что есть Дрогобыч? Ведь это же не гриновский Гель-Гью, не Зурбаган.

В Средние века Дрогобыч являлся одним из важных центров солеварения в Прикарпатье (и, кстати, до сего дня этот промысел здесь не сильно усовершенствовался технологически). В 1578 году польский король Стефан Баторий присвоил городу статус *de non tolerandis Judaeis*: евреи не имели права селиться в городе и могли пребывать в нем только в торговые дни. Поэтому они селились в пригороде, на так называемом Лане, где их право на проживание было подтверждено только в 1634 году Владиславом IV (именно в этой части города во время немецкой оккупации находилось еврейское гетто). Оказавшись в 1772 году в составе Австро-Венгерской монархии, Дрогобыч на рубеже XVIII–XIX веков переживает экономический упадок, постепенно превращаясь в застывшую, сонную, безнадежную провинцию. Ситуация кардинально изменилась, когда во второй половине XIX века в соседнем Бориславе была открыта нефть, что стимулировало бурное строительство железных и шоссейных дорог (до Дрогобыча железная дорога дотянулась в 1872 году). Благодаря «Бориславской Калифорнии» за считанные годы Дрогобыч превратился в «Галицийский Клондайк», что привело к обогащению и процветанию города. Следы этих времен «золотой лихорадки» заметны и сегодня, если присмотреться к небольшим, но богатым и вычурным палаццо и виллам на главных исторических улицах города — Адама Мицкевича (ныне Тараса Шевченко), Генрика Сенкевича (ныне Ивана Франко), Яна Собеского (ныне Леси Украинки). Эти дома принадлежали нефтяным магнатам и прочим внезапно обогатившимся предпринимателям. В пригородах и сегодня существуют старые постройки нефтеперерабатывающих фабрик, а в Бориславе можно увидеть характерные нефтяные качалки, затерявшиеся в сельском пейзаже. Стоит отметить, что из десяти нефтеперерабатывающих предприятий (среди которых и самые мощные по тем временам в Европе «Польмин» и «Галиция») семь принадлежали еврейским предпринимателям. В 1869 году в Дрогобыче проживало 8055 евреев (48 % от общего числа жителей). Когда после Первой мировой войны Дрогобыч вошел в состав Польши, здесь проживало 12 тысяч евреев, а к 1939 году их число возросло до 17 тысяч. Сразу после вторжения в 1941 году немецких войск начались еврейские погромы. Несколько тысяч евреев были вывезены в концлагерь в Бэлжеце, остальные переселены в гетто, многие работали в трудовых лагерях. Тысячи евреев были уничтожены в Бронницком лесу близ Дрогобыча 21 апреля 1943 года. Войну пережили, укрываясь в городе либо в лесах, всего лишь 400 евреев, большинство из которых выехали впоследствии в Польшу

или в Израиль. Такова судьба дрогобычских евреев. В советское время, согласно переписи населения 1970 года, евреев в Дрогобыче проживало 3% от общего числа горожан — столько же примерно, сколько поляков. К сожалению, сегодня эти проценты уверенно движутся к нулю. Статистика — не только цифры, но знаки судьбы и огромной трагедии множества людей. И это необратимо.

В связи с этим возникает вопрос: согласны ли дрогобычане, потеряв своих евреев и поляков, потерять и своего Шульца? Это зависит от отвечающего. Увы, кое-кто в современном Дрогобыче на такой вопрос ответит утвердительно без тени сожаления. Но есть и такие, кто ответит отрицательно — что не может не радовать, особенно если речь идет об украинской интеллигенции и молодежи Дрогобыча.

Вопрос о потере Городом своего Писателя и Художника перекликается с поисками Шульцем пригрезившейся ему «гениальной эпохи» детства/счастья, которую он пытался вернуть, зафиксировать в своем письме и рисунках. Как вспоминает один из его учеников, польский писатель Анджей Хцюк, автор сентиментальной дрогобычской дилогии «Атлантида» и «Лунная земля», незадолго до Катастрофы его учитель рисования часто делал наброски ничем не примечательных дрогобычских домишек-развалюх. На вопрос, зачем он это делает, ведь в городе так много пейзажей поинтереснее, учитель отвечал пронзительно просто: рисует тот мир, который вот-вот погибнет.

Об этой «гениальной эпохе» Шульц говорил одновременно туманно и предельно ясно: «Так существовала когда-то эта гениальная эпоха — или же нет? Трудно ответить однозначно. И да, и нет». Наверное, вот так и сам Шульц ответил бы на вопрос: потерял он для своего Дрогобыча или нет? И да, и нет, — думаю, так он бы ответил. Ведь сам Шульц для этого города — его гениальная эпоха. Вот только грунт земного Дрогобыча не выдерживает на себе такого сложного события, каким явился для него этот писатель и художник.

Первым шагом навстречу Шульцу и его «гениальной эпохе» стала встреча в Дрогобыче в ноябре 1992 года (провозглашенного ЮНЕСКО годом Бруно Шульца) польских и украинских исследователей, ценителей, поклонников творчества автора «Коричных лавок» и «Санатория под клепсидрой». Совместными усилиями была создана комната-музей в бывшем учебном кабинете бывшей гимназии им. Владислава Ягелло (ныне это центральный корпус Дрогобычского педагогического университета), где Шульц служил учителем рисования и труда. Полонистический центр университета опекает эту комнату-музей и принимает множество посетителей со всего света, готовых ради Шульца совершить «паломничество» в Дрогобыч.

Следующим шагом стало учреждение Международного фестиваля Бруно Шульца — междисциплинарного научно-художественно-театрально-литературного биеннале, которое проводится в Дрогобыче с 2004 года. Последний по времени 4-й фестиваль состоялся в мае 2010 года. Его «фишкой» стал проект издания на десяти языках Путеводителя по Дрогобычу Бруно Шульца, где старые и современные фотографии конкретных объектов на карте города сопровождаются соответствующими фрагментами из прозы писателя. Следующий, 5-й фестиваль организаторы — Полонистический научно-информационный центр имени Игоря Менька (Дрогобычский университет), Ассоциация «Фестиваль Бруно Шульца» (Люблин, Польша) рассчитывают провести в юбилейном Шульцевском 2012 году — 120-летия жизни и 70-летия смерти великого Бруно. ■

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКАЯ МИСТЕРИЯ

Фрагменты новелл Бруно Шульца
из путеводителя «Дрогобыч Бруно Шульца»

Бруно ШУЛЬЦ*

I. МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Площади Рынок, Малый Рынок и прилегающие улочки

Жили мы на Рыночной площади, в одном из тех потемневших домов со слепыми и голыми фасадами, которые так мало отличались друг от друга. Что часто служило причиной невольных ошибок.

Так, перепутав подъезд и поднявшись не по тем ступеням, ты вдруг попал в настоящий лабиринт незнакомых коридоров, запертых дверей чужих квартир, тянущихся по периметру балконов и черных лестниц, ведущих в дворы-колодцы, так что и не вспомнить уже было, как и зачем ты здесь очутился, чтобы однажды, устав от бесплодных блужданий и сомнительных приключений, на рассвете серого дня вдруг вспыхнуть от стыда, вспомнив о родимом доме.

Заставленное огромными шкафами и диванами, дешевыми имитациями пальм и тусклыми зеркалами, наше жилище неуклонно деградировало по причине нерасторопности матери, вынужденной просиживать с утра до вечера в лавке, и из-за лени смуглоногой Адели, оставленной без хозяйского присмотра и большую часть времени проводившей перед зеркалом, о чем говорили ее разбросанные повсюду туфельки, корсеты и гребни с вычесанными волосами.

Неизвестно было даже, сколько у нас жилых комнат, ибо никто не помнил, какие из них в данный момент сданы квартирантам. Не раз случалось, толкнув дверь, обнаружить пустую комнату, из которой давно съехал жилец, а в не открывавшихся месяцами ящиках столов и комодов вас ожидали самые непредсказуемые находки.

Площадь Рынок в Дрогобыче на рубеже XIX–XX веков. Справа от костела Св. Варфоломея — дом семьи Шульцев, сгоревший в Первую мировую войну

«Наваждение»

Рынок был пуст и желт от жары, выметенный горячими ветрами, как библейская пустыня. Тернистые акации, выросшие на пустыре желтого плаца, вскипали над ним светлой листвой, букетами изящно прорезанной зеленой филигрании, подобно деревьям на старинных гобеленах. Казалось, это они возбуждали ветер, театрально вздымая свои кроны, чтобы в патетичных изгибах продемонстрировать изысканность своих листовенных вееров с серебристым, как у драгоценных лисиц, подбрюшьем. Старые дома, отполированные ветрами за много дней, окрашивались атмосферными рефлексам, отзвуками, воспоминаниями колеров, распорошенных в цветовой глубине лета. Казалось, что целые поколения погожих дней потрудились, оббивая фальшивую глазурь с фасадов домов (как терпеливые маляры очищают их от заплесневелой штукатурки), обнаруживая с каждым днем все выразительней истинное обличье зданий — физиономии жизни и судьбы, которые исподволь их формировали. Сейчас их окна, ослепленные блеском опустевшей площади, спали, балконы являли небу собственную пустоту, а из раскрытых сеней веяло холодом и вином.

[...] Так неторопливо прогуливались мы с матерью по двум солнечным сторонам Рынка, проводя свои изломанные тени по фасадам зданий, как по клавишам. Квадраты брусчатки проплывали под нашими мягкими и плоскими стопами — одни бледно-розовые, как человечья кожа, другие золотистые или сизые, но все одинаково плоские, нагретые и бархатистые на солнце, словно какие-то солнечные лица, затертые шагами до совершенной неузнаваемости, до блаженного небытия.

«Август»

Пока, наконец, на углу улицы Стрыйской мы не входили в тень аптеки. Большая банка с малиновым соком, выставленная в широком аптечном окне, символизировала холод бальзамов, которым можно было утолить здесь любое страдание. Еще несколько каменных домов — и дальше улица была уже не в состоянии поддерживать декорум города, как тот крестьянин, что, возвращаясь в родное село, раздевается по дороге и, избавляясь от городской своей франтоватости, превращается понемногу в сельского оборванца.

«Август»

Город уже спал, когда мы въехали в теснины его пустынных улиц. Кое-где еще светились отдельные фонари, будто нарочно оставленные затем, чтобы выхватить из темноты какой-то приземистый дом, чей-то балкон или никому не нужный номер над запертой брамой. Застигнутые в столь поздний час закрытые наглухо магазинчики, покачивающиеся на ветру вывески и подъезды со стертими ступенями свидетельствовали о безнадежном запустении — о глубочайшем сиротстве матери, лишившейся внимания людей и предоставленной самой себе.

Повозка сестры свернула в боковую улочку, а мы поехали дальше к рыночной площади. Кони замедлили свой бег, когда мы въехали в ее крошечную темень. Светились только открытые двери пекарни, с порога которой босой пекарь проводил наш экипаж невидящим взглядом, да окно бессонной аптеки, тщетно манившее нас сферической банкой малинового бальзама. Брусчатка усиливала цоканье конских копыт, акцентируя одиночное и вдвоенное лязганье

* Перевод с польского Игоря Клеха, первая публикация.

Улица Шевченко (ныне Мицкевича) на рубеже XIX–XX веков: строительный бум, особняки, виллы австро-венгерских нефтебаронов

подков, все более звонкое и все более размеренное, покуда не выплыл из темноты обшарпанный фасад родного дома и не остановился перед нами, как вкопанный.

[...] За приоткрытым окном нашего жилища горела свеча, и от сквозняка прыгали по стенам тени. Потемневшие обои в нем были поедены плесенью несчастий и разочарований множества одряхлевших поколений. Казалось, разбуженная старая мебель, о которой наконец вспомнили, глядела на вернувшихся домой с горечью и терпеливой мудростью во взгляде. Слово давала понять: никуда вы отсюда не денетесь, все равно вернетесь в заколдованный круг, где давно расчислены все ваши движения и жесты — все подъемы с постели, все усаживания за стол, все ваши ночи и дни наперед. Здесь вас ждут, здесь вас знают...

«Осень»

[...] Затем все начинало порастать темной трухлявой корой, шелушащимися струпами теней, опадающих на землю. И покуда низину заливал прилив тьмы, — где все стремительно распадалось, шло прахом, и росли замешательство и паника, — на небесах безмолвно и грозно разгорался закат, сопровождаемый приглушенным позвякиванием миллионов бубенцов и бесшумным взлетом миллионов невидимых жаворонков, поднявшихся разом и устремившихся в серебристую бесконечность.

После чего сразу навалилась ночь — огромная ночь, еще и раздутая ветрами во всех направлениях. В ее запутанном лабиринте виднелись теперь только светлые лунки — похожие на цветные фонари лавки, ломящиеся от обилия товаров и притока покупателей. За их стеклами вершился шумный и причудливый церемониал осенних распродаж.

Эта огромная, раздутая ветрами осенняя ночь, скрывала в темноте своих колышущихся фалд светящиеся карманы со всевозможной цветастой ерундой — шоколадками, печеньями, колониальной мелочевкой. Ларьки и будки, наспех сколоченные из деревянных ящиков от сладостей, разукрашенные яркими обертками от шоколада и мыла, ломались от праздничных пустяков, — вроде смешных дудок, разноцветных леденцов или хрустящих вафель в позолоченной и серебристой бумаге, — являясь оплотами легкомыслия и погрешками безопасности, затерянными в глухих уголках растрепанной ветрами ночи.

«Ночь Большого сезона»

Мифическая «улица Крокодилов» (ул. Стрыйская, ныне ул. Мазепы)

На переднем плане гравёр изобразил запутанное переплетение улиц и переулков, прорисовав весь архитектурный декор зданий, — каменные карнизы, пилястры, архитравы и архивольты тронув темной позолотой вечеряющего дня, а все углы и ниши залил глубокой сепией теней. Призмы и глыбы этих светотеней переполняли теснины улиц, подобно потемнелым сотам с медом, топя в своем расплаве то неосвещенную сторону улицы, то просвет между домами, оркеструя полифонию и драматизируя архитектуру города мрачной романтикой теней.

На этой карте, выполненной в манере барочных перспектив, район улицы Крокодилов зиял нетронутой белизной, как в картографии принято обозначать приполярные области и неисследованные территории или страны, о которых не было известно ничего определенного. Разве что направление нескольких улочек было намечено сплошной или прерывистой чертой, а их названия нанесены простейшим незатейливым шрифтом, в отличие от благородной антиквы всех прочих надписей. Видимо, картограф отказывался признать данный район частью города и недвусмысленно выразил свое предубеждение и несогласие таким вот образом.

Чтобы понять причины подобного отношения, необходимо сперва обратить внимание на сомнительный и двусмысленный характер этого городского района, выпадающий из общей тональности города в целом.

[...] Эта улица широка, словно бульвар в крупном городе, хотя ее проезжая часть больше похожа на деревенскую площадь из утрамбованной глины — всю в выбоинах и лужах, местами поросшую травой. Уличное движение и толчея здесь — постоянная тема для разговоров и предмет особой гордости и солидарности местных обитателей. Серая и неразличимая их толпа чрезвычайно увлечена энергичной имитацией жизни большого города. Однако, несмотря на все их старания и азарт, создается впечатление лишь монотонного снования без смысла и цели какого-то приснившегося хоровода марионеток.

«Улица Крокодилов»

Городской театр

Однажды мы даже сходили в театр.

И снова очутились в этом большом, плохо освещенном, галдящем, суматошном и грязноватом помещении. Но, пробравшись сквозь людскую толчею, мы вошли в зал с огромным бледно-голубым занавесом, похожим на какой-то незнакомый небосвод. Он слегка пошевеливался, и заодно с ним колыхались изображенные на полотне розовые физиономии с надутыми щеками. Эта имитация неба источала дух пафоса и патетических жестов того блистающего игрушечного мира, что был воздвигнут на подпорках и ходулях сценических конструкций. Огромное полотно дышало и подрагивало, оживляя театральные маски и заражая зрителей своей метафизической тревогой, говорящей об иллюзорности мироздания и о кроющейся за ним тайне.

Маски на занавесе била дрожь. Их подкрашенные веки трепетали, а красные губы что-то беззвучно шептали, и я уже не сомневался, что вот-вот настанет миг, когда напряжение достигнет пика — и разорвется завеса. Занавес поднимется, чтобы показать нам нечто неслыханное и ослепительное.

«Лавки пряностей»

Улица Подвальная и «лавки пряностей»

Уже через несколько шагов я сообразил, что на мне нет пальто. Стоило бы за ним вернуться, однако это показалось мне лишней тратой времени, поскольку зимняя ночь выдалась на удивление не холодной, а, напротив, будто бы пронизанной струями и прожилками непонятного тепла, дыханием какой-то псевдовесны. Снег свернулся белыми барашками, словно руно невинного агнца со сладковатым фиалковым запахом. Такими же барашками покрылись небеса, где двоился, троился, делился и множился месяц, демонстрируя все свои фазы и позиции на небосводе.

Казалось, в этот день небо решило обнажить свое внутреннее устройство во множестве анатомических срезов и проекций, являя спирали и слои света, идущие поперек зеленоватых глыб ночи — через плазму бескрайних просторов и ночных наваждений.

В такую ночь, идя по Подвальной или по любой другой из тех темных улочек, что опоясывают четырехугольник Рыночной площади и служат его изнанкой, невозможно не вспомнить, что где-то здесь угнездились и, возможно, все еще открыты престранные и манящие магазинчики, о которых в будние дни обычно намертво забываешь. Я прозвал их «лавками пряностей» из-за потемневших деревянных панелей цвета корицы, которыми были обшиты изнутри их стены.

Эти изысканные торговые заведения, зачастую открытые допоздна, издавна были предметом моих жарких вожделений. Плохо освещенные, полутемные и иератические помещения источали насыщенный запах благовоний, красок и лака, волнующий аромат дальних стран и редкостных материалов. Тут можно было найти бенгальские огни и магические шкатулки, почтовые марки исчезнувших стран и китайские переводные картинки, индиго и малабарскую канифоль, корень мандрагоры и нюрнбергские пружинные механизмы, живых саламандр, василисков и гомункулюсов в глиняных сосудах, личинки экзотических насекомых и яйца попугаев и туканов, подозрные трубы и микроскопы, но главное — редчайшие книги, старинные фолианты, изобилующие неправдоподобными историями и украшенные удивительнейшими гравюрами.

«Лавки пряностей»

Костел Св. Варфоломея

Настали зимние, желтые, беспросветно скучные дни. Порыжелую землю едва прикрывал зияющий прорехами куцей покров снега. Большинству крыш его не хватило, и они оставались черными и ржавыми. О, эти гонтовые и жестяные кровли ковчегов, прячущих под собой закопченные перекрытия чердаков, эти распяленные на ребрах и стяжках собственной конструкции обугленные соборы, эти темные легкие студеных зимних вьюг! И всякий раз на рассвете обнаруживались все новые дымоходы и печные трубы, словно выросшие за ночь и продутые ночными ветрами пищальки дьявольского органа. Никакие трубочисты были не в силах разогнать ворон, что каждый вечер усаживались на голые ветви деревьев перед костелом, наподобие черных листьев, внезапно срывались, чтобы тут же вернуться, причем

каждая на предназначенное только ей место на той же ветке, а на рассвете поднимались огромными стаями и улетали, словно клубящаяся сажа — хлопья копоти, постоянно меняя очертания и пятная своим беспорядочным карканьем разрастающуюся мутно-золотую полосу рассвета.

От стужи и скуки дни очерствели, словно буханки прошлогоднего хлеба, и их нарезали со сна без аппетита затупленными ножами.

«Птицы»

Над пожелтевшим осенним парком ночное небо светлеет и краснеет в последних отблесках заката, что вызывает переполох в прореженной чаще деревьев. Уже изготовившихся ко сну ворон тревожат и вводят в заблуждение обманчивые признаки приближения рассвета. С неистовым карканьем птицы срываются с ветвей, сбиваются в крикливую стаю и бестолково кружат в рыжем мороке, напоминающем крепко заваренный чай, с завихрениями опадающих листьев, похожих на чайники. Не скоро успокаивается устроенная в небе вороньем кутерьма, и понемногу оседает поднятая ими круговерть в гуще парка. Птицы вновь рассаживаются на ветвях деревьев, и долго еще не стихают их беспокойные пересуды, охи, ахи, постанывания и вздохи, пока все звуки не смолкают, наконец, и не сливаются с шелестом увядающей листвы. Тогда окончательно воцаряется глубокая ночь. Проходит час за часом.

Прислонившись разгоряченным лбом к оконному стеклу, я ощущаю и верю: ничего плохого со мной уже не может случиться — я обрел тихое пристанище и покой. Впереди долгая череда лет сытых и отяжелевших от счастья, времена бесконечного блаженства. Еще несколько судорожных сладких вздохов, и грудь мою переполняет безбрежное ощущение счастья. Я перестаю дышать. Верю: так же как жизнь, смерть, утоляющая все печали, когда-то примет меня в свои ласковые объятия. Я буду лежать, пресыщенный временем, на зеленом и ухоженном здешнем кладбище. Моя жена, — как же будет ей к лицу вдовья траурная вуаль! — станет приносить мне утром в погожие дни цветы. И я слышу, как с самого дна переполняющего меня чувства начинает звучать музыка глубин — всплывают глухие, торжественные и печальные такты величественной увертюры. Я ощущаю могучее биение пульса земных недр. Нахмурился брови, я мучительно вглядываюсь вдаль и ощущаю, как шевелятся и поднимаются волосы у меня на голове. Я замираю и весь обращаюсь в слух...

«Отчизна»

II. ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Переполненное небом всклянь комнатное окно уже не могло выносить эти светоносные залпы, от которых раслаивался воздух и начинали дымиться и вспыхивать занавески, ниспадая и отбрасывая золотые тени. На ковре разлегся и подрагивал скошенный пылающий квадрат, не имея сил оторваться от пола. Породивший его огненный столп потряс все мое естество. Я остолбенел перед ним враскорячку, как зачарованный, и только облаивал его измененным, не своим голосом самыми немислимыми проклятиями.

В прихожей перед дверью столпились встревоженные и напуганные родственники, соседи, принаряженные тет-ки, заламывая в растерянности руки. Терзаемые любопытством, они подходили на цыпочках, заглядывали в комнату и тут же отходили. А я тем временем голосил.

— Видите, — кричал я матери и брату, — я же всегда говорил вам, что все на свете намертво замуровано скукой, заперто и нуждается в освобождении! И вот посмотрите — что за извержение, какой расцвет всего, какое блаженство...

И плакал от счастья и бессилия.

— Проснитесь же, — безуспешно призывал я, — придите мне на помощь! Разве один я справлюсь с этим наводнением, разве устою перед этим потоком? Как мне без вашей помощи ответить на миллионы ослепительных вопросов, которыми меня осыпает Господь?

Но они молчали, и я приходил в гнев.

— Поспешите же, черпайте целыми ведрами этот переизбыток благодати, запасайтесь впрок, пока не поздно! Но никто не мог мне помочь. Они стояли беспомощные, озираясь вокруг и прячась за спины друг друга. И тогда я понял, что мне делать...

«Гениальная эпоха»

Ночь на дворе была словно отлита из свинца — без выхода, без воздуха, без пути. Уже в паре шагов она заканчивалась тупиком. Приходилось топтаться на месте, как в полудреме, и пока ноги вязли у скоростного края скудного пространства, одна только мысль продолжала движение по топким тропам кромешной диалектики ночи, беспрестанно подвергаясь испытаниям и перекрестному допросу. Дифференциальный анализ ночи длился самопроизвольно, имманентно. Покуда ноги не застыли намертво в безысходной глуши, в совершенной темени, в интимнейшем закоулке ночи, где целыми часами приходилось простаивать в блаженном конфузе, будто без толку перед писсуаром. И только предоставленная самой себе мысль продолжала коловращение, словно разматывался какой-то клубок в лабиринте мозга, и ткался бескрайний трактат летней ночи, вопреки и поверх ее изощренной диалектики. Она кувыркалась посреди абстракций и логических ловушек, подпираемая с двух сторон беспрестанным вопрошанием и каверзными вопросами, не имеющими ответов. Так, философствуя, мой отец одолевал спекулятивные просторы тьмы, постепенно утрачивая телесный облик и все более погружаясь в беспросветную и безвозвратную глухомань небытия.

«Мертвый сезон»

Из-за позднего просыпания после куцега и бестолкового дня накатывала сразу ночь — как многолюдная и шумная прародина всех живущих. Толпы людей высыпали на площади и переполняли улицы, голова к голове, словно потоки черной икры или лоснящейся дробы, ползущие из лопнувших бочек во всех направлениях под черными как смоль небесами с переговаривающимися звездами. Ступени лестниц не выдерживали уже тяжести тысяч людей, фигурки отчаявшихся жителей маячили в окнах, люди-спички, с серными головками на древках, в сомнамбулическом самозабвении переползали через подоконники, подобно муравьям, образуя подвижные цепи, нагромождения и колонны и карабкаясь по спинам друг друга, они устремлялись на освещенные площади, где полыхали смоляные бочки.

Простите меня за то, что, описывая эти сцены сутолоки и огромного перенапряжения, я вынужден утрировать, невольно подпадая под влияние старинных гравюр в великой книге катастроф и поражений человеческого рода. Ведь все такие описания сводятся к единому прообразу, а их гипертрофированный пафос свидетельствует лишь, что на этот раз нам удалось выбить дно из бочки прапамяти, погрузиться в мифическую дочеловеческую ночь, где клокочат стихии и царит беспамятство, и что нам уже не остановить потолка. О, эта перенаселенная ночь, изобилующая рыбами и их звездной чешуей, о, эти жадные косяки, неутомимо заглатывающие голодной глоткой, дробными глотками, все вздувшиеся внешние воды тех черных проливных ночей! В фатальные сети каких исполинов устремлялись бессчетные поколения безвестных существ и тысячекратно размножившиеся их потомки?

«Комета»

По сей день, и не дальше. Как это — а что же с обещанным концом света, этой великолепной развязкой после столь искусного вступления?! Потупленный взгляд и улыбка. Может, закралась где-то ошибка в расчеты, неучтенная погрешность в вычислениях или опечатка в колонки цифр? Ничего подобного. Все вычисления были верны, ни малейшей неточности при подсчете и ни единой опечатки не было допущено. Так в чем же дело? А вот послушайте.

Небесный болид несся как положено, словно лидер на скачках, сверкая копытами, чтобы заблаговременно пересечь финишную черту. Рядом с ним бежала мода сезона. Какое-то время он летел во главе эпохи, которая ненадолго приобрела его масть, форму и название. Но затем эти два скакуна сравнялись, мчась ноздря в ноздю в неистовом галопе, и наши сердца бились в такт с ними. Пока мода не стала обходить своего неутомимого соперника буквально на длину комариного носа, и этот миллиметр решил участь кометы. Она была предрешена, комету обогнали раз и навсегда. Наши сердца уже были с модой, великолепный болид все больше отставал, а мы равнодушно наблюдали, как он становился все бледнее и уменьшался, теряясь у черты горизонта, пытаясь в наклоне одолеть последний поворот беговой дорожки, — голубоватый, далекий и уже навсегда обезвреженный. Он выбыл из конкурса, исчерпал свой

запас актуальности, и никого больше не волновала судьба проигравшего. Предоставленный самому себе, он тихо угасал посреди повального равнодушия.

С опущенной головой мы вернулись к рутинным занятиям, пополнив еще одним разочарованием свой жизненный опыт. Космические перспективы поспешно сворачивались, жизнь возвращалась в привычную колею. Наступили дни беспробудной спячки, с утра до вечера и с ночи до утра, словно люди пытались отоспаться за все потраченное впустую время. Мы лежали вповалку в сумрачных комнатах, сморенные сном и влекомые сонным дыханием по слепым закоулкам беззвездных сновидений.

«Комета»

Печаль звездных пустынь довлела над городом, а фонари безучастно прошивали ночь нитями лучей, прикрепляя ее к земле, стожок к стожку. Прохожие задерживались вдвоем или втроем в кругах света под фонарями, создававшими обманчивое впечатление комнаты, освещенной настольной лампой, — посреди неуютной и равнодушной ночи, уходящей вверх и теряющейся в незаконных пространствах, в дремучих атмосферных ландшафтах, истрепанных порывами неприкаянного и бездомного ветра.

[...] Мы также поднялись, тогда как наша мысль давно уже бежала, опережая тела, вслед за стуком и громоуханием повозок ночи по далеким, светящимся и грохочущим, широко расходящимся звездным путям.

Так двигались мы под звездными фейерверками, прикрыв глаза и готовясь восторженно воспринять все более ослепительные озарения. Ох, этот триумфальный цинизм ночи!

«Весна»

III. МЕЧТЫ

Эти ночные занятия интриговали меня и пленяли, вот и на этот раз я не смог устоять перед искушением заглянуть в двери рисовального зала, твердо пообещав себе не задерживаться здесь ни на секунду. Но, поднимаясь по кедровым ступеням черной лестницы, оглушительно резонировавшим в такт моим шагам, я вдруг с удивлением обнаружил, что оказался в совершенно незнакомом мне прежде крыле здания.

Ни малейший шорох не нарушал царящей здесь тишины. Коридоры в этой части здания были намного шире и устланы плюшевыми коврами, что придавало им фешенебельный вид. Маленькие пригашенные лампы освещали их изгибы и повороты. Пройдя по одному из ответвлений, я очутился в еще более просторном коридоре прямо-таки дворцового вида. Одна его стена представляла собой застекленную аркаду, за которой тянулась вереница жилых покоев. Это была целая анфилада помещений, обустроенных с поразительным вкусом и великолепием — с шелковыми обоями, золочеными зеркалами, хрустальными люстрами и драгоценной мебелью. Взгляд терялся и тонул в пушистой мягкости антикварных интерьеров, переполненных цветными рефlekсами, украшенных мерцающими арабесками с изысканной вязью гирлянд и распускающимися бутонами цветов. Глубокую тишину этих пустынных залов смущало только переглядывание исподтишка зеркал между собой да испуг арабесок, бегущих по фризам вдоль стен и теряющихся в затейливой лепнине и слепящей белизне потолков.

Созерцая подобную роскошь и начиная догадываться, что моя ночная эскапада привела меня нечаянно в жилое крыло к директорским апартаментам, я застыл в почтительном удивлении. Пригвожденный к месту любопытством, с бьющимся сердцем, я готов был сбежать отсюда от малейшего звука. Потому что, пойманный на горячем, как смог бы я объяснить свое ночное вторжение и невольный шпионаж, чем оправдать свое дерзостное любопытство?

«Лавки пряностей»

И вот быстрым шагом мы приближаемся к тому месту нашей истории, где речь пойдет о дивной и катастрофичной поре в жизни каждого человека, которую заслуженно можно назвать гениальной эпохой.

Невозможно отрицать, что при одной мысли о ней мы ощущаем стеснение сердца в груди, испытываем сладостное беспокойство, нас пробивает метафизическая дрожь, сопутствующая событиям окончательным и бесповоротным. Вскоре нам не останется в тиглях красок, а в душе — запала, чтобы набросать хотя бы ее общие контуры, расставить важнейшие акценты на светоносном и трансцендентном живописном полотне.

Что же это за гениальная эпоха? Когда это было с нами?

Но тут мы вынуждены ненадолго стать эзотериками, как господин Боско из Милана, и понизить свой голос до проникновенного шепота. Нам придется подкреплять свои суждения многозначительными усмешками, а кончиками пальцев то ли растирать щепотку соли, то ли пытаться определить на ощупь ткань загадочной субстанции. И не наша вина, если при этом мы покажемся кому-то манерными и жуликоватыми продавцами несуществующих одеяний.

Так существовала когда-то эта гениальная эпоха — или же нет? Трудно ответить однозначно. И да, и нет. Потому что есть вещи и события, которые не способны осуществиться вполне. Они чересчур огромны и превосходны, чтобы уместиться в рамках отдельного случая. Они только пытаются осуществиться, словно испытывая на прочность грунт реальной действительности и сейчас же отступая из опасения, что он их не выдержит, что, осуществившись лишь частично, они только покалечатся и утратят целостность, растратят свой капитал. И если такая беда все же приключится с ними, они тут же в отместку отбирают весь остаток собственности, отзывают все свое достояние и перестраиваются, видоизменяются, чтобы в наших биографиях остались лишь белые пятна и благоуханные стигматы, лишь серебристые следы босоногих ангелов на полях дней и ночей, откуда все великолепие восстановленной славы и совершенства зависает над нами и трепещет, переживая кульминацию за кульминацией.

А между тем вся полнота их совершенства отчасти присутствует в каждом из этих убогих и фрагментарных воплощений. И порой происходит нечто вроде разоблачения подмены. Событие может выглядеть крошечным и ничтожным по своему происхождению и последствиям, но, поднесенное к глазу, вдруг открывает нам бесконечную перспективу за собой, поскольку через него пробивается и лучится высший смысл.

Поэтому нам остается только коллекционировать эти аллюзии, эти земные намеки, эти полустанки на наших жизненных путях, словно осколки разбитого зеркала. Чтобы по кусочку восстановить то, что изначально едино и неделимо: великую и гениальную эпоху нашей жизни.

«Книга»

Мне не достало смелости обогнуть виллу и зайти с тыльной стороны. Меня тогда, несомненно, заметили бы. Но откуда же взялось у меня ощущение, что я уже бывал здесь когда-то очень давно? Действительно ли, нам не знакомы изначально и заранее все те места, которые повстречаются на нашем жизненном пути? И может ли, на самом деле, прозойти с нами нечто совершенно новое, чего мы втайне не предчувствовали бы издавна и не ждали?

Я твердо знаю, что когда-нибудь в вечерний час буду стоять здесь на лестнице, ведущей в сад, сжимая в своей руке руку Бьянки. Мы спустимся с ней в угол запущенного старинного парка, стиснутого каменными стенами, в воспетый Эдгаром По искусственный рай — поросший цыкутой, маком и увитый вьюнками опиумный рай, как на старинных фресках под выцветшими небесами. Мы разбудим белый мрамор слепых статуй в этом пограничном мире, за гранью скукоженного полудня. Мы спугнем ее единственного любовника — красного вампира, заснувшего на девичьем животе, сложив крылья. Он беззвучно взлетит — обмякший, зыбкий, плавно перетекающий, не имеющий скелета и даже плоти, — воспарит ярко-красным обручком, закружится, взмахнет крыльями и растворится без следа в омертвелом воздухе. Через маленькую калитку мы с ней выйдем на совершенно пустую лужайку. Выжженная трава на ней будет цвета сухих табачных листьев или индейской прерии на пороге осени. Возможно, это будет в Нью-Орлеане, штат Луизиана, или еще где-то — страна и место не имеют значения. Мы усядемся с ней на каменном парапете квадратного водоема. Бьянка окунет свои белоснежные пальцы в теплую воду, где плавают желтые листья, и не поднимет глаз. Я замечу сидящую на противоположной стороне крошечного пруда художавую фигуру в черном глухом одеянии и шепотом спрошу Бьянку, кто это. Она покачает головой и тихо ответит:

— Не бойся, она не слышит. Это моя умершая мать, она здесь живет.

А после этого Бьянка скажет мне слова наисладчайшие, наитишайшие и наипечальнейшие. И не последует за ними никакого утешения. Начнут сгущаться сумерки...

«Весна»

IV. КАРТЫ СУДЬБЫ

Вся эта страна была приговорена и обречена изначально. Отсюда долгое послевкусие ее прощального жеста — раз за разом повторяющегося, уже давно бессодержательного и зависшего.

[...] А в самой ее глубине, где край вечеряющей земли отделен от мутно-золотистого ничто только увядающим кустом аканта, всё никак не закончится карточная игра, участники которой делают последние отчаянные ставки перед наступлением вечной ночи.

Черета лет неизбывной скуки подвергла безжалостной дистилляции и уценке весь хлам устаревшей красоты.

— Способны ли вы ощутить, — вопрошал мой отец, — всю бездну отчаяния дней и ночей этой приговоренной красоты?! Раз за разом она порывается имитировать удачные распродажи, устраивает иллюзорные многолюдные аукционы, симулирует азарт и неистовые страсти, голосит и играет на понижение, расточительным жестом транжирит свои богатства, чтобы, протрезвев, осознать, что все это впустую — что для самодовлеющего совершенства нет выхода из замкнутого круга, что не существует болеутоляющих средств для чрезмерности. Ничего удивительного, что нетерпение и беспомощность обреченной красоты должны были в конце концов достучаться до наших небес и отразиться в них, зарницами пройти по нашим горизонтам, породить все эти фантастические атмосферные фокусы и огромные облачные аранжировки, которые я и называю нашей другой осенью, нашей псевдоосенью.

«Другая осень»

То было сборище площадных шутов, толпа расшалившихся полишинелей и арлекинов, которые, не имея намерения что-либо покупать или продавать, своим дурачеством лишь расстраивали намечавшиеся кое-где торговые сделки, доводя их до абсурда.

Устав, наконец, от собственной надоедливой клоунады, веселый этот народец принялся разбредаться по окрестностям, постепенно теряясь в складках местности. Записные весельчаки поочередно пропадали без следа, по мере удаления, посреди долины или за скалами — ровно дети, уставшие от игр и забав во время большого бала и подыскивающие себе укромные уголки в жилых покоях.

А тем временем преисполненные важности и достоинства отцы города, мужи Большого Синедриона, прохаживались группками и тихим голосом вели серьезные беседы. По двое, по трое, они разошлись постепенно по всем дорогам нашего предгорного края. Маленькие и темные их силуэты виднелись на пустынных холмах на фоне хмурого неба с нависшими облаками. Оно было многослойным и походило на вспаханное поле, с параллельными бороздами и серебристо-белыми отвалами, являя вдали и в глубине все более тонкие уровни своего устройства.

В этом краю источником дневного света являлась лампа, отчего дни выглядели странно и ненатурально — дни без рассвета и заката.

«Ночь Большого сезона»

Но ты не без вины — о, Пора! И я скажу тебе, в чем Твоя вина. Ты не пожелала, о, Пора, оставаться в пределах реальной действительности. Никакая действительность не удовлетворяла Тебя, Ты постоянно нарушала границы и избегала возможностей реализации. Не находя утешения своей жажды в действительности, Ты надстраивала над ней конструкции из метафор и поэтических тропов. Существовать Ты могла только в ассоциациях и аллюзиях, в пробелах и зазорах между вещами. Всякая вещь кивала на другую, та ссылалась на третью, и так без конца. Твое красноречие было изнурительным. Не было уже мочи терпеть это скольжение на волнах фразеологии без берегов. Прости, но именно так — фразеологии. И это сделалось очевидно, когда в разных душах, здесь и там, стала просыпаться тоска по сущности, по содержательности. С этого момента Ты была обречена. Выяснились пределы Твоей универсальности, Твоего большого стиля, Твоего великолепного барокко, которые были вполне адекватны в старые добрые времена, а теперь вдруг обнаружили свою манерность. Твои сладость и самоуглубленность носили на себе печать незрелой экзальтации. Твои ночи были так же огромны и беспредельны, как маниакальные восторги влюбленных, и так же призрачны, как галлюцинация и бред. Источаемые Тобой ароматы были чрезмерны и претенциозны не только по людским меркам. От Твоего прикосновения всякая вещь теряла свою определенность, очертания и волшебным образом начинала

прорастать во все более высокие сферы. Поедая Твои яблоки, невозможно было не мечтать о плодах райского сада, а предложенные Тобой овощи заставляли думать о еде нематериальной, которую возможно воспринимать одним лишь обонянием. На твоей палитре присутствовали только чистые цвета, тебе недоступна была насыщенность и ядреность темных, землистых и жирных оттенков коричневого цвета. Осень — это тоска человеческой души по сущности, по материальности, по собственным границам. Когда по невыясненным причинам метафоры, проекты и человеческие грёзы начинают испытывать неодолимое желание осуществиться, им на выручку приходит осень.

«Осень»

Там, где карта страны приобретает чересчур уж южный вид, выцветает и темнеет под палящим солнцем, как переспелая грушка, — там, как кот на пригреве, разлегся этот не похожий ни на что край, эта совершенно особенная провинция, этот город, единственный на белом свете. Но впустую толковать о чем-то таком профанам! Бесплезно объяснять, что из-за этого высунутого в зной длинного и волнистого языка земли, воткнутого полуденным мысом в венгерские виноградники на выгоревших холмах, наш край имеет мало общего с остальной страной и вынужден в одиночку двигаться на собственный страх и риск по неведомым дорогам, пытаться утвердить себя как отдельный мир. Этот край и этот город замкнулись, как створки раковины, создав самодостаточный мирок, и замерли на пороге вечности.

«Республика грёз»

Перевод с польского Игоря Клеха

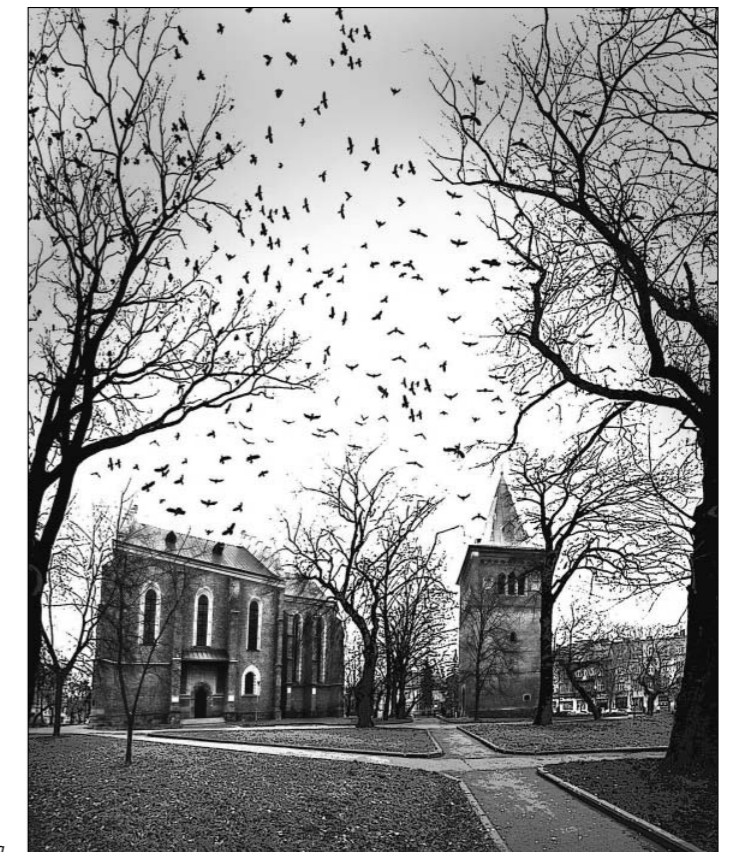

Фото Игоря Фецака

ДЕЖАВЮ В ГАЛИЦИИ

Очерк

Игорь КЛЕХ

Признаюсь, странно мне было после четырехлетнего перерыва в отношениях подлетать ко Львову на допотопном Ан-24Б. Словно в аксонометрической проекции, проползали подо мной знакомые планы улиц, по которым столько хожено, и обветшавшие, как и я сам, здания, в которых столько было прожито, говорено, люблено, выпито. Сама собой напрашивалась аналогия с возвращением души в места... но я ее старательно отгонял — жив еще курилка. Я летел сюда без предубеждений, обид и страсти, с готовностью убедиться, что деньги начинают здесь работать — город, не мытьем так катаньем, меняется в лучшую сторону. Но об этом в конце.

Меня встретили и отвезли в Трускавец, где поселили в частных гостиницах участников III Международного фестиваля Бруно Шульца в Дрогобыче. Этот курорт минеральных вод переживает не лучшие, но и не худшие времена. Он интенсивно застраивается, но, к сожалению, внешне эффектными бетонными коробками, напрочь уничтожающими присущий ему налет карпатского ретро. Трускавец и Дрогобыч показались мне городами-парками — изумительно живописные кроны старых деревьев и разнообразие пород, воздух такой, что его можно пить, особенно по ночам. А вот все, что ниже, существенно хуже, с тротуаров и дорог начиная. И даже эти милые компактные гостиницы с неплохой кухней немножко походили на декорацию, поспешную имитацию. Вроде в них уже все есть, что нужно, но еще не все работает, а о чем-то просто позабыли или не подумали.

Есть неотразимое обаяние бренда. Мне доводилось слышать не раз, что вода в Сходнице неподалеку на порядок целебнее истощенной трускавецкой, и туда уже потянулись гости из Западной Европы. Я и сам пивал такую в скальном Урыче из бьющего прямо на огороде родника. Но мы по-прежнему предпочитаем межвоенный польский и бывший всесоюзный курорт — сердцу не прикажешь. Была такая киномелодрама «Кто поедет в Трускавец?». А кто поедет в древний Дрогобыч — захиревший город нефтебаронов начала XX века, кабы не живший и погибший в нем писатель и художник Бруно Шульц, нанесший этот город на литературную карту мира?

Вот и съехались с нескольких континентов переводчики, художники, профессура, театральные коллективы, музыканты — будто паломники. Событие, достойное ленты новостей мировых информационных агентств петитом. Кто-то в Дрогобыче упорно не хочет понимать, что Шульц — оправдание Дрогобыча перед Богом. Тем значительнее заслуга организаторов Фестиваля, и я мысленно снимаю перед ними всеми с почтением шляпу — какие умницы и подвижники, умеющие заставить конъюнктуру институций, организаций и спонсоров служить благу делу!

Есть скрытое соперничество поляков с израильтянами, чьим писателем был Шульц. С другими писателями, может быть, и часто бывает иначе, но Шульц в первую голову является дрогобычским писателем, как Кафка — пражским. Также существует некое подобие всемирной эстетической секты «шульцоидов» (термин, введенный в оборот вашим покорным слугой). Шульц был не желавшим повзрослеть «гением места» местечек и захолустий, приверженцем метафизической всемирной провинции, остановившегося времени, — а таких людей во всех странах не так уж мало. В

своем выступлении я сравнил его с Шагалом, который не пожелал покинуть родной Витебск (не знаю, съезжаются ли поклонники этого российско-французского еврейского художника в воспетый и оставленный им белорусский город). Недавно почил в бозе главный учредитель идолопоклоннического культа Шульца — Ежи Фицовский (несомненные заслуги и извинительные грехи которого безмерны). Некогда он насмерть воевал с умнейшим критиком Артуром Сандауэром, который имел счастье знать Шульца лично. Примерно так, как если бы апостол Павел ополчился на евангелистов. Все это позади. В Фестивале принимал участие профессор краковского Ягеллонского университета Ежи Яжембский, самый заметный представитель новой генерации, успешно возвращающий на землю и с головы на ноги шульцологию — науку, посвященную творчеству одного человека (затмившего ныне для читателей не только своих друзей-соперников Виткацы с Гомбровичем, но самого Мицкевича и чуть ли не Кафку). Шулец сделался одной из ключевых фигур центральноевропейского дискурса, а трагическая гибель поставила его вне конкуренции. Но вернусь-ка и я на землю.

Я не пишу здесь отчета о Фестивале — фестиваль как фестиваль. Приехали талантливые люди, приехали скучные люди, приехали люди амбициозные и недооцененные. Кого-то я ожидал здесь встретить. Андруховича, уже не первый год живущего два месяца в Ивано-Франковске и десять месяцев в Берлине на престижных стипендиях. От него узнал, что Издрик вернулся восвояси, в Калуш, отчего меня передернуло, но также, что он вернулся к «лабухам» и изданию журнала «Четвер(г)», что немного успокоило. Встретил здесь похожего на Джереми из мультфильма «Yellow Submarine» Павлышина — с рюкзаком, ноутбуком и радиотелефоном в ушной раковине, — изгнанного из «Львовской газеты» и трудящегося теперь на кого-то из украинских политиков. Встретил похожего на гнома с прорезавшимся баском местного журналиста Леню Гольберга и познакомился с его братом Яковом, восстанавливающим ныне грандиозную синагогу в Дрогобыче — вторую или третью по размеру в Европе после венской и будапештской. Обоим некто влиятельный настоятельно советовал не вникать в историю с похищением фресок Шульца израильянами, наделавшую в свое время много шума. Совершенно неожиданно встретил здесь также старых приятелей и знакомых по Львову. Подселенный ко мне в номер итальянец до смешного походил на грустного жениха-дылду из старой кинокомедии «Не промахнись, Асунта!». Вообще, во всей моей поездке было многовато дежавю. Мне казалось, что я любил некогда лучший в мире польский театр благодаря Тадеушу Кантору, но на здешние гастрольные представления на подмостках местного драмтеатра большей частью тяжело было смотреть. Роскошный киноперформанс львовянина Владка Кауфмана во дворе ратуши производил сильное впечатление, если не знать гения сюрреалистической мультипликации пражанина Яна Шванкмайера (как оказалось, кроме одного-двух участников, не говоря о дрогобычанах, его никто и не знал). Кстати, не приехали на фестиваль братья Квай, американские эпигоны Шванкмайера, осевшие в Лондоне и снявшие претенциозный, скучнейший мультфильм по мотивам Бруно Шульца.

Из того, что покорило: украденная цыганами и сданная в лом мемориальная бронзовая доска с тротуара на месте убийства Шульца. Ничего удивительного: в Трускавце перед бюветом с минеральными водами у парящей над фонтаном бронзовой девушки кто-то оттяпал руку по локоть, остался торчать прут арматуры, как загнутый коготь, — ужасик для отдыхающих. Самое неприятное, что не раз и не два я становился свидетелем прорывающейся недоброжелательности местного населения к холеным заезжим «панам» (когда мы тут едва концы с концами сводим). Понять можно, но такие территории и регионы не могут иметь никакой туристической перспективы. В одном дрогобычском кафе отказались обслужить поляков, не говорящих по-украински (дрогобыччане, вы что, «с глузду зъихалы?»), кто-то из поляков пошел жаловаться милиционерам, а Леня (как все здесь, он еще «и немножко шьет») сказал, что больше не будет водить туда туристов. Грустно все это, пыльно, неудобно, бедно. Запущенные виллы и палаццо нуворишей столетней давности. Некоторые из них сегодня выкупаются новыми хозяевами и превращаются в образцово-показательную игрушку — но тем злее выглядит неухоженность общественного пространства, города в целом.

То же могу сказать о Львове. Доступность автомашин превратила Львов в сплошной уличный затор — вот и все, что изменилось за прошедшие четыре года, на мой поверхностный взгляд. Я сошел внизу Городецкой и дальше пошел пешком, чуть не разбил колесный чемодан на тротуарной плитке. Прошел через парк Костюшко, где выпивал с друзьями в студенчестве, где возилась в песочнице моя старшая дочка, а я тем временем сочел слова, сидя на скамье и греясь на солнце. Кирпичной крошки его аллеи не видели за все годы незалежности, так же как беседка с колоннами — извести и краски. А ведь при поляках эти тротуары мылись швабрами с мылом, при Советах хотя бы поливались, и белок в парках было немерено, как в Америке. Куда подевались зверьки?

Львовяне, говорю без дураков: ваши парки, и особенно Стрыйский, — это национальное достояние, лучших ландшафтных парков я не видел по сю пору нигде! В 1940 году из Москвы прислали целую делегацию градостроителей

изучать львовский опыт (бесполезно, не в коня корм), уже в «перестройку» японский сад в московском Ботаническом саду проектировали и обустроивали вместе с японскими специалистами львовские лесотехники (вышла забавная игрушка, и только).

Я слышал во Львове о местной «Рублевке» за Глиной Наварией; у своего друга в витражной мастерской «листал» в компьютере интерьеры нуворишей; продавщица замечательных колбас на рынке убеждала меня: «Видели бы вы, какие дома мы строим, на каких машинах ездим!» Но все это ровным счетом ничего не значит — потому что, когда каждый гребет только под себя, деньги не работают. Уже в московской муниципальной Украинской библиотеке (есть и такая) у меня допытывались по возвращении: деньги же есть, появились, как же это так — «не работают»?! Откройте просто и почитайте труд Адама Смита «О происхождении и причинах богатства народов». Если человек диковат и не способен договариваться с себе подобными о совместных действиях, ему суждено быть бедным или, уж во всяком случае, жить в бедной стране, какие бы средства им при этом ни прожигались. В этом причина, и не случайно основоположник политэкономии начинал с сочинений по этике (а мы будто вчера родились, смеялись, что зарплата у нас выдается унитазами и детскими игрушками, — да триста лет назад при Адаме Смите в Англии творилось то же самое! Но только триста лет назад).

Вот и не удержался от поучений. Но в российской провинции дела обстоят, может, еще хуже! Но дело не в этом — я не привык относиться как к провинции к своему бывшему городу (а он принадлежал мне и моим друзьям, без различия национальностей, по праву молодости). Теперь вот привыкаю. Но это уже и не мое дело. Очередное поколение сходит со сцены, и каждое обречено умирать не в той стране и даже не в том городе, где с ним все происходило. Вспомните Бруно Шульца или хотя бы Уинстона Черчилля.

Я рассказал только то, что видел, чувствую, думаю. Остальное тоже уже не мое дело. Добавлю, что самое одиозное я опустил — всякое везде бывает.

Последнее дежавю приключилось во Львовском аэропорту, когда-то описанном мной в одном из рассказов. Здесь царил покой и запустение. Теперь это заведение для немногих состоятельных и неторопливых «белых людей», в число которых я попал почти по недоразумению. Карикатурный дьюти-фри в зале бывшего ресторана на втором этаже, где разрешено курить после карикатурного досмотра, попивая кофе с «Мартелем» и с недоверием припоминая былые шумные застолья здесь же. Еще немного, и я въехал бы в титульную новеллу второй книги Шульца «Санаторий для усопших», но пассажиров на Москву вовремя пригласили пройти на посадку. ■

Чехи и война

Эссе

Игорь КЛЕХ

ТРУДНО БЫТЬ ЧЕХОМ

На протяжении последних пяти столетий отношения чехов с большим миром преимущественно страдательные — они не творят больше Историю, а ее претерпевают. Об этом, каждый на свой лад, говорят три значительнейших писателя, порожденных этой землей, — Кафка, Гашек и Чапек. И не имеет значения, что Кафка являлся австро-венгерским сефардом (западным евреем), писавшим загадочные притчи на «хох дойче» («высоком немецком» — немецком литературном языке). В первую очередь, он был и остается пражанином. Как и куда более простонародный автор комического эпоса о бравом солдате Швейке, который кое-кто из чешских патриотов возненавидел: что это за эпос, где героем является полуидиот и дезертир?! Чапек был удачливее, что называется, «позитивнее», и поэтому имел прижизненную славу, какая Кафке с Гашеком не снилась. Но не зря еще два тысячелетия назад Платон заметил, что творения здравомысленных затмятся творениями неистовых, что и произошло с книгами Чапека. Потому что трудно быть великим чешским писателем.

Начнем издалека, с экскурса в историю.

В уютной долине, окруженной невысокими горами, в междуречье, на североморско-средиземноморском водоразделе, западная ветвь славян обосновалась в VI веке н. э., вытеснив отсюда или впитав кельтское племя бойев (поэтому римляне называли этот край Богемией). Чешская Богемия то входила в состав Великой Моравии, с которой просветители Кирилл и Мефодий начали свою миссию, то наоборот. В драматическом круговороте средневековой истории этими территориями правили попеременно могучие династии Пржемысловичей, Ягеллонов, Люксембургов, Габсбургов, пока эти последние не утвердились здесь окончательно, на чем самостоятельная чешская история закончилась на много столетий. Дело в том, что здесь сходились в своем вращении гигантские цивилизационные жернова славянского и германского миров, перемалывая судьбы людей и народов. Будучи народом немногочисленным и простодушным, чехи за сто лет до Реформации оказались вовлечены в религиозные войны с католическим Римом и германскими императорами — так называемые «гуситские войны». После создания национальной и не вполне ортодоксальной чешской церкви, вероломного сожжения на костре Яна Гуса и отлучения от церкви всего чешского народа на соборе в Констанце чехи восстали. Они выбросили из окна пражской ратуши немецкого бургомистра — и в ответ получили крестовый поход. Рыцарей-крестоносцев били раз за разом, покуда умеренная часть чехов («чашники») не одолела повстанцев-«таборитов» и не договорилась с Римом и германской Священной Римской империей о заключении мира на почетных условиях. Двести лет спустя за «наезд» на свою протестантскую веру и права чехам вновь пришлось выбрасывать немцев из окна (такая казнь звалась «дефенестрацией», от немецкого Fenster — «окно»). В

пражском замке Градчаны габсбургских наместников сбросили на кучу навоза, что выглядело более гуманно — или трусовато, это как посмотреть. Именно это трагикомическое событие послужило поводом к началу в 1618 году общеевропейской Тридцатилетней войны, в которой германские государства потеряли треть населения, а чехи — всю свою аристократию, превратившись, по существу в обезглавленный и самый «онемеченный» из славянских народов. Как пишет историк Норман Дэвис в своей тысячестраничной «Истории Европы»: «Ко времени Моцарта чехи преимущественно были низведены на уровень крестьянской нации, не имевшей лидеров».

Безраздельно завладевшие Чехией Габсбурги оказались не худшими и просвещенными господами. Под девизом: «Пусть сильные развязывают войны. Ты, удачливая Австрия, женись» этой династии удалось создать уникальную славяно-германскую, многонациональную, веротерпимую и какое-то время процветающую империю. Ее называли еще «славянской империей с немецким фасадом», а Меттерних говорил в шутку, что Азия начинается сразу за оградой его венского сада. Австро-венгерский государственный гимн с середины XIX века исполнялся на семнадцати языках, включая идиш, а три привилегированные нации — австрийские немцы, венгры и поляки — осуществляли власть над остальными, более или менее обездоленными и законопослушными народами. Один из премьер-министров Австро-Венгрии признавался: «Моя политика состоит в том, чтобы держать все национальности монархии в состоянии регулируемой неудовлетворенности». Покуда в конце Первой мировой войны накопившиеся взаимные претензии, неприязнь и ненависть осатаневших наций не разорвали в клочья лоскутную шкуру Австро-Венгерской империи. В результате на политической карте Европы возникли Чехословакия, Польша и ряд других государств.

Чехи были обязаны этим в первую очередь своей выращенной в австрийских университетах интеллигенции, возглавившей национальное возрождение, — великим композиторам, общественным деятелям, историкам и филологам, иногда готовым идти на подлог и мистификацию с благой целью, что не порицалось и в начале XIX века даже было в моде. В России также некоторые сомневались в подлинности «Слова о полку Игореве», а современник Карамзина и Пушкина адмирал Шишков всерьез предлагал заменить все иноязычные слова самодельными («калоши» — «мокrostупами» и т. п.). Чехам к концу XIX века последнее почти удалось, у них даже «театр» зовется с тех пор на собственный лад — «дивадло». Внес свою лепту в достижение чехами независимости и «бравый солдат Швейк» — собирательный образ, отразивший нежелание чехов защищать империю, в которой они были низведены до положения прислуги и людей второго сорта.

В независимой Чехословакии Карел Чапек (1890 — 1938) стал одним из лидеров нации и близким другом первого чешского президента Томаша Масарика, самого умного и интеллигентного европейского деятеля своего времени.

Но что делать, когда ум есть, а воли нет, когда у подавляющей части населения улетучились навык и готовность воевать за собственную свободу, без чего сама свобода становится эфемерной? Поэтому Запад вскоре после кончины Масарика так легко сдал Чехию Гитлеру на переговорах в Мюнхене. И чешская делегация, ожидавшаяся в соседней комнате решения участи своей страны, послушно приняла ультиматум. А вот Чапек не пережил такого позора и крушения надежд, предпочтя умереть на пороге немецкой оккупации. Пройдет тридцать лет, и пражский студент Ян Палах решится на самоожжение столько же из протеста, сколько из стыда. Должны ли были чехи в том и другом случае взяться за оружие и погибнуть? Праздный вопрос. Их немного, и им виднее.

Долго считалось, что книга Карела Чапека «Война с саламандрами» является сатирическим антифашистским памфлетом и призывает деятельно сопротивляться нависшей над миром «коричневой чуме». Но в таком случае очень многое в ней потеряло бы актуальность, а этого не произошло.

В чем же фокус?

КТО ТАКИЕ САЛАМАНДРЫ? ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ?

Многие ли видели саламандру или держали ее в руках? Медлительная пятнистая ящерица, обожающая сырость, но в мифологии античности и средневековой демонологии этому хвостатому земноводному приписывалась власть над стихией огня. Саламандры являлись его персонификацией, как русалки и нимфы — олицетворяли душу воды, гномы и тролли — земных недр, а сифы и эльфы — воздуха и ветра.

И это первый пласт чапековского образа саламандр: обитающие в языках пламени, извивающиеся саламандры способны превратить пламя в пожар, который погубит и их самих.

Вторая ассоциация — это нелюди, существа, находящиеся на дочеловеческой стадии развития. А ведь каждый из нас на протяжении нескольких недель являлся кем-то вроде бесхвостой ящерицы в материнском чреве на одной из стадий развития зародыша! Чапек просто приблизил размер саламандр к человеческому, поселил их в море, а на суше поставил на хвост, превратив в этаких человеко-ящеров.

Еще извивающаяся саламандра с задранными лапками напоминает... свастику, а бессчетные толпы таких саламандр — массовые фашистские мероприятия. И Чапек всячески подчеркивает значение этих ритуальных танцев для популяции саламандр.

В сумме образуется нечто вроде того, что переживший Гражданскую войну в России поэт Максимилиан Волошин окрестил «демонами глухонемыми» войн и социальных потрясений.

Книга «Война с саламандрами», конечно же, типичная антиутопия с некоторыми признаками памфлета или фельетона — жанра, к которому Карел Чапек был в наибольшей степени расположен. Достаточно вспомнить его послужной список.

Славу тридцатилетнему Чапеку принесла пьеса «Р.У.Р.», название которой не имеет отношения к Рурскому индустриальному району Германии и расшифровывается как «Россумские универсальные роботы». Это Карел Чапек в соавторстве с братом Йозефом (кстати, погибшим в нацистском концлагере, чего брат Карел избежал) ввел в оборот современной научной фантастики словечко «робот» (от всем понятного «роботник/работник»), а также новаторский сюжет о восстании машин против своих создателей — золотая жила для только набиравшего силу кино! Об атомном (нуклеарном) ядерном оружии он писал за двадцать лет до его изобретения. Он получил философское образование в университетах Праги, Парижа и Берлина и обладал широким кругозором, что не столь уж характерно для обитателя небольшой страны.

Чапек был озабочен идеей Европы как особой цивилизации, из которой центральноевропейские интеллектуалы сотворили культ, но при этом он являлся трезвым и ироничным наблюдателем. Журналистская работа не позволяла ему чересчур уж воспарить и превратиться в официального идеолога Чехословацкой республики. Но она же пропитала его художественные произведения чрезмерной публицистичностью, а также фельетонностью, кабарестью, фантазийностью и коллажностью. Ничего не попишешь: Mittel Europa — здесь всё немножко... скучновато и не всерьез, поскольку судьбоносные решения принимаются за ее пределами. Отсюда личное знакомство и ученичество Чапека у британцев — Бернарда Шоу и Герберта Уэллса («Война с саламандрами», 1936), его переклички «поверх барьеров» с

Марком Твенем («Письма из Италии» и «Письма из Англии», 1923-1924; «Прогулки к испанцам», «Открытки из Голландии» и проч.), с нашими социальными фантастами А. Толстым и Беляевым («Фабрика Абсолюта» и «Средство Макропулоса», 1922; «Кракатит», 1924), с французским экзистенциалистом Камю и абсурдистом Ионеско (его «Белая болезнь» и «Война с саламандрами» написаны задолго до «Чумы» и «Носорогов»).

Трудное межвоенное благополучие было пропитано катастрофизмом, и Карел Чапек являлся одним из немногих в Европе «ретрансляторов» неблагополучия, одним из литераторов-первопроходцев. Именно эта погруженность в глубинную проблематику своего века спасает творчество Чапека и его главную книгу «Война с саламандрами» от забвения, поскольку художественные ее достоинства, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Только глубина погружения обеспечивает защиту от времени — и в этом time proof всякого искусства.

Фактически Чапек в «Войне с саламандрами» производит в художественной форме лабораторный эксперимент над человечеством. Что будет, если?..

Так ли уж фантастична борьба за полноправие саламандр, если известно, что шимпанзе способны объясняться с людьми на языке жестов на уровне трех-пятилетних детей? Так, может, предоставить приматам избирательные права и ввести обязательное школьное образование? Или такой пассаж: «Саламандры — это множественность, их эпохальная заслуга, что их так много», — не о современных ли китайцах речь, да простят меня китайцы? О Китае, кстати, у Чапека тоже есть: «После этого конференция в несколько подавленном настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для затопления центральные области Китая; взамен этого саламандры должны на вечные времена гарантировать неприкосновенность берегов европейских государств и их колоний», — вам это ничего не напоминает??

Увы, речь стоит вести о природе человека! Об алчности, об интересах корпораций, по сравнению с которыми саламандры с их нравами — сущие дети! О самом холодном из всех чудовищ — государстве (по выражению философа Гоббса в его трактате «Левиафан»). Все в мире развивается по неумолимым законам драматургии. Если персонажи таковы и не способны быть другими, неизбежны такие-то и такие-то конфликты между ними, что приведет, не мытьем так катаньем, к такой-то развязке.

Чудесно, что Чехия, как и Швейцария, не имеет выхода к морю и старается соблюсти нейтралитет, потому что: «Кто-нибудь же должен оставаться нейтральным, чтобы поставлять другим оружие и все такое!» Чешский обыватель пан Повондра с воодушевлением восклицает: «Это ведь замечательно выгодно, что у нас нет никаких морей. Кто нынче морями владеет — несчастный тот человек!» Но вот он берет удочку и идет с сыном половить рыбку с моста над Влтавой — а из воды вдруг выныривает саламандра с плоской головой и изучающе на него глядит. Сматывай удочки, Повондра!

Сатирик и фантаст, прагматик и агностик, миролюбивый и чудаковатый человек, Карел Чапек с ужасом начинает сознавать в середине 1930-х годов, что его благополучный идейный пацифизм ни на что не годен — и мир обречен.

По пражской легенде, за неделю до смерти он, неверующий, всю ночь провел в выстуженном соборе Святого Вита и истово молился, в результате чего заболел воспалением легких, которое и свело его в могилу в день католического Рождества — 25 декабря 1938 года. За два с половиной месяца до вступления армии саламандр в сдавшуюся на милость победителей Прагу. ■

РАЙ ЗЕМНОЙ*

Чеслав МИЛОШ

Все открылось впервые — дивное, невиданное, завораживающее и прекрасное. Я был маленьким чужеземцем, которого, чуть он явился на свет, встретили и обступили бесчисленные радости. Всеведением я равнялся Богу.

Мир вокруг был преисполнен покоя, не тронутый ни суетой, ни тлением. Я не подозревал о недугах, о смерти, о насилии и, зная о них не зная, словно ангел радовался делам Господа в их великолепии и славе. На всем лежала безмятежность воистину эдемская, небо и земля слагали гимны в честь моего Создателя, и вряд ли даже Адаму довелось слышать звуки чудеснее этих. Каждый миг казался мне вечностью, праздником без начала и конца.

Хлебá лучились отборным жемчугом, неувядаемой пшеницей, которую не жнут и не сеют: я думал, они так и стоят себе от века до века. Пыль и камни на улице сияли драгоценным золотом, ворота виделись пределами самого мира, а зеленые деревья, впервые блеснувшие за оградой, ослепили и околдовали меня: при виде их сладоности, несказанной их красоты у меня едва сердце из груди не выпрыгнуло, я чуть голову не потерял от восторга, до того дивно и чудесно было все кругом. А люди! Какими достойными и почтенными представляли старцы — бессмертные херувимы! А младенцы — лучезарные, сияющие ангелочки! А девушки — ненаглядные серафимы, полные силы и прелести! Парни и девчата, гонявшие и игравшие на улице, казались живыми перлами. Мне и в голову не приходило, что они рождаются и умирают. Всё и всегда покоилось на своем месте. Вечность вставала с каждой зарей, и в любой мелочи открывалась бескрайняя глубина, приумножая надежду и пробуждая желание. Город будто воздвигли прямо посреди Эдема, или он так и стоял всегда в этих райских куцах. Улицы были моими, храм — моим, моими были и люди, и наряды их, и золото, и серебро, равно так же как моими — их сверкавшие глаза, гладкая кожа и румяные лица. Небеса были моими, моими — солнце, месяц и звезды, и весь мир был моим, а я — его единственным зрителем и властелином.

Томас Траэрни¹. «Сотницы» (Из «Сотницы третьей»)

Автор, нашедший для своего детства такие слова, умер в 1674 году в возрасте тридцати семи лет. До начала нашего века о нем даже не вспоминали. Место среди лучших «метафизических поэтов» Англии он обеспечил себе рукописным наследием, несколько стихотворений из которого были опубликованы в 1903 году, после чего в 1908-м появились так называемые «Сотницы». Они состояли из написанных стихами или прозой параграфов, сложенных в книги, по сто в каждой, откуда и титул, данный им первым издателем.

Книга Траэрна — гимн во славу felicity, счастья жить на Земле. Мир в ней — подарок, приуроченный человеку Богом, и приурочен он как раз для того, чтобы жизнь человека была непрерывным восторгом. Причислив «Сотницы» к душевспасительной и назидательной словесности (а Траэрни был священником), мы ненамного приблизимся к сути. Скрытый в них вывод колеблется между «да» и «нет», снова возвращаясь к «да», иными словами, приоткрывается шаг за шагом. Если человеку дано узнать истинное счастье — а это ему дано, пусть лишь в состоянии невинности, в детстве, — то, значит, вездесущего и принятого за неизбежность страдания на самом деле можно избежать, вернувшись назад, отыскав утраченное первоначальное видение мира. Однако это выполнимо только при определенных условиях.

Растроганность провидчески открытым строем мира, где все задумано творцом так, чтобы как можно щедрей осыпать человека милостями, в XVII столетии входила в обычай, и Траэрни здесь ни на йоту не отступал от принятых условностей, лишь возводя их в немислимую степень. Эта похожесть вполне могла утопить его сочинения в море тогдашних религиозных трактатов с их барочной музыкой. Но сегодня мы удивляемся простоте его слога — свидетельству точной передачи внутреннего опыта, увы, наводящему на жуткую мысль: до чего же далеки от подобной простоты мы сами! Если и есть что-то, напрочь чуждое XX веку, так это именно основополагающий наказ Траэрна: ежесекундно помнить о благословенном ходе вещей и величии замысла, следуя которому, день уступает место ночи, а ночь — дню, и свет солнца отмеряет нам утро, полдень и вечер, а времена года идут на смену друг другу. Для нас же (и в том немалая заслуга естественных наук) время стало категорией исключительно биологической, иначе говоря — оно складывается из неисчислимого множества равнозначных, хотя и соизмеримых отрезков между рождением и смертью: с рассветом, дескать, племя однодневок рождается, с закатом умирает, и их короткая жизнь вплетена в круговорот еще более краткого или более долгого пребывания здесь мириад других существ, включая человека. Расточительность естества, погибельная его плодовитость во имя продолжения рода рано или поздно (пусть читатель уточнит дату сам) начали морально оскорблять человека, догадавшегося, что скоро это слепое изобилие станет угрозой существованию самого человечества и внесет разлад в богословскую мысль, неспособную вырваться из захлестнувшей петли: что за Провидение навязало нам этот инстинкт, если мы то и дело должны вычеркивать из числа живых всех, кто не родился только для того, чтобы уже родившиеся смогли выжить? И где тут место Траэрну, даже не подозревавшему о смерти, поскольку человек его «Сотниц» еще не стал частью природы и не сводится к естеству именно потому, что любой из живущих неповторим, являясь в мир как долгожданный гость из бездны небытия и достигая счастья влиться в природное время, попасть ему в такт?

По Траэрну, каждому из нас дано познать, какой была жизнь в Раю. Младенцы безгрешны, и потому пять их чувств вбирают мир таким, каков он взаправду, — прекрасным. Земля и есть рай, но согрешивший человек утратил невинность и забыл об этом. Однако, осознав дарованное ему богатство и покончив со злом в себе, он достигает цели земного бытия — приходит к новой невинности и опять, как в детстве, оказывается в раю.

Но тут для меня и скрыта головоломка. Можно согласиться с Траэрном, когда он говорит о преграде на пути к раю — о грехе, к которому давным-давно приравнивали победу нашего «я». И все-таки я не в силах попросту отмахнуться от образа мира, накрепко (пусть даже против воли!) вколоченного в меня современной наукой, и потому не могу понять, на чем основывается довод о безгрешности детей и не самообман ли он? Кроме того, нас приучили к мысли (предоставляю читателю самому назвать имена авторов, поделившихся с ним своей находкой), что ни один из людей не удовлетворится меньшим, чем место Бога, поскольку лишь став Богом, он сможет наконец выступать в роли чистого и абсолютного субъекта, способного, если захочет, рассматривать всех остальных как объекты, сохраняя единственно за собой привилегию ни в чьих глазах и ни при каких условиях самому в объект не превращаться. А потому переживание греховности у каждого взрослого есть всего лишь мука сознания, снова и снова с жадностью набрасывающегося на мир, чтобы стать всем или сделать все своим, и тут же безвыходно замыкающегося в собственной скорлупе, опять терпя поражение. Все это так, но ведь тогда абсолютным субъектом и своим собственным богом остается именно ребенок, который не может взять в толк, что его власть отнюдь не безгранична, и то и дело

натывается на сопротивление окружающих — вещей, людей. А его плач или гневный крик есть попытка эту свою воображаемую абсолютную власть удержать.

Так где же граница между невинностью и греховностью? Это серьезный упрек Траэру. И все-таки я готов взять его назад по одной простой причине: все сказанное им выше — чистая правда, и я могу это засвидетельствовать, поскольку тоже был в том раю. Голоса, запахи, звуки, свет раннего утра в деревне, когда мне было лет семь, не утратили ни крупницы своей перехватывающей дыхание красоты, хотя все это было давным-давно, много веков назад. И пытаюсь сегодня как можно честней ответить себе на вопрос: была ли моя тогдашняя жизнь упоением властью? — я отвечаю «нет». Когда Траэру повторяет слово «мое», говоря «мои небеса», «мои солнце, месяц и звезды», когда рассказывает, что был «единственным зрителем и властелином этого мира», он подходит к самому главному. Потому что обладание, не противостоящее никому и ни в чем, это не власть — та, чтобы оправдать себя, нуждается в подтверждении действием. А если все и так принадлежит мне, значит, мое «я» еще не проснулось, не отгородилось от мира стеной, и можно без преувеличения сказать, что оно состоит из всего, что ежесекундно в себя впитывает: из света, оттенка, звука, запаха. Мысли об особом «я», отдельном от всего окружающего, даже не возникает — на чем, пожалуй, и держится невинность. Ну, хорошо, а сопротивление остальных — вещей или тех же людей? Тут, думаю, не надо смешивать разные планы существования: то, что происходит в одном из них, не обязательно случается в другом. Как малый ребенок я скорее всего оставался несносным тираном. Но, может быть, мы неправы, соединяя в одно захватнический инстинкт и бескорыстный восторг ребенка перед всем окружающим, которое, кстати, никакого сопротивления ему не оказывает, да и не думает оказывать, потому что какое, скажите на милость, сопротивление можно углядеть в солнечном луче, брызнувшем на обои?

Среди прочего у Траэра есть в запасе очень сильный, если вдуматься, аргумент: он напоминает, что земля дарована не роду людскому, а одному-единственному человеку, Адаму. Каждый из нас и есть тот Адам, о чем знал, отмечу, еще Сенека, писавший: «Deus me dedit solum totI mundo et totum mundum mihi soli» — «Бог дал мне этот единственный мир и дал весь этот мир мне одному». В таком сердечном союзе нет борьбы за власть, нет соревнования — с кем тут соревноваться? Адам ведь — и сам по себе, и в образе сотворенной из его ребра Евы — богом себя не чувствовал и становиться им не собирался, иначе откуда бы перелом, наступивший лишь с шепотком искусителя: «Будете как боги»?..

В наше время слова о земном рае требуют немалого мужества. Увы, именуемый землю адом сегодня столь же прав, как зовущий ее раем, откуда, как известно, и все наши хлопоты. Кроме того, мы впадаем в преувеличение, завидуя эпохе Траэра, которая была для Англии порой революции, гражданской войны и яростных религиозных схваток, не упомянутых в «Сотницах» ни единым словом.

Две детали из истории моего знакомства с Траэром. Первая — из времен молодости. Если уж его мало кто знал в Англии, то что говорить о континентальной Европе? Во Франции английским «метафизическим поэтам», равно как и всему остальному из попавшего французам на глаза за несколько десятков лет, между войнами уделял внимание единственный журнал «Кайе дю Сюд»², выходивший в Марселе. Этого-то издания, номера которого откладывал для меня в Париже Оскар Милош³, присылая их потом в Вильно увесистыми пачками, я и был усердным читателем, когда году в тридцать шестом наткнулся в нем на несколько стихотворений Траэра, напечатанных по-английски с параллельным французским переводом.

В другой встрече виноват Мицкевич. Тут придется втиснуть в несколько строк, ни много ни мало, историю американской славистики. Она началась в 1896 году в Гарварде, где преподавание русского и других славянских языков доверили эмигранту из Белостока Леону Винеру⁴. Его сын Норберт известен как создатель кибернетики. Второй центр славистики возник в Беркли, где славянские языки стал в 1901 году преподавать Джордж Рапалл Нойз⁵, сначала студент Винера, а потом выпускник Петербургского университета. Этот основатель нашего Отделения славянских языков и литератур, где в свое время посчастливилось преподавать и мне, обожал Мицкевича и по сей день остается главным его переводчиком на английский. «Пана Тадеуша» он переложил в прозу. Знаком с Нойзом я не был, но однажды, опубликовав свою первую англоязычную статью «Mickiewicz and Modern Poetry» в материалах Мицкевичского симпозиума, организованного Манфредом Кридлом⁶ в Нью-Йорке, получил от него письмо. Нойз на том симпозиуме рассказывал, чем его очаровал Мицкевич: одной своей чертой, которую он назвал «зрением ребенка, сознающего, что смотрит глазами ребенка». В этом месте Нойз процитировал Траэра. Поэма Мицкевича стала для него еще одной книгой о возвращенном счастье жить.

* * *

Быть юным, потом состариться и в конце концов умереть — жалкий удел для человека: это может любое животное. Перед человеческими существами стоит иная задача — связать разные фазы своей жизни в единое целое. И как всякий оборвавший связи с собственным детством доказывает этим свою ограниченность, поскольку он лишь обломок человека, точно так же на самый жалкий удел обрекает себя мыслитель, существующий как индивид, но утративший воображение и чувство, — беда не меньшая, чем утрата разума.

*Kierkegaard «Concluding Unscientific Postscript»,
translated by David F. Swenson and Walter Lowrie,
1941 (датский оригинал опубликован в 1846 г.).*

Один из нас бесхитростен, а другой расчетлив, но тот же самый человек поступает то бесхитростно, то расчетливо; усмотреть же в одной вещи разом и повод для козней, и не заслуживающий внимания пустяк очень трудно. Один смешлив, а другой легок на слезу, но тот же самый человек ведет себя то так, то иначе; видеть же смешные и трагичные стороны одной вещи разом — большой труд. Сгибаться под бременем вины, а потом снова выдавать себя за царя мира нетрудно; трудно быть и раздавленным и беспечным разом. Думать об одном, отодвинув в сторону все остальное, нетрудно; трудно иное: думать об одном и вместе с тем не забывать о другом, связывать противоположности существования. Пережить годам к семидесяти все возможные чувства и оставить по себе коллекцию опытов, из которых каждый сможет выбрать себе по вкусу, не очень трудно; куда трудней сохранить полноту и богатство одной тональности существования, не заглушая другой, противоположной, так что в минуты, когда одна тональность набирает силу и мощь, другая тоже не молкнет, но проходит ее фоном. И так далее.

(Кьеркегор, там же)

Перевод с польского и примечания Бориса Дубина

Примечание

¹ Из книги: Czesław Miłosz «Ogród nauk» (Paryż: Instytut Literacki, 1981, s.39-44).

² Траэру Томас (1636 или 1637–1674) — английский протестантский священник и поэт. Имея в виду «райскую» тему эссе, добавлю, что в 1967 г. была найдена, а в 1982-м атрибутирована рукопись трактата Траэра «Комментарии к раю».

³ «Cahiers du Sud» — авторитетный французский литературный журнал, основанный Марселем Паньолом в 1914 г. и издававшийся в Марселе под редакцией Жана Баллара с 1925 по 1966 г.; в нем часто печатались поэты и художники-сюрреалисты (Арто, Деснос, Мишо, Элюар и др.).

⁴ Любич Милош Оскар де (1877–1939) — литовский дипломат, французский религиозный поэт, драматург и переводчик, дядя Чеслава Милоша.

⁵ Винер Леон (1862–1939) — американский славист.

⁶ Нойз Джордж Рапалл (1873–1952) — американский англист и русист, переводчик Гоголя и А.Н. Островского.

⁷ Кридл Манфред (1882–1957) — польский историк литературы, с 1940 г. жил и работал в эмиграции, сначала в Бельгии, затем в США.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ

Анджей СТАСЮК

Занимаясь на днях стиркой, я в каком-то внезапном озарении ощутил себя Центральным Европейцем. Возможно, это был порошок ОМО, или Ариэль, или что-то другое в пестрой коробке. Далекая полумифическая цивилизация — может, Проктер энд Гэмбл, а может, Хенкель, а может, Лавер — обратилась ко мне на моем родном языке. Мало того, обратилась она и к другим центральным европейцам на их родных языках: *PracI prostriedok pre farebnú bielizeň. Fékezett habzású mosópor színes ruhákra. Detergent pentru rufe colorate. Proszek do prania tkanin kolorowych.* Я закладывал вещи в стиральную машину, скрупулезно отмеряя Ариэль или ОМО, и ощущал, что теперь мое бытие получило признание окончательным и бесповоротным образом. Я осмотрел остальные упаковки в ванной. Зубные пасты, дезодоранты, порошки и жидкости для мытья, и со всех сторон провозглашалось мое центральноевропейское восстание из небытия. Это было словно признание независимости и установление дипломатических отношений. *Skladujte mimo dosah deti.* Да, Европа, твое сердце бьется где-то между Дижоном и Парижем, а твоя прекрасная голова — это Иберия в голубой постели вод. Твой ненасытный живот — это Германия. А я? То есть мы? Мы оказались бы твоими чреслами? Лет двадцать с лишним назад я и слова-то такого не знал, но ощущал себя, как рыба в воде, как Гулливер в гостях у королевы Бробдингнега, когда часами просиживал над твоим портретом, словно разглядывая запретную фотографию. Правое бедро — Украина, левое — Скандинавия. Долгие осенние дни над школьным атласом, отыскивание твоих артерий: Дунай, Сена, Рейн и Днепр. Я чувствовал их пульс под зелено-золотистой кожей равнин и возвышенностей. А сегодня я уже взрослый и насыпаю порошок в стиральную машину. Устанавливаю программу и принимаюсь за чтение: Данило Киш, Грабал, Йозеф Рот, Дубравка Угрешич, «Извозчики» Эстерхази, Якуб Демль, Булатович, Иоанн Грошан и «Bildungsroman» Киштофа Варги. Я читаю все это, потому что за окном ночь, не видно ни зги и никакого путешествия не намечается. Читаю по страничке-полторы, откладываю и беру следующую книгу, ведь литература берет пример с истории, а также географии, следовательно, должна складываться из фрагментов, обрывков, взглядов, брошенных сквозь автомобильное стекло, потому что здесь, у нас, невозможно смастерить длинного и толкового повествования, которое не оказалось бы скучным и менее убедительным, чем жизнь и окружающий мир. Столь же трудно, а может, и невозможно для кого-то, сформулировать на наших языках что-нибудь большее, чем инструкция по использованию порошка. Итак, Европа, я установил «основную стирку» и температуру 60°C и могу думать о тебе ближайшие два часа. За окном мороз, и луна висит на юге, где-то над Хидашнемети. Твое тело состоит из названий, а любовь в том и заключается, что слова означают больше, чем значат на самом деле.

Когда-то в Берлине я спросил знакомого немца, где, собственно, заканчивается Европа. Вообще-то, я обычно не задаю вопросов, которые похожи на провокацию, но А. был человеком зрелым, рассудительным и обладал изрядным количеством импонирующей скептической самоиронии. К тому же мы попивали Jim Beam, и это было уже после обеда. Я

спросил из чистого любопытства. Меня интересовала суть моих собственных ощущений, возникающих каждый раз, когда я переезжаю высокий угрюмый мост во Франкфурте-на-Одере. А. потянул глоток, сделался серьезным и сформулировал дефиницию некоего духовного пространства, которое распространяется столь далеко, сколь далеко распространяются ценности либеральной демократии, толерантности и «постпросветительского» наследия. Разумеется, я с готовностью согласился с таким ответом, так как он устраивал меня полностью: ничего особенно не уточняя и не ограничивая, он не нарушал атмосферы послеобеденной сиесты. Но в следующую минуту мой знакомый, желая, видимо, подкрепить свою теорию образным примером, произнес: Германия между 33-м и 45-м годом не была в Европе.

Я занялся своим Jim Beam и подумал про себя, что она и не должна была там быть, ведь в некотором смысле это Европа была в Германии. Потом я вышел на балкон покурить, ирония испарилась без следа, а я, дымя сигаретой, глядел на послеобеденную Güntzelstrasse — ничто не свидетельствовало в пользу того, что она когда-либо переносилась в другое место. Но то, что сказал А., поколебало мои прежние представления на тему пространства и сообщества. Получалось, что можно покинуть какое-то место, одновременно оставаясь в нем, причем весьма заметным образом. Я курил и спрашивал себя: где же, если не здесь, была родина А. между 33-м и 45-м, ведь где-то она должна была быть? Вероятнее всего, в соответствии с «духовно-пространственным» определением, она вообще не существовала. И тут подтверждалась моя старинная догадка, что нет ничего хуже, чем такое вот абсолютное несуществование. Отсутствие государства или нации становится кошмаром для сообщества, которого эта нация или это государство были участниками. Да, старый континент был словно трамвай, с которого можно сойти, сделать свои дела и вскочить обратно на следующей остановке. Или словно костел, от которого по собственному желанию можно быть отлученным, а потом снова принятым в лоно. Ах, эта чудесная, динамичная суверенность и субъективность народов Запада! С той же легкостью они некогда осваивали территории, с какой теперь осваивают идеи.

Быть может, когда пространство обжито, такие эксперименты со временем проходят легче. В конце концов, история человеческой мысли по-настоящему началась тогда, когда кочевники решили осесть, обозначая на песках или в степи контуры будущих городов. Постоянное место жительства оказалось условием непостоянной, динамичной рефлексии, а осознание времени, его капризов и текучести было одним из первых открытий. «Нас не было между 33-м и 45-м годом». Но мы, однако, были между Сеной и Волгой. Я не берусь разрешить это противоречие, потому что вовсе не хочу свихнуться. Парадоксы следует принимать как таинство веры. Они рожают беспокойство в мыслях и вызывают волну-ющее ощущение многозначности, перед которым эмоции на франкфуртском мосту кажутся лишь минутным колебанием настроения.

[...]

Я не вполне уверен, чему должны служить эти довольно банальные, в сущности, констатации, эти натужные поиски вовсе не столь очевидных сходств, эта шаткая конструкция географии, предчувствий и невыношенного дискурса. Чему все это служит? Постмодернистическая (пardon, конечно) свобода выбора, обвенчанная с модернистической жадой границ. Чтобы куда-то поехать, нужно откуда-то выехать. И незачем себя обманывать — путешествие всегда является бегством и действует как наркотик. И одно называется «trip», и другое. Амфетамин пространства, ЛСД пейзажа, героиновая готовность к тому, что должно произойти. Но нужно хотя бы обозначить то, что нас вынуждает перемещаться, нужно определить положение антиподов. Скажи мне, что ты оставил позади, и я скажу тебе, кто ты. Все вместе напоминает какую-то «ментальную» версию закона Архимеда: проверить, как ведет себя твой разум, погружаемый в различные пространства. Или где шире всего разворачивается твоя душа — то есть где она обнаруживает наибольшую пустоту. В поезде до Бремерхафена или в поезде до Буркунт-Квасы? А может, в Захони, когда по гудящему мосту он пересекает Тису, или между Кройцлингеном и Констанцем, когда поезд движется над затуманенным заливом Боденского озера, называющегося, дай бог памяти, Untersee, Нижнее озеро, а официант, с виду похожий на итальянца, проталкивает тележку с пивом и кофе, которая, позвякивая, пересекает границу вместе с поездом, вместе со мной и какой-то французской семьей, хотя с тем же успехом это могла быть семья швейцарская, и пес с подбитой ногой не спрашивает у меня паспорт. И все так тихо, чисто, туманная синева озера проникает сквозь стекла, словно бы их вовсе не было. А между Захонью и Чопом парни в тамбуре бьются в кровь, и когда в конце концов один падает, другой, бритый налысо, начинает бить его ногами. Около меня сидит худая женщина, и весь ее багаж составляет десятилитровая бутылка подсолнечного масла, которую она заботливо обхватила рукой, а в ладони сжат красный украинский паспорт. Приходят таможенники и пограничники, их шестеро или семеро. Закарпатские цыгане достают свои документы в синих картонных обложках и без единого слова получают в сотый раз очередные штампы. Из тамбура выбегает девушка на танкетках, с золотистой прической, бретелька

ее кофточка сползла с плеча, она просит воды, потому что надо промыть лицо тому избитому. Тишина за окном низинная и болотистая. Вербы и ивы выступают из ила. Девушка возвращается к своему парню, и сквозь стекло видно, как она заботливо вытирает ему чем-то бровь и разбитый нос. Лысый входит в вагон вразвалочку, походкой победителя. Как если бы хотел найти нового противника, но всего-навсего вступает в негромкий разговор с офицерами.

Я помню все это. Помню лицо худой женщины с бутылкой масла, помню сползающую бретельку той девушки и болоньевые штаны лысого, но не могу припомнить, что именно я ел в Констанце в кафе на берегу озера, недалеко от того места, где сожгли Яна Гуса. Помню колбасу с паприкой и «körte palinka» на скамейке в Захони, перед отъездом, и человека, который продал мне форинты, и его ресторанчик, и щит, в который бросал дротиками скучающий бармен, и пшеничную «Артемиду» в Чопе, магазин, где купил ее, и пластиковую сумку валютчика, набитую гривнами, увязанными в пачки с помощью аптечных резинок — а вот от Констанцы только запах тины и рыбы. Вполне вероятно, что моя душа в основном состоит из памяти, и в некоторых местах она теряет способность отражать и сохранять образы, как если бы теряла зрение и становилась нечувствительна, словно засвеченная пленка. От нее остаются лишь тени вещей, подозрения и догадки о существовании чего-то, но никогда не сами факты, ведь в поезде из Гамбурга в Ганновер я не запомнил лиц двоих рядовых бундесвера, а лишь то, что они читали Грегора Штрассера в задрипанном мягком издании и возбужденно разговаривали о книге. Зато я вижу — хоть и было это давным-давно — белое платье с бантом и блестящие белые туфельки девочки из поезда Делятин–Ивано-Франковск, вижу, как это легкое, воздушное создание, похожее на бабочку, входит в безнадежно грязный вагонный туалет и через минуту возвращается оттуда нетронутым, незапятнанным, словно бы невинность пяти лет имела силу побеждать реальную мерзость.

Вот из чего складывается моя Европа. Из мелочей, из подробностей, из секундных происшествий, напоминающих киношные кадры, из мелькающих обрывков, которые кружат в моей голове, словно листья на ветру, и сквозь этот буран эпизодов просвечивают карта и пейзаж. Так происходит оттого, что моей манерой всегда была география, но никогда не история — огромным полумертвым и разлагающимся телом которой жили мы в наших краях столь долго. А география была нам дана как откровение, и это одна из немногих вещей, которую нам не удалось изгадить. География политическая или экономическая — лишь внебрачные дети, бастарды. Достаточно только взглянуть на вульгарные фальсификаты, составляемые всеми этими картографическими прибрдами, чтобы получить представление об их истинной ценности. Они напоминают тени на грязном оконном стекле и сохраняются ненадолго дольше.

Настоящая география — дорога бегства, которая ведет на юг, потому что востоком и западом завладели ее внебрачные сестры, и моя голодная душа ничего там не найдет. В лучшем случае ее охватит тот старый, хорошо знакомый страх, который на севере, правда, можно заморозить, но нельзя ведь жить с кусочком льда в груди. Восток — это лишь антипод запада, его зеркало, но меня никогда не удовлетворяли простые решения, и потому я так счастлив был в Шерегейеше, где за неделю выпил семь литров «körte palinka», ни на минуту не теряя ясности рассудка, поскольку между девятью утра и четырьмя пополудни исполненные благих намерений американцы пытались научить меня, как надо рассказывать хорошо сложенные, занимательные истории. И Бог мне свидетель, я пробовал уяснить эту методику, но мое повествование рвалось и путалось под их взглядами и перед их настороженными ушами, а они то и дело спрашивали, почему мой герой не меняется, почему в конце он все такой же, как в начале, а я пробовал им втолковать, что вообще-то герой — это я, и что мне уже не надо перемен, и я хочу, чтобы мир начал просто существовать, перестав выделять все эти сальто, что пленяет меня как раз неподвижность, так как человеческие поступки теряют свою важность, потому что было их слишком много и в большинстве своем были они неудачными. Но я так и не смог им этого сказать, хотя у меня был очень хороший переводчик, не смог, потому что они верили, что герои являются хозяевами собственной судьбы, и после полудня я покидал белую гостиницу с темными ставнями, шел через старый парк и затем по липкому асфальту среди засыхающих под зноем кукурузных полей, чтобы между тенистыми раскоряченными домами деревни безошибочно отыскать дорогу к Italbolt (винной лавке) или маленькому магазинчику. И потом еще долго в ночи я мог размышлять обо всем этом, а в три часа меня охватывала бессонница, смешанная с бесконечным одиночеством, и я чувствовал, как подо мной колеблется Большая Венгерская низменность, и мне было хорошо, потому что я знал, что утром, после плотного завтрака, после яичницы с беконом, которая должна была, в свою очередь, вызвать бессонницу у американцев, венгры, слушая мой рассказ, не спросят о моем герое и просто согласятся на него такого, какой он есть, а интересоваться им будет то, что происходит вокруг него. В тенистой беседе Дюла скажет: «Я вижу этот мир». Этого будет достаточно. Их, как и меня, интересовало просто существование реальности, это она должна была совершать поступки, иначе говоря, одерживать верх над человеческой изобретательностью.

Утром, пока не начался зной, я сходил к зеленому пруду. Потом разогретый воздух распростерся над окрестностями, и я удивлялся, как можно не замечать этой осязаемости мира. Маленький щуплый румын носил серый пиджак с серебряным крестиком на лацкане. Его приятель был усатый и весь в коже и мог бы сыграть байкера в гангстерском фильме. Мы должны были научиться рассказывать хорошо сложенные истории. Я вставал в шесть утра, пока солнце не выжигало росу, и гулял по большому парку. Улитки оставляли за собой блестящие дорожки. Парк заканчивался, и я доходил до заросшей травой спортивной площадки с белыми воротами. И уже видел первые дома деревни. Меня обгонял мужчина на велосипеде с привязанной к раме удочкой и сачком.

В один из дней пошел дождь и падал всю ночь. Барабанил по жестяной крыше и стекал по желобам. От земли, от посыпанных гравием аллеек, от плит тротуара поднимался пар. На карте в телевизоре я увидел, что темная туча тянется от Праги через Вену аж до Загреба и Суботицы, чтобы затем изогнуться гибкой дугой до самого Прешува и наконец поблуднеть где-то над моим домом у словацкой границы. Я подумал, что кошицкие цыгане сидят сейчас «У смадного мниха», и у них есть повод не выходить оттуда раньше времени. Это там я маялся с двукроновой монетой, прежде чем заметил, что автомат, запирающий туалет, просто-напросто сломан. Сейчас лило почти во всей бывшей Империи. Я курил Кэмел без фильтра из бесплодного магазина в аэропорту Окенче и пробовал представить себе дождливый летний день сто лет назад: скрипач из Абони, которому не больше десяти-двенадцати лет, а его поводырь еще не родился. Земли Габсбургов постепенно распухают, словно пораженные болезнью ткани, и пробуют жить собственной жизнью. XIX статья Конституции — бомба замедленного действия, это она разнесет монархию. Я стою у окна деревенского трактира и наблюдаю, как на грязной площади возчики запрягают лошадей и накрывают полотном груженные телеги. Покрикивают по-венгерски, а может по-словацки, а может, по-украински или по-польски. Гнедые загровки мерингов и кляч темнеют от дождя. Восемнадцатое августа — День Рождения Его Величества. В моей избе только кровать да стул, потому что я бедняк. Однако мне не приходит в голову быть социалистом, демократом или националистом. Поэтому не исключено, что я — цыган. Вот почему я так внимательно разглядываю лошадей, а идеи — это для меня лишние проблемы. Вчера за столом мужчины спорили обо всем том, что витало в воздухе. Я сидел тихо и радовался, что никто не обращает на меня внимания. По правде говоря, чихать мне, что Его Величество говорит по-немецки. По крайней мере, пока не обращается лично ко мне. А если он король венгров, значит может быть и королем цыган. И поэтому я за монархию — от края мира и до края, везде, где катятся колеса телег и ступают кони. Чем больше у Императора земли, тем лучше для простого человека. Если землей управляют идеи, никогда не известно, кому она принадлежит, потому что идеи меняются. А Император никогда не меняется. В крайнем случае, умирает, а после него приходит другой, и мы опять всего лишь подданные. В этом нет ничего плохого. Далекая власть — это самая хорошая власть. Мы всегда можем выкрутиться, что, мол, не расслышали, что она сказала, и можем обманываться, будто она не слышит наших просьб именно по причине удаленности. И вот телеги трогаются. Скрип колес тонет в хлюпанье грязи. Возчики укрываются пелеринами из грубого полотна, пропитанного жиром. Натягивают вожжи и поворачивают упряжи на юг. Я смотрю им вслед, но вскоре их закрывает серый дождь, и становится тихо. Так лучше. Ничего не происходит.

[...]

Карта Европы похожа на тарелку с каким-то неудачным кушаньем. Немецкая котлета, горка русского картофеля, французский салат, итальянская спаржа, испанский десерт и британский компот на запивку. Там и сям все равномерно перепачкано пятнами каких-то соусов. Соус венгерский, соус чешский, румынская яичница-глазунья, шведско-норвежская сельдь с треской на закуску, горчица Бенилюкс, польский шпинат, надкусанная и раскрошенная греческая хлебная крошка — неплохой, одним словом, паштет.

Когда я смотрю на все это сверху, единственное, что мне приходит в голову, это какая-нибудь упорядочивающая интервенция или просто генеральная уборка, как после шумной и беспорядочной гульбы. Тирания это ведь по сути разновидность педантизма. Если кто-то любит, чтобы в доме было прибрано, и по случаю в руки ему сваливается чрезмерная власть, последствия для подданных бывают чаще всего плачевными. Тираны-разгильдяи всегда оставляют больше свободы. Хотя бы из чистой лени и безразличия. Калигула слишком любил удовольствия, чтобы причинить зло кому бы то ни было, кто специально об этом не постарался. В его времена достаточно было держаться от него подальше, и все. Власть оставалась на свой манер справедливой, уничтожая тех, кто хотел принимать в ней участие. Возможно, причиной этой эксклюзивности риска и удовольствия в значительной степени было несовершенство тогдашних карт. Земли, едва обозначенные, едва определенные, расплывающиеся в тумане, словно страна Гипербореев, оказывались жертвами лишь условно. Аннексировали скорее названия, нежели территории, не говоря уже о каких-то абсурдных варварах, которые — не умея даже сложить на латинице «добрый день» — по большому счету и не существовали.

И лишь точность картографии и любовь к мещанскому порядку создали тиранов новой генерации. Их жуткая ординарность в макро-масштабе, собственно говоря, была отражением кошмара серого, упорядоченного существования. В их жизни ужасающим является именно отсутствие эксцессов. Да что, в конце концов, значит жалкая интрижка Гитлера с несовершеннолетней или, например, семейная трагедия Сталина? Ничего. Или в лучшем случае материал на четверть колонки в какой-нибудь бульварной газетенке. Их подлинной страстью была уборка, чистая скатерть и беседы. Ведь недаром то, что после них осталось, имеет форму «Застольных бесед» или мемуаров о банальных попойках, вдобавок лишенных легкомысленного присутствия женщин. Когда владеешь сотней дивизий и большую часть жизни проводишь за столом, то хочешь не хочешь, а Европа, ее топографический портрет, рано или поздно должна возбудить чувства, сравнимые с рефлекторной потребностью, чтобы нож лежал справа, а вилка слева. Это, понятное дело, эпистемологический редукционизм, но не будем скрывать, что большинство рефлекторных порывов мы выносим из дома. Дома реального или того, в котором формировалось наше воображение.

[...]

Моя родина в чешском Большом Атласе Мира, которым я и пользуюсь, обозначена зеленым цветом. Точно так же окрашены *Rakousko, Bulharsko* и *Norsko*. *Portugalsko* уже немного светлее. Но дело не в цвете, потому что этот хоть и вполне неплох, но его можно в любой момент заменить другим, и никто, скорее всего, не обидится и не предпримет дипломатического вмешательства. Мой атлас, опубликованный в 1988 году, может явиться свидетельством чешской смелости и пророческого дара. Ибо СССР, еще существовавший тогда, имеет в точности тот же оттенок, что и доживающая последние дни *Spolková Republika N mecka*. Общий розовый знаменатель использован для государств, обреченных на упадок. Правда, это не были катастрофы схожие или хотя бы сопоставимые, однако предвидеть столь радикальную перемену Европы в те времена в абсолютно легальном издательстве — это кое-что да значит.

Но я не о том. То есть не о цвете, а о форме. Так вот, из всех европейских стран моя родина имеет очертания определенно самые красивые. Она весьма приближена к идеалу, каковым является округность. Никакое другое европейское государство не обладает границами, вычерченными столь разумно, границами, похожими, в сущности, на какую-то геометрическую модель эпохи просвещения, должную дать представление об идеальном государстве, где позаботились о гармонии между пространством и центром, то есть между властью и подданными [...]

Кроме того — и это самое главное, — на чешской карте моя родина лежит действительно в центре Европы, в ее абсолютном сердце. До такой степени, что симметричная вертикальная ось бумажного листа «*Evropa ¾ politická tara*» проходит точно через Колюшки, и в этих самых Колюшках пересекается с ней ось горизонтальная. В этом справедливом раскладе от Колюшек такое же расстояние до Глазго, что и до Еревана, а Мадрид становится точным антиподом Уфы.

Итак, центр, середина, а также эта форма, словно взятая из учебника, а не из жизни. Вокруг расположились старые страны, хорошенько подточенные зубом времени, которое в чистой географии принимает вид монотонного прилива морских волн. Но там, где вторгается история, беспокойная линия границ словно слегка разглаживается и выпрямляется. Она начинает напоминать мысль, которая привыкла из пункта А в пункт Б направляться самой кратчайшей дорогой. Полезным уроком идеализма будет хотя бы минутный взгляд на политическую карту Африки, где границы пустынных государств вычерчены ровно по линейке. Там, где нет естественных преград, вроде рек, горных цепочек или скоплений людей, говорящих на разных языках, географическая проблема в силу обстоятельств становится проблемой эстетической. Гипотетический всемогущий тиран будущего, когда уже разделается со всем этим хламом, вроде экономики, демографии, обороноспособности, пардон, я хотел сказать «агрессивности», с балаганом чужих и своих народов, когда он будет уже тиран так тиран, то займется, вероятнее всего, вычерчиванием идеальных карт. Принимая во внимание вкусы тиранов, в целом напоминающие потрепанный неоклассицизм, наш герой наверняка наймет для черной работы кого-нибудь, вроде картографического Альберта Шпеера.

Как не был я любителем великих равнин, так и не являюсь большим фанатом середины. Жить в самом центре значит жить нигде. Когда в любую сторону одинаково близко или далеко, человек приобретает отвращение к путешествиям, потому что мир начинает быть похож на одно большое захолустье. Тот факт, что в путешествиях и географических открытиях лидировали морские державы, в силу своего приморского расположения, безусловно представляет самую удобную часть правды. Другая ее часть — негероическая — подсказывает нам, что прежде чем удавалось добраться до чего-то более-менее незнакомого, путешественника начинала попросту терзать скука. Представьте себе, что мы отправляемся из

Варшавы на восток, и в течение недельного путешествия верхом, в общем-то, ничего не меняется: все ровное и плоское, растут березы, люди говорят на языке в принципе совершенно понятном. И чем дальше, тем более одинаковым все выглядит, разве что этого «одинакового» как бы делается все больше в природоведческом плане, но вот, скажем, в антропологическом — все меньше. И в какой-то момент даже нашей лошади, привыкшей к перспективе конюшни, становится неуютно, и она чувствует, что пропадает в этом безбрежье.

В другую сторону, на запад, все слегка по-другому, но это совсем не значит, что тут ситуация лучше. Пейзаж по-прежнему не делает неожиданных сюрпризов, но к этому мы уже успели привыкнуть. У нас тут березки, сосенки, песочек, горки, в общем ничего, но пространство как будто какое-то маленькое. По крайней мере ни зверь, ни человек не чувствуют себя в нем особенно сиротливо. Можно бы ехать и ехать, то там то сям останавливаясь на привал в славных местечках. Но в качестве первооткрывателей мы возвратимся, как всегда, ни с чем, так как, забираясь все глубже и глубже, убедимся, что все уже было двукратно и троекратно открыто до нас.

Оба этих воображаемых путешествия, конечно, дополняют друг друга и, по сути, взаимно друг друга уничтожают. В первом случае нас одолело пространство, в другом с нами справилось время.

Однако жестоко заблуждается тот, кто в вышесказанных словах усмотрит след жалобы или причитания из разряда «если бы да кабы да во рту росли грибы». Только реализм предотвращает наше животное падение или ангельское вознесение. Когда ты гражданин идеального государства, то нужно очень твердо ступать по земле. Нужно рассматривать карты и измерять расстояния, чтобы знать, куда в случае чего ближе. Если говорить обо мне, у меня все точно просчитано. От Воловца до Баницы где-то километра четыре, потом еще пять до Ясёнки. Здесь начинается отрезок без всяких дорожных указателей, но зато испещренный следами. Цивилизованный человек привык к тому, что все описано и снабжено стрелками, и, имея минимальную снаряжку, он может перемещаться по свету так же, как по аэропорту во Франкфурте. Но как быть со странными островками, где еще вчера жили люди, а сегодня травой поросли призраки их домов, и необходим инстинкт зверя или снаровка археолога, чтобы обнаружить признаки недавней жизни? Как быть с заброшенными перешейками между тем и другим поясом цивилизации? Когда я беру с собой в эти края какого-нибудь человека с Запада и пробую ему втолковать, что он идет по многолюдной и шумной деревне, тот не может поверить, что рассказываю я историю не пятисотлетней, а пятидесятилетней давности. «И ничего не осталось?». «Ничего». Все просто: чтобы в конце осталось хоть что-то, нужно иметь довольно-таки много в начале, и неплохо, если бы оно было сделано из материала, устойчивого к воздействию времени и истории. Поэтому относительно большой шанс всегда есть у кладбищ. Они уже изначально рассчитаны на вечность, поэтому им удается продержаться чуточку дольше, нежели чему-то, созданному для обычной жизни. Во всяком случае, именно так это выглядит здесь — в Чарне, Незнаёвой, Радоцине и Длуге. Более прагматичное объяснение — это, конечно, простой факт, что дома были из дерева, капитулирующего значительно быстрее, возможно оттого, что и прибывает оно относительно быстрее. В конце концов, геология со своим каменным потомством ближе к бесконечности, чем биология, которая только обманывает вечность при помощи сложного продолжения видов. Одним словом, именно здесь пролегает мой европейский путь, мой граничный переход на южную сторону гор, именно сюда забирается моя фантазия, смертельно утомленная западом, востоком и севером, в длинной тени которых я провел большую часть своей жизни. Эта историческая пустошь выполняет роль напоминания, когда в голову приходит какая-нибудь фраза в наклонении отличном от условного.

[...]

Так вот что значит быть центральным европейцем: жить между Востоком, который никогда не существовал, и Западом, который существовал чрезмерно. Вот что значит жить «в центре», когда этот центр, вообще говоря, является единственным реальным материком. С той лишь оговоркой, что материк этот не стационарен. Он напоминает, скорее, остров, или даже плавающий остров. А может просто судно, отданное течениям и ветрам Ост-Вест и наоборот. Стороны света, как и стихии, это нечто на границе символа, аллегии и фатальной конкретики. Жить на этом острове или корабле значит непрерывно следить за переменной погоды, измеряя шагами остров от берега до берега или палубу от борта до борта. И как в настоящем морском путешествии, думать только о дне сегодняшнем и грядущем, потому что прошлое предоставляет нам одни лишь рациональные предостережения, из разряда «лучше было сидеть дома».

Но дом плывет вместе с нами...

Перевод с польского Татьяны Изотовой (специально для «Вестника Европы»). ■

ЛЬВОВ: ФАЗЫ ПСИХОЗА

Юрий ИЗДРЫК

Во Львове я впервые очутился, когда поехал навестить бывшую жену, первую свою жену (первую и последнюю, если уж быть откровенным), она жила в какой-то полузаброшенной мансарде, где снимала крохотную комнатенку, — рядом с центром, но в месте, непоправимо напоминавшем окраину (только во Львове есть такие места — с густыми зарослями кленов и тополей, на которых гнездятся стаи черных ворон, с обманчиво лесным ландшафтом, в котором легко заблудиться, со старыми облупленными домами — с крепкой, однако, кованой оградой: на каждом доме еще различались остатки барельефов или химер, у каждого были свои неповторимые пристройки, башенки с флажками и флюгерами, у каждого фасада еще оставалось выражение лица прежнего хозяина или, по крайней мере, ржавые часы), потерявшие уголки, где лишь звонки невидимых трамваев подтверждают существование города.

Жена снимала крохотную комнатку в мансарде, которую тонкие перегородки разделяли на добрых полтора десятка помещений, узких, как школьные пеналы. В них обитало «добрых полтора десятка» странных людей, что образовывали не то теософское общество, не то правление Ордена аутсайдеров.

Или просто общество хороших и добрых людей, никому не нужных в славном городе Льва.

Когда я поднялся вверх (излишне уточнять, что ступени были темные, истертые, скрипучие, добавлю лишь, что такая древесина — просмоленная, выдержанная под многолетней нагрузкой — лучше всего подходит для изготовления музыкальных инструментов... у меня была когда-то виолончель, сделанная именно из такой древесины... очень хорошая виолончель... я перестал играть после экзаменационного концерта Вивальди... через пару лет подарил ее приятельнице из Люблина, которая очень хотела научиться на ней играть... вскоре приятельница уехала в Америку... не знаю, разучила ли она хотя бы гаммы... не знаю также, звучит ли где сейчас эта древесина из львовских ступенек... а если и звучит, то где?... в Люблине?... в Нью-Йорке... в клипах Аposcaliptyky?... инструменты, как правило, живут дольше, чем люди... даже дольше, чем ступеньки... иногда дольше, чем города... впрочем, я сбился на сентиментальное нытье), так вот, когда я поднялся вверх, какая-то бабка с ужасным выговором — так обычно произносят слова глухие от рождения — спросила, кто мне нужен. Когда я сказал свою фамилию, которую все еще носила моя бывшая-первая-и-последняя жена, — бабка еще минуту всматривалась в мои губы, а потом махнула полиартритной рукой, указывая на конец коридора.

Первое, о чем спросила моя бывшая-первая-и-последняя жена (в дальнейшем мБж): где я собираюсь ночевать?

Комнатка и в самом деле была настолько крохотной, что в ней едва помещалась узкая монашеская койка, шкафчик и стульчик к пианино.

Не переступая порог, я ответил, что нет проблем, в последнее время я часто спал в углу на полу, я привычный, ты же знаешь. И вообще, поехали домой, подумал и не сказал я, ведь никакого дома у меня нет.

мБж промолчала, а сосед-студент, который, очевидно, услышал сквозь тонкую перегородку наш короткий разговор, а затем вынес в коридор сумки, чтоб ехать на выходные к родителям, предложил мне переночевать у него и сразу потянул к себе.

Его пенал мало чем отличался от комнатки мБж, разве вместо стульчика в нем стояла коробка из-под отнюдь не самого лучшего львовского пива «1715».

В очередной раз убедившись в сердечной доброте обитателей мансард, я спросил у студента, как мне вернуть ему ключи — ведь я не собирался тут задерживаться. «Какие ключи, — удивился он, — у нас нет замков». И действительно, обернувшись, я увидел на двери лишь туалетный крючок, да и тот едва держался.

Я вернулся сообщить мБж, что проблема ночлега решена, и с удивлением увидел напротив ее койки еще одну точно такую же. Очевидно, предназначенную для меня.

Я не стал усложнять ситуацию, расспрашивая о природе этого без сомнения сверхъестественного явления, тем более что в и дальнейшем развитии событий зияет ничем не заполненный провал, возможно, столь же сверхъестественной природы, как появление второй койки в комнатке (размеры которой делали априори невозможными подобные фокусы).

Впрочем, феномен провалов сознания при психозах сам по себе не новость.

Как-то возвращался я из Станислава во Львов после какого-то шумного празднования и по привычке купил в дорогу еще немного алкоголя. Празднование происходило в квартире моего близкого приятеля, на последнем, девятом этаже. Я знал, что и приятель, и вся компания уже слегка утомлены моими пьяными выходками, но в то время меня еще приглашали на банкеты, именины, презентации и государственные праздники. Впрочем, речь не об этом. Так вот, купив в дорогу порцию алкоголя, я отправился во Львов. По крайней мере мне так казалось. А дальше... Дальше как раз и возникает один из провалов, о непостижимости которых я уже упоминал. (Вероятно, в непрерывность бытия вкрались какие-то дефекты. Вероятно, Богу иногда просто надоедает выстраивать миллиарды биографий в бесконечную последовательность, и в момент, когда он отводит свой взгляд в сторону — или, скажем, просто моргает Всевидящим Глазом, — в жизнеописании конкретного человека или целого народа появляется провал, дыра, которую нечем залатать — строительные материалы для этой цели в мироздании отсутствуют.)

Итак, купив очередную порцию алкоголя, я отправился во Львов. Сел в поезд, блаженно закрыл глаза, а когда открыл их... — увидел, что сижу на лестничной клетке в девятиэтажке, нет ни сумки, ни денег, одежда в крови, а голова пробита. «Догулялся, пьяница», — подумал я. Никаких сомнений — я никуда не уехал, а напившись, попал в историю. И теперь снова сижу в доме своего приятеля в Станиславе на ступеньках рядом с чердаком, потому что в квартиру меня, наверное, не пустили. Ну ладно. Надо решить, что делать дальше. В первую очередь надо выпить хотя бы сто грамм, чтобы прийти в себя. Только как это сделать, если нет денег? К приятелю я не пойду. Исходя из остатков совести и времени суток — по всем признакам сейчас около пяти утра.

Но ведь всегда существует какой-то выход! И тут я вспоминаю, что у приятеля — мелкого бизнесмена — в окраинных районах целая сеть киосков non stop где, в частности, торгуют водкой. Надо найти знакомого продавца или просто попросить в долг, сославшись на знакомство с хозяином, и таким образом утихомирить свой абстинентный синдром. Судорожно хватаясь за перила, спускаюсь вниз и выхожу на улицу. Солнце еще не взошло, но небо уже посерело — как пишут классики, «светало». После долгих бессмысленных поисков мне удалось отыскать киоск канцелярских товаров, который, естественно, был закрыт. Нигде не было и следа знаменитой сети ночных притонов. Что ж, не осталось ничего другого, как с видом младенца идти к приятелю и просить: ... последний раз, старик, обещаю!.. Я поворачиваю обратно, петляю между многоэтажками, выхожу к нужному дому и с ужасом понимаю, что попал совсем в другое место! Вчера я заметил, что перед домом приятеля прокопали через дорогу траншею — ремонт водопровода. А тут не видно никакого ремонта! Дорога цела-целехонька! Ну, не могли же украинские ремонтники все за ночь отремонтировать, да еще и закатать асфальтом, не могли! Такое даже в пьяных кошмарах не случается. Я понимаю, что заблудился.

Действительно, улица не та.

Иду искать ту.

Нигде нет.

Нет ни одного прохожего, у которого можно спросить дорогу.

Слишком рано.

Тупик.

Ужас.

После долгих беспомощных блужданий я наконец-то замечаю на перекрестке женщину. Она шарахается в сторону и собирается броситься наутек. Но я всеми жестами из арсенала международного пацифизма объясняю, что заблудился и ищу такую-то улицу. Женщина пугается еще больше, говорит, что такой улицы вообще не знает, никогда о такой не слышала, такой тут вообще нет. И быстро уносит ноги. Остаюсь на перекрестке, стою, как последний дурак, и вдруг... где-то на горизонте... за пеленой утренней мглы... вижу костлявый хребет львовской телебашни...

Не знаю, сколько часов я добирался до своего дома. Не знаю, сколько прошел километров. Не имею представления о том, как от вокзала, на который я, очевидно, все-таки приехал, попал в тот район. Не хочу даже знать, что это за район — Замарштынов, Клепаров — все эти топонимы, которые у профессионалов львовской ностальгии выжимают скупую поэтическую слезу, ничего для меня не значат. Но с тех пор я люблю Львов со всей страстью безмозглого мазохиста.

Орден аутсайдеров готовился в полном составе выехать на уикенд на свои бездуховно-духовные собрания. А мы с мБж собрали вещи и отправились... куда?... наверное, на поиски мифического дома нашей мечты. Сумок с вещами оказалось не так уж много (хоть там и поместилось все наше имущество), но тащить их на себе все равно было не слишком приятно. Поэтому через некоторое время мы решили передохнуть на площади у доминиканского собора. По крайней мере, сейчас мне кажется, что это был доминиканский собор. В любом случае, собор, у которого мы остановились, вполне мог быть доминиканским.

(Эта аберрация памяти, как и упомянутые выше провалы в ходе событий, — один из тех феноменов, которые во многом определяют лицо нашего мира. Они меняют топографию, архитектонику, да даже и архитектуру городов, они оказывают влияние на историю и хронологию, они управляют метаморфозами действительности. Они-то и не дают нам вступить дважды в одну и ту же реку. Поэтому нам лишь кажется, что существуют Краков, Станислав или, скажем, Львов. Мы приезжаем туда, мы оказываемся и находимся там, где, как нам кажется, мы и должны находиться. А то, что при этом мы часто ошибаемся... Sorry, crocodile. Бог не отвечает за наши промахи.)

У собора словно роился пчелиный улей: толпы людей, в основном молодых, заходили и выходили из собора, шли молебны, пели хоры, звучали призывы. Однако затеряться в толпе нам не удалось. Пара с очевидными признаками бездомности и одиночеством в глазах выделялась даже среди этой разношерстной публики. Вероятно, прежде всего своей неуместностью. Ведь даже в самом хаотичном роении всегда присутствуют целесообразность, упорядоченность и дух служения общей идее. А мы... Ни я, ни, подозреваю, мБж не знали ни одной общей идеи, которой стоило бы служить. Но христианское милосердие не заставило себя ждать: вскоре какая-то страшенькая монахиня предложила нам войти внутрь, отдохнуть и выпить воды. Она провела нас в пристройку к храму, где находился небольшой женский монастырь и детская воскресная школа. А так как было воскресенье, то и тут было полно народу. Дети с родителями и без, благочестивые скауты, монтеры с электрокабелями, иконописец с натурщицей явно небиблейского вида и, естественно, монахини. Мы тихонько протиснулись в класс, где как раз шел урок рисования, и сели на заднюю парту. Нас все еще сильно сковывали наши сумки. Поставить их здесь было некуда, а оставить, скажем, в коридоре мешала старая мирская комсомольская привычка. В конце концов, я убедил себя, что тут все же монастырская обитель, а не вокзальный перрон, и отнес сумки в коридор.

Когда возвратился, то увидел, что мБж уже помогает ученикам развешивать какие-то учебные плакаты, и подсел к девочке, которую преподавательница только что назвала лучшей ученицей. «Покажи, что ты рисуешь», — шепотом попросил я. Она с неприязнью зыркнула на меня, но потом открыла альбом. На чистом листе лежала сухая веточка не то зверобоя, не то тысячелистника — с ботаникой у меня проблемы. Веточка даже не была приклеена — это не был гербарий, — а просто лежала между страницами. Я растеряно спросил: «Это и есть твой рисунок?» — Девочка кивнула. — «И за это у вас ставят пятерки?»

— Да, уважаемый господин Издрык, — вдруг прозвучал голос учительницы. — Это мы считаем высшим проявлением того, что вы называете искусством.

— Но ведь...

— К сожалению, у меня сейчас нет времени для дискуссий. У нас урок.

Я притих. Меня поразило даже не то, что преподавательница знала мою фамилию, а смутное ощущение того, что именно здесь и сейчас происходит что-то очень важное и я должен сконцентрировать все свои чувства, всю интуицию и веру, потому что это message, безусловно message, к тому же message, адресованный непосредственно мне, возможно, это весть, которую я ждал всю жизнь, и если это именно тот шанс, то он единственный, его надо хватать прямо

сейчас, повтора не будет, сосредоточься, идиот, ты же так об этом просил, ты можешь, ты еще не совсем пропащий, напряги свои испитые извилины, засранец, будь внимателен, будь внимателен, будь внимателен, сука, курва, блядь, как дьяволу, черт, черт, черт!

Скрипнула дверь, и в класс вошла настоятельница в сопровождении двух молоденьких монахинь. Ученики встали. Привстал и я.

Легким поворотом головы настоятельница велела мне идти за ней. Я удивленно поднял брови. Она утвердительно кивнула.

Понимая, что, наверное, не просто потерял свой шанс, но и содеял нечто непотребное, я пошел к выходу. На пороге обернулся, но мБж продолжала возиться с плакатами и не глядела в мою сторону. В коридоре ждали две те самые молоденькие монахини, настоятельница уже не было. Жестами они показывали мне дорогу, помогая протискиваться сквозь толчею. Я так и не отважился о чем-либо их расспросить. Мы остановились у какой-то двери, монахини отворили ее, и я, подталкиваемый людьми, что сновали по коридору, ввалился внутрь. Настоятельница сидела за столом, за полностью современным офисным столом, на котором к тому же находился ноутбук последней модели.

— День добрый! — ляпнул я сгоряча.

— Господин Издрык, у нас говорят «слава Иисусу Христу», — строго, как ученику, но без раздражения сказала настоятельница. — Садитесь.

«Идиот, блядь, вот идиот!» — подумал я.

— Вот, собственно, об этом я и хотела с вами поговорить. Вы, вероятно, забыли, что в святом месте, в монастыре не ругаются, а тем более в классе, где учатся дети. А тем более (она сделала сильное ударение на этом втором «тем более») — нельзя упоминать имя нечистого. Что вы себе позволяете?

Она вроде бы не повышала голос, но в ее словах чувствовалась такая сила, что мне стало казаться, что надо мной начали медленно разверзаться небеса.

Не знаю, сколько времени настоятельница отчитывала меня, хронометраж тут неважен. Во всяком случае, внешний, общепринятый. Включается внутренний таймер, и уже неважно, что ты отлучился в ад всего на несколько минут — в своем собственном мире ты уже горишь в нем и будешь гореть на протяжении всей отпущенной миру вечности.

— Но я не об этом хотела с вами поговорить, — словно издали услышал я спасительный голос, выныривая из адских волн. — Я знаю, что вы много путешествуете, поэтому хотела вас попросить отвезти в один из монастырей этот образ. В какой именно, вы поймете сами, уверяю вас. Это очень ценная икона, и именно поэтому я не буду обучать вас специальным приемам безопасности. Везите ее, как самую обычную вещь. Она не пропадет. А вот пропадете или нет вы, господин Издрык, на это уже воля Божья.

И она вручила мне образ Девы Марии в золотом окладе. Сообразив, что аудиенция закончена, и не отваживаясь сказать на прощанье ни «до свиданья», ни что-нибудь вроде «слава героям», я вышел, как двоечник из директорского кабинета. Наверное, икона и в самом деле имела чудодейственные свойства, так как толпа передо мной почтительно расступилась, и я беспрепятственно добрался до класса. Занятия кончились, и мБж там уже не было — комната вообще оказалась пустой. Поэтому я решил выбраться наружу.

(Вся эта история с месседжами и миссиями напомнила мне о тривиальной и общеизвестной теории знаков, говорящей, что они постоянно присутствуют в нашей жизни и надо лишь правильно их распознавать. На примитивном уровне это выражается в следовании предрассудкам, толковании сновидений, астрологических прогнозах и прочей бредятине. На уровнях более высоких — в мистических откровениях, каббалистических упражнениях, писании священных текстов и тому подобном.)

Но существуют ли на самом деле эти уровни? То есть существуют ли нижний и верхний уровни или путь и вниз, и вверх бесконечен? Понятия не имею. Как и понятия не имею, с чего это меня так впечатлил тот цветочек, и с чего это я иду сейчас с Божьей Матерью под мышкой.)

Видно, я таки долго горел в адском огне, потому что на площади за время моего отсутствия успели возвести высокие леса — точно такие же, как в мюзикле «Hair», из чего я заключил, что это готовится рок-концерт, а леса — это места для зрителей. Вся конструкция крепилась на фонтане, который, по львовской традиции, обходился без воды. На леса уже забралась уйма молодежи, но передвигаться от этого легче не стало, так как площадь по-прежнему заполняли люди. За пределами монастыря икона, видимо, утратила свою дорожно-регулирующую силу.

мБж отыскалась на удивление быстро. Я рассказал ей о задании настоятельницы и показал икону. Внимательно рассмотрев ее, мы обнаружили, что это выцветшая репродукция, по всей видимости, довоенная — такие часто можно увидеть в галичанских селах, а золотой оклад — обычная золотистая фольга, местами побелевшая от старости. Спасибо, хоть рамы не было. Честно говоря, это открытие не произвело на нас особого впечатления — не было ни разочарования, ни растроганного умиления. Однако что-то продолжало меня беспокоить.

— Бляха! — воскликнул я. — Мы забыли сумки.

И я бросился назад в монастырь.

Должен признаться, что дальнейшее развитие событий сопровождалось метаморфозами, которые я, однако, не смог идентифицировать. Это уже были не разрывы непрерывности, не завихрения упорядоченности, вызванные аберрациями сознания, не сейсмические толчки в семантике и семиологии. Все оказалось гораздо хуже: развитие перестало быть развитием — то есть упорядоченным повторением одной и той же темы в разных фазах ее существования. Все забурлило, перепуталось, смешалось. А тема... если она и продолжала звучать, то из таких полифонических глубин хаоса, что даже мое чуткое писательское ухо не могло уже ее различить. (Я часто думаю: а имеет ли вообще смысл такое понятие, как «тема»? Или просто мы с нашей неистребимой потребностью в понимании вылавливаем из первоизданного белого шума простейшие, доступные нашему уху структуры, а потом при помощи нехитрых арифметических действий придаем им вид, пригодный для чтения этих посланий?... Но это все так, между прочим.)

Поэтому лишь с большой долей недоверия могу я вспомнить несколько таких «простейших структур», которые удалось мне выловить из последовавшего развития событий, то ли зрением, то ли слухом, но уж никак не сердцем. Возможно, это были лишь детали странного конструктора, из которых никому не удалось бы построить что-либо упорядоченное.

Толпа становилась все гуще.

Были поиски сумок.

Было публичное помещение Девы Марии между страницами прошлогоднего «Плейбоя».

Был какой-то разъяренный охранник со здоровенной, как теленок, овчаркой, которая постоянно рвалась ко мне, оттесняя к фонтану.

Было исчезновение иконы вместе с сумками и «Плейбоем».

Было ползание по дну фонтана среди тысяченой шумной толпы, которая после каждой песни (концерт уже шел) почти синхронно подпрыгивала и орала, визжала, верещала.

Было подписание мирного договора с овчаркой.

Обретение Девы Марии.

Фонтан заработал.

Hair! Hair! Noir.

Очередное мое прозрение: концерт — это презентация моей новой книги.

Покорность и раздражение мБж.

Проклятые сумки.

Усталость и пот.

Мать Божья, спаси нас.

Ну и, по-моему, уже хватит. Лучше от всего этого не становится. Возникает иллюзия, что путешествие продолжается. А это не так. Незаметно для самих себя мы с мБж то ли потерялись в густой темноте, то ли от всего пережитого понемногу стали терять сознание, во всяком случае, преобладало чувство, что элементы окружающего мира — я, она, брезентовый чемодан на колесиках, черный кожаный рюкзачок, барсетка из кожзамениителя, плетеная сумочка с бахромой, пластиковый кейс с прошлогодним «Плейбоем», золотая и выцветшая, выцветшая и золотая, тысячелюстная Дева Мария и еще небольшой участок брусчатки, между камней которой проросли чахлые стебли зверобоя, — все эти элементы превращаются в одно непостижимое целое... во что-то одно.

И тогда я понял, что Львов — это город, который граничит с краем света. И край этот — не какой-нибудь хтонический провал, не межа между возможностью и воплощением, и даже не воспетое поэтами Ничто. Это просто конец. ■

С украинского перевел Андрей Пустогаров

ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА

Эссе

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

Впервые я услышал этот марш, когда мне было шесть лет. Я жил тогда в Черновцах, на улице неподалеку от кладбища. В те далекие времена усопших хоронили на грузовиках. Грузовики медленно, а бы даже сказал, величаво плыли по городу, за ними шествовали безутешные родные и друзья умершего, а сам он лежал в открытом гробу, в кузове, обложенный венками с крепкими ленточками. Мы жили на втором этаже старой австрийской виллы, и я мог из окна разглядывать безучастные лица трупов, траурное облачение массовки, раздутые щеки лабухов. В летние и зимние каникулы дня не проходило без похорон. Особенно по душе мне были зимние. Процессии увязали в снегу, и я, вооружившись театральным биноклем, мог буквально изучать телодвижения, мимику, слезоотделение. Иногда мне везло, и я мог наблюдать за этой церемонией по два-три раза на день. Я был уверен, что город занят только одним: смертью и сопутствующими ей ритуалами. Почему-то меня не удивляло, что умирают не только старики и старухи, но и широкоплечие мужчины, цветущие женщины и даже дети. Однажды я увидел в гробу мальчика моего возраста, с такой же челочкой, как у меня, и в таком же коричневом костюмчике с перламутровыми пуговицами. Все, кто шли за гробом, плакали навзрыд, но, к несчастью, их заглушал оркестр. Музыку лабухи всегда играли одну и ту же: траурный марш Шопена. Тогда я не знал, что это «марш», и что его сочинил человек по имени Шопен.

Спустя несколько лет мы переехали в другой район. К тому времени город изменил свое отношение к смерти, словно стал стесняться, сторониться ее. Процессии напрочь исчезли, трупы переселили в синие автобусы, лабухов спровадили на кладбище. В выходные я втайне от родителей ходил на чужие похороны, чтобы послушать музыку. Так началась для меня классика. Позже я услышал и горячо полюбил Реквиемы Моцарта и Сальери, похоронную музыку из третьего акта вагнеровского «Парсифаля» и «У могилы Вагнера» Листа, «Vergabnisgesang» Брамса и его же «Траурную оду», «Danse Macabre» Сен-Санса и «Реквием для Ларисы» Сильвестрова...

Уже много лет я хожу в крематории и на кладбища, только когда для этого есть серьезный повод. Мне больше не зачем примазываться к чужим процессиям. Кладбищам я предпочитаю концертные залы. Что может быть прекрасней музыки? ■

ЗАПИСКИ НА ВОЗДУШНЫХ ПОЛЯХ

Эссе

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ

Надо быть напрочь лишенным здравого смысла, чтобы не верить в мистику. Мистика — на каждом шагу, буквально под рукой. Это может подтвердить слесарь, работающий с металлом, столяр, работающий с древесиной, скульптор, работающий с твердыми, сыпучими и жидкими материалами. В Майнце на городской площади стоит скульптура-фонтан русского художника Вадима Космачева. Он работает с жемчужинами и цинком, буком и сосной, водой и ветром. Когда летом в стройном космачевском фонтане-скульптуре играют дети, то их голоса и плеск воды естественно входят в состав скульптурного образа. Вот это и есть чудо. Мистика. Однажды я записал этот фонтан на магнитофонную пленку, и с тех пор он струится в эфире.

Я работаю с голосами, звуками, и точно так же как слесарь или столяр верю в мистику материала, которым занимаюсь вплотную. Меня уже давно не интересует «информация», «новости», «актуальные события». Больше ста лет назад философ Николай Федоров призывал устранить «небратство», «неродственность» людей. Он же выдвигал идею «регуляции природы» с помощью науки и техники. Для чего? Чтобы воскресить предков. Он считал смерть злом и предлагал победить ее, осваивая космос и управляя космическими процессами. О том, что это возможно, и что я могу принять участие в практическом осуществлении федоровских идей, я впервые понял, читая эссе Велимира Хлебникова «Радио будущего» («Радио становится духовным солнцем страны, великими чародеем и чарователем... Радио будущего сумеет выступить и в качестве врача, исцеляющего без лекарства... Радио скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество»). У меня словно завеса спала с глаз. Я узрел смысл смерти и обрел пути противостояния ей. Теперь, спустя много лет, я могу лишь подтвердить, что чутье не обмануло меня. Я действительно научился возрождать людей по голосу и/или даровать им бессмертие еще при жизни. Увы, пока это относится лишь к тем, кто был акустически запечатлен на пленку в эпоху грамзаписи (напомню, что первый фонограф появился на свет в августе 1877 года). Вкратце суть моего открытия такова: я посылаю голоса с помощью ретрансляционной сети в космическое пространство, они навсегда остаются в нем и обживают целинные делянки астральной ойкумены.

Как все это начиналось? На десятом году эфирной карьеры мне пришлось переехать из Лондона в Мюнхен. Собирая архивные записи, я обратил внимание на то, что в моем железном шкафу обосновалось солидное кладбище. Почти треть записанных к тому времени на пленку людей прошли, так сказать, свою земную жизнь до конца. Был среди них и диссидент К., мой старый приятель. Он погиб в авиакатастрофе. (В скобках замечу, что многие диссиденты, оказавшись на свободе, весьма часто вступают в конфликт уже не с властями или правоохранительными органами, а с силами природы, духами новейших технологий, топливно-энергетическим комплексом и в результате гибнут.) Как раз в дни моего переезда в Мюнхен исполнялся его юбилей, и вдова попросила меня отметить круглую дату в эфире. Я, разумеется, пошел ей навстречу, а пойдя, понял, что словно выпускаю на волю К., даю ему вторую жизнь. Ветераны «холодной войны» поймут меня: когда-то западные радиостанции, рассказывая о политзаключенных, как бы

отпускали их на несколько минут на волю, по крайней мере, давали им возможность совершить прогулку по открытому небу. К.Н. Батюшков уже у самой черты безумия писал:

*Я вздохну... и глас мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо в воздухе умрет.*

Так вот, у меня получилось ровно наоборот. К. вздохнул, выдохнул — и ожил. Вдова же в письме, адресованном мне, лишь подтвердила это: «Вы и не знаете, что Вы сделали для меня и моего неугомонного мужа! Он вновь со мной, вновь нудит и сволочится...». Но это — частности. Главное же — открытие кладбища в шкафу, причем кладбища компактного, транспортабельного. Слыхано ли: менять города, страны и с легкостью возить с собой в ящике или контейнере десятки усопших. Иногда мне даже мнится, что они общаются между собой, т. е. переговариваются, но это уже какая-то чертовщина в духе Достоевского. Хотя... А разве я сам не стал тенью собственного голоса? Все самое главное, что я совершаю в жизни, связано с усилием гортани, голосовых связок, груди, носоглотки. Ни мой рост, ни черты лица, ни цвет глаз никому не интересны. И только струя воздуха, колеблющая связки и усиленная легкими и носоглоткой, может заинтересовать, обратить на себя внимание. Помню, как в четырнадцать лет мои связки вдруг начали разбухать, наливаясь гормональными соками. Вот тогда-то я впервые понял, что голосом можно очаровывать, привораживать. Все свои знакомства с девочками я начинал с телефонного звонка и лишь когда понимал, что мой голос опустился на дно ушной раковины и покрыл ее тонкой пленкой нежности, назначал свидание. Чтобы не спугнуть собственный голос, я не курил, не ел орехов и семечек, а когда простужался, пил литрами молоко с медом и отвар малины, часами простаивал, накинув на голову махровое полотенце, над кастрюлей с горячей картошкой в мундире. И тогда голос и все его чары возвращались. Он выныривал из гортани, окрыленный глоткой и пазухами носа, взмывал под купол глотки, и моя рука снова тянулась к телефону...

Но я отвлекся. Я хотел всего лишь сказать, что мои усопшие довели свое теневое существование до абсолюта. От них ничего, в буквальном смысле ничего, кроме голоса, не осталось. Да. Только голос, тембр, высота.

В Мюнхене я вплотную занялся упрочением моего кладбищенского хозяйства. Для начала съездил в русскую богадельню под Парижем и записал на пленку последнюю дюжину ее обитателей. Спустя два-три года все они испустили дух и стали моими питомцами. Но на этом я не остановился. Выпросив у начальства месячную командировку, я отправился по богадельням волжских городов. В отличие от парижского приюта, эти заведения были гнездовьями зловоний. Записывая старух и стариков, я буквально терял сознание, как аквалангист, израсходовавший весь кислород. Но эти обонятельные обмороки окупались с лихвой: спустя три года мое кладбище расцвело пышным цветом. Кроме того, я разработал такую технику интервьюирования, которая часто доводила особо чувствительных и хрупких собеседников до кондрашки. Когда это происходило на моих глазах, я испытывал сильнейшую эйфорию.

Последние десять с лишним лет — я в Праге. У меня за спиной уже два железных шкафа. Я немолод. Хлебникова я давно пережил, а до Федорова — рукой подать. Но я спокоен. Мало кто из смертных так прочно, так основательно заселил ближний и дальний космос. Я уверен, что уже в XXI веке ученые начнут оживлять человека во всей его биологической полноте по голосу. И начнут они, конечно же, с меня. Но вот что меня тревожит: кому передать все это акустическое добро? Кто в моем временном отсутствии порадеет о погребалище? Кто будет разбивать его на аллеи, инвентаризировать, нумеровать? Инструкцию, как часто выгуливать питомцев, в какое время, по сколько минут, я, разумеется, оставляю. С прогулками нельзя перебарщивать. В околосемном пространстве голос с кислородной голодухи может лопнуть, сдуться. Но кого выбрать в наследники? Сына? Увы, его я упустил: он продал душу телевизионному дьяволу. Кого-либо из коллег? Но они не верят в мистику, ибо напрочь лишены здравого смысла. Мне кажется, я знаю, что я должен сделать. По воскресеньям я выхожу в прямой эфир с новостями культуры. У меня всего сто восемьдесят секунд. Но этого хватит. Я должен, просто обязан обратиться к миру со словами правды. Уверен, меня услышат, ко мне потянутся.

«Слушайте, слушайте все! Я пришел, чтобы спасти вас...» ■

Александр ЧЕРНОВ три СТИХИотворения

Неповторимый кагор
в храме Бориса и Глеба.
Ангелы третьего неба
помнят о нем до сих пор.
Время — забывчивый хмель.
Мерный потир с виноградом
плавает в заводи рядом,
словно с икрою форель.
Темный и светлый изюм
кубарем выпал в осадок.
Сцеплены купол с фасадом,
как водолазный костюм.
Буря в стакане воды,
в лампе слепого накала,
если стояли цветы,
будут лететь как попало.

Никаких сомнений быть не может:
правомочно высшее жюри
чередой морозов и жары
языки развязывать у мошек.
Только в дохлых песнях нет обмана,
потому любая Божья тварь
посреди гламурного тумана –
самый натуральный календарь.
Ведь не для того среди развалин
на раскопках города Итиль
ангелов когда-то рисовали,
чтобы я сказал: «Звериный стиль».

В полном имени — треть Александра.
От Подола в Купеческий сад
поднимусь. А за мной саламандрой
по газону вползет листопад.

Встречу полужнакомого бомжа
(много их забредает сюда)
и подумаю: «Боже, на ком же
до тряпья отыгралась судьба?»

Я немного моложе, но разве
до того уже вышколен сноб,
что меня обойдут эти язвы,
эта грусть и похмельный озноб?

Чем же выделен так среди прочих
выпускник, отставной Козерог,
от осенних наветов и порчи,
чтобы шляться, не чувствуя ног,

по кустам, по пивным, по траншеям,
по Сувидским и Брянским лесам...
Неужели когда-нибудь шею
мне свернет Александровский сад?

ИГРАЕМ ГОГОЛЯ

Пьеса в одном действии

Анатолий ГАВРИЛОВ

Действующие лица:

Гоголь. Лет сорок пять. В плаще и в шляпе.
Чичиков. Лет тридцать пять. Одет «солидно», с портфелем.
Хлестаков. Молодой франт.
Поприщин. Лет сорок. Одет бедно, нелепо.

Стол, четыре стула. Актёры рассаживаются лицами в зал. Некоторое время сидят неподвижно.

Гоголь. Гоголь.
Чичиков. Чичиков.
Хлестаков. Хлестаков.
Поприщин. Поприщин.

(Пауза.)

Гоголь. Гоголь Николай Васильевич.
Чичиков. Чичиков Павел Иванович.
Хлестаков. Хлестаков Иван Александрович.
Поприщин. Поприщин.

(Пауза.)

Гоголь. Больше сорока.
Чичиков. Средних лет.
Хлестаков. Двадцать три.
Поприщин. Сорок два.

(Пауза.)

Гоголь. Писатель.
Чичиков. Коммерсант.
Хлестаков. Коллежский регистратор.
Поприщин. Титулярный советник.

(Пауза.)

Гоголь. Холост.
Чичиков. Холост.
Хлестаков. Холост.
Поприщин. Холост.

(Пауза.)

Гоголь. Влюблялся, но так и не женился.
Чичиков. К женщинам равнодушен, но головы не теряю. Жениться нужно без ущерба для сердца и кошелька.
Хлестаков. Женщин обожаю, но жениться пока не собираюсь.
Поприщин. Влюблён в дочь директора нашего департамента.

(Пауза.)

Гоголь. Постоянного местожительства нет.
Чичиков. Аналогично.
Хлестаков. Живу в Петербурге.

Поприщин. Живу в Петербурге.

(Пауза.)

Гоголь. Живу в гостинице, иногда у друзей.
Чичиков. Живу в гостинице.
Хлестаков. Снимаю комнату.
Поприщин. Снимаю комнату.

(Пауза.)

Гоголь. Своего экипажа нет. Извозчики.
Чичиков. Имею рессорный экипаж и тройку лошадей.
Хлестаков. Извозчики.
Поприщин. Хожу пешком.

(Пауза.)

Гоголь. Слуг у меня нет.
Чичиков. Слуга Петрушка, кучер Селифан.
Хлестаков. Слуга Осип.
Поприщин. Мне помогает по хозяйству какая-то Мавра.

(Пауза.)

Гоголь. Гонораров не хватает. В долгах.
Чичиков. Живу аккуратно, хватает.
Хлестаков. Жалованья моего совершенно не хватает. Модные одежды, рестораны, женщины. Отец из деревни помогает деньгами.
Поприщин. Едва хватает, хотя живу очень скромно.

(Пауза.)

Гоголь. Деньги уходят на переезды, на лечение, помогаю младшим сёстрам, жертвую на благотворительность.
Чичиков. На здоровье не жалею, зря не трачусь, каждая копейка на счету.
Хлестаков. Деньги есть — пир горой, денег нет — сажу на бобах.
Поприщин. Денег едва хватает на самое необходимое, но всё же выкраиваю сходить иногда в театр.

(Пауза.)

Гоголь. Место рождения — Полтавская губерния.
Чичиков. Данных о месте рождения не имею.

Хлестаков. Саратовская губерния.
Поприщин. О месте своего рождения ничего не знаю.

(Пауза.)

Гоголь. Родился в семье помещика.
Чичиков. В семье дворянина.
Хлестаков. В семье помещика.
Поприщин. О своих родителях ничего не знаю.

(Пауза.)

Гоголь. Отец — Василий Афанасьевич, мать — Мария Ивановна, сёстры Мария, Анна, Елизавета.
Чичиков. Имени отца не знаю. Помню, что он постоянно болел и давал мне затрещины. О матери вообще ничего не знаю. Братьев и сестёр нет.
Хлестаков. Отец мне из деревни деньги присылает, больше ничего не знаю, да и знать не хочу.
Поприщин. Никого у меня нет (пауза). У меня даже имени нет. Ни имени, ни отчества.

(Пауза.)

Гоголь. Работаю над вторым томом «Мёртвых душ».
Чичиков. Коммерция. Коммерческая тайна.
Хлестаков. Служу в департаменте. В каком — не знаю. Чем занимаюсь — не знаю.
Поприщин. Служу в департаменте. В каком — не знаю. Чиню перья для директора департамента. Мебель у нас красивая, начальство вежливое. Принимать от клиентов подарки в нашем департаменте почему-то не принято.

(Пауза.)

Гоголь. Друзей всё меньше и меньше.
Чичиков. Друзей как таковых не признаю. Есть люди нужные и ненужные.
Хлестаков. Мой друг — Тряпичкин, журналист.
Поприщин. Друзей у меня нет.

(Пауза.)

Гоголь. Когда-то любил щегольнуть. Особое приращение питал к сапогам. Купишь новые сапоги, и всю ночь их примеряешь, гладишь, нюхаешь.

Чичиков. Повседневно одеваюсь повседневно, для выхода в общество имею фрак брусничного цвета с искрой.

Хлестаков. Люблю всё модное, дорогое.
Поприщин. Одеваюсь крайне скромно.

(Пауза.)

Гоголь. Поестъ люблю, съесть могу много, к спиртному равнодушен.

Чичиков. Съесть могу много, могу и выпить, но в меру.

Хлестаков. Люблю и выпить, и закусить. Деньги есть — я денди лондонский и пир горой, деньги кончились — сижу на бобах.

Поприщин. Живу крайне скромно.

(Пауза.)

Гоголь. Читаю духовную литературу, Евангелие, интересуюсь вопросами экономического развития России, политикой не интересуюсь.

Чичиков. Читаю что-нибудь лёгкое, если есть время.

Хлестаков. Ходим с Тряпичкиным в театры, предпочитаем весёлые водевили.

Поприщин. Вчера был в театре, смотрел про русского дурака Филатку, очень смеялся. Читаю газеты.

(Пауза.)

Гоголь. Работа над вторым томом «Мёртвых душ» идёт тяжело. Мои герои пока ещё мертвы.

Чичиков. Почему?

Гоголь. Не знаю.

Хлестаков. Пишите что-нибудь лёгкое, забавное, смешное.

Гоголь. Мне нужно что-то новое, другое, не то, что было раньше.

Поприщин. Я на минутку. *(Встаёт, уходит.)*

(Пауза.)

Гоголь. Весна... раньше вместе с весной всё во мне пробуждалось, теперь же... Да и какая тут в Петербурге весна... Да и Пушкина уже нет...

Чичиков. Что-то есть захотелось. Никак не пойму, куда подевалась моя курица. *(Ищет под столом, потом в глубине сцены.)*

Хлестаков. Сегодня получил деньги от отца. Сегодня идём с Тряпичкиным в ресторан.

(Входит Поприщин, садится за стол)

Поприщин. Дождь. Подъезжает карета. Из кареты выходит она. Вся благоуханная, неземная.

Хлестаков. Кто?

Поприщин. Дочь директора нашего департамента.

Хлестаков. Влюблены?

Поприщин. Да.

Хлестаков. Блондинка, брюнетка?

Поприщин. Не знаю. Вся в белом. Неземная.

Чичиков *(возвращаясь к столу, садясь)*. Нет её. Где она?

Поприщин. Кто?

Чичиков. Курица. Приехал, остановился в гостинице, пообедал щами, слоёным пирожком, мозгами с горошком, сосисками с капустой, солёным огурцом и сладким пирожком, выпил чашечку кофею, вздремнул, прогулялся, поужинал холодной телятиной, лёг, потом визиты, обеды, банкеты — а курица? Я ведь точно помню, что со мной была жареная курица! Она была завернута в зелёную бумагу — где она?!

Хлестаков. Да вы её съели, и забыли, что съели.

Чичиков. Я никогда ничего не забываю, я всегда всё помню! Я и по службе очень быстро поэтому продвинулся, хотя начинал с нуля и без каких-либо протекций, а в таможенном комитете мне равных не было в обыске и досмотре! Находил контрабанду в дышлах, в колёсах, под шерстью, под кожей! Контрабандисты от одного имени моего трепетали!

Хлестаков. А потом были «испанские овцы».

Чичиков. Какие ещё овцы?

Хлестаков. Под шерстью которых через границу беспрепятственно прошла контрабанда бельгийских кружев, на чём вы сорвали четыреста тысяч рублей.

Чичиков. Не было этого!

Хлестаков. Ну-ну...

Чичиков. А вы под видом ревизора облапошили целый город, всё из него выгребли, да и скрылись!

Хлестаков. Не было этого!

Чичиков. Да вас полиция ищет! Вот сейчас возьму и позову!

Хлестаков. Не позовёте!

Чичиков. Это почему же?

Хлестаков. Да не в интересах спекулянта мёртвыми душами звать полицию! Вы ведь душами умерших крестьян спекулируете!

Чичиков. А!
Хлестаков. У!
Чичиков. Ауа!
Хлестаков. Уауа!
Поприщин. Прекратите! Я сейчас полицию позову! У меня голова от вас болит!

(Длинная пауза.)

Гоголь. Да.
Чичиков. Да-да.
Хлестаков. Да-да-да.
Поприщин. Перестаньте дадакать! У меня от этого голова болит! *(Убегает.)*
Чичиков. Ещё и вправду полицию приведёт.
Гоголь. Не приведёт. Он, конечно, сумасшедший, но не подлец.

(Гоголь встаёт из-за стола, прохаживается)

Гоголь. Весна... весна пробуждалась — пробуждался и я... родился весной, весной же познакомился с Пушкиным... весной же — с Белинским, с Лермонтовым... весной же — премьеры моего «Ревизора»...

Хлестаков *(вскакивает, пародирует Гоголя)*. Весна... весна... всё пробуждается... солнце... ручьи... соловьи... еду к отцу, проигрываюсь в Пензе в карты, кое-как дотягиваю до какого-то уездного городка... ни пожрать, ни выпить, в долг никто не даёт, хозяин постоялого двора пугает жалобой городничему, тюрьмой пугает, и вдруг, будто в сказке, весь городок у моих ног, все меня угощают, деньги суют, жуирую с дочерью городничего, жуирую с женой городничего... все от меня в восторге — вот где весна! Вот где настоящая весна! Но как я играл, как играл! О!.. *(Садится за стол, закрывает лицо руками.)*

(Пауза. Гоголь садится за стол)

Гоголь. Доводилось и мне пыль в глаза пускать... по молодости.

Чичиков. Доводилось и мне. Ничего предосудительного в этом не вижу, если с умом, если для пользы дела.

Гоголь. Гостил у друзей в Киеве. Оттуда — в Москву, с Сашей Данилевским. Решили сыграть в ревизоринкогнито. Получилось. Никаких проволочек с лошадьми. Полное почтение. Доехали быстро и весело.

(Убегает Поприщин.)

Поприщин. Дождь. Карета. Она из кареты. Благодуханная, неземная. Дождь. Карета. Она из кареты. Благодуханная, неземная.

(Садится за стол, закрывает лицо руками.)

Чичиков *(Поприщину)*. Кто она?
Поприщин. Дочь директора нашего департамента.

Чичиков. То есть дочь действительного статского советника, генерала, а вы какой-то коллежский регистратор, четырнадцатый разряд, ниже уже некуда...

Поприщин. Я не коллежский регистратор, я титулярный советник!

Чичиков. Ну, на одну ступеньку выше, всё равно — нуль. Ни экипажа своего, ни квартиры, ни дома, ни ожидаемого наследства — нуль. А лет вам уже за сорок! Да у вас даже имени нет! Ни имени, ни отчества! Вы понимаете?

Поприщин. Понимаю.

Чичиков. Так и остыньте.

Поприщин. Да... понимаю. *(Пауза.)* Нет! Не понимаю и понимать не хочу! *(Вскакивает из-за стола, декламирует.)*

Душеньки часок не видя,
Думал, год уж не видал,
Жизнь мою возненавидя,
Льзя ли жить мне, я сказал.

(Закрывает лицо руками, раскачивается, воет. К нему подходит Хлестаков.)

Хлестаков. Перестаньте. Дело поправимо. Сейчас едем ко мне. Гардероб у меня бомонд. Переодеваемся в денди, мчимся к ней. Вы уже не титулярный советник, вы уже миллионер. На вас неожиданно свалилось огромное состояние. Ваш дядя скончался в Америке и отписал вам всё. Я — ваш лучший друг, камер-юнкер. Ежевечерне бываю на царских балах. С Пушкиным на дружеской ноге. Нет, про Пушкина не нужно, его уже нет. Я вас представляю в лучшем виде. Но и вы не должны быть истуканом. Вы — миллионер, аристократ. Пройдитесь, шаркните ножкой, сделайте лёгкий поклон. Ну?

(Поприщин прохаживается, шаркает ножкой, кланяется.)

Хлестаков. Да не так, не так! Вы — миллионер, аристократ, а не жаба в мешке! Смотрите! *(Демонстрирует светские манеры)*

Поприщин. Не буду. Это обман. Мне правда нужна.

(Поприщин и Хлестаков садятся за стол. Длинная пауза)

Гоголь. Холодно, зябко... Опять заболел, опять тащиться на воды, к немецким лекарям. *(Пауза.)* Виделся в Германии с Тургеневым, он сказал, что в России его тошнит от России, а за границей его тошнит по России...

Чичиков. За границей не бывал, не знаю.

Хлестаков. Пока ещё не бывал.

Поприщин. Мне в Испанию хочется.

Чичиков. Там, небось, своих оборванцев хватает.

Поприщин. А вот увидите!

Чичиков. Дело нужно делать, дело. И для себя, и во имя России.

Хлестаков. Спекулянт мёртвыми душами заговорил высоким стилем.

Чичиков. Да я тебя!

Хлестаков. Чича. Чичачича.

Чичиков. Да я тебя!

Хлестаков. А чичи. А чичи. А чичичичичичи.

Поприщин. А чичичичичичи! А чичичичичичи!

Чичиков. Ты ещё тут, шмакодявка!

(Пауза.)

Гоголь. Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

(Длинная пауза.)

Гоголь *(Чичикову)*. Что пользы поразить позорно и порочного, если не ясен в самом тебе идеал прекрасного?

Чичиков. Не знаю. *(Хлестакову.)* Что пользы позорного и порочного без идеала в самом тебе поразить?

Хлестаков. Не знаю. *(Поприщину.)* Что толку?

Поприщин. Хочу в Испанию.

(Пауза.)

Гоголь *(Чичикову)*. Быстро всё превращается в человеке, не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь.

Чичиков *(Хлестакову)*. Какой-то страшный червь вырос внутри.

Хлестаков *(Поприщину)*. Червь очень страшный вырос внутри.

Поприщин. В Испании этого нет.

(Пауза.)

Гоголь *(Чичикову)*. И этот страшный червь сосёт и высасывает незаметно всё прекрасное в человеке, и вот уже человек в ничтожных побрякушках видит великое и святое.

Чичиков *(Хлестакову)*. Червь сосёт и высасывает, и уже одни побрякушки.

Хлестаков *(Поприщину)*. Сегодня я иду в ресторан. Вы когда-нибудь бывали в ресторанах?

Поприщин. Нет.

Хлестаков. А хочется?

Поприщин. Хочется.

Хлестаков. Сегодня вы будете в ресторане. Я всё устрою.

Поприщин. Там красиво?

Хлестаков. Это будет лучший ресторан в Петербурге.

Поприщин. Там — рай?

Хлестаков. Там — всё.

(Пауза.)

Гоголь. Как выставлять недостатки и недостойность человеческое, если не задал самому себе запроса: в чём же достоинство человека?

Чичиков. Полностью с вами согласен, Николай Васильевич. Я уж с такой дыры начинал свою карьеру, что не приведи господи. И пьянство, и сквернословие, и нечистоплотность одежды и тела, и лень, и невежество, но я всегда был уравновешен, не хмурился, не выражал недовольств, всегда соблюдал гигиену, не сквернословил, не пьянствовал, а на таможне, при досмотрах и обысках, отличался исключительной вежливостью и приветливостью лица.

Хлестаков. Не понимаю, о чём вы. Недостатки, достатки... Есть полёт пылкой души, когда тебя все обожают и готовы из-за тебя на всё, и есть тоска, когда никакая сволочь даже копейки в долг не даёт.

Поприщин. Вчера из газет узнал, что в Испании король упразднён. Странно. Государство не может быть без короля.

(Пауза.)

Гоголь. Нужно очень многое победить в себе.

Чичиков. На вечеринке у полицеймейстера я читал невежественному и грубому помещику Собакевичу поэтические отрывки писем Вертера к Шарлотте из Гёте. Впредь нужно быть поосторожнее к себе.

Хлестаков. Просчёты случаются, но я их легко забываю.

Поприщин. Никогда не прощу своему сослуживцу за то, что он сказал, что я не имею никакого права на любовь к дочери директора нашего департамента, что я — нуль.

(Пауза.)

Гоголь. Недостатков во мне много, очень много.

Чичиков. Никогда не раскрываюсь ни в обществе, ни тет-а-тет. Могу иногда сказать о себе, что, дескать, я никто, ничто, ничтожный червь мира сего, но это из тактических соображений конечного выигрыша.

Хлестаков (смотрит на часы). Скорей бы в ресторан.

Поприщин (Хлестакову). А я?

Хлестаков. Вы? А что вы?

Поприщин. Но вы же обещали и меня взять в ресторан?

Хлестаков. Ах да! Конечно! Но я совсем упустил, что сегодня у меня рандеву с примой-балериной Марининского театра! Так сказать, визави, без посторонних. Я даже лучшего своего друга Тряпичкина сегодня отклонил! А с вами мы обязательно сходим, непременно, в ближайшие дни.

(Пауза.)

Гоголь. Нужно стремиться к внутреннему совершенствованию.

Чичиков. Бывают, конечно, сбои, но в целом мой внутренний механизм достаточно хорошо отрегулирован.

Хлестаков (смотрит на часы). Как же долго тянется время!

Поприщин. Мой главный недостаток — бедность. Но я ещё покажу! Ещё узнаете!

Чичиков. Бред сивой кобылы.

Поприщин. Ещё посмотрим! Ещё узнаете!

Гоголь. Сердце не должно возмущаться страстями земными. Впрочем, идите. Я устал.

Поприщин. Как же не возмущаться? Почему я — нуль? Почему я до сих пор не могу накопить на хорошую шинель? Почему я мёрзну на улицах? Почему я не могу позволить себе извозчика? Почему камер-юнкер Теплов

запросто вхожу в дом дочери директора нашего департамента, а я не смею даже подумать об этом? Почему я до сих пор не бывал в ресторанах?

Гоголь. Мне нездоровится, у меня болит голова.

(Ложится на пол, укрывается плащом.)

Поприщин. У меня тоже болит голова! Вы меня сделали сумасшедшим! Вы меня сделали испанским королём Фердинандом Восьмым! Меня били палками по голове! Мне vybrили голову и капали на неё холодную воду! Звал я матушку мою спасти меня, но она не услышала! Вы не удосужились сказать, кто она, где она! А кто мой отец? Есть ли у меня братья, сёстры?! Нет, никого нет! Ни родных, ни близких, ни друзей! У меня даже имени своего нет!

Чичиков (подходит к Гоголю). Собственно говоря... так сказать... претензий у меня к вам, Николай Васильевич, нет. Отдыхайте. Отдохнёте — ещё что-нибудь напишете. Может, что-нибудь про мои дальнейшие приключения, может, что другое. Был рад вас увидеть, пообщаться с вами. Надеюсь, взаимно. Я вполне, так сказать, удовлетворён той ролью, которую вы мне, так сказать, назначили. Выгляжу я...

Хлестаков (Чичикову). Павел Иванович, пусть человек отдыхает, что вы в самом деле, пойдёмте!

Чичиков. Выгляжу я у вас, Николай Васильевич, вполне, так сказать, достойно, так сказать, импозантно и респектабельно, если, конечно, не брать во внимание некоторые, так сказать, моветоны моей жизни, но я не буду об этом. Зачем? Жизнь есть жизнь, есть в этой жизни, так сказать, и парадные подъезды, и величественные колонны, и сияющие залы, и хрустальные люстры, и блестящий паркет, и прочий, так сказать, бомонд, но есть и серые подвалы, и пыльные чердаки, и прочая, так сказать, непрезентабельность... Жизнь есть, так сказать, жизнь, так сказать, селяви... И человек в этой жизни то, так сказать, авантажен и презентабелен, то, так сказать, не совсем...

Хлестаков. Павел Иванович!

Чичиков. Да, сейчас, что я уж тут, действительно... Так вот, значит, претензий у меня к вам, Николай Васильевич, нет, разве что некоторая, так сказать, досада... обида... За детство моё мне обидно... И происхождение моё, как вы изволили выразиться, темно, и детство какое-то кислое, мутное, и ни друзей у меня, ни товарищей, и в школе я выгляжу у вас каким-то уж совсем подлецом, выпрашиваю у однокашников их домашние завтраки, а потом эти завтраки им же и продаю...

Хлестаков. Павел Иванович!

Чичиков. Да, сейчас... Но более всего мне обидно за моих родителей... Да вы их просто оскорбили, когда сказали, что родился я ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца! Имён вы их не удосужились назвать, а вот эту гадость сказали! Зачем?

Поприщин (Чичикову). Довольно! Ваши претензии противно слушать! Ваша жизнь по сравнению с моей — рай! У вас и рессорный экипаж, и тройка лошадей, и кучер, и слуга, и чемодан из белой кожи, и шкатулка из красного дерева и карельской берёзы, и фрак брусничного цвета с искрой, и питаетесь вы обильно и разнообразно, и нет вам нужды с утра до вечера корпеть над бумагами в каком-нибудь департаменте за гроши, и вас с почтением принимают и губернаторы, и помещики, и прочие влиятельные лица, и дамы от вас в восторге и шьют ради вас дорогие наряды, и украшают себя ради вас дорогими украшениями и парфюмом, и...

Хлестаков. Всё! Довольно! Развели тут канитель! Дайте человеку отдохнуть! Он гениальный писатель, он Россию прославил, а вы тут шамкаете! Отдыхайте, Николай Васильевич! Вы написали для меня гениальную роль, и я, кажется, исполнил её достойно! Отдыхайте! Вы ещё покажете миру и смех, и слёзы сквозь смех! (Склоняется в поклоне, отшатывается) Да он, кажется, мёртв! (Опускается на колени, щупает пульс, растёгивает плащ, сорочку, слушает сердце) Да, мёртв. (Пауза.) Дайте его на стол.

(Укладывают Гоголя на стол, поправляют на нём одежду, замирают в скорбных позах. Звук похоронной музыки)

Хлестаков. Прощай, Николай Васильевич. (Крестится, целует Гоголя в лоб, отходит в сторону.)

Чичиков. Прощай, Николай Васильевич. (Крестится, целует Гоголя в лоб, отходит в сторону.)

Поприщин. Прощай, Николай Васильевич. (Крестится, целует Гоголя в лоб, отходит в сторону.)

(Пауза.)

Хлестаков. Он весь в долгах. Сбросимся на похороны. Мой ресторан сегодня отменяется. (Достаёт деньги, кладёт на стол, отходит в сторону.)

Чичиков (долго роется в портмоне, считает, пересчитывает). Никогда ни на что не жертвовал, но сегодня особый случай. (Кладёт деньги на стол, уходит, останавливается, достаёт из портмоне ещё купюру, подходит к столу, кладёт купюру на стол, отходит в сторону.)

Поприщин (подходит к столу, лихорадочно роется в карманах, рвёт подкладку, достаёт купюру, кладёт на стол). Копил на шинель, ну, что ж...

(Пауза, после которой все подходят к рампе)

Хлестаков (к публике). Ушёл из жизни великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. (Пауза.) Коллежский регистратор, главный герой пьесы «Ревизор» Иван Александрович Хлестаков (кланяется, уходит).

Чичиков (к публике) Ушёл из жизни великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. (Пауза.) Коммерсант, главный герой «Мёртвых душ» Павел Иванович Чичиков (кланяется, уходит).

Поприщин (к публике). Ушёл из жизни великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. (Пауза.) Титулярный советник, главный герой «Записок сумасшедшего» Поприщин (кланяется, уходит).

(Длинная пауза, во время которой с улицы могут слышаться цоканье копыт, грохот колёс, звон колокольчиков, крики извозчиков, звон колоколов, вой ветра, соловьиные трели, обрывки речи русской, французской, немецкой, итальянской, украинской, обрывки оперных арий и песен разных народов.)

Гоголь (вскакивая). Что? Где? Что я? Где я? (Замечает сброшенные со стола на пол деньги.) Деньги? Что за деньги? Чьи? Кто здесь был? Где я? Что я? Сон? Смерть? (Смотрит на деньги.) Наверное, Саша Данилевский приходил, оставил мне деньги. Знает, что без денег сижу. Не захотел меня будить. Оставил деньги, ушёл. Мог бы и записку написать. (Пауза.) Ужасно есть хочется. Хорошо, что Саша деньги принёс, сейчас схожу, макарон натрескаюсь. (Пауза.) Впрочем, вчерашние должны остаться (уходит в глубину сцены, возвращается с кастрюлей макарон, садится за стол, жадно ест.) Да, сон, приснилось. Старые мои знакомые. Чичиков, Хлестаков, Поприщин. К чему бы это? Устроили мне тут спектакль. Похоронили меня. (пауза) То претензии мне высказывали, то славословили... (Пауза.) Что ж, деньги есть, можно ехать. (пересчитывает деньги, кладёт в карман, прохаживается) Деньги есть, можно ехать. (Пауза.) Но куда? (Пауза.) Весна... весна пробуждалась — пробуждался и я... школа, Полтава, цветущие сады... парк... обрывистый берег Ворсклы... Васильевка... белый дом с мезонином... конюшня, амбары, кладовая... летний погреб... грибы солёные, мочёные, яблоки в маринаде... капуста... сало... наливки... настойки... куры... собаки... сад... пруд... Псёл... пойменные дали... степь...

бескрайняя степь... долго лежишь и смотришь в бескрайнее небо... и вдруг чувствуешь, что есть кто-то, кто всё видит и знает о тебе всё...

(Пауза.)

Гоголь. Поехал туда, мать, сёстры, белый дом с мезонином, куры, собаки — будто снова в детство вернулся, в юность, но дня через два заскучал, уехал...

(Пауза.)

Гоголь. Чичиков, Поприщин, Хлестаков, другие — ни от кого из них я не отказываюсь, все они — это я, но мне уже нужны другие герои... Но где они? Кто они?

(Пауза.)

Гоголь. Перо изгрызлось, нервы истощились, тоска... Где та гармония, которая бы вдруг проваливалась в дисгармонию, а из страшной бездны, из взвизгов, из стонов, из воплей и скрежета рождалась бы снова гармония? (Пауза.) Вспомнились грустные, уже уставшие глаза Пушкина, а ему тогда было всего лишь тридцать шесть... (Пауза.) Иногда мне чуть ли не в глаза говорили, что я сумасшедший, скоморох, чёрт, кривляющаяся обезьяна, что Россию выставил на осмеяние...

(Пауза.)

Гоголь. Петербург, Париж, Берлин, Васильевка, Петербург, Рим, Васильевка, Петербург, Рим. (Пауза.) Перо изгрызлось, нервы истощились, тоска. (Пауза.)

Может, бросить писать? Может, сжечь всё и уйти в монастырь?

(Пауза.)

Гоголь. Поехал в Иерусалим, ничего возвышенного, к своему великому огорчению, не ощутил, в Назарете было дождливо, и мне показалось, что сижу я под морозящим дождём в России, на станции, в ожидании лошадей.

(Пауза.)

Иерусалим, Назарет, Рим, Киев, Васильевка, Петербург. (Пауза.) Куда ещё? Может, совсем в другую сторону, на край света, на Камчатку, сквозь всю Россию, сквозь дожди, снега, морозы? Может, это оживит мою кровь? (Пауза.) Когда-то весело мне было подъезжать к незнакомому месту, теперь же мой взгляд равнодушен. (Пауза.) Воскликнул я когда-то: в дорогу, в дорогу! Прочь строгий сумрак лица! (Пауза.) Новые мои герои никак не оживают, мертвы. (Пауза.) Сжёг. (Пауза.) Наверное, нужно умереть, чтобы снова воскреснуть. (Пауза.) Уйду в монастырь. (Пауза.) Уж лучше уныние и тоска от самого себя, нежели самонадеянность в себе.

(Пауза.)

Гоголь. Конец весны и лето провёл в деревне у матери. Осень провёл в Москве. Лето провёл у Смирновой в деревне и в Калуге. Потом снова у матери, потом Одесса, потом Москва. (Пауза.) Москва-конечная, конец. (Пауза.) Прощайте (кланяется, уходит).

Занавес

НОВЫЕ СТИХИ

Владимир САЛИМОН

Я присяду к тебе на кровать,
гладить стану по длинному волосу.
Научился я птиц различать
не по внешнему виду — по голосу.

Это — сойка,
а это — скворец.
Чтобы скрасить свое одиночество,
птиц во множестве создал Творец.
И придумал народное творчество.

Ангелам щекочут пятки елки,
а они хихикают тихонько,
словно пожилые комсомолки,
вкруг усевшись, щиплются легонько.

Несмотря на то, что мы сегодня
распахнули окна нараспашку,
жарко, душно,
я в одном исподнем
вышел в сад, заткнув в трусы рубашку.

Самолет с резиновым моторчиком
еле слышно в небе тарахтит,
передать привет дальневосточникам,
морякам на выручку спешит.

Ацетоном пахнет в помещении
авиамоделного кружка.
Мало смыслю я в предназначении
этой едкой жидкости пока.

В банке из-под кофе растворимого
стынет на плите столярный клей.
На стене — протрет вождя любимого,
так как он — известный друг детей.

Я усвоил их манеры и привычки,
сам того нисколько не желая,
как отец, я зажигаю спички,
непреренно пару штук ломая.

Приоткрывши двери на террасу,
вижу, как отец мой папиросу,
скорчив невозможную гримасу,
с отвращением подносит к носу.

Если в землю ударяет молния,
долгими и темными ночами,
будто началась у них агония,
люди дергают руками и ногами.

Из сырой земли встают покойники,
точно упыри и вурдалаки.
Телки воют жалобно в коровнике
и друг к дружке жмутся, как собаки.

Прежде не имел я представления,
что скотина так чертей боится,
может вдруг от перевозбуждения
сердце у нее остановиться.

Как хищные звери, садовые пахнут
цветы,
ясно я чувствую запах их острый,
как будто зверинец устроить задумала ты.

Тут и лилейник и лох низкорослый.

Я к клеткам со львами страшусь
пойти лишний раз.
Львиного рыка звук, алого зева
вид тщетно стараюсь забыть поскорей —
в тот же час,
иль не от страха дрожу, но от гнева.

В пределах церковной ограды —
Святая земля, а вокруг,
как будто пришел час расплаты,
кругом — запустения дух.

Я скоро начну, как Некрасов,
последние песни слагать,
начну рисовать, как Саврасов,
и горькие слезы глотать.

Меня зачаруют дороги
проезжей безрадостный вид,
и радуги вешней отроги,
что в небе над нами горит.

СТАЛИНИЗМ КАК МОДЕЛЬ

Обзор издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма»

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

Изучение сталинизма — репрессивной политической системы советского коммунистического режима 1920–1950-х гг. — все еще продолжает оставаться актуальной проблемой научной мысли и общественной дискуссии. Споры идут по таким вопросам, как причины возникновения, необходимость и случайность, влияние внешних и внутренних факторов, цена модернизации и масштабы репрессий, альтернативы исторического развития, соотношение ценностных и прагматических оценок, наконец роль в истории.

До настоящего времени проблема была (и в существенной мере остается) чрезвычайно политизированной и эмоционально насыщенной, что затрудняло достижение консенсуса в историографии.

Монументальный научно-издательский проект Фонда первого президента России Б.Н. Ельцина и издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) — «История сталинизма» — призван радикально изменить эту ситуацию: «преодолеть стереотипы советского идеологического и политического наследия», без чего «невозможно становление в России цивилизации современного типа»¹.

Книги проекта (их больше ста!) — своего рода «монументальная фотография» дебатов о сталинизме в мировой историографии — подводят итоги так называемой «архивной революции» 1990-х гг., предоставляют огромный массив новой эмпирической информации, анализ впервые опубликованных документов, позволяют представить различные позиции, сопоставить подходы иностранных и российских исследователей, наметить возможности сбалансированных, а главное, доказательных исторических оценок данного явления².

Только это и создает возможность для серьезного теоретического обсуждения проблемы, выхода за рамки известного спора «традиционалистов» и либералов или «ревизионистов», позволят анализировать сталинизм в новой системе аналитических понятий.

В данной статье подведение итогов проекта проводится с позиций *когнитивно-информационного метода*, представлен анализ политической системы сталинизма, структуры ее информационного ресурса, а также мотивов, положенных ее создателями в основу конструирования принципиально нового социального образования, известного как «советское общество»³.

Сталинизм с этих позиций может быть определен как система, тяготеющая к установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами. Ключевыми параметрами анализа при таком подходе становятся: особенности формирования информационной картины мира и параметры ее проектирования, внешние и внутренние сигналы,

определившие информационно-коммуникативные процессы в системе на разных этапах ее существования; масштабы, параметры и цели социального конструирования; информационная сегрегация общества как основа манипулирования; конструирование идентичности и факторы, определившие выбор на переломных точках; социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; норма и девиация в когнитивной адаптации индивида.

В этом контексте на базе представленных в книгах проекта материалов обсуждаются острые дискуссионные проблемы: тотальности контроля и границ социального регулирования; террора как ключевого инструмента социальной инженерии; механизмы принятия решений как выражение информационной адекватности системы; динамика системы в сравнительной и функциональной перспективе; представлены размышления о когнитивных основах современного неосталинизма.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ БОЛЬШЕВИКОВ

Формирование информационной картины мира предполагает четкое определение границ системы с целью ее внутренней консолидации, распределения ресурсов, иерархии и управления. Сталинизм выступает как выражение социального конструктивизма, который ведет генеалогию от Просвещения и Французской революции XVIII века.

Данная идеология, ставшая практически воплощением идей картезианства и рационализма Нового времени, основывалась на механической концепции мира и представлении о возможности его изменения с позиций Разума. Конструктивизм достиг наивысшего выражения в ходе русской революции с ее первоначальным стремлением непосредственно установить коммунизм. Затем, в 1920-е гг., эта идеология трансформировалась, найдя выражение в научных теориях (напр., тектологии или экспериментах с мозгом), экономических доктринах (планирование) и авангардистских проектах архитектуры и искусства. Информационно-когнитивный компонент данной программы выражался в представлении о революции как конструировании новой социальной реальности, не считаясь с исторической традицией и ценой вопроса. Метод данного конструирования — законодательное проектирование (и кодификация), осуществляемое фактически абсолютистским государством. Данный подход обусловил масштабы сталинской программы модернизации, логику социальных процессов, их параметры (образцы социального поведения) и итоги.

Масштабы социального конструирования периода революции определялись фантастической идеей построения коммунизма — общества, основанного на коллективной собственности на средства производства, которое, согласно прогнозам Маркса, сможет преодолеть все социальные противоречия, когда-либо существовавшие в истории.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТИНА МИРА: СТРУКТУРА И ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Идея большевиков — обеспечить мгновенный переход к коммунизму — потерпела сокрушительный крах с экспериментом «военного коммунизма». Отказ от этой идеологической конструкции, не реализуемой на практике, стал легитимирующей основой проекта модернизации — перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному в 30-х гг. XX века.

Ключевыми параметрами модернизации стали: создание новой информационной картины мира и социально-психологической ситуации путем внедрения мобилизационной идеологии, способной контролировать не только социальные, но и когнитивные параметры мотивации человеческого поведения; унификация социальной структуры; «снятие» (т.е. подавление) социальных и национальных противоречий по тем направлениям, которые могут быть опасны для целей системы; создание политического режима, способного осуществить эти цели вопреки сопротивлению общества и даже части элиты. О невиданных масштабах изменения информационной картины мира говорит тот факт, что ее целью стало переформатирование социума по таким основополагающим координатам, как **пространство, время и смысл существования индивида.**

Узурпация пространства

Пространственное конструирование, или «узурпация пространства», выражалось в его сворачивании (были заблокированы как минимум три возможности открытия системы для внешнего мира — в условиях экономической либерализации 1920-х гг., антифашистского фронта в конце 30-х гг. и послевоенного мирного урегулирования после 1945 г.). Внедрялись в сознание масс идеологические представления о географических границах системы и их расширении: в таких понятиях, как «мировая революция», построение «социализма в одной стране», позднее «мир социализма» концепции «мировой социалистической системы». Смена этих пос-

тулатов сопровождалась стремлением к воссозданию исторических границ Российской империи, изменением коммуникаций по линии представлений о соотношении центра и периферии (периферией последовательно оказывались присоединенные государства). Пространство использовалось для идеологических целей режима (в частности, высылка «врагов» на окраины, в голую степь, в Сибирь как продолжение традиционной практики хозяйственного освоения новых территорий и своего рода ссылкой в «потусторонний» мир), создания новых городов в тайге, за Полярным кругом, в пустыне и даже «преобразования природы» через создание каналов, искусственных озер и морей («Москва — порт пяти морей»).

Советская иконография фиксировала социальную иерархию в соответствии с новой системой ценностей — оттеснение деревни от города, привилегированное место русских по сравнению с нерусскими национальностями, продвинутое положение женщины по сравнению с мужчиной, но самое важное — отделение авангарда (партийных вождей) от массы.

Узурпация времени

Конструирование времени (или узурпация темпорального пространства) имело целью разрыв исторической преемственности — уничтожение нежелательных воспоминаний или, напротив, восстановление той части этих воспоминаний, которые могли оказаться полезны системе в изменившихся условиях. Ключевое значение имеет конфликтное взаимоотношение между традиционным культурным опытом (живой информацией) и реализацией революционных проектов (фиксированной информацией). Последняя предполагала отчуждение информационного ресурса — вытеснение подлинной исторической памяти — с целью создания иллюзорной картины коммунистического будущего.

Данный подход позволяет ответить на вопрос: каким образом различные исторические темпоральности переплетались в советской жизни; какие элементы картины прошлого были отвергнуты режимом, а какие вновь востребованы в настоящем, чтобы тем самым **сделать прошлое значимым для будущего?** Конструирование «фиктивного прошлого» сталинизмом (как и другими тоталитарными режимами) выражалось в схемах переписывания российской и мировой истории в соответствии с идеологией мировой революции (в 1920-е гг.), а затем укрепления национальной традиции, необходимой для легитимизации режима в изменившихся условиях и роста внешней угрозы (в 1930-е гг.). Сталинская «школа фальсификаций», о которой писал

еще Троцкий, выражалась в радикальном пересмотре истории революционного движения. Это «присвоение» русской истории режимом достигло кульминации в создании фиктивной истории партии — «Кратком курсе истории ВКП (б)» (1938).

Узурпация смысла бытия

С этих позиций решалась проблема смысла бытия — борьбы за переустройство общества на основе партийных установок. Если другие тоталитарные идеологии Европы (как итальянский фашизм или немецкий национал-социализм, а также их модификации в Иbero-американском мире) заимствовали у традиционных религий стремление объяснять мир с позиций спасения, то большевизм с самого начала отличался агрессивной антирелигиозной направленностью⁴. Эта антирелигиозная направленность была в полной мере присуща сталинизму периода его консолидации 1930-х годов. Она сохранялась и в дальнейшем, несмотря на стремление использовать религиозные мотивы и поддержку церкви для укрепления легитимности режима в период Великой Отечественной войны и в последующие годы.

С этих позиций интерпретируются отношения сталинского режима и церкви как в России, так и в странах Центральной и Восточной Европы, где коммунистические режимы рассматривали церковь как главного конкурента в борьбе за власть⁵. Стремление коммунистического режима заменить теистическую картину мира светской выражает масштаб его исторических амбиций — **создать невиданную в истории принципиально новую рационалистическую систему ценностей; прагматизм представлений о смысле жизни и смерти, добре и зле, этике и морали, которые поражали иностранных наблюдателей своей инструментальностью.** Для этой цели — создания «нового человека» — использовались «эффективные средства» ресоциализации — уничтожение оппонентов, «перевоспитание», а на самом деле — уничтожение или подавление структуры личности сомневающейся. Этими «дидактическими целями» объясняется отказ сталинского режима (в отличие от нацистского) от иррациональных стимулов социальной поддержки и обращение преимущественно к *дидактическим методам*. «Школа» — ключевая для сталинизма метафора, применяемая во всех областях жизни; характерен выраженный дидактический характер праздников, вообще *назидательный характер пропаганды* и ее визуальных образов и символов.

Тоталитарные режимы являлись «инсценирующими диктатурами», «тотальным театром», стремившимися создать телеологическую картину мира как движения из

темного прошлого к прекрасному настоящему и светлому будущему. Это ярко проявлялось в советских праздниках, которые четко отражали социальные, этнические, темпоральные и пространственные иерархии, призванные идеальным образом структурировать социальный корпус советского общества.

«Советское праздничное сообщество, — отмечает немецкий исследователь этой проблемы, — представляло собой круг избранных, доступ туда надо было заслужить и еще быть благодарным за принадлежность к нему. Строгое разграничение между теми, кто вхож в этот круг, и теми, кто должен оставаться за бортом праздников, проводилось как в 1920-е, так и в 1930-е гг., хотя критерии исключения со временем пересматривались. Участие в советских ритуалах являлось привилегией, визитной карточкой участия или принадлежности к широкому кругу советского общества»⁶.

В отличие от мероприятий национал-социалистов, которые проходили в атмосфере духовного опьянения и коллективного экстаза, советские праздники были школой «эмоциональной сдержанности» и дисциплинированного «энтузиазма». Если декларируемая функция советской праздничной культуры — демонстрация достижений режима, то латентная (и более реальная) функция — демонстрация единства, лояльности, принадлежности к избранным, — «ритуал подчинения абсолютной воле власть имущих». Конструкция т.н. «Нового человека» (*Sapiens Nuovo*) с маленькой головой роденовского «Мыслителя» и огромными руками гегемона-рабочего — была метафизическим продуктом идеологии коммунизма, но эффективно использовалась в социальной инженерии и искусстве социалистического реализма в целях самодисциплины масс и их адаптации к новому обществу.

Социальное конструирование — вполне позитивный процесс в условиях модернизации — оказывается своей противоположностью в том случае, если опирается не на реальное знание, а на его эрзац. **Масштабы сталинского конструирования определялись стремлением установить тотальный контроль над индивидом, цель состояла в его полной ресоциализации, а методы определялись стремлением получить послушное орудие диктатуры.**

Результатами становилось отрицание традиционных метафизических основ бытия (отказ от религиозной ценности жизни и смерти), права и справедливости (культ революционного насилия и произвола), утрата смысла жизни (сведенного к выполнению партийных директив), отчуждение индивида (подавление всех прав личности, в том числе на поиск смысла существования),

выдвижение на первый план не содержательных, а внешних механических стимулов к развитию (экспансия как форма существования), подмена творческой деятельности имитационной (информационная агрессивность), формирование особых черт массового сознания: фатализм и пассивность, ощущение непредсказуемости, чувство «изумления».

Теоретическую основу сталинской «революции сверху», как ее определил Такер⁷, в условиях крушения романтических настроений, составляла новая интерпретация марксизма с позиций «реализма», которая оказалась близка структурам традиционного, архетипического массового сознания и вела не столько к полноценной модернизации, сколько к ретрадициализации общества⁸.

Конструирование «Нового человека» шло по устойчивым образцам поведения (фреймам), восходящим к эпохе доиндустриального общества и крепостного права, причем предпочтение отдавалось негативной селекции этих образцов — эксплуатации низменных качеств человеческой природы. Социально поощряемыми становились такие традиционалистские поведенческие установки «повседневного сталинизма», как апатия общества, социальный инфантилизм и отрицание индивидуального вклада (коллективизм общества и патернализм власти), эгоизм и зависть (классовая теория в ее дарвинистической интерпретации), недоверие к полноценному труду (распределительная система и принудительные субботники); агрессия (уничтожение «кулаков» и «врагов народа»), страх («бдительность» в отношении соседей), поощрение доносов, лицемерие (фальшивый энтузиазм, подкрепленный инсценировками и театральными декорациями идеологических мероприятий)⁹. Вообще не могли быть продуктивны и долговременны формы социализации, основанные на навязываемой маскировке истинных мотивов поведения ложными.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Социальная мобилизация (и особенно манипуляция) возможна только при информационном доминировании тех сил, которые ее осуществляют. Информационный подход позволяет по-новому интерпретировать программу социальной стратификации, реализованную сталинским режимом. Она определялась следующими целями:

Во-первых, введением режима секретности, который был необходим для отделения подлинной информации от мнимой, а также создание особой системы

коммуникаций для обмена этой информацией и иерархии допусков к ней внутри бюрократической системы. Режим секретности, особенно усилившийся начиная с 30-х годов, опирался на дореволюционную конспирологическую теорию Ленина как идеологический постулат и эффективную практику, положенную в основу Советского государства и затем — Коминтерна.

Причины введения режима секретности определяются неоднозначно. Одни авторы указывают на спонтанную логику системных параметров, другие — на растущее лицемерие власти, когда прежнее демонстративное применение «революционного насилия» сменилось эвфемизмами и прямым отрицанием (напр., в 1933 г. вошло в силу секретное распоряжение Политбюро, запрещающее публиковать сообщения о расстрелах без специального распоряжения). Третьи — связывают режим секретности с личностным фактором — «византийским складом ума» Сталина.

Секретные коммуникации, подробно описанные в книге Н. Розенфельда, — системообразующий компонент системы, позволявшей Сталину иметь больше надежной информации, чем другие, получать ее раньше, осуществлять оперативное реагирование на изменение ситуации. Режим секретности представлял собой систему концентрических кругов, последовательно отсекавших от информационного ресурса различные слои общества — партию от населения, партийное руководство — от рядовых членов партии и, наконец, высшее руководство от руководящего состава вообще. В результате Сталин (через свою секретную канцелярию, где сходились все важнейшие линии коммуникаций) получал существенные информационные преимущества перед прочими структурами. Если остальная часть руководства оставалась в неведении о наиболее чувствительных операциях, то диктатор получал всю полноту реальной информации о положении системы и имел возможность манипулировать этим информационным ресурсом в своих интересах. Система, выстроенная как иерархия противостоящих друг другу секретных служб, включала тайные институты, коммуникации, штаты, секретные способы кодирования и расшифровки, дезинформации, проверки и перепроверки данных, особый документооборот со своими архивами, каналами управления и механизмами отслеживания ситуации¹⁰. Разделение подлинной и имитационной информации и, соответственно, открытых и секретных структур коммуникаций выступало как целенаправленная политика по установлению контроля над обществом. Это предполагало создание огромной машины поддержания режима секретности, которая, хотя и имела некоторые лакуны,

способствовала фильтрации информации на всех уровнях социальной пирамиды и вела к максимизации бюрократического контроля. Секретной являлась в первую очередь информация о самих секретных инструкциях, что иногда приводило к недоразумениям. Так, театральное цензурное ведомство Главрепертком и Наркомат просвещения, во главе с А.В. Луначарским, потратили несколько недель на споры по поводу пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», в то время как Политбюро, давшее секретную инструкцию разрешить постановку, уже решило этот вопрос положительно.

Во-вторых, целенаправленное подавление с помощью цензуры всех источников информации альтернативных официальным. Система всеобщей политической цензуры включала различные формы и методы идеологического и политического контроля: наряду с прямыми функциями подавления мысли (запрет публикации, цензорское вмешательство, отклонение рукописи) применялся весь арсенал средств однопартийной диктатуры — идеологическая, кадровая, издательская, гонорарная политика. Ответ интеллигенции также был различен — от конформизма и самоцензуры до различных форм сопротивления.

В-третьих, сегментация информационного пространства как по горизонтали, так и по вертикали. Горизонтальное измерение выражается отношениями режимности — созданием различных информационных режимов, в том числе в юридическом смысле для различных категорий населения. Понятие режима и режимности важно для осознания социальной стратификации и поведения людей в рамках заданной страты, в частности, для их самоидентификации. Речь идет о создании особых режимов по географическому признаку («закрытые режимные города»), по производственному признаку («режимные предприятия»), по социальному признаку (кроме бывших заключенных, которым запрещалось проживание в спецрежимных местностях первой и второй категорий, дискриминация распространялась на лиц, ранее не судимых); по признаку обладания специфическими знаниями (ограничения стали распространяться на лиц, впервые въезжавших или возвращавшихся из-за границы), по степени допуска к реальной информации (режимы секретности, допуск в архивы). «Секретность и замкнутость режимов, — констатируют исследователи, — была целенаправленной политикой»¹¹.

По вертикали сегментация информационного пространства выражалась в разделении общества на группы по линии отношения к секретной информации. Секретность становилась основой самоидентификации соци-

альных групп и выстраивания их отношений друг с другом. Будучи признаком самоидентификации, секретность становилась основой социальной стратификации. Все социальные группы в той или иной степени по разным причинам оказывались вынуждены следовать режиму секретности (чекисты, писатели, академические работники, теневые дельцы и проч.).

В-четвертых, размножение информационных режимов. В самом СССР к концу его существования режимов оказалось довольно много и они стали пересекаться. В Восточной Европе, где было создано несколько кругов информационной блокады, использовали советский опыт ограничения информации. С этой целью была реализована «система запретительно-ограничительных мер: от введения политической цензуры по типу советского Главлита, ликвидации традиционно существовавших в Восточной Европе культурно-информационных центров, библиотек и институтов западных стран до запрета свободного передвижения иностранных граждан, включая дипломатов, журналистов и пр. Особое значение в осуществлении контроля за информационным «полем», учитывая географическое положение и геополитическую значимость региона, придавалось глушению западных радиостанций, пресечению техническими средствами возможностей прослушивания населением радиопередач соседних капиталистических государств, к которым после 1948 г. была отнесена и Югославия». В целом «компартии стран Восточной Европы стремились воспроизвести советскую модель контроля за информацией и создания информационно закрытого общества»¹².

В-пятых, введение различных степеней интенсивности контроля над информацией. В современных исследованиях показано, каким образом система собирала, отбирала и анализировала информацию; что она определяла для себя как жизненно-важную информацию; что представляли собой ее аналитические центры и как осуществлялся подбор экспертов; каким образом происходила верификация информации (проверка ее достоверности, с точки зрения пользы для системы).

Наконец прослеживается динамика информационного контроля под воздействием внешних факторов. Лишь под воздействием информационных технологий извне система вынуждена была отступать в уровне дезинформации. Информационная закрытость тоталитарной системы привела к тому, что когда ее тайны были наконец открыты (с приходом к власти М.С. Горбачева), это привело к «информационному шоку» общества, его драматическому расколу в отношении истории страны и, в конечном счете, стало одним из определяющих факторов крушения легитимности Советского государства¹³.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИИ И ЗНАНИЯ

Конструирование сталинского политического режима, рассматриваемое с позиций информационного подхода, включало центральный конфликт двух форм легитимности — метафизической (идеологической) и рациональной (профессиональной). Это означало острый конфликт партии с экспертным сообществом, опиравшимся на дореволюционные академические традиции сбора, анализа и проверки данных, предназначенных для принятия ответственных политических решений. Победа идеологии над знанием достигалась следующими способами. Главный из них — отказ от научных методов познания общества, которые были дискредитированы как «буржуазный объективизм», а их носители подвергнуты репрессиям в ходе специализированных процессов над «спецками» и чисток (Шахтинский процесс 1928 г. и процесс Промпартии 1930 г.). Среди теорий, представших перед судом, — лучшие достижения российской научной мысли: теория кооперативного строительства А.В. Чаянова, научные методы планирования, теория экономических циклов Н.Д. Кондратьева, который в ходе процесса над ним дал исключительно ясное итоговое описание познавательных и информационных процессов, происходивших в его среде и в среде главных политических деятелей. Особенно показателен конфликт между главным репрессивным ведомством — НКВД и главным аналитическим центром — Статистическим управлением, начавшийся с 1924 г. и завершившийся разгромом последнего в период с 1935 по 1939 г. (аппарат Статистического управления был заменен на $\frac{3}{4}$).

Другим способом стал пересмотр классификационных учетных категорий, раскрывающих реальную социальную стратификацию и доступных доказательной эмпирической проверке. При анализе социальной структуры вводились глобальные показатели основных социальных групп, представленные в итоговых таблицах статистического учета, скрывавшие разнородность советского общества, которая частично отражена в сохранении дифференцированной профессиональной номенклатуры как инструмента обработки данных в 1920, 1926, 1937 и 1939 годах. При изучении национальных отношений под давлением политического руководства также вводились очень широкие классификационные сетки, в которых превалировал административный критерий и растворялись особенности этнических категорий. Цель политической корректировки научных

критериев классификации при этом состояла в стремлении совместить территориальное деление, институциональные формирования и аналитическую сетку, чему активно противостояли статистики старой школы, привязанные к реальной обстановке и сознававшие сложность перехода от национальной самоидентификации респондента к статистическим обобщениям, а также этнографы и лингвисты, приверженцы традиционной эссенциалистской концепции. Идеологические приоритеты в конечном счете восторжествовали над задачами получения достоверной информации. Если в 1926 году национальности были сгруппированы в большие этнолингвистические семьи (индоевропейскую, тюркско-монгольскую и т. п.), то в 1939-м они были объединены по количественному, алфавитному или административному критерию. Будучи раз и навсегда зафиксированы, соответствующие категории продолжали определять действия администраторов даже после утери ими всякой научной обоснованности. Политическое значение этой новой территориально-административной организации было велико, поскольку ее принципы легли в основу крупных статистических операций. «Административная практика взяла в этом верх над научной культурой статистиков»¹⁴.

Наконец, та же цель достигалась прямой фальсификацией статистических данных. Классический пример — перепись 1937 года и подведение ее итогов¹⁵. Уже на стадии подготовки переписи вопросы, относящиеся к профессиональной деятельности, оказались сведенными к предельному минимуму. Категории социального положения были значительно упрощены, они были сформулированы так, чтобы подчеркнуть единство общества и прогрессивное значение исчезновения всякой социальной дифференциации. Однако и с этими ограничениями полученные результаты оказались идеологически неприемлемыми. 23 сентября 1937 г. ЦК партии аннулирует перепись и принимает решение о проведении новой переписи — в январе 1939 года. Вопросник 1937-го подвергся переработке: вопрос о национальной принадлежности был значительно упрощен, вопрос о грамотности был сформулирован так, чтобы в числе грамотных оказалось как можно больше людей; вопрос о вероисповедании был устранен из-за провала антирелигиозной борьбы.

Следствием стала противоречивость подхода к решению проблемы строительства государства. При решении национальной проблемы на практике были представлены две взаимоисключающие стратегии: с одной стороны, реализация положения о праве наций на самоопределение (для чего искусственно внедрялось

национальное и даже этническое сознание, создавались национальные языки и проч.), с другой — осуществление идеи тотальной централизации и унификации государства (что достигалось с помощью террора, направленного на уничтожение национальных элит). Эти противоречивые эксперименты по созданию «советского народа», представленные ленинской и сталинской позициями, как показал последующий распад страны, не удалось согласовать до конца существования коммунистического режима¹⁶.

Навязываемая сверху идентификация групп наталкивалась на ускользающую из-под контроля самоидентификацию разных человеческих составляющих этих групп, что вело к атомизации общества: разделенные группы не имели возможность осознать себя единым обществом, а доминирующим стимулом самоидентификации становилась борьба социальных групп за доступ к ресурсам и привилегиям.

Следовательно, сущность проблемы тоталитарной модернизации — **конфликт псевдоинформации** (мифов) и **подлинной информации** (профессионализма), **идеологии** (партийных догм, основанных на вере) и **познания** (статистики), партии и интеллигенции, идеологов и технократов внутри самого партийно-бюрократического аппарата; **номинального и реального права** (Конституция 1936 г. и террор).

Можно говорить о конфликте между двумя концепциями решения проблем модернизации — по линии информационно закрытого или открытого общества. Концентрированным выражением этого противоречия становится столкновение двух типов легитимации режима — «священного» и «светского», харизматического и рационального. «Миф о всеведущей партии не мог выдержать проверки суровой реальностью произвольных, безграмотных и незначительных решений»¹⁷. Отсюда — специфическая компенсаторная функция института культа личности, которая существенно отличалась от его германского аналога — принципа фюрерства. «В Германии, — отмечает немецкий исследователь, — культ личности фюрера возник вследствие глубокого кризиса парламентской системы и широко распространенной ностальгии по харизматическому герою — «Цезарю», который призван заменить правление безличных структур господством личной воли. В России же возникновение культа личности объясняется кризисом однопартийной диктатуры, которая не смогла выполнить свое обещание — немедленно построить «социалистический рай», причем на всей земле, совершив мировую революцию»¹⁸.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ: РЫЧАГИ УПРАВЛЕНИЯ МОТИВАЦИЕЙ ПОВЕДЕНИЯ

Отношения между классами в сталинском обществе не имели определяющего значения. Главными были отношения с государством, игравшим ключевую роль в мобилизационной экономике. Наиболее близким отечественным историческим аналогом данной системы является русское служилое государство XV–XVII вв., возникшее в процессе борьбы с монголо-татарским игом и отразившее доминирующие тенденции к унификации общества и централизации управления. Основные черты данного типа государственности, четко выраженные классической государственной школой в лице ее ведущих представителей — Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича, — состояли в особой роли географического фактора («борьба леса со степью» и последовательная хозяйственная колонизация огромной территории); мобилизационном типе экономики и организации вооруженных сил (основанных на жесткой взаимосвязи предоставления земельных ресурсов в обмен на службу), выстраивании зависимости сословной структуры от выполняемых функций («закрепощение и раскрепощение сословий государством»), наконец, ключевой роли деспотической власти в распределении экономических благ, управлении и осуществлении социальной инженерии — радикальных преобразований общественных отношений сверху¹⁹.

Этот тип государственности, определявшийся также как «литургическое государство», по аналогии с Византийской империей (М. Вебер), как «азиатский способ производства» (марксистские критики режима) или как «восточная деспотия» — по аналогии с азиатскими деспотиями Востока (К. Виттфогель), основывался на феномене **«пожирания общества государством»**. Даже те левые исследователи, которые отрицают определение сталинского государства как тоталитарного и призывают «не демонизировать его», рассматривают эволюцию режима как переход от аграрного деспотизма к бюрократическому абсолютизму и подчеркивают его традиционалистские черты²⁰.

В результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, основанный на государственной собственности на землю и средства производства, не только отрицавший рыночные отношения и возрождавший натуральный обмен, но и приводивший к ретрадиционализации социальных отношений — **созданию квазисословной иерархии**

социальных слоев, выстраивавшихся по линии доступа к распределительной системе государства.

В условиях мобилизационно-распределительной экономики, окончательно утвердившейся с падением НЭПа и проведением коллективизации, искусственно поддерживавшей низкий материальный уровень жизни общества на всем протяжении существования советской власти, происходила примитивизация экономического поведения, основным мотивом которого становился поиск допуска к дефицитным ресурсам (очереди и карточки, с одной стороны, борьба со спекуляцией — с другой). Дефицит создавался в сфере производства и управления экономикой, где его источником было отсутствие конкуренции и противозатратных механизмов, но главной причиной являлась общая «слабость материальных стимулов к труду»²¹.

Рыночные механизмы в аграрных отношениях периода НЭП рассматривались партийной элитой как временная мера переходного периода, допущенная под контролем государства, политика которого, в конечном счете, привела к экономическому кризису и сделала альтернативу курсу на сталинскую коллективизацию невозможной²².

Голод как инструмент мотивации

Мотивация труда через зарплату в распределительной экономике имела довольно ограниченный характер и преследовала цели мобилизации людских ресурсов²³. Ключевым экономическим фактором мотивации социального поведения для основной массы населения следует признать голод или его угрозу. Реконструкция истории голода начала 1930-х гг., его масштабов, развития и жертв современными исследователями позволяет уверенно констатировать отсутствие предпосылок (как экономических, так и природных) его неизбежности и связывает его возникновение с политическими факторами — настоящей войной сталинской администрации с собственным населением²⁴.

Даже те авторы, которые рассматривают голод как неизбежные издержки модернизации, состоявшейся в переходе от аграрной к индустриальной экономике, признают, что «впервые в истории России в 1932–33 голод не был вызван естественными причинами»²⁵.

В действиях власти присутствовал сознательный мотив наказания казаков и крестьян за их сопротивление хлебозаготовкам и колхозам в 1932 г., и, следовательно, голод с позиций бихевиоризма можно интерпретировать как «дрессировку» крестьян партией, заинтересованной в форсировании индустриализации

за счет аграрного сектора. Дисциплина, подчинение, зависимость становились средствами идентификации личности с коллективом в рамках закрытой информационной системы и создания атмосферы псевдотворческой активности.

Манипулирование социумом

Принципиальным отличием Советского государства от традиционной модели государства служилого является, однако, значение информационного фактора — технологий и коммуникаций, недоступных деспотиям прошлого и способных осуществлять социальное регулирование, манипулирование и подавление в качественно больших исторических масштабах. В экономике — это распределение дефицита, в политике — власти, в конфигурации общества — создание системы контроля над индивидом по всем возможным параметрам. Универсальность социального проектирования в мобилизационном типе экономики возможна при наличии ряда предпосылок: абсолютности информации, тотальности контроля, существовании единого плана и свободы в применении насилия для перемещения человеческих ресурсов (выступающих исключительно в функции «трудовых ресурсов»).

Эти цели достигались созданием такой системы учета и контроля, которая соединяла все принципиальные информационные параметры — место, время, экономический, социальный и правовой статус.

Режим целенаправленно формирует такую организацию общества, которая обеспечивает управление людьми при помощи контроля за их основополагающими потребностями, передвижением и изменением социального положения. Институциональное выражение данного принципа находит в колхозах, сохранивших определенную преемственность к традиционной крестьянской общине (упраздненной в 1930 г.) в качестве структуры, выступавшей посредником в отношениях крестьян с государством; в жилищном контроле (замена кооперативов и товариществ домовыми комитетами), контроле на предприятиях и учреждениях (отделы кадров), общем политическом контроле (партийные ячейки, создаваемые по производственному принципу). Основа всех этих форм контроля — отчуждение собственности у населения (земли — у крестьян, заводов — у производственных коллективов, жилья — у жителей домов) и установление жесткого распоряжения бюрократии над перераспределением имущества (через различные типы регистраций). Контроль над собственностью и имуществом со стороны государства давал огромную (в идеале тотальную) власть над личностью — тот ресурс, который

мог быть использован как для экономической мобилизации, так и для репрессий.

Контроль над населением достигался слиянием различных видов контроля воедино: введение паспортов в 1932 г. и института жилищной прописки было дополнительно введением трудовых книжек в 1938 г., что позволяло вести борьбу с «текучестью кадров», т. е. закреплять индивидов на определенной территории и рабочих местах. Ключевое значение в этой конструкции приобретало жилище, которым индивид не мог распоряжаться по своему усмотрению (купить, продать, самостоятельно построить, своевольно обменять, самостоятельно сдать в аренду и т. п.), и в силу этого жилище становилось фактором, определяющим сознание и поведение человека, степень его зависимости от государства и основным инструментом властного управления людьми. «Эта привязка, через жилище (одновременно обеспечивающая контроль за перемещением людей), — отмечает исследователь проблемы, — намертво прикрепляет людей к месту работы. Причем население привязывается к производству в количестве, исключающем избыток (либо недостаток) рабочей силы и, следовательно, конкуренцию, безработицу или недоукомплектованность рабочих мест»²⁶.

Следует подчеркнуть введение, также в традициях служилого государства, круговой поруки — фактически системы заложников, в рамках которой за нелояльное поведение индивида несли ответственность трудовой коллектив, профсоюзный и партийный комитеты, а главное — семья и родственники провинившегося. В рамках этой системы арест любого человека, независимо от его социального статуса и предшествующих заслуг, автоматически вел к социальному ostracismu и лишению всех благ не только для него самого, но и для членов семьи, которые должны были опасаться лишения жизни, свободы и выселения из жилища.

КОНТРОЛЬ И ПРИНУЖДЕНИЕ: ФОРМЫ ВЫЖИВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ

Поскольку механизм управления социальной адаптацией не включал экономических стимулов рыночного характера, главным инструментом ее осуществления становилось **принуждение**, которое носило непосредственный характер, выступало в виде прямого насилия или его символического эквивалента. Все общество, в стиле коммунистической утопии Фурье, строилось как казарма или тюрьма, где различные типы заключенных имели особый режим содержания, а главной

привилегией становилось право на жизнь в борьбе за существование.

Этот механизм включал разделение общества на две основных категории — первая категория так называемых «советских людей» конструировалась как конформистская опора режима и подлежала социальной адаптации на новых основаниях; вторая, определявшаяся общим понятием «антисоветские элементы» или «враги народа», была признана неспособной к адаптации и подлежала уничтожению (такими группами в разное время становились буржуазия, зажиточное крестьянство, интеллигенция, национальные меньшинства и вообще различные маргинальные элементы, по тем или иным причинам выпавшие из официально утвержденной классификационной сетки). Уничтожение данной категории лиц производилось двумя способами — прямой одномоментной физической ликвидацией или ликвидацией, растянутой во времени с целью использования их как бесплатной рабочей силы (высылка сотен тысяч крестьянских семей на спецпоселения ГУЛАГа и масштабное использование их труда в ходе так называемого «социалистического раскрестьянивания»)²⁷.

Вопрос об экономической рациональности принудительного труда заключенных схематично представлен тремя основными точками зрения. Одна заключается в определенном отрицании такой рациональности — утверждении о том, что ГУЛАГ был вызван к жизни не экономическими причинами, но целями физического истребления мнимых и истинных оппозиционеров. **Вся экономика ГУЛАГа была убыточна и нанесла огромный вред развитию страны, поскольку уничтожала людей в невиданных размерах, отторгала механизацию производства и рациональное использование профессиональных кадров.**

«Именно физическое уничтожение «врагов», а не их использование в качестве «дешевой» рабочей силы было, — согласно данной интерпретации, — главной целью «большого террора»²⁸. Иначе говоря: «неэффективность и некомпетентность рабочей силы ГУЛАГа означали, что стандарты принудительного труда оставались низкими», что говорит о его «невысокой производительности»²⁹. Другая точка зрения может быть определена как теория «рациональности особого типа». Она состоит в том, что рациональность принудительного труда ГУЛАГа определялась вовсе не традиционными показателями экономической рентабельности, а общими системными параметрами и теми задачами, которые система ставила для себя как приоритетные. «Экономическое поведение государства, — с позиций данного подхода, — теряет рациональность: главным

требованием к предприятиям и целым отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение планов в кратчайшие сроки при ограниченном количестве ресурсов. В рамках такой модели эффективными становятся хозяйственные структуры, способные быстро сконцентрировать ресурсы на определенных объектах. Утверждение таких основ социально-экономической политики способствовало превращению в хозяйственное ведомство ОГПУ, распоряжавшееся огромными подневольными, а следовательно, мобильными людскими ресурсами»³⁰. Этот ресурс бесплатной рабочей силы включал различные категории населения, принуждаемого к рабскому труду полицейскими методами: заключенных, спецпереселенцев, трудармейцев, узников фильтрационных лагерей, военнопленных и интернированных»³¹. К этой позиции примыкает тезис о том, что лагеря ГУЛАГа следует рассматривать как «форпосты колонизации»³². Третья точка зрения рассматривает экономические функции лагерей в эволюционной перспективе как некоторую саморегуляцию: система принудительного труда претерпела определенные изменения в направлении большей рациональности. Стало очевидно, что «с одной стороны, даже в тех предельных условиях принуждения, какие существовали в сталинских лагерях, организация сколько-нибудь эффективного труда заключенных требовала введения своеобразной системы стимулирования. С другой стороны, должно было пройти достаточно долгое время для осознания этой проблемы администрацией лагерной системы и высшим политическим руководством»³³. Проводится выявление связи условий труда, быта и питания заключенных на их смертность, а также динамика этих показателей во времени³⁴. Очевидно, что эта дискуссия, аналогичная той, которая велась о нацистских лагерях смерти, основана на различных трактовках репрессивного механизма, напоминающих криминологические теории преступления: для одних сталинские лагеря — результат сознательного преступления коммунистического режима, стремившегося таким путем реализовать утопическую социальную программу; для других — следствие безжалостных исторических обстоятельств, вынудивших власть прибегнуть к масштабному применению насилия и рабского труда; для третьих — результат непродуманной экономической импровизации в использовании рабского труда, связанной с недостатком хозяйственного опыта политического руководства и самих тюремщиков.

Если под этим углом зрения рассматривать партийно-государственное управление, то оно представляется вполне регрессивным феноменом, основанным на различии «сословий», причем режимность выступает

возвращением к имперскому (или даже более раннему — доимперскому) способу управления. Поскольку экономические стимулы рыночного типа не могли получить развития в системе контроля и планирования, на первый план выдвигались бюрократическая иерархия, выслуга, доносы и взаимная слежка. Исполнители-управленцы, подчиненные — все понимали режим как синоним порядка. **Сильная власть (режим) отстаивалась в ущерб рациональной, что способствовало конверсии политической власти в экономическую**³⁵. Как в царской империи, так и в советской — действовала система привилегий и ограничений, выступавшая регулятором мотивации поведения на всех уровнях — от Колымского лагеря до Кремля. В условиях экономики дефицита материальное стимулирование могло идти только по линии создания привилегий — своеобразного возрождения системы служилых сословий, различавшихся по их месту в создаваемой и поддерживаемой государством иерархии привилегий. Анализ экономической системы сталинизма включает рассмотрение разработанной шкалы привилегий, охватывающих все социальные группы и выстроенной как пирамида, вершина которой состояла из партийной номенклатуры. Это позволило сравнить советскую распределительную систему со средневековой «системой кормлений»³⁶.

В какой мере результаты данной социальной адаптации соответствовали изначальному замыслу? Антропологический взгляд на полученный продукт — «советского человека» — показывает его кардинальное отличие от выстраиваемого системой идеального образа «нового человека». Возник, несомненно, психологически ущербный социальный тип, основной мотив поведения которого определяется как стремление к выживанию в биологическом смысле. *«Бывало, — говорит Ш. Фицпатрик, — что в жизни советских людей происходили страшные вещи, бывало, что ее одушевляли прекрасные мечты, но в основном это были тяжкие, однообразные будни с бесконечными трудностями и дефицитом. Ното sovieticus дергал за нужные ниточки, проворачивал всякие махинации, угождал, нахлебничал, кричал лозунги и т. д. и т. п. Но прежде всего он боролся за выживание»*³⁷.

ДВОЕМЫСЛИЕ КАК ОСНОВНОЙ КОГНИТИВНЫЙ ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА

Для социологической интерпретации общества принципиальное значение имеет установленная в нем система норм и санкций за их нарушение. Именно

общество выстраивает систему оценки поведения, определяя одни его стереотипы как норму (конформное поведение), другие как девиацию (отклоняющееся поведение), третьи — как преступление (уголовно наказуемое поведение). Как и другие тоталитарные системы, сталинский режим являлся «инсценирующей диктатурой», искусственно создававшей видимость социальной гармонии и правовой легитимности. Формирование этой диктатуры предполагало, с одной стороны, определенную (чисто формальную) правовую легитимность, с другой — действие неформальных норм, централизацию власти и установление такого контроля над обществом, который по своей интенсивности превышал традиционные абсолютистские монархии и ни в коей мере не был ограничен правом.

В условиях большевистской революции девиация сама стала нормой поведения, привела к превращению подпольной субкультуры революционной организации в официальное право и установлению доминирования неформальных криминальных норм над формальными правовыми.

Решение проблемы согласования формальных и реальных норм поведения было найдено в феномене *номинального конституционализма*. Провозглашение сталинской Конституции 1936 г., осуществленное в разгар «большого террора», выполняло именно эту функцию: оно было нужно, во-первых, для обмана зарубежного общественного мнения; во-вторых, для обеспечения новой легитимации режима как «правового»; в-третьих, как символический шаг, направленный на отвлечение внимания от реальной практики режима³⁸.

В целом номинальный конституционализм не только камуфлировал социальную реальность однопартийной диктатуры, но и сыграл определенную роль в легитимации репрессий. Этим объясняется кажущееся противоречие юридической системы сталинизма — сочетание внесудебных расправ с оппозицией с формальной борьбой за укрепление так называемой «социалистической законности». *«Реорганизация органов юстиции, произошедшая в середине и в конце 30-х гг., — отмечает исследователь, — на самом деле подняла на новый уровень степень централизации власти в области юстиции. Таким же образом поощрение служителей Фемиды к получению юридического образования, наделение их новым статусом должно было создать более конформистский контроль судей, прокуроров и следователей в отдаленной временной перспективе»*³⁹.

С этих позиций актуальна дискутируемая проблема сопротивления режиму. Одна группа исследователей

отрицает сам факт существования сопротивления сталинскому режиму. Действительно, если понимать под сопротивлением осознанные действия, планомерно осуществляемые определенной социальной группой для целенаправленной реализации альтернативного социального проекта, то следует признать, что сталинский режим эффективно подавлял эти намерения на начальной стадии. Нельзя поэтому говорить о сопротивлении режиму со стороны народных масс, для которых бунт или выражение активного несогласия являлись скорее проявлением непонимания сталинской политики, нежели ее осознанным отторжением. *«Называть сопротивлением эти действия, — полагают сторонники данной позиции, — значит приписывать им измерение, которого они в действительности не имели»*⁴⁰. Данный тезис подкрепляется результатами новейших эмпирических исследований: не может быть и речи о каком-либо систематическом сопротивлении тирану со стороны советской правящей элиты; даже в рядах Красной Армии исследователям не удалось найти никаких следов организованного сопротивления; более того, многие партийные деятели, администраторы и военачальники принимали активное участие в сталинских репрессиях против своих многолетних соратников и друзей.

Другая группа исследователей, напротив, считает возможным говорить о существовании мощного сопротивления режиму, различая его активные и пассивные формы. Активные формы социального протеста, — полагают они, — были представлены в период Гражданской войны крестьянскими повстанческими движениями против военно-коммунистической диктатуры большевиков⁴¹. Они продолжены фактической гражданской войной между городом и деревней в период коллективизации и формирования однопартийной диктатуры (1920 — начала 1930-х гг.)⁴². Эти активные формы протеста были основаны на существовании различных информационных картин мира и выражались в крестьянских восстаниях, рабочих забастовках, политических акциях внесистемной и внутрисистемной оппозиции. С этих позиций выдвигается тезис о существовании двух форм большевизма, одна из которых тяготела к поддержке стихийных форм крестьянского демократизма, в то время как другая (сталинистская) — выступала за применение репрессий к массам для достижения целей мобилизационной экономики⁴³. Доказательством существования сопротивления сталинскому режиму выступает для сторонников данной точки зрения сам масштаб репрессий, которые могут быть определены как профилактика борьбы с реальной и потенциальной оппозицией. Это подтверждается также системными тенденциями

режима: двадцать лет сталинской социальной инженерии от начала 30-х и до середины 50-х годов, привели страну не к стабильности, а к «общественному хаосу». В этом смысле система, созданная в 30-х годах, лишь оттянула выражение протеста: привела к ожесточению и массовым беспорядкам 50–60-х годов⁴⁴.

С позиций информационной теории существо политической девиации — выражается в конфликте социальной и когнитивной адаптации. Первая предстает скорее как внешнее, механическое приспособление индивида к враждебной социальной среде в рамках тех мотивов, которые были рассмотрены выше.

Существо когнитивной адаптации — поиск (осознанный или нет) подлинной информации как способа ориентации в обществе и адекватного постижения смысла. Данный поиск выражался в смене социально-психологических представлений — настроений и политических эмоций — с изменениями политического режима⁴⁵.

Принципиальная и неразрешимая проблема режима

Она заключалась, однако, в том, что понимание подлинного механизма действия системы приводило индивида к конфликту с псевдоинформационной основой его существования и делало невозможным социальную адаптацию в имитационных формах. Индивид сталкивался с жестким выбором: отвергнуть имитационные правила системы или следовать им, несмотря на их абсурдность. Первый вариант поведения как настоящее «горе от ума» представлен «пассивным сопротивлением» — отказом от участия в легитимирующих и символических акциях, таких как «обсуждение» новой Конституции, торжественное вручение акта на вечное пользование землей, уклонение от «выборов» в Советы и особенно в так называемых «антисоветских разговорах»⁴⁶. Этот вариант поведения тщательно документировался карательными органами. Сокращенное название коммунистической партии в 1930-е гг. — ВКП (б) — инакомыслящие расшифровывали как «второе крепостное право (большевиков)»; название СССР читалось как «Смерть Сталина спасет Россию», а само ОГПУ расшифровывали как «О, Господи! Помоги убежать», или (если читать справа налево) — «Убежишь — поймут, голову отрубят». Другой вариант — приспособление к законам системы во имя простого выживания или эффективной социальной адаптации. Это отражено в распространенных поговорках: «слово — не воробей: вылетит, не поймаешь»; «молчание — золото» и пр.⁴⁷. Девиация — все, что связано с ситуацией информационного магнетизма

(поиском новой информации, альтернативной официальной и способной раскрыть реальный смысл происходящего). Девиацией признается сам факт обращения к неконтролируемым информационным ресурсам (сохранение или копирование старых книг, слушание иностранного радио, разговоры на табуированные темы).

Социализация при социализме — школа конформизма. Она включает публичные покаяния, театрализованные раскаяния в ошибках, коллективное осуждение и проч. Примером выступает так называемое «партийное расследование», которое оказывается выстроенным по канону средневековой мистерии: «Участники скрыты под масками праведников и грешников. Первые — суть воплощение благодати. Они очищены от всех земных забот и привязанностей. Вторые олицетворяют пороки. Они наделены правом обличать. Другим следуют казаться. Поступки и тех и других в равной степени подчинены ритуалу. Здесь нет места профанным расуждениям, житейской прозе...»⁴⁸.

Критерий выживания, а тем более успеха в данной системе определялся уровнем социального лицемерия — способности индивида, формально следуя декларируемым нормам, на деле выстраивать свое поведение в соответствии с неписаными законами системы. Отсюда берет начало известное психологическое явление — «двоемыслие» как основной когнитивный закон социализма. Данное понятие, введенное Дж. Оруэллом, выражает способность индивида существовать в двух параллельных мирах — имитационной и реальной информации и вовремя переходить из одного в другой при меняющихся обстоятельствах с целью элементарного выживания в советском обществе. Эта ситуация делала особенно актуальной проблему выбора, воплощенную в такой центральной категории этической мотивации поведения, как «совесть»⁴⁹. Двоемыслие при Сталине стало основой существования и когнитивной адаптации просто потому, что отказ от него означал смерть или, в лучшем случае, социальный остракизм. Только позднее диссидентское движение сформулировало основной тренд борьбы с системой — сознательный отказ от двоемыслия и демонстративное выполнение ее декларируемых норм, что само по себе выступало как девиация или преступление.

ТЕРРОР КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Ключевым инструментом сталинской социальной инженерии стал «большой террор» 1937–1938 годов. Несмотря на систематическое обращение к этой

проблеме зарубежных исследователей, начиная с Р. Конквиста (Н. Верт, А. Гатти, Р. Дэвис, Р. Маннинг, Т. Мартин, С. Уайкрофт)⁵⁰ и ее разработку в российской историографии (где данная тема возникла после XX съезда, но впервые стала предметом научных исследований лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг.)⁵¹, представленные интерпретации далеки от единства.

Их систематизация позволяет выявить следующие позиции.

Первая позиция (психологическая) определяет «большой террор» как «социальную патологию», которая, впрочем, в рамках этого подхода «не имеет полностью удовлетворительного объяснения»⁵². Возможность и реальность террора была обусловлена социально-психологическим состоянием населения, для большей части которого он выступал как стихийное бедствие, наподобие Смутного времени, которое «надо было просто перетерпеть». Согласно позиции т.н. «ревизионистов», бросивших вызов «традиционалистской» школе, Сталин осуществлял лишь ограниченный уровень контроля над обществом, террор 1930-х годов не определялся исключительно политическими причинами и не планировался сверху, а ключевую роль играли не указания из центра, а местные силы. Наконец, его масштабы не были столь значительны, как утверждали «традиционалисты». Причина террора — страх, который был более или менее мотивирован реальными причинами (почти фрейдистское объяснение).

Вторая позиция (институциональная) видит смысл террора в целенаправленном уничтожении Сталиным системы неформальных социальных институтов и связей, замене ее формальной бюрократической субординацией, вообще — стремлении «подорвать любые связи взаимной поддержки»⁵³. Для этого криминализировались (объявлялись уголовно наказуемыми) все потенциально возможные неформальные отношения между людьми. Хотя эта тенденция имела место с 1917 г., поворотный пункт наступил в период между 1928 и 1935 гг., а затем был продолжен во время «большого террора» 1937–1938 годов. Данный режим был репрессивным в отношении всех слоев населения, но основной удар он наносил по интеллигенции как социальной силе, способной системно осмыслить ситуацию и выступить в качестве организованной оппозиции.

Третья позиция (функциональный подход) исходит из интерпретации сталинского режима в контексте процессов социальной мобилизации, определившей функции террора в отношении общества и природу политической власти⁵⁴. Ключевую роль в утверждении режима играла практика насилия (репрессии, массовые

депортации, принудительный труд), которая осуществлялась методами чрезвычайного управления, определив масштабы террора и его функции, взаимодействие институтов диктатуры (партия, ведомства, карательные органы), соотношение политического радикализма и «умеренности»⁵⁵.

Четвертая позиция (социологическая) выдвигает на первый план технологию власти: террор 1937 г. преследовал цель осуществить переход от «коллективного руководства» Политбюро к установлению абсолютной единоличной власти, порывая со всем тем, что прямо или косвенно вело к отклонению от нее. Смысл «большого террора» 1937–1938 годов, следовательно, заключался в том, чтобы целенаправленно ликвидировать потенциальную оппозицию, поставить своих людей на ключевые должности и укрепить личную власть⁵⁶.

Пятая позиция выдвигает на первый план фактор личности — образ мыслей и параноидальную одозрительность диктатора. Следуя собственной интерпретации марксизма, он считал террор продолжением классовой борьбы и эффективной социальной профилактики⁵⁷. Только тогда сталинский режим считался стабильным и надежным, когда никто из правящей верхушки, включая ближайших соратников вождя, не чувствовал себя защищенным. Суть созданной им системы заключалась в организованном недоверии как к тем, кого контролировали (подавленное общество), так и к тем, кто контролировал — партийному аппарату. В этом недоверии усматриваются истоки репрессий против коммунистической элиты, составлявшей основу данной системы.

Шестая позиция (многофакторный анализ) видит причины террора в сочетании внутренних и внешних факторов — стремлении подавить сопротивление потенциально оппозиционных элитных групп (в центре и на местах, в армии и госаппарате) в условиях внешней политической угрозы, дополненное действием ряда психологических причин и пр.

Наконец, *седьмая позиция* представляет собой отказ от рационального объяснения данного феномена: «большой террор» — это «чудо», необъяснимое явление. Уничтожение сталинским режимом его главной политической опоры — советской элиты, стоявшей у власти, — «поистине удивительнейший феномен в новейшей истории». Как мотивы организаторов «большого террора», так и поведение его жертв остаются для этих исследователей «загадкой», тем более что «границы между жертвами и палачами зачастую стирались»⁵⁸.

Изучение механизма репрессий 1936–1938 гг. выявляет определенные противоречия. Прежде всего

вопрос в том, откуда взялся сам замысел «большого террора»: был ли он, так сказать, «национальным продуктом» (опирался на богатый большевистский опыт расправ с врагами) или являлся продуктом заимствования (использование опыта яacobинской диктатуры Робеспьера или опыта Гитлера по организации «ночи длинных ножей»); был начат под влиянием внешнего фактора (угрозы войны) или, скорее, внутренних факторов (поскольку накануне «большого террора» не существовало угрозы непосредственного военного нападения на СССР). Далее, какова была институциональная основа террора: если для большинства исследователей инициатором террора являлись органы государственной безопасности, то для других это утверждение представляется «глубоко ошибочным», поскольку в ходе репрессий «сложилось тесное единство в действиях партийных и карательных органов»⁵⁹.

Единственное, что, по-видимому, не вызывает сомнений — это определяющая роль самого Сталина и главного карательного ведомства страны — ГУГБ НКВД СССР в организации массовых репрессий. Становится понятна и категория инициаторов репрессий, а также их исполнителей: это маргинальные элементы, лишенные устойчивых социальных связей, но вписанные в сетевые отношения секретных коммуникаций.

С позиций информационной парадигмы **суть террора может быть объяснена как целенаправленное преодоление разрыва социальной и когнитивной адаптации по следующим параметрам: унификация информационного пространства и создание закрытого общества — информационной резервации для всего общества и выделении особого слоя лиц, обладающих информационными преимуществами для принятия решений (новой элиты).** Важными направлениями реструктуризации информационной картины в ходе различных волн террора стали: замена прежней системы коммуникаций (неформальных связей) новой, построенной по принципу вертикального обмена информационными потоками; введение новой иерархии по линии доступа к информационному ресурсу системы; установление более жесткого контроля и управления информационным ресурсом, а главное — конструирование и фиксация в общественном сознании нового смысла на когнитивном уровне. Важнейшим элементом этого плана стало уничтожение тех групп, которые потенциально могли оспаривать монополию диктатора на информационный и управленческий ресурс. Наконец, сам метод проведения репрессий можно идентифицировать как «информационный шок», направленный на дезориентацию существующей элиты.

Этот подход объясняет ряд основных параметров «большого террора». Во-первых, то, как четко он было организован, что исключает тезис о стихийности (он начался и закончился в определенное время). Масовый террор 1937–1938 гг. был целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства и осуществлявшейся под личным контролем Сталина⁶⁰. Чистка проводилась под контролем и по инициативе высшего руководства, что не исключало инициативы на местах, которая, однако, соответствовала сути приказов из центра. Окончился террор также по сигналу сверху — постановлением ЦК и СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», утвержденным на Политбюро 17 ноября 1938 г. Главными категориями репрессированных были партийные, государственные и военные деятели.

Во-вторых — становится более понятна логика карательных акций, направленных на группы носителей такой информации, которая потенциально могла быть использована против режима. В разное время они включали зажиточное крестьянство и образованный средний класс, представителей внесистемной оппозиции режиму (политических партий, отставивших иную информационную картину мира); внутривнутрипартийных оппозиций (связанных с альтернативными схемами передачи и распространения информации); прежнего партийного руководства — старых членов партии и руководителей ЦК большевиков, помнивших историю формирования секретных коммуникаций; командный состав армии, разведки, самой госбезопасности, знавших скрытые механизмы функционирования режима.

Особую репрессируемую категорию составляли группы, связанные с иностранной культурой (как сотрудники Коминтерна и члены иностранных компартий)⁶¹ или способные, в силу национального происхождения, оказаться нелояльными режиму при изменении политической обстановки. С этим, уже после Великой Отечественной войны, были связаны преследования евреев, особенно после создания государства Израиль⁶². Объектом преследования по этим параметрам становились вообще иностранцы: немцы, репрессии которых осуществлялись в связи как с войной⁶³, так и с общим подозрением в политической неблагонадежности (напр., судьба немецких коммунистов, эмигрировавших в СССР)⁶⁴, итальянцы (политэмигранты-социалисты и люди, находившиеся вне политики)⁶⁵, поляки⁶⁶, прибалты после присоединения государств Балтии⁶⁷, эмигранты, вернувшиеся из Харбина, или, наконец, лица, имевшие контакты с иностранцами (включая узников немецких

концлагерей и военнопленных). В этом контексте важны современные исследования о терроре на региональном и провинциальном уровне⁶⁸. Расширив географию изучения террора, они выявили сходство методов его проведения и основных целевых групп, объединенных понятием «антисоветских элементов» — зажиточных крестьян («кулаков»), старорежимной интеллигенции, политических деятелей оппозиционных партий, лиц, связанных с границей («шпионов»), «ненадежных» представителей региональной партийной бюрократии, а также различных криминальных элементов⁶⁹.

В-третьих, можно констатировать создание определенной матрицы террора, которая затем отработывалась в других регионах мира. В Восточной Европе в начале 1950-х годов акции, направленные на устрашение, приобрели «характер политического террора, осуществляемого государственной властью». В ходе этого террора «целенаправленно изолировались от общества представители прежней политической элиты — бывшие социал-демократы, носители либерально-демократической и крестьянской альтернатив коммунистическому варианту развития», а сами компартии превратились в «тоталитарные организации с лидером-вождем»⁷⁰. Данная модель последовательно воспроизводилась во всех странах коммунистического лагеря — Китае, Албании, Северной Корее и др. Наконец, исследователи констатируют попытку Сталина вновь использовать данную матрицу террора накануне его смерти, что, возможно, и послужило причиной его устранения соратниками. «Ясно, — полагает один из них, — что незадолго до смерти Сталин разрабатывал новую версию старого сценария 1936-1938 годов»⁷¹.

Для объяснения террора важна информационная логика сталинских политических процессов. Первый их тип представлен процессами против научной интеллигенции и имел целью установить господство идеологии над профессиональным знанием. На Шахтинском процессе (1928) и процессе «Промпартии» (1930) инженеры и прочие «буржуазные спецы» обвинялись во вредительстве, саботаже и контрреволюционном сговоре с иностранными державами. Второй тип процессов («московские процессы» эпохи «большого террора») имел целью подавление альтернативных политических групп и информационных коммуникаций внутри партии — процесс Зиновьева-Каменева в 1936 г., процесс Пятакова в 1937 г. и процесс Бухарина в 1938 г. Третий тип процессов (против высшего руководства Красной Армии) включал обвинение в организации сети индивидуальных связей и отношений (любой неформальный кружок дружеского или профессионального характера),

за которой теоретически могла угадываться попытка государственного переворота.

При изучении сталинских политических процессов важно разграничить их имитационные и реальные цели, а также различать явную функцию (устрашение населения) и латентную. Отличить имитационную информационную цель от подлинной было дано не всем интеллектуалам. Например, Бабель распознал лживость процессов, а Фейхтвангер — нет. В своей книге, возможно написанной в противовес Нюрнбергским процессам, он утверждал, что Сталин не был человеком с обманчивой внешностью, показательные процессы не свидетельствовали о мстительности и властолюбии, а обвиняемые были действительно виновны⁷². Что же касается различия явной и латентной функции процессов, то последняя, как отмечают ряд исследователей, имела едва ли не сакральный характер и состояла в укреплении власти кровавой круговой порукой и публичным принесением жертв. Становится понятно, для чего нужна была режиссура и театрализация — для закрепления знаков и образов, маркирующих информационное пространство в сознании, установления действенного «когнитивного контроля» диктатуры над обществом.

Хаотичная тотальность

Понятие тотальности контроля, ранее казавшееся незыблемым применительно к сталинскому режиму (в рамках теории тоталитаризма), в современной литературе начинает подвергаться сомнению. В книгах проекта представлены следующие основные концепции: одна, ставшая «традиционной», отстаивает абсолютность контроля и управления социальной реальностью; другая, представленная т.н. «ревизионистами», — говорит об их отсутствии. Согласно первой, сталинизм вообще может быть определен как высшее выражение социальной инженерии, осуществляемой в глобальных масштабах вне каких-либо моральных и этических ограничений. «Сталин, — согласно данной позиции, — доказал на практике, в рамках одной страны, возможность управляемой, т. е. плано-предсказуемой и инженерно-сконструированной жизни человечества», а если бы он достиг мирового господства, то «история человечества впервые стала бы при нем управляема»⁷³.

Другая концепция отрицает тотальность контроля и существование указанных предпосылок. Согласно этой, другой точке зрения: «История сталинского периода предстает как процесс постоянной «подгонки» и «отладки» в условиях отсутствия у Сталина определенного предварительного замысла». Сталин, как паук, находясь в центре паутины, следит за малейшим ее

колебанием и моментально реагирует на него. Он играет центральную роль, но вместе с тем «принимает решения и совершает действия, не следуя заранее определенной логике, а реагируя на ситуации, которые он считает неблагоприятными, на возникающие конфликты и противоречия. Речь идет скорее о логике решений и действий шаг за шагом, чем о прямолинейном, четко определенном и непротиворечивом замысле»⁷⁴.

Ключевой элемент данной концепции — отрицание планомерности экономических и социальных изменений, рассмотрение их как спонтанной реакции на внешние системные вызовы или даже как чистой импровизации. Поставив вопрос о том «была ли советская экономика плановой?», современные исследователи отвечают на него отрицательно: «Процесс планирования был хаотичен и непрозрачен».

Система была устроена так, чтобы избежать появления «окончательных» планов. Все планы, вплоть до конца планируемого периода, квартала или года, назывались «предварительными». Твердого фундамента для оперативной деятельности предприятий «попросту не существовало». Следовательно, «советская экономика вообще не была плановой»⁷⁵. Вывод об отсутствии научного планирования экстраполируется на все стороны социальной реальности и государственного управления, в котором подчеркиваются элементы иррациональности.

Третья концепция, основанная на теории рационального выбора, пересматривает проблему тотальности контроля, но при этом ближе всего подходит к объяснению причин дисфункции сталинского режима, используя когнитивно-информационные подходы. Вопрос, что понимать под концепцией контроля, должен быть переформулирован в коммуникативных параметрах: с одной стороны, Сталин, безусловно, достиг высокой степени контроля, если речь идет об укреплении его лидерства и личного доминирования в принятии решений. Находясь в позиции относительного информационного преимущества перед обществом и властными структурами, Сталин действительно достиг существенного уровня «когнитивного контроля» над обществом⁷⁶. С другой стороны — ситуация не выглядит столь простой, если речь идет об обладании им реальной информацией, поступающей с низших уровней управленческой иерархии, поскольку он не мог контролировать весь партийный аппарат и осуществлять проверку исполнения всех решений. Поэтому, с существенной долей вероятности, можно предположить, что многие политические решения принимались на неопределенной основе.

Выдвигается модель «дилеммы диктатора»: чем больше его власть и степень контроля над обществом

(формальное подчинение которого достигается путем репрессий), тем меньше объем реального информационного ресурса, которым он располагает для эффективного управления. В результате при внешней абсолютности власти, подкрепляемой страхом, он в действительности не обладает полнотой информации о том, «какие группы действительно поддерживают его, какие только претворяются, а какие активно, но секретно замышляют его свержение»⁷⁷. Другая сторона этого противоречия — проблематичность тотальности контроля по линии центр — периферия. Поскольку советская система управления была «персоналистской» и «вотчинной», региональные власти контролировали поток информации, скрывая от центра местные проблемы и недостатки.

Наконец, следует подчеркнуть, что теоретический принцип, лежавший в основе конструирования системы контроля и управления, оказался совершенно ложным. Существование административно-командной системы 1917–1985 гг. покоилось на презумпции преимущества «плановой» системы над «стихийной» рынка. Насилие и принуждение оправдывались тем, что они якобы обеспечивают рациональное распределение ресурсов. Несмотря на значительное количество экспериментов, эта система оставалась после Сталина практически неизменной, а ликвидация ее опорных институтов при Горбачеве привела к краху системы. Пределы сталинского тоталитаризма, следовательно, определялись ограниченностью информационных ресурсов и неспособностью к быстрой переработке огромного объема данных для принятия эффективных решений.

Диктатор или медиатор?

Актуальна дискуссия о закономерности установления сталинского режима и пределах власти диктатора и его окружения в определении стратегии и тактики его развития: решал ли он все проблемы сам или скорее выступал медиатором между различными группировками? Подход, основанный на теории тоталитарных систем, отстаивает закономерность диктатуры и появления тоталитарного лидерства. П. Грегори утверждает, что «большевистская партия, претензии которой на власть не встретили серьезного отпора, не имела иного выбора, кроме создания тоталитарной системы. Партийные принципы предусматривали планирование, государственную собственность и первоначальное накопление капитала». Административная система, основанная на таком принципе, как считал Хайек, «неизменно порождает фигуру, подобную Сталину». В известном смысле это объяснение напоминает логический

круг: система имела такое лидерство, т. к. оно лучше подходило к системе. Система могла теоретически реформировать себя, но не делала этого — почему? Дело, вероятно, не только в идеологическом гипнозе, но и в том, что система была выстроена для войны, а не для мира в обществе потребления и поэтому имела другой тип рациональности и мотивации.

Другой подход — инспирированный, вероятно, теорией игр, — утверждает, что границы выбора определялись не столько общими факторами развития системы, сколько меняющимся набором вызовов и правил игры. На этом основана концепция «слабого диктатора», сфокусированная на вопросе о том, каким образом происходила выработка Сталиным политических решений в сравнении с другими диктаторами. Согласно теории «слабого диктатора» он выступает едва ли не как заложник обстоятельств: сила вызова его власти определяла силу ответа, причем террор оказался единственным способом сохранения системы от распада.

Согласно критикам этой теории, Сталин был настоящим диктатором, жажда власти была доминирующим мотивом его деятельности; его террор был более методичным, чем у Гитлера, носил не последующий, а упреждающий характер, в результате чего к середине 1930-х годов был создан режим, подавлявший не только реальную, но и потенциально возможную оппозицию.

«Это всегда война на уничтожение, которая, тем не менее, ведется по правилам, согласно тщательно разработанным ритуалам. В них обязательно присутствует апелляция к высшему авторитету, заверения в личной и групповой бескорыстности, жонглирование идеологическими формулами. Приемы едины для всех. Каждый участник поединка использует их, не обращая внимания на степень соответствия традициям и нормам морали. Все схватки происходят в особом этическом поле с новыми нравственными ориентирами. Так, донос на противника не считается низким делом... Все или почти все сражаются за доступ к властным ресурсам, которые в равной степени обеспечивают как экономические преимущества, так и символические знаки престижа»⁷⁸. Двор «красного монарха» играл в игры и использовал методы, известные со времен Цезаря Борджа и Екатерины Медичи, но делал это более добросовестно⁷⁹.

Компромиссный подход к решению данной проблемы — исходя из теории рационального выбора — объясняет, почему сделанный выбор не может быть признан рациональным. В сталинском государстве структура управления представляла собой пирамиду

многочисленных диктаторов разного уровня, отношения между которыми напоминали патронажно-клиентарные связи в традиционном обществе. Данная система «иерархической диктатуры» (nested dictatorship) включала такие механизмы как «делегирование полномочий, различия в целях и неравномерное распределение информации между начальством и подчиненными». Таким образом, «иерархическая диктатура представляла собой поле битвы между начальством и подчиненными, в которой начальник (диктатор) применял силу и принуждение по отношению к своим подчиненным, чтобы ограничить их оппортунистическое поведение»⁸⁰.

Основное противоречие системы состояло в следующем: с одной стороны, множество полномочий по принятию решений о распределении ресурсов было передано на «нижние» этажи системы на усмотрение экономических агентов, склонных к оппортунистическому поведению; с другой — по мере централизации власти, ответственность за решение простых вопросов, которые ранее рассматривались на местах, передавались во все более и более высокие инстанции. «Проклятие диктатора» заключалось в том, что его помощники, облеченные властью и обязанные принимать решения по всем возможным вопросам, на практике их вообще принимали как можно меньше, что сводило к минимуму их риски. Рациональным оказывалось экономически и политически нерациональное поведение, а максимизация контроля вела к дисфункции системы управления. Этот вывод объясняет негибкость системы в кризисных точках и ее провалы там, где было необходимо быстро принимать решения в области внутренней или внешней политики, особенно в начале нападения Гитлера на СССР⁸¹. При решении вопросов подбора экономических и дипломатических кадров не профессионализм, а лояльность диктатору становилась фактором принципиального значения⁸². В такой системе, когда все вопросы должен был решать диктатор, людям было трудно становилось избежать перегрузки, отделить главное от несущественного, своевременно реагировать на изменение ситуации.

Проблема «принципал — агент» в отношениях между диктатором и подчиненными не имела решения. Следовательно, Сталин не только не мог выступать как арбитр между группами влияния, но и быть эффективным менеджером: его рабочая неделя была «перегружена бессмысленной деятельностью», а механизм управления и контроля мало чем отличался от боссов мафии того же времени⁸³. Это вело к информационной неадекватности и параличу системы, неизбежности ее коллапса.

СТАЛИНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ

Современное состояние научной разработки сталинизма позволяет выйти за рамки эмоциональных оценок или традиционных историографических схем, наподобие спора тоталитаристов и ревизионистов. С позиций когнитивно-информационной теории, удается объяснить смысл системы и представить его в виде взаимосвязанных аналитических понятий.

Сталинизм — это реализованный продукт целенаправленного социального конструирования, основанного на ложных когнитивных предпосылках. Позиционируя себя как научную теорию социальных преобразований, сталинизм (как и вообще коммунистическое учение) опирался на совокупность идеологических догматов, отставивших иллюзорную картину мира. Стремясь реализовать эту программу, сталинизм предпринял масштабное социальное конструирование, основанное на насилии и терроре и направленное на тотальную перестройку сознания индивида и общества по таким системообразующим параметрам, как пространство, время, смысл существования. Отношение к итогам этого конструирования, его руководителям и жертвам породило глубокий раскол в обществе и историографии, не преодоленный до настоящего времени⁸⁴.

Рассматривая социальное конструирование как вполне естественный вызов эпохи модернизации, следует признать, что его сталинистская интерпретация была обречена на провал в силу заложенных в ней когнитивных предпосылок. Та модель общества, которая могла возникнуть (и отчасти была создана) в результате ее реализации, имела принципиальный дефект — была сконструирована и поддерживалась исключительно механическим путем (в результате принуждения), не содержала внутренних импульсов развития, более того, включала механизм торможения и негативной социальной селекции. Поэтому она могла существовать только ограниченное (по историческим масштабам) время и поддерживаться при наличии ряда предпосылок.

Важнейшей из них была информационная сегрегация общества, при которой все оно разделялось на резервации, режимы и страты по линии доступа к подлинной информации, причем этот доступ имел тенденцию постоянного сужения во времени. Вся схема могла работать только при нескольких фундаментальных допущениях: закрытый характер общества и информационной картины мира; полный контроль над ней в руках элиты; существование информационного дуализма

(подлинная информация — для элиты, мнимая — для общества); функционирование системы имитационных институтов и соответствующей системы социализации и когнитивной адаптации индивидов; постоянные репрессии для поддержания их существования.

Социальная адаптация включает вполне традиционный набор инструментов, важнейшими из которых оказываются идеологически детерминированная мотивация, экономическое принуждение и внеэкономическое принуждение — рабский труд в лагерях, соответствующее распределение наказаний и поощрений для фиксации режимов социальной иерархии и системы ценностей.

Сложнее обстоит дело с когнитивной адаптацией — мерой осознания смысла происходящих процессов человеческим мышлением. Трудность изучения подобных тоталитарных систем с позиции теории рационального выбора весьма показательна. Возникает принципиальный вопрос: какое поведение является рациональным в системе, построенной на тотально иррациональной основе? Ошибочным является поведение, которое следует декларированным нормам и ценностям системы (и опирается на соответствующий имитационный информационный ресурс), поскольку ведет к утрате реальных социальных ориентиров. Ошибочным является, однако, и то поведение, которое однозначно опирается на реальные принципы существования системы и предполагает знание скрытых информационных механизмов управления, поскольку разрушает имитационный информационный ресурс, — неписанные правила, на которых стоит вся система.

Выходом из когнитивного тупика становится поведение, основанное на феномене двоемыслия — смены стереотипов поведения в зависимости от ситуации обращения к имитационному или реальному информационному ресурсу. Преступление становится нормой, а отказ участвовать в нем — преступлением. Антисистемными параметрами выступает всё, что противоречит навязанной информационной монополии: стремление к открытию общества как в пространственном, так и во временном отношении (желание сравнивать, размышлять, путешествовать); покушение на официальную информационную картину мира (от слушания радио до чтения «вредных» книг); попытки преодоления информационного дуализма и поиск подлинной информации (проникнуть в спецхран, скопировать запрещенную книгу, поговорить с инакомыслящим); сознательное неучастие в имитационных акциях (праздниках и демонстрациях); новые формы социальной и когнитивной адаптации (что определялось впоследствии

как «неформальное» поведение), отрицание языка (семантики) и символики поведенческих стереотипов («кумники», «стиляги» и пр.), маргинализация интеллигенции (уход в идеологически нейтральные сферы познания — «профессионализм» или частную жизнь), со временем — отказ от подчинения неписаным (но реальным) законам системы и, напротив, демонстративное стремление жить по ее писаным (но вполне имитационным) законам, а в конечном счете — высмеивание «священных» советских символов социальной адаптации.

Деформированное информационно-коммуникативное пространство ведет к искаженной картине мира и коллапсу эффективного управления.

Современные исследователи, труды которых были опубликованы в анализируемой серии издательства РОССПЭН, наглядно показали, что собою представляет конечный продукт сталинской инженерии, насколько целенаправленно он создавался и, соответственно, насколько гибка была система на разных этапах. Тупик наступает, когда система перестает различать подлинную и мнимую информацию. В результате, чем больших успехов достигает она в контроле и подавлении, тем меньше становится ее информационная адекватность, предсказуемость и управленческая эффективность.

Сталинизм выступает, несомненно, как отклонение от нормы, если под нормой понимать опыт западных демократий Нового и Новейшего времени, — одна из форм социальных аномалий, хотя история знала, конечно, и другие. Аномалия (греч. *Anomalía*) — это «отклонение от нормы, от общей закономерности, неправильность». Социальные аномалии, вообще, возникают естественно, но от этого не перестают быть отклонением от нормы в историческом процессе человечества. В быстрой динамике социального развития система подобного типа демонстрируют неспособность к когнитивному повороту и перестройке в изменившемся мире, что ведет их к гибели. Выдающееся место сталинизма в коллекции социальных монстров вполне соответствует его исторической неповоротливости, примитивной жестокости и общему деструктивному потенциалу.

Примечания

¹ В рамках проекта в 2008-2010 гг. осуществлен перевод, издание и бесплатная рассылка 100 лучших книг российских и зарубежных авторов по истории сталинизма в центральные универсальные и университетские библиотеки страны. См.: Научно-издательский проект Фонда первого президента России Б.Н.Ельцина и издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) — «История сталинизма». М., 2009.

² Медушевский А.Н. История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Российская история, 2009, № 5. С.189-196.

³ Проблемы метода: Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009, № 10. С.70-92.

⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

⁵ Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008.

⁶ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 162–169.

⁷ Tucker R.C. Stalin In Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New-York, 1990.

⁸ Левада Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 449.

⁹ Этот набор поведенческих стереотипов представлен в кн.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; она же: Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

¹⁰ Rosenfeldt N. E. The «Special» World: Stalin's Power Apparatus and the Soviet System's Secret Structures of Communication. Copenhagen, 2009. Vol. 1-2.

¹¹ Режимные люди в СССР. М., 2009. С.349.

¹² Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А., Покивалова Т. Указ. соч. С. 663.

¹³ Этот процесс документирован в историко-публицистической литературе 1990-х гг. См.: Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Переписка на исторические темы. М., 1989; История и сталинизм. М., 1991.

¹⁴ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008. С.202–216.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.

¹⁶ Каррер Д'Анкокс Э. Ленин. М., 2008.

¹⁷ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 337

¹⁸ Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Сталина. М., 2009. С.285.

¹⁹ Государственная школа русской историографии // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. М., 2006. С. 117-119.

²⁰ Левин М. Советский век. М., 2008.

²¹ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 2008. С.311; она же: Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009.

²² Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.

²³ Ильихов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М., 2010.

²⁴ Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009.

²⁵ Кондрашин В. Голод 1932-1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С.369-379.

²⁶ Меерович М. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). М., 2008. С.196-197, 295.

²⁷ Подробнее: Красильников С. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2008.

²⁸ ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2008. С.82-89

²⁹ Там же. С.264.

³⁰ Там же. С.276.

³¹ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). М., 2010.

³² ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. С. 21.

³³ Там же. С. 238.

³⁴ Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГ а. М., 2009.

³⁵ Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 354-355.

³⁶ Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI-XX вв. М., 2009.

³⁷ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 272.

³⁸ О природе номинального права: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

³⁹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С.150.

⁴⁰ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008. С.266

⁴¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

⁴² Виола А. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2009.

⁴³ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008.

⁴⁴ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980 гг.). М., 2009.

⁴⁵ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. М., 2010.

⁴⁶ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С.214-218.

⁴⁷ Многочисленные примеры подобных суждений см. в секретных донесениях: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. М., 2000-2008. Т.1-8.

⁴⁸ Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008. С. 252-253.

⁴⁹ Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010.

⁵⁰ Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. L., 1990; Getty J.A. The Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1985; Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge, 1993; Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression In the Soviet Union. Basingstoke, 2003.

⁵¹ Например: Павлова И.В. Сталинизм. Становление механизма власти. Новосибирск, 1993.

- ⁵² Фицпатрик Ш. Указ. соч. С.230.
- ⁵³ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008. С.150.
- ⁵⁴ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2008.
- ⁵⁵ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.
- ⁵⁶ Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.,1996. С.188, 192.
- ⁵⁷ Лева Х.Д. Сталин. М., 2009.
- ⁵⁸ Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Сталина. М., 2009. С.249.
- ⁵⁹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2009. С. 328.
- ⁶⁰ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С.450.
- ⁶¹ Ватлин А. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009.
- ⁶² Люстигер А. Сталин и евреи. Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М., 2008; Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.
- ⁶³ Белковец Л. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг. Историко-правовое положение. М., 2008.
- ⁶⁴ Сталин и немцы: Новые исследования. Под ред. Ю. Царуски. М., 2009.
- ⁶⁵ Дундович Е., Гори Ф. Итальянцы в сталинских лагерях. М., 2009.
- ⁶⁶ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009. См. также: Лебедева Н. Катынь. Преступление против человечества. М., 1994.
- ⁶⁷ Зубкова Е. Прибалтика и Кремль. 1940-1953. М., 2008.
- ⁶⁸ Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2010.
- ⁶⁹ «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. Отв. Ред. О.Л.Лейбович. М., 2009; Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.
- ⁷⁰ Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А., Покивалова Т. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1948-1953): очерки истории. М., 2008. С.663-664.
- ⁷¹ Люкс Л. Указ. соч. С.369.
- ⁷² Крумм Р. Исаак Бабель. Биография. М., 2008. С.162.
- ⁷³ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М., 2002. С.187.
- ⁷⁴ Блюм А., Меспуле М. Указ. соч. С.273.
- ⁷⁵ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С.266-267.
- ⁷⁶ Rosenfeldt N. E. The «Special» World: Stalin's Power Apparatus and the Soviet System's Secret Structures of Communication. Copenhagen, 2009. Vol. 1-2.
- ⁷⁷ Мюллер Д. Общественный выбор. М., 2007. С. 550-551.
- ⁷⁸ Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008. С.8-9
- ⁷⁹ Монтефиоре С. Сталин. Двор красного монарха. М., 2005. С.158.
- ⁸⁰ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. С.340.
- ⁸¹ Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008.
- ⁸² Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930-1939 гг. М., 2009.
- ⁸³ Грегори П. Указ. соч. С. 91-99, 32.
- ⁸⁴ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. ■

ФРАНТИШЕК КРИГЕЛЬ¹

Эссе

Франтишек ЯНОУХ

Осенью 1945 г. у нас в квартире раздался телефонный звонок. Чей-то глубокий мужской голос осведомлял о моем отце: «Жив ли он? Пережил ли войну?»

Отвечаю: «Был в Освенциме и Маутхаузене, вернулся, снова работает врачом».

«Значит, ты Яноух-младший. Передай отцу, что звонил Франта Кригель. Я нахожусь в аэропорту, в Рузини, только что прилетел из Индии, лечу во Франкфурт. Вернусь через несколько дней».

Такова была моя первая «встреча» с доктором Кригелем, которую я запомнил. От родителей я узнал, что он являлся лучшим другом отца со студенческих лет. Я был еще грудным младенцем, когда они вместе по вечерам занимались изучением «Анти-Дюринга» Энгельса и обсуждали политические проблемы.

Не прошло и двух недель, как кто-то позвонил к нам в дверь. В коридоре стоял небольшого роста мужчина в серо-зеленом плаще, с улыбающимся лицом, а рядом с ним стояло несколько чемоданов и лежал какой-то мешок.

«Я — Кригель! Ты здорово вырос за этих девять лет! Могу я оставить у вас свои вещи и пожить здесь пару дней?»

Так закончился долгий путь доктора Франтишека Кригеля, в который он из той же самой квартиры отправился девять лет назад. И так началось мое личное знакомство с человеком, оставившим неизгладимый след в истории Чехословакии; человеком, начиная с 1968 года являвшимся, главной мишенью злобных нападок как чехословацких и советских средств массовой информации, так и партийных пропагандистов.

В ноябре 1936 г. мой отец, единственный из его друзей, — все должно было сохраняться в тайне, — провозжал Кригеля, уезжавшего в Испанию, на Вршовицком вокзале. Кригеля посылали туда — по его собственной просьбе, в качестве добровольца, — компартия. Кто мог тогда предполагать, что ему удастся вернуться домой только через девять лет. Домой? Да, домой, в Прагу! Ниже я расскажу, какими судьбами Кригель оказался в Чехословакии.

Франтишек Кригель родился 10 апреля 1908 г. в еврейской семье, в городе Станиславе². Отец его был мелким строителем, скорее, надсмотрщиком на стройке. Ему с трудом удавалось прокормить семью. Отец умер, когда Франтишеку было всего 11 лет. Он должен был сам зарабатывать на жизнь, так как матери было очень трудно одной растить троих детей (у Кригеля были еще брат и сестра).

В семнадцатилетнем возрасте Кригель пытается поступить во Львовский университет. Однако там существовал строгий «*pomerus clausus*»³, и еврейского юношу не приняли. Поэтому он в 1926 г. уезжает в Прагу, где в ноябре того же года поступает на медицинский факультет немецкой части Карлова университета. Выбор немецкой части объяснялся тем, что в чешской не было мест, кроме того, в семье Кригеля говорили по-немецки и по-польски, поэтому Франтишеку было легче учиться на немецком языке.

В годы учебы Кригель перебивается как может. Дает уроки, разгружает вагоны, затем подрабатывает старшим

санитаром в больнице — за целых 150 крон в месяц! Позже он рассказывал: «Часто бывало, что за весь день я выпивал только одну чашку какао и съедал кусок хлеба, которые давали в «Харите»⁴. А занимался я по ночам — насколько позволяли силы».

Не приходится удивляться, что уже с 1924 г., то есть еще в Польше, Кригель начинает работать в организации рабочей молодежи. Позже, в Праге, он становится активным членом левого студенческого движения, а в 1931 г. вступает (в Праге, в районе Жижков) в КПЧ⁵. С той поры он посвящает свое время не только учебе, но и партийной работе, состоя партийным инструктором во многих пражских рабочих организациях.

После окончания медицинского факультета в 1934 г. Кригель поступает ординатором в пражскую Первую терапевтическую клинику. К тому времени Чехословакия становится его второй родиной. В отличие от многих других эмигрантов, он говорит и пишет по-чешски так, словно родился в Чехии. Чехословакию он называл «замечательным островом демократии и культуры в Восточной Европе», глубоко любил ее, и она стала его новым домом.

Девять лет на фронтах Второй мировой войны

«Не знаю, какое впечатление производили на вас, афиняне, мои обвинители, но сам я почти что забыл, кто я таков, слушая их речи. Так убедительно они говорили. И все же не сказали ни одного правдивого слова».

Платон: Защита Сократа

1 декабря 1936 г. Кригель отправляется в Испанию сражаться с фалангистами за свободу республики, был фронтовым врачом, в 1937-м стал главврачом 45-й дивизионной интербригады.

«Международный авантюрист и майор Американской армии» — так назвал Франтишека Кригеля на пресс-конференции в Стокгольме в 1977 году, заместитель чехословацкого министра иностранных дел, Спачил. В подобных выражениях писала о Кригеле и центральная газета «Руде право», и многие другие газеты в Чехословакии. Но ложь, даже повторенная тысячу раз, не становится правдой. Врач Кригель, хоть и имел звание майора, но он не служил в американской армии. Ниже я привожу документ, вернее, его копию, заверенную чехословацким судом:

«Его Высокопрев. Дон Хуан Негрин Лопет, Президент Совета Министров и министр национальной обороны, и, от его имени, прославленный Дон Антонио Кордон

Гарсия, полковник артиллерии, заместитель начальника сухопутных войск:

Подтверждаю, что г-н Франтишек Кригель воевал в Испании, в интернациональных бригадах, в чине майора-врача, защищая свободу и привилегии испанского народа, и был бойцом 45-й дивизионной бригады.

Сейчас, когда этот майор-врач покидает землю, которую он пришел защищать, правительство Республики выражает ему посредством данного удостоверения благодарность народа, которую он заслужил в сражениях во Второй войне своей преданностью и поведением, на благо Испании, в борьбе за ее независимость.

Барселона, 28-го октября 1938 г.
Министерство национальной обороны
Антонио Кордон, собственноручно
Сухопутные войска
Канцелярия заместителя начальника сухопутных войск
257/1».

Кригель служил в Испании до февраля 1939 года и покинул побежденную страну, будучи комиссаром одного из последних подразделений интербригады. На испанско-французской границе Кригель передал флаг интербригад в руки испанских партизан.

С февраля 1939 г. Кригель находился во французских лагерях для военнопленных — сначала в Сан-Сиприен, позже — в Гурс.

В послевоенные годы среди старых писем я нашел открытку, отправленную Кригелем из Франции весной 1939 года. В ней он просил, чтобы мы выслали ему его медицинский диплом, который он, уезжая, оставил у нас на сохранение. Это была последняя весточка от Кригеля — потом он надолго исчез из виду, ибо началась Вторая мировая война.

Вторая родина Кригеля — Чехословакия — была оккупирована Гитлером 15-го марта 1939 г., поэтому стало невозможно вернуться домой. Кригелю — коммунисту и антифашисту — не так-то просто было решить, что же делать дальше.

В то время в полном разгаре шла китайско-японская война. Руководство Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1938 г. обратилось к коммунистам с воззванием, в котором, кроме всего прочего, говорилось: «...Освободительная борьба китайского народа является важнейшей частью всеобщей борьбы мирового пролетариата и всего передового человечества против насилия варварского фашизма и японского милитаризма».

В воззвании далее говорилось, что основная задача коммунистов — собирать средства в помощь Народной армии Китая, а также — отправлять амбулатории, врачей и медсестер в Китай (тогда у власти там находился гоминьдан во главе с Чан Кайши).

Позже «Руде право» и другие чехословацкие газеты постоянно муссировали эту тему: Кригель, мол, воевал на стороне Чан Кайши и даже был его личным врачом. Эти газетчики даже не удосужились заглянуть в энциклопедию и узнать, что в конце 1930-х годов компартия Китая и гоминьдан создали единый фронт для борьбы с японскими милитаристами, жаждавшими захватить Китай, и что именно Чан Кайши как лидер правящей партии — гоминьдана (кстати, созданной в 1912 г. Сунь Ятсеном) был также и генералиссимусом и возглавлял Китайскую народную армию. Кстати, в армии Чан Кайши вместе с другими интернационалистами против японцев сражались и советские военные, летчики и мн. др.

Летом 1939 г. Норвежский комитет помощи демократической Испании, в сотрудничестве с Норвежским Красным Крестом, предоставили средства на покупку лекарств и медицинского оборудования для отправки в Китай. В помощь Китайскому Красному Кресту были направлены и медицинские работники — добровольцы, воевавшие в Испании. Тот же Норвежский комитет закупает билеты на пароход, плывший из Марселя в Гонконг, для двадцати врачей, среди которых был и д-р Кригель. Находился среди них и брат писателя Эгона Эрвина Киша — д-р Бедржих Киш. Врачи-добровольцы отплывали на пароходе AENEAS 12 августа 1939 года. В Гонконг они прибыли 13 сентября. Их встретила вдова Сунь Ятсена (позже, после победы Мао, она станет заместителем председателя КНР Сун Цин-лин). Госпожа Сун помогла группе врачей, в которой был также д-р Кригель, связаться с Чжоу Эньлаем, который в то время являлся представителем компартии Китая во временной столице — Чунцине. В течение всего пребывания в Китае деятельностью врачей руководила КП Китая — я хочу подчеркнуть именно это обстоятельство, поскольку пражские пропагандисты постоянно называли Кригеля международным авантюристом именно за его работу в Китае во время китайско-японской войны.

После нападения Германии на Советский Союз Франтишек, Кригель обратился в советскую военную миссию в Чунцине, с тем чтобы ему помогли вступить добровольцем в Красную Армию. Однако эта просьба чешского врача была воспринята крайне холодно — до самого окончания войны он не получил никакого ответа на свое заявление.

В необычайно тяжелых и примитивных условиях (врачи-добровольцы обязались жить и питаться так

же, как китайские солдаты) Кригель организует военное медицинское обслуживание, обучает медицинский персонал и передает китайцам свой богатый опыт, приобретенный во время войны в Испании. До Рождества 1942 года Кригель находился в госпитале Чунцина. К тому времени японцы заняли все китайские порты, и отрезали китайские войска от военного снаряжения и продовольствия, поставляемых союзниками. Для транспортировки оставался лишь последний путь, который вел через индийский Ассам в юго-западный Китай. Поскольку этот ассамский (бирманский) путь имел жизненно важное значение для снабжения Китая военной техникой, китайская армия направила туда свои войска, чтобы совместно с американскими, английскими и индийскими войсками отразить наступление японцев. Туда, в тропические джунгли, по распоряжению КП Китая вместе с китайскими подразделениями полетели и несколько врачей-добровольцев, бывших интербригадцев, и среди них Франтишек Кригель. Однако ни д-р Кригель, ни другие врачи-интернационалисты не были военнослужащими китайской армии, руководили же этой бирманской операцией представители американской армии. Поэтому Китайский Красный Крест договорился с американцами, чтобы врачи-добровольцы числились по договору (contract surgeon) в американской армии, но сражались в китайских подразделениях.

За свою высокую врачебную квалификацию, а также за самоотверженность и героизм д-р Кригель получил наивысшую награду, которую в США дают штатским лицам, — Emblem for Meritorious Civilian Service («Медаль за выдающиеся заслуги в гражданской службе»). В наградном листе говорилось: «Д-р Кригель проявлял необычайную инициативу, исключительное усердие, выдающееся чувство долга и высокие профессиональные качества при выполнении заданий» (30-го октября 1944 г.)

В репортаже, опубликованном в 1944 г. американская газета «The Saturday Evening Post», о деятельности д-ра Кригеля в Китае писала следующее: «...д-р Кригель, врач, работавший по контракту, польского происхождения, говорящий на пяти языках, включая китайский... полковник Браун характеризует его как одного из самых храбрых людей, с которыми он когда-либо встречался... Кригель три года воевал в республиканских войсках в испанской гражданской войне, и после этого три года работал врачом в китайской армии. Он шел сразу вслед за японскими танками и оказывал помощь раненым китайцам прямо под пулями. В одном из сражений он оказал помощь на поле битвы 46-ти китайским солдатам, несмотря на то что вокруг шел ожесточенный бой.

Врач Кригель не хочет говорить о своей работе в ту ночь, но с восхищением рассказывает о китайском солдате, выстрелившем четыре противотанковых снаряда, которые попали в танк и уничтожили его экипаж. Он говорит, что китайские солдаты — как дети. Но при этом они — смелые и мужественные. Они сражаются, как настоящие мужчины, а если получают ранение, они ведут себя тоже, как мужчины, воспринимая врачебную помощь с терпением и благодарностью. Это самые отважные и непритязательные солдаты, каких ему когда-либо приходилось видеть. А поскольку у Кригеля есть опыт, так как он имел дело с солдатами разных национальностей, то его словам надо верить...».

Франтишек Кригель остался на бирманском фронте до самого конца Второй мировой войны, на Дальнем Востоке закончившейся 3 сентября 1945 г. капитуляцией Японии. Хочу привести здесь заключительную характеристику Кригеля, данную ему командующим медицинской службы:

Seagrave hospital unit, 896 Clearing Company,
US Army®

3-го июня 1945 г.

<...> врач, д-р. Ф. Кригель служил по контракту в данной воинской части три месяца, но был связан с ней в течение трех лет. Большую часть времени д-р Кригель находился на полях сражений и переносил неописуемые трудности, работая в американских и китайских частях под постоянной угрозой со стороны противника. Несмотря на это, он проявил себя как чрезвычайно активный и способный человек.

Деятельность д-ра Кригеля в воинской части заслуживает самой высокой оценки: его отношение к части и к ее военным задачам было в наивысшей степени лояльным. Кригель — выдающийся хирург и опытный радиолог, однако, он не избегает ни малых, ни больших задач, особенно, когда он работает в китайских частях. Д-р Кригель является замечательным руководителем; его чрезвычайно высокие моральные качества всегда являлись примером для офицеров и солдат этого подразделения: американцев, англичан, бирманцев, китайцев.

Подпись:
Гордон. С. Сиграв,
Подполковник медицинской службы,
командующий».

В Праге

Редко случается, чтобы служебная характеристика так точно отражала сущность человека и была по-прежнему актуальной в последующие годы. Послевоенная деятельность д-ра Кригеля в Праге, продолжавшаяся в течение тридцати лет, полностью подтвердила оценку, данную ему командующим медицинской службы, подполковником Сигравом.

После своего возвращения в Прагу д-р Кригель хотел посвятить себя медицине. Когда я сегодня размышляю об этом, обращая взгляд в прошлое, то мне кажется, что подобный путь оказался бы для Кригеля гораздо проще, без всех проблем и трудностей, ожидавших его в послевоенной Чехословакии. Карлов университет наверняка заполучил бы эрудированного профессора и педагога, а опытный врач Кригель без сомнения имел бы широкий круг благодарных пациентов... Но разве нашелся бы человек, который мог бы рассуждать столь рационально осенью 1945 года, в Праге, где разгорались политические бои и где каждый считал своим долгом ликвидировать последствия войны и включиться в строительство новой, более справедливой и демократической республики?

После нескольких недель споров и дискуссий со старыми друзьями, стремившимися убедить Кригеля вернуться в политику, он наконец принял решение заняться политической деятельностью. Один из ведущих и ответственных работников пражской организации КПЧ, Кригель принимается за порученное ему дело со свойственной ему энергией.

Он был строг к себе и к другим людям, предъявлял высокие требования к своим подчиненным, не переносил халтурщиков, презирал поверхностное отношение к делу, бездарность. Он умел строго наказывать, но умел также быть внимательным и заботливым. Я вспоминаю, как однажды он пришел домой довольно поздно, и двери нашей квартиры оказались запертыми изнутри на цепочку. Боясь нас разбудить, он подстелил на лестнице газету и, сидя на ней, стал дожидаться утра.

В феврале 1948 г. Кригель был избран одним из секретарей пражской организации КПЧ и заместителем начальника штаба Народной милиции. Обе эти организации сыграли важную роль в февральских событиях 1948 г. (начальником штаба Народной милиции являлся генерал Йозеф Павел, который потом, в период «пражской весны» 1968 г., стал министром внутренних дел).

В 1949 г. правительство назначило Кригеля заместителем министра здравоохранения. На этом посту он оставался до начала 1952 г., когда его, без какой-либо

мотивировки и практически сразу же, выгнали с работы в министерстве.

Фактически его трудности начались уже в конце 1951 года. Тогда в Чехословакии готовились — под руководством советников, присланных из Москвы, — политические процессы. Еврейское происхождение и весь жизненный путь Кригеля делали его подозрительным в глазах параноидных политиков и полицейских ищек из органов безопасности.

Кригеля стали постоянно вызывать на допросы. Допрашивали о его деятельности в Испании и в Китае; следователей раздражало его еврейское происхождение, его высокий профессиональный уровень, знание многих языков (Кригель говорил свободно на чешском, польском, немецком, английском, русском, французском, испанском языках, даже немного знал китайский), его международные контакты и знакомства, и бог знает что еще... За друзьями и знакомыми Кригеля организована слежка, к ним постоянно наведываются работники органов безопасности, стараясь выведать какие-нибудь сплетни и отыскать какие-либо материалы, компрометирующие его. Я вспоминаю, с каким негодованием говорил об одном таком посещении мой отец: он заявил такому «референту» из органов, что никогда не встречал более честного и самоотверженного коммуниста и человека, чем Кригель.

Таким образом, в марте 1952 г. Кригель стал безработным. Через какое-то время он устроился работать рядовым врачом на завод «Татра». Затем этот 45-летний майор-врач и шеф медицинской службы 45-й дивизионной интербригады стал рядовым ординатором в пражской Виноградской больнице. И повсюду, где бы он ни работал, коллеги любили его, а пациенты относились к нему с доверием и уважением. Несмотря на то что Кригелю уже было за пятьдесят, он с неимоверной, свойственной ему энергией начал изучать новые медицинские дисциплины, специализируясь на ревматологии. В 1958 г., когда в Чехословакии появляются первые признаки «десталинизации», он становится главным врачом, а позже — заместителем директора института ревматологии, профессора Леноха. В 1960 г. Кригель защищает кандидатскую диссертацию в области ревматологии.

В 1957-58 гг. начинается постепенная реабилитация Франтишека Кригеля. В 1957 г. он был награжден орденом «25-го февраля» I степени за активное участие в Февральских событиях 1948 года. Позже он удостоен ордена Красной Звезды — за заслуги в интернациональных бригадах в Испании. В 1958 г. Кригеля награждают Орденом Труда.

В 1960 г. в Прагу приехала кубанская. Один из ее членов разыскал Кригеля, — он знал Франтишека еще по Испании. Несколько месяцев спустя Кригель уехал на Кубу в качестве консультанта кубинского правительства по вопросам здравоохранения. В Гаване Кригель пробыл до конца 1963 года Кубинское правительство высоко оценило помощь чешского доктора в создании на Кубе новой системы здравоохранения. Правда, усилия Кригеля не всегда были успешными, — но разве революция в своей начальной фазе прислушивается к советам? Он стремился к тому, чтобы здравоохранение на Кубе по возможности избежало тех недостатков и промахов, которыми страдала чехословацкая система здравоохранения, которую он сам помогал создавать. С этими недостатками ему пришлось столкнуться на собственном опыте, когда он работал простым врачом в Праге.

После возвращения в Чехословакию партийное руководство решило избрать Кригеля депутатом Национального Собрания⁷. Уже с самого начала, когда его кандидатура только обсуждалась в партийных организациях, Кригель заявил, что у него есть своя точка зрения на роль парламента в демократической стране, и если его изберут, он будет отстаивать в Собрании свои взгляды. Кригеля избирают депутатом Национального Собрания, больше того — он становится председателем президиума и председателем иностранного комитета. Перед заседанием XII съезда КПЧ Антонин Новотны⁸ пригласил к себе Кригеля и предложил ему стать членом ЦК КПЧ (при тогдашней политической системе первый секретарь компартии ЧССР мог действительно предлагать занять освободившееся место члена ЦК, и это предложение почти всегда встречалось положительно). Кригель и тут, поблагодарив Новотного за доверие, не мог не заявить, что и в ЦК он будет открыто высказывать свои взгляды и критиковать те многочисленные недостатки и ошибки, которые ему приходится наблюдать.

«Пражская весна»

В 1964-67 гг. Кригель весьма активно занимается политической деятельностью, принимает участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и Межпарламентской Унии. Вскоре он становится одним из наиболее активных членов президиума Национального Собрания, прилагая огромные усилия, чтобы превратить парламент ЧССР в настоящий политический орган, способный играть в государстве надлежащую ему роль, а не являться лишь послушной марионеткой и подчиняться воле партийного аппарата.

Например, по инициативе Кригеля депутаты парламента теперь имеют право обращаться с особым видом депутатского запроса — интерпелляцией к правительству. Кригель требует «...повысить контрольную и критическую функции парламента, даже если министрам это придется не по вкусу». Он критикует сложившееся положение, когда «депутаты парламента и часто даже сами министры узнают из ЦК КПЧ об изменениях в составе правительства и о важных решениях буквально за полчаса до заседания парламента» (стенограмма заседания президиума Национального Собрания от 8.12.1965). На другом заседании президиума Кригель выступает с требованием: «массы должны знать, как мы попали в такую тяжелую экономическую ситуацию и как найти выход из нее. Общественность имеет право на правдивую информацию... Необходимо обеспечить, чтобы, в соответствии с законной Конституцией, Национальное Собрание принимало активное участие в создании новой системы народного хозяйства, чтобы оно не избегало серьезных дискуссий с членами правительства и чтобы правительство находилось под контролем парламента...» (стенограмма заседания президиума Национального Собрания 12.1.1965). Не приходится удивляться, что приведенные здесь и последующие выступления Кригеля не могли не приводить к его конфликтам с властью. Несколько раз казалось, что ему придется покинуть политическую арену.

ЦК КПЧ Кригель не мог не выступать с острой критикой. Он старался дать открыто политический анализ сложившейся в стране ситуации, предлагал конкретные изменения. В 1967 г. Кригель стал прямо говорить о глубоком кризисе в самой КПЧ. (При этом он опирался на результаты одного из первых социологических исследований, проведенных в КПЧ, и говорил о необходимости радикальных реформ.)

Наряду с политической деятельностью Франтишек Кригель продолжает работать как врач. С 1965 г. он — главврач терапевтического отделения Томайеровской больницы в пражском районе Крч., работал в больнице почти каждый день, часто проводя там вечера и ночи, чтобы возместить время, потраченное на политическую работу. Он отличался незаурядной работоспособностью, которой могла позавидовать даже молодежь.

Неудивительно, что деятельность Кригеля, его выступления и взгляды вызывали острые конфликты с председателем Национального Собрания Лаштовичкой, с секретарями ЦК КПЧ и партаппаратчиками, с отдельными членами президиума ЦК. Поэтому совершенно естественно, что в кризисной ситуации, наступившей в КПЧ в начале 1968 года, Кригель в апреле 1968 г. был избран

членом президиума ЦК КПЧ и стал председателем ЦК Национального фронта ЧССР.

Кригель приступает к выполнению обеих функций со всей ответственностью и серьезностью. Пост председателя Национального фронта был довольно затруднительным: было неясно, какую политику надо проводить на практике? Национальный фронт должен был отражать плюралистическую политическую систему, которую в то время требовала ввести Программа действий КПЧ. Но было непонятно, как осуществлять на деле этот «плюрализм». После долгих лет политической стагнации и подавления всех инакомыслящих к власти начали рваться самые различные политические партии. Так, например, подняла свой голос социал-демократическая партия, которая в феврале 1948 г. была насильно присоединена к КПЧ, а десятки тысяч ее членов либо подверглись репрессиям и были брошены в тюрьмы, либо преследовались без суда. Партии Национального фронта, игравшие при Новотном лишь роль марионеток, теперь предъявляли требования на большую самостоятельность. Давали о себе знать также представители Клуба ангажированных беспартийных организаций. И при этом необходимо было внимательно следить, чтобы все эти организации не слишком раздражали советское руководство. Тем не менее конфликт с руководством ЧССР продолжал углубляться, все больше разгораясь и усиливаясь.

Но даже в это напряженное время Кригель не перестает работать в больнице. Он всегда считал и хотел показать это на деле, что человек не может быть политиком на всю жизнь, что у политика должно быть свое собственное дело, профессия, чтобы можно было вовремя и беспрепятственно оставить политику. В июне 1968 г. я беседовал с ним о его будущем в роли политика: после XIV съезда КПЧ Кригель не хотел выставлять свою кандидатуру на пост члена президиума, так как считал, что пора уступить место молодежи. В то время Франтишеку исполнилось 60 лет, и он полагал, что достиг вершины своей политической карьеры в период «пражской весны». Я старался убедить Кригеля в необходимости остаться в политике хотя бы еще несколько лет — мы не предполагали, что наш спор был уже решен — только не нами, а в другом месте и другими средствами.

Популярность же Кригеля среди людей росла. Вспоминаю, как мы встретились однажды перед его домом — Франтишек разговаривал с пожилым рабочим, встретившим его в трамвае. Рабочий не хотел поверить, что председатель Национального фронта и член президиума ЦК КПЧ ездит с работы в больницу на трамвае...

Кригель оставался единственным из известных мне политиков, кто за все годы своей политической карьеры

не разбогател и не приобрел никаких материальных благ. С 1946 года жил он все в той же скромной трехкомнатной квартире, с той же самой обстановкой. Прибавилось только книг и несколько картин. У Кригеля не было ни виллы, ни дачи. А подержанный автомобиль марки «Симка», купленный им после возвращения из Кубы, в 1977 году пришлось продать, тогда его просто «достали» слежкой органы безопасности.

Кригель требовал созвать, причем как можно скорее, чрезвычайный съезд КПЧ, который стал бы началом возрождения ЦК партии и явился бы основой новой политики реформ. Кригель указывал на необходимость контактов между рабочим классом и интеллигенцией. Он выдвигал требование, чтобы научные и технические работники играли в обществе, делающем научно-техническую революцию, более важную роль....

Своими идеями и открытыми выступлениями против «системы» Кригель удостоился ненависти не только чешских, но и советских партийных лидеров. Л.И. Брежнев требовал отстранить Кригеля от политического руководства еще до того, как была вновь введена цензура и запрещены организации КАН и K231⁹.

В августе 1968 г. д-р Кригель как-то признался мне, что после встречи с советским руководством в Чьерне¹⁰ стал страдать бессонницей — его то и дело мучили мысли о том, в каких примитивных руках находятся судьбы народов и всего человечества....

Оккупация

В воскресенье, 18 августа 1968 г., мне удалось вытащить Франтишека Кригеля на довольно длинную прогулку в лесу, на окраине Праги, — он давно не был в отпуске, чувствовал себя усталым и переутомленным. Мы обсуждали разные альтернативы дальнейшего развития политической ситуации — среди них была и угроза военного вмешательства. Кригель говорил, что опасность хоть и велика, но все же советское руководство вряд ли решится на это: ситуация теперь совсем не та, какая была в 1956 г. в Венгрии; кроме того, в ЧССР царит полное спокойствие и порядок....

На обратном пути Кригель хотел одолжить у меня что-нибудь почитать, чтобы легче было коротать бессонные ночи. Я дал ему книгу Артура Кестлера «Слепящая тьма» — он ее не читал. Через две недели, за которые мы все постарели и поумнели, он вернул мне ее со словами: «Да, это был не слишком удачный выбор за два дня перед оккупацией. Когда офицеры КГБ водили меня по подвалам здания ЦК КПЧ, а потом перевозили в СССР с места на место, у меня перед глазами все время возникали сцены из книги Кестлера...».

21-го августа, незадолго до часа ночи, меня разбудил телефон. Звонила жена Кригеля, Рива: «Нас оккупировали. Разбуди своих знакомых и приезжай!».

Ночь была страшной, полной ночных кошмаров и ужасов. К последним принадлежало и мое утреннее посещение квартиры Кригелей. Было примерно половина шестого, когда кто-то позвонил в дверь. Открываю и вижу двух мужчин в шуршащих плащах «болонья».

— Мы пришли за доктором Кригелем.

— Что вам нужно?

— Мы должны кое-что сообщить ему!

— Доктора Кригеля нет дома. Вы что, хотите его арестовать? — спрашиваю я.

Я потребовал предъявить удостоверения. Они оказались работниками органов государственной безопасности. Вели они себя несколько неуверенно — на улицах им уже пришлось столкнуться с массовыми протестами пражан...

Один из мужчин попросил разрешения позвонить по телефону:

— Говорит Ворон. Звоню из квартиры доктора Кригеля. Приказ выполнить не удалось!

То, что происходило в ту роковую ночь на заседании президиума ЦК КПЧ, было уже не раз описано в разных публикациях, причем довольно подробно. Кригель был одним из авторов постановления президиума ЦК КПЧ. Даже после того, как все члены президиума были арестованы советскими десантниками и сидели, охраняемые плохо выспавшимися солдатами, под дулами автоматов, Кригель не терял присутствия духа. Он сказал членам президиума, что им необходимо отдохнуть, так как им еще понадобится много сил; сам улегся на ковер, и через несколько минут в комнате раздался его богатырский храп. Очевидцы рассказывали мне, что спящий Кригель сильно действовал на нервы не только автоматчикам, но и следящим за порядком полковникам — слишком уж это демонстративное и бесцеремонное поведение было непривычным в столь непривычной и неоднозначной ситуации.

Кригеля, вместе с Дубчеком¹¹, отвезли на броневике (пражане прозвали такие броневики «оккупационными Чайками») в аэропорт. Кригель все время протестовал и уже по дороге добился того, что солдаты открыли окошечко броневика, чтобы можно было видеть, куда их везут. В аэропорту Рузине Кригеля, вместе со Смарковским¹² и Шпачеком¹³, посадили в военный самолет. После нескольких часов ожидания, они вылетели. Приземлились сначала в Виннице, а оттуда полетели дальше — в Москву.

Из Москвы Кригеля повезли в Калугу и поместили, в каком-то небольшом домике, в полной изоляции. Ему

не разрешали ни слушать радио, ни читать советские газеты. И он читал пьесу Бертольта Брехта «Галилей», книжку, которая случайно оказалась у него в кармане во время ареста. Наконец, дня через четыре дня, к Кригелю наведялся советский офицер высокого чина и сказал, чтобы тот приготовился к отъезду.

— Куда? — спросил Кригель. Но оказалось, что знать этого ему было не положено.

Через несколько часов Кригеля на машине привезли в Кремль. Позже Франтишек вспоминал, что когда его вели по кремлевским коридорам и комнатам, полным офицеров, партийных функционеров и аппаратчиков, наступила мертвая тишина. Его разглядывали с нескрываемым любопытством, словно это было какое-то странное животное или вообще инопланетянин. За спиной он услышал, как люди перешептывались: «Это Кригель! Ведут Кригеля!»

В Кремле Кригелю дали прочитать предварительный текст протокола о встрече руководства КПСС и КПЧ, требовали, чтобы он подписал его. Внимательно прочитав протокол, Кригель сказал:

— Но я не могу этого подписать. Это был бы конец независимости Чехословакии. Кроме того, ни у кого из нас нет конституционного права подписывать столь далеко идущие обязательства....

К Кригелю подошел Дубчек и спросил его: что же им делать? Кригель предложил, чтобы «делегация» хотя бы на несколько часов вернулась в Прагу, нужно созвать бы Национальное Собрание, ЦК и представителей всех областей и районов республики, чтобы посоветоваться с ними.

Но тут подбежал взбешенный Гусак¹⁴ и злобно закричал на Кригеля: «Ну что, ты так и не подпишешь?!» — и так же быстро исчез, не дожидаясь ответа.

Наконец подошел Людовик Свобода¹⁵. Он настаивал, чтобы Кригель подписал протокол. Кригель отказывался. Тогда Свобода стал кричать, что вот он, мол, старый человек, уже видел на своем веку горы трупов и не хочет видеть их снова, и что Кригель должен подписать. Кригель протестовал: «Вы не имеете на меня кричать, я вам не мальчишка!»

Таким образом, Московский протокол так и остался без подписи Кригеля. Чехословацкие пленники, как бы одним взмахом волшебной палочки превратившиеся в кремлевской метаморфозе в «официальную делегацию на высшем уровне», собрались уезжать. Кремлевские режиссеры украсили флагами улицы и проспекты, ведущие на Внуковский аэродром, и послали туда толпы ликующих москвичей. Но делегация почему-то задерживалась. Видимо, что-то произошло.

Оказалось, что перед самым отъездом Брежнев заявил Дубчеку: Кригель останется в Москве, иначе чехи сделают из него национального героя. Однако Дубчек и Свобода воспротивились: мол, они не могут вернуться в Прагу без Кригеля, без него они не уедут. Наконец, после некоторого препирательства, советское руководство сдалось: «Хорошо, забирайте своего Кригеля! Он будет ждать вас в аэропорту».

Отказавшись подписать протокол, Кригель, не рассчитывавший, что ему разрешат вернуться в Прагу, попросил своих чехословацких коллег позаботиться о его жене Риве («она — женщина скромная и непритязательная»). Потом, под охраной вооруженного конвоя, его отвезли на Внуковский аэродром. Там его посадили в самолет, находившийся на дальней, на взлетной полосе. Кригель думал, что его отправляют куда-нибудь в Сибирь. Но наконец, после долгих часов ожидания, самолет, раскаленный под жарким московским солнцем, пригнали к зданию аэровокзала, натянули перед ним красную ковровую дорожку, установили микрофоны — и через несколько минут появилась чехословацкая делегация вместе с советскими сопровождающими лицами.

Наверное, ничто не характеризует лучше атмосферу «братства и взаимного доверия», царившую тогда в Москве, как этот небольшой эпизод. Приехав в аэропорт, Дубчек и Свобода тотчас же спросили: где же Кригель? Брежнев ответил им, что тот уже находится в самолете. Тогда Свобода послал вперед своего секретаря, чтобы убедиться, что это — правда. Свобода и Дубчек боялись сесть в самолет без Кригеля — потом уже трудно будет что-либо изменить, вернуться же в Прагу без Кригеля чехословацкое руководство тогда бы не решилось.

Еще в самолете было принято решение сохранить в тайне тот факт, что Кригель, единственный из членов партийного и государственного руководства, не подписал Московский протокол, одним из пунктов которого как раз было требование, чтобы Франтишек Кригель немедленно покинул пост председателя ЦК Национально-го фронта и пост члена президиума ЦК КПЧ.

Нормализация

Потомки не смогут постичь, почему нам снова пришлось жить в такой густой тьме, после того как однажды уже настал свет.

КАСТЕЛЛИО

Об искусстве сомневаться (De Arte Dubitandi)
1562 г.

Этот эпиграф к заключительной части биографии Кригеля выбран мною не случайно. Он взят из книги Стефана Цвейга «Совесть против насилия»¹⁶, переведенной на чешский язык и изданной в Праге в 1970 году. В этом историческом романе описан средневековый конфликт между гуманистом Каstellлио и религиозным фанатиком Кальвином, а также жизнь в средневековой Женеве. Книга немедленно стала бестселлером и была тут же распродана. Когда в Праге в 1972 г. проходили массовые обыски, то, найдя эту книгу, полиция ее конфисковала. Этому нечего удивляться: описанная Цвейгом Кальвиновская диктатура в Женеве словно списана с «нормализации» в Чехословакии. «...во всех домах разом открылись двери, а стены вдруг стали прозрачными. В любой момент, днем и ночью, в ворота могут резко постучать, и появится член религиозной полиции для «досмотра», причем горожанин не может ему помешать. В ордонаксах говорится: «Следует располагать достаточным временем, чтобы не спеша вести расследование»... благочестивый полицейский идет по дому все дальше. Он влезает в книжный шкаф: нет ли там какой-нибудь книги без штампа августейшей цензуры консistorии... А вскоре к этим официальным или платным надсмотрщикам присоединяются бесчисленные добровольцы, что делает эту уже саму по себе невыносимую слежку еще более невыносимой. Потому что везде, где государство терроризирует своих граждан, процветает отвратительное явление — добровольный донос. Там, где в принципе разрешается и даже поощряется доносительство, честные в обычных условиях люди из-за страха сами становятся доносчиками...».

И все, все в Женеве, как и в Праге, запрещено:

«...Запрещено без разрешения печатать книгу, запрещено писать за границу, запрещено искусство во всех своих формах, запрещены иконы и скульптуры, запрещена музыка... запрещены, разумеется, даже проблески духовной свободы в печатном или устном слове. И запрещена — как высшее из всех преступлений — любая критика диктатуры Кальвина: под звук барабанов настоятельно предостерегают «говорить об общественных делах иначе, чем в присутствии Совета».

Методы, приемы и противники не изменились: точно так же как и в Средневековье, в кальвинистской Женеве, в современной Чехословакии совесть, свобода и толерантность противостоят фанатизму, террору и насилию. Лишь изменилась терминология: вместо еретиков теперь — ревизионисты, или предатели; партийные чистки

и органы госбезопасности заменили инквизицию. Вместо консistorии теперь — Управление по делам печати, а вместо Священного писания — собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма. «Когда я размышляю, что же такое еретик, я не нахожу ничего иного, кроме того, что мы называем еретиками всех, кто не согласен с нашим мнением», — написал Себастиан Каstellлио в XVI веке. Разве все это не является правдой также и сегодня?

Осенью 1968 г. Кригель был отстранен от членства в Президиуме ЦК КПЧ, а также — снят с поста председателя Национального фронта. Вслед за этим его постепенно лишили всех остальных функций. Кригель — единственный из четырех депутатов Национального Собрания — голосовал против договора о пребывании советских войск в ЧССР. В мае 1969 г. Кригель был исключен из компартии. Его выступление на заседании ЦК КПЧ привлекло большое внимание мировой печати, во многих тысячах экземпляров оно было также распространено в ЧССР. В своем выступлении Кригель заявил: «Как известно, я отказался подписать так называемый Московский протокол. Отказался потому, что видел в нем документ, который всесторонне связывал руки нашей Республике. Отказался подписать его потому, что подписание происходило в атмосфере военной оккупации Республики, без консультирования с конституционными органами власти и в противоречии с волей людей нашей страны. Когда в Национальном Собрании было предложено ратифицировать Договор о временном пребывании советских войск на территории ЧССР, то я голосовал и против этого, ибо это противоречит принципам Хартии Организации Объединенных Наций, то есть противоречит принципа добровольности. Подписание договора происходило в атмосфере политического давления и давления власти, при обстоятельствах, которые несовместимы с принципами сосуществования социалистических государств и с международными договорами. Подписание договора происходило в присутствии чужеземных солдат и могучей военной техники. Договор был написан не пером, а дулами пушек и автоматов».

Повод для клеветнической кампании, направленной против Кригеля, дал сам Густав Гусак. В своем выступлении на заводе ЧКД¹⁷ весной 1969 г. этот лукавый лидер партии заявил, что «не будет ani kráglvat, ani krieglovat...»¹⁸. Центральная газета «Руде право» сразу же присоединилась к кампании, напечатав скандальную статью под заголовком «Без угрызений совести и не краснея, с подзаголовком: «Герой» с ореолом славы и что за этим скрывается». Кригель подал на газету в суд, требуя напечатать опровержение клеветнических

нападков. Судебный процесс не мог иметь более подходящего названия: «Kriegel kontra Moc» («Кригель против власти»). Дело в том, что фамилия шеф-редактора газеты была как раз Моц (что по-чешски означает «власть»). И поскольку Станислав Моц действительно представлял в своем лице полную и безоговорочную власть партии и правительства, то не удивительно, что Кригель, в конце концов, проиграл этот процесс.

В 1970 г. Кригеля отстранили с поста главврача и, против его воли, отправили на пенсию. Он и его жена продолжали жить в Праге, окруженные уважением и любовью друзей, но органы безопасности не оставляют его без внимания, его телефон прослушивается, почта конфискуется, а самого «контру» постоянно вызывают на допросы. Ему присылают угрожающие анонимные письма, инспирированные «Тайной полицией». Клевета вокруг Кригеля растет как снежный ком.

Но ничто не может «вышибить» Кригеля «из седла», и тогда в квартиру, находящуюся под непрерывной слежкой полиции, в ноябре 1976 г. среди бела дня врываются два человека в масках и нападают на жену Кригеля, пытаясь задушить ее.

Через какое-то время, когда могло показаться, что Франтишек Кригель совсем ушел с политической арены, снова раздался его голос, ставший еще более сильным и решительным. Вместе с несколькими, тоже бывшими, членами ЦК КПЧ он обращается к Национальному Собранию с требованием освободить политических заключенных. Он посылает поздравление к 80-летию Долорес Ибаррури. Когда умирает Чжоу Эньлай, Кригель приносит свое соболезнование в китайское посольство.

Восьмого ноября 1975 г. Кригель, вместе с д-р Г. Секаниновой¹⁹ и Ф. Водслоном²⁰ послали письмо Федеральному Собранию. В своем письме они потребовали, чтобы, согласно Хельсинкским Актом заключительного Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, советские войска были выведены из Чехословакии, чтобы были восстановлены суверенитет и уважение к гражданским правам в республике. Также они потребовали аннулировать все дискриминирующие меры и законы.

Хотя почта Кригеля тщательно просматривается, все же иногда, окольными путями, к нему попадают интересные письма. Например, вот это:

«Дорогой Кригель!

Я прочитал в 7-м номере «Континента» Ваше письмо. Другим, более прямым путем, оно ко мне не дошло. Хочу Вас горячо поблагодарить за сердечные пожелания и поздравления по случаю награждения меня

Нобелевской премией мира²¹. Мне было особенно приятно получить письмо от Вас, из страны, которая своей пражской весной и геройским августом так много значит для нас всех.

С глубоким уважением и пожеланием счастья

Ваш Андрей Сахаров

Москва, 11.6.1976».

Будучи старым социалистом и коммунистом, д-р Кригель в последние десятилетия своей жизни понял, насколько губителен и разрушителен любой фанатизм, насколько вредно отсутствие толерантности. В одном из последних писем, которые ему удалось переправить из Чехословакии, он внушал мне: «В связи с посещением Папы Римского Польши — но ни в коем случае в прямой связи с ним — необходимо проводить систематическую кампанию, касающуюся свободы религии, толерантности, а также других тем, затронутых Папой в своих выступлениях».

Под документом «Хартия-77»²², в числе других, стоит и подпись Кригеля. Начинаются новые допросы. У Кригеля отбирают водительские права. Ему угрожают лишением чехословацкого гражданства. Угрожают, что отключат телефон. В своем эксклюзивном интервью для испанской коммунистической газеты «Мундо Обреро», посвященному десятой годовщине оккупации Чехословакии, Кригель описывает свое положение так:

«Письма ко мне доходят нерегулярно, некоторые не доходят вообще, иные — с опозданием в несколько месяцев. У меня отрезали телефон, я не могу поехать за границу, так как власти отобрали у меня заграничный паспорт. Вот уже почти год перед дверью нашей квартиры сидят двое полицейских в униформах. Они днем и ночью записывают всех, кто приходит ко мне в гости, регистрируют время их прихода и ухода. До недавнего времени перед нашим домом — кроме этих двух полицейских — стояла машина с тремя штатскими, которая следовала за мной повсюду, даже в магазины, на концерты и т. д. Если я останавливался и говорил с кем-нибудь, то они идентифицировали этого человека и фотографировали...».

Весной 1977 г. Кригель вместе с другими людьми, подписавшими «Хартию-77», становится мишенью клеветнической кампании, какой ЧССР еще не видывала. Кригель — главный на прицеле. Нападки на него — наиболее грубые и злостные. Так, например, 19 февраля 1977 г. штрейхеровский²³ потомок Кнотек заявил в телевизионных новостях, что «Франтишек Кригель повел себя как Иуда... ведь он, в конце концов, из того же самого рода». В передаче Чехословацкого радио, называвшейся «Кто такой доктор Кригель?» (текст потом был

перепечатан во многих чешских газетах), авторы зашли так далеко, что постарались поставить под сомнение членство Кригеля в КПЧ. В передаче говорилось: «Кригеля рекомендовал в КПЧ Отто Шлинг²⁴, бывший секретарь областного комитета в Брно, разоблаченный и осужденный как враг социализма, сионист и агент капитализма». Это утверждение вызвало бурю протестов не только в самой Чехословакии, но и за границей. Вдова невинно казненного Р. Сланского²⁵ обратилась в Верховный суд ЧССР с вопросом: действует ли до сих пор реабилитация для невинно осужденных людей?

Да, реабилитация все еще должна была действовать. Может, Густав Гусак и сам внезапно осознал, что такой выпад против Кригеля мог бы ударить и по нему самому, ведь и он сам мог бы снова стать «буржуазным националистом и изменником Родины». Через несколько дней эта позорная кампания начала затихать, а газета «Руде право» свалила все якобы на существующую в ЧССР свободу печати: мол, каждый может писать, что хочет...

Само собой, что никакая грязная кампания не могла повредить авторитету и репутации Франтишека Кригеля. Один из его друзей написал: «С Тобою все в порядке, покуда Тебя стараются очернить. Это признак, что люди Тебя не забывают». Для друзей и знакомых Кригель всегда был неиссякаемым источником трезвого оптимизма и хорошего настроения — он умел не только утешать и давать советы, но также помогал людям как опытный и самоотверженный врач.

В одном из своих интервью Кригель говорил: «Я мечтаю, чтобы еще до окончания двадцатого века мы бы могли увидеть мир, состоящий из равноправных государств, где людям будут обеспечены полные гражданские и человеческие права». О положении в Чехословакии он заявил: «люди молчат, но в них растет внутренняя ненависть к режиму...». Что же касается его взгляда на будущее, то Кригель «оптимист, но не пророк». Но разве человек должен быть пророком, чтобы еще со времен кальвинистского режима не знать вот это? «...Но так же как после всякого наводнения вода должна схлынуть, так и всякий деспотизм устаревает и остывает; только идея духовной свободы, идея всех идей и поэтому ничему не покоряющаяся, может постоянно возрождаться, ибо она вечна как дух. Если кто-то извне на какое-то время лишает ее слова, она прячется в глубинах совести, недостижимых для любого вторжения. С каждым новым человеком рождается новая совесть, и кто-то всегда вспомнит о своем духовном долге — возобновлении давней борьбы за неотъемлемые права человечества и человечности...» (С. Цвейг).

Юбилей

10-го апреля 1968 г. в квартиру на пятом этаже дома номер 16, что «На Сметанце», начали приходить люди с поздравлениями. Юбиляра, однако, не оказалось дома — он как раз находился на работе, в больнице. Полуметровый куст азалии от Чехословацкой народной партии, предназначенный для председателя Национального фронта, а также десятки телеграмм и писем, должна была принять жена юбиляра. Тут было и письмо от президента Свободы, в котором сообщалось о награждении д-ра Кригеля Орденом Республики.

Ровно 10 лет спустя в ту же самую квартиру снова начали приходить люди, желающие поздравить юбиляра. На сей раз перед дверью квартиры Кригеля стоял столик, а за ним сидели двое полицейских в униформах. На столике стоял передатчик, лежала тетрадка. В тетрадку они записывали всех посетителей, а по передатчику сообщали, кто приходил, в машину для слежки, днем и ночью стоявшую перед домом.

Несмотря на открытый полицейский надзор, поздравить д-ра Франтишека Кригеля с 70-летием пришло почти двести человек. Письменные поздравления приходили и из Чехословакии, и из-за границы. Например, вот одно из них:

«Дорогой доктор Кригель, примите, пожалуйста, наши самые сердечные поздравления к Вашему 70-летию. Я с восхищением отношусь к Вашей борьбе за демократический социализм.

Стен Андерссон, генеральный секретарь Шведской социал-демократической партии.

Режим Гусака тоже не остался в долгу, не упустив случая «поздравить» Кригеля — единственного чехословацкого политика, имевшего смелость сказать НЕТ брешневскому диктату в августе 1968 года. А так как полиция не хотела действовать открыто, то нашла иной способ, как послать Кригелю свои «визитные карточки»:

«К твоему семидесятилетию — только самое худшее. Просто непонятно, как долго могут смердеть жиды».

Птачек

«Израильские фашисты тебе, наверное, дадут золотую Иудову звезду. Пеликан²⁶, может, напишет оду в твою честь в Свободной Европе, а от нас — только плевков».

Интернационалисты

«Если бы не было таких, как ты, то Хартия могла бы иметь большее доверие и успех, — так как наш народ уже давно не верит евреям».

« Нам до сего дня стыдно, что человек с твоим происхождением и прошлым авантюриста мог стать председателем Национального Фронта».

Граждане социалистической страны

В мае 1978 г. в Мадриде состоялся торжественный ужин в честь 70-летия д-ра Франтишека Кригеля, почти 10 лет своей жизни воевавшего на фронтах Второй мировой войны. Организатором вечера был Центральный комитет Коммунистической партии Испании. Вечере приняли участие также представители многих других политических партий Испании, представители профсоюзов, деятели культуры и искусства.

Д-р Кригель не смог принять участия в этом вечере в свою честь — пражский режим не выдал ему заграничный паспорт. Несмотря на это, Кригелю удалось переправить в Испанию магнитофонную запись своего выступления, предназначенного для этого вечера, на испанском языке. Я принял участие в праздничном вечере и включил магнитофон. Все слушали выступление Кригеля с большим вниманием и волнением. Он говорил с большим достоинством, благодарил всех, кто помнил его, говорил о своей нелегкой судьбе, но считал, что до конца остался верен долгу честного человека и борца за демократию.

Похороны в Чехии

Последние три года своей жизни д-р Кригель практически провел под домашним арестом. Полицейские (церберы, как он любил их называть) почти непрерывно сидели перед дверью его квартиры. Даже когда 18 сентября 1979 г. у него случился тяжелый инфаркт, при его перевозке в больницу присутствовали и эти «церберы». Следили за Кригелем и в больнице — к удивлению и возмущению больничного персонала — полицейские в штатском.

Франтишек Кригель умер 3-го декабря 1979 года.

Даже последнее прощание с Франтишеком Кригелем не обошлось без проблем. Таковы уж наши народные традиции. Надо сказать, что с похоронами в Чехии всегда были проблемы. Вспомним хотя бы похороны Карела Чапека²⁷, Яна Оплетала²⁸ или Яна Палаха²⁹. Хотя режиму Гусака не удалось помешать похоронам Яна Смирковского, но полиция все же ухитрилась украсть урну с

пеплом усопшего политика. Похороны первого глашатая «Хартии-77», профессора Яна Паточки, скорее напоминали полицейские маневры, чем последнее прощание со старым профессором античной философии: кладбище было окружено полицейскими подразделениями, за стеной кладбища во время церемонии гремели мотоциклы Свазарма³⁰, над кладбищем летали военные вертолеты; людей на кладбище снимали скрытой камерой. Сотни людей были задержаны полицией; их документы контролировали; многих затем вызывали на допросы.

Однако еще ни один из режимов, властвовавших в Чехии с 1621 г., не позволил себе того, что позволил себе режим Гусака: запретить похороны Франтишека Кригеля. В списке поступков, за которые стыдится Европа, навсегда останется запрещение Гусаком похорон Франтишека Кригеля.

Доктор Франтишек Кригель, кавалер наивысших государственных наград, воевавший против фашизма в Испании и Японского милитаризма в Китае, занимавший наивысшие государственные посты, после своей смерти был, кремирован неизвестно когда, — по всей вероятности, 6-го декабря, и, по всей вероятности, — в Мотольском крематории, без какой-либо прощальной церемонии.

Друзьям удалось сохранить урну с прахом Франтишека Кригеля. В начале декабря 1989 г., через 11 лет после его смерти, урна была захоронена в могиле, на Мотольском кладбище.

Имя великого европейца Франтишека Кригеля навсегда сохранится в памяти и в сердцах наших граждан и в истории нашей страны.

Авторизованный перевод с чешского Ады Кольман Стокгольм, 2010-03-10

Примечания

¹ Эта статья была написана в 1976-1979 гг. и опубликована в ряде западных журналов (прим. автора).

² В настоящее время Ивано-Франковск (Украина).

³ Ограниченный прием еврейских студентов в университете (прим. перев.).

⁴ Благотворительное общество (прим. перев.).

⁵ Коммунистическая партия Чехословакии (прим. перев.).

⁶ Отделение госпиталя под руководством Г.С. Сиграва, 896-я медицинская эвакуационная рота, Американские сухопутные войска (англ.).

⁷ Чехословацкий парламент (*прим. перев.*).

⁸ Первый секретарь ЦК КПЧ (1953–1968) и президент ЧССР (1957–1968) (*прим. перев.*).

⁹ КАН — Клуб ангажированных беспартийных; K231 — Клуб бывших политзаключенных (*прим. перев.*)

¹⁰ Встреча руководителей КПСС и ЧКП в Чиерне состоялась в июле-августе 1968 г.

¹¹ Александр Дубчек (1921–1992) — первый секретарь ЦК КПЧ с 5 января 1968 до 17 апреля 1969 г.

¹² Йозеф Смрковский (1911–1974) — председатель Национального Собрания и член Президиума ЦК КПЧ.

¹³ Йозеф Шпачек (1927–2004), член руководства КПЧ в 1960-е годы..

¹⁴ Густав Гусак (1913–1991), словацкий политик, первый секретарь ЦК КПЧ (1969–1989) и президент Чехословакии (1975–1989). В 1950-х годах был приговорен после политических процессов к многолетнему тюремному заключению

¹⁵ Людвик Свобода (1895–1979), генерал, в 1968 г. назначен Брежневым президентом Чехословакии (1968–1975)

¹⁶ Книга Стефана Цвейга «Совесть против насилия: Кастеллио против Кальвина» была издана в России в 1985 г., изд. «Сов. Россия», перев. С. Гаврильченко и А. Рыбикова (*прим. перев.*).

¹⁷ ЧКД — «Чешско-моравский Колбен-Данек», один из старейших машиностроительных заводов в Праге (*прим. перев.*).

¹⁸ Игра слов: «kráglovat» означает по-чешски «ликвидировать» (*прим. перев.*).

¹⁹ Гертруда Секанинова-Чакртова (1900–1986), чешский коммунистический политик.

²⁰ Франтишек Водслонь (1906–2002), чешский коммунистический политик.

²¹ А.Д. Сахаров получил Нобелевскую премию Мира в 1975 г.

²² Документ «Хартия-77».

²³ Юлиус Штрейхер — один из главных идеологов гитлеровской антисемитской политики.

²⁴ Отто Шлинг (1912–1952), чешский коммунистический политик, казнен после инсценированного политического процесса.

²⁵ Рудольф Сланский (1901–1952), Генеральный секретарь ЧКП, казнен после инсценированного политического процесса.

²⁶ Иржи Пеликан (1923–1999) — один из ведущих чехословацких политиков в эмиграции (1968–1989), член Европейского парламента.

²⁷ Карел Чапек (1890–1938), чешский писатель.

²⁸ Ян Оплетал (1915–1939), студент Карлова университета, убитый во время демонстраций против оккупации Чехословакии.

²⁹ Ян Палах (1948–1969) студент Карлова университета, покончивший с собой путем саможжения в знак протеста против введения войск стран Варшавского Договора в ЧССР.

³⁰ Свазарм — Добровольное общество содействия армии (по типу советского Досаафа). ■

ВЫСТУПЛЕНИЕ д-ра Франтишека Кригеля на заседании ЦК КПЧ 31.5.1969 г.

Товарищи,

на сегодняшнем заседании ЦК внесено предложение исключить из состава ЦК некоторых товарищей, в том числе и меня, с мотивировкой, что я голосовал против Договора о временном пребывании советских войск на территории нашей Республики и тем самым нарушил партийную дисциплину. Мне хотелось бы сделать несколько замечаний, а именно: в мотивировке не говорится, какой орган принял постановление об этом договоре, и, насколько мне известно, на собрании членов парламента, коммунистов, не было принято никакого постановления. Поэтому мне бы хотелось, чтобы президиум ЦК подробно объяснил это обстоятельство.

Далее, хочу обратить внимание на тот факт, что до сих пор из ЦК не был исключен ни один человек, несущий индивидуальную или коллективную ответственность за то, что десятки невинных людей погибли бесславной смертью, став жертвами палачей¹; что тысячи и десятки тысяч людей были — на основании сконструированных обвинений — осуждены на долгие годы страдания в тюрьме, и что многие из них закончили там свои жизни, так никогда и не выйдя на свободу.

До сих пор из ЦК не был исключен ни один из тех, кто несет ответственность за многолетний хозяйственный кризис, доведший нас до сегодняшнего состояния; причем попытки свалить причины такого состояния на несколько месяцев прошлого года ничего не могут изменить. Так мы могли бы рассматривать один за другим различные секторы хозяйственной и общественной жизни, а также социальную проблематику, спрашивая: кто в этом виноват, кто несет ответственность за сегодняшнее безутешное положение? Ведь не секрет, что здесь, в этом

зале, сидят члены ЦК, в течение долгих лет занимающие ответственные руководящие посты, и они не могут уйти от личной или хотя бы коллективной ответственности за все, что наша общественность подвергает такой острой критике.

Вчера я с интересом слушал товарища Крайчира² и удивлялся его короткой памяти. В материалах, подготовленных для ЦК, он говорил о критической экономической ситуации. Не кажется ли тов. Крайчиру, что, поскольку он в течение 20 лет был министром, а также заместителем председателя правительства, и долгие годы был членом ЦК, то он вместе с другими должен нести ответственность за этот длительный кризис? Здесь сидят также товарищи Гендрих, Шимунек, Ленарт³ и многие другие бывшие руководящие деятели, долгие годы находившиеся в руководстве этой страны. Разве они не должны нести ответственности за такое состояние? Тов. Гендрих в течение многих лет был вторым, а по масштабу своей деятельности и влиянию практически часто первым человеком в нашем государстве. Разве он не несет ответственности? Маневр сваливать все на послынварский период чересчур ясен. Речь идет о том, чтобы свалить всю ответственность на других. Такой маневр не может закончиться успехом.

У меня нет времени останавливаться на всех проблемах, но ведь каждому и так ясно, в чем дело. Хотя, с другой стороны, тут предлагают жесткие санкции за критическое отношение к Договору о временном пребывании советских войск на территории ЧССР. Как известно, я отказался подписать так называемый Московский протокол. Отказался потому, что видел в нем документ,

Уникальная фотография.
Пленум ЦК КПЧ
голосует за исключение
Кригеля из партии.
На переднем плане:
Франтишек Кригель

который всесторонне связывал руки нашей Республике. Отказался подписать его потому, что подписание происходило в атмосфере военной оккупации Республики, без консультации с конституционными органами власти и в противоречии с волей людей нашей страны. Когда в Национальном Собрании было предложено ратифицировать Договор о временном пребывании советских войск на территории ЧССР, то я голосовал против него, так как он находится в противоречии с принципами Хартии ООН, то есть в противоречии с принципом добровольности. Подписание договора происходило в атмосфере политического давления и давления власти, при обстоятельствах, которые находятся в противоречии с принципами сосуществования социалистических государств и с международными документами. Подписание Договора происходило в присутствии чужеземных солдат и могучей военной техники. Договор был написан не пером, а дулами пушек и автоматов. В этой связи я позволю себе процитировать новое определение агрессии, недавно предложенное СССР в ООН. В нем говорится: вооруженная агрессия, прямая или непрямая, — это использование вооруженных сил одним государством против другого государства — находится в противоречии с целями, принципами и постановлениями Хартии ООН. Далее в тексте говорится: ...любое из этих действий, если государство его совершит первым, без объявления войны, будет считаться актом вооруженной агрессии. Среди таких действий в резолюции названы бомбардировка, или стрельба на территории, или в граждан другого государства, или нападение на его территорию, или на морские либо

воздушные силы. Я голосовал против договора как депутат федерального Национального Собрания, в согласии с чувствами и пожеланиями большинства избирателей и граждан этой страны. К тому же известно отрицательное отношение к военной оккупации ЧССР некоторых крупных коммунистических партий в социалистических странах, а также большинства наиболее значительных коммунистических партий в капиталистических странах. Также известно, что позицию, осуждающую оккупацию Чехословакии войсками стран Варшавского Договора поддерживают и съезды некоторых компартий, например Итальянской коммунистической партии. Никто не может отрицать, что военное вмешательство в Чехословакии нанесло значительный вред коммунистическому движению в глазах мировой общественности и явилось доказательством неспособности социалистических стран решать свои разногласия, исходя из принципа мирного сосуществования. Все это демонстрирует глубокие разногласия во всем коммунистическом движении — в особенности в китайско-советском конфликте, а также в отношениях некоторых стран Варшавского Договора с другими социалистическими странами и со многими коммунистическими партиями.

Оккупация ЧССР войсками стран Варшавского Договора, бесспорно, ослабила тенденцию дезинтеграции в Североатлантическом пакте и, наоборот, усилила влияние в нем Соединенных Штатов. В этой связи позволю мне сделать несколько замечаний к документу, связанному с подготовкой Московского совещания⁴. Наша делегация и президиум ЦК КПЧ требуют от делегаций

других стран, чтобы они не занимались августовскими событиями в Чехословакии. Они даже используют выражение «так называемые августовские события». Этим они хотят сказать, будто август 1968 года вообще не был событием? В материалах для Московского совещания подчеркивается, что развитие социализма в одной стране является делом всего социалистического движения. Если это действительно так, то нельзя препятствовать другим партиям, чтобы они могли высказаться по поводу событий в Чехословакии. Делом всего международного движения является именно то, чтобы своим единодушным мнением они сделали просто невозможным, чтобы когда-либо в будущем могли случиться события, подобные событиям в Чехословакии. Ведь речь не идет лишь о чехословацких делах, но о принципе, о проблематике — когда одна или несколько стран проявляют право сильного, используют насилие по отношению к более слабому. И тут августовские события перерастают рамки Чехословакии, перерастают границы нашей страны. Ведь не случайно был сформулирован параграф 131, стр. 147, глава IV в проекте международного документа для Московского совещания, в котором говорится: «Участники совещания подтверждают идентичность своих позиций в том, что основой взаимоотношений между братскими странами являются основы пролетарского интернационализма, солидарности и взаимопомощи, уважение самостоятельности и равноправности, взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга. Строгое выполнение этих принципов является необходимым условием развития товарищеского сотрудничества между братскими странами в целях укрепления всего коммунистического движения». Я мог бы процитировать еще один из параграфов, но остановлюсь на этом.

Что же касается самого предложения исключить меня из членов ЦК КПЧ, то хочу сказать следующее: я считаю это предложение необоснованным, явно преследующим далеко идущие цели, направленные не только на меня лично. Хорошо известно, что, несмотря на ряд заявлений о стремлении продолжить послеянварскую политику, события последних месяцев вызывают опасения и сомнения. Целый ряд постановлений низших партийных органов, реорганизация аппарата, жестокие чистки, проводимые в различных организациях и их административных аппаратах, напоминают времена перед январем 1968 года. Речь идет о широком реставрационном процессе, попытке легализовать августовские события. Завоевать на свою сторону и убедить общественность

страны можно лишь на основании положительного опыта. Пока что — и я надеюсь, что это не является тайной для руководителей партии и правительства — усиливается отрицательное отношение населения к этим мероприятиям, причем со стороны как членов партии, так и беспартийных. Ускоряется темп, ведущий к изоляции партии от народа, изоляции руководства от членской массы, превращение партии из моральной и политической руководящей силы в организацию с почти военной дисциплиной.

Что касается моей партийной дисциплины, товарищи, то я продемонстрировал ее в течение более чем 38 лет своего пребывания в партии и в течение более чем 40-летней партийной деятельности, при обстоятельствах крайне сложных, как исторически, так и в личном плане. Я не согласен с обвинением в недисциплинированности и не согласен с предложением о моем исключении. Я подробно мотивировал здесь мою точку зрения, чтобы не было повода для совершения новых ошибок: в этом государстве, в прошлом, довольно часто голосовали за ошибочные решения. Исторический опыт последних двух десятилетий предостерегает не только от новых ошибок, но и от политической летаргии.

Примечание:

После выступления Франтишека Кригеля президиум ЦК отправился на экстренное совещание, где первоначальное предложение об исключении Кригеля из ЦК было заменено на исключение его из КПЧ. Состоялось голосование, при котором 12 человек были против исключения, и примерно 20 — воздержались. После этого Кригелю приказали покинуть зал заседаний.

Перевод с чешского Ады Кольман

Примечания

- ¹ Франтишек Кригель имеет в виду политические процессы в Чехословакии в 1950-х годах.
- ² Франтишек Крайчир — министр и заместитель председателя Чехословацкого правительства в 50-х и 60-х годах.
- ³ Иржи Гендрих, член президиума КПЧ и секретарь КПЧ; Отакар Шимунек, министр и заместитель премьер-министра Чехословакии; Йозеф Ленарт, чехословацкий премьер-министр в 1963–1968 гг.
- ⁴ Московское совещание руководителей коммунистических и рабочих партий состоялось в 1969 г. ■

ОГОНЬ ПАСКАЛЯ

Эссе

*Огонь! Огонь! Огонь без края,
Огонь, не знающий конца.
Огонь, который, разгораясь,
Творит солнца.
Огонь, который жжет и рушит
Все стены на пути своем, —
Но вовсе не сжигает душу,
А делает ее Огнем.
З.М. (Зинаида Миркина)*

Когда проходят несколько десятков лет, прошлое, казавшееся законченным, смотрится по-новому. Великое открытие рассыпается в прах, а незамеченная деталь вдруг вырастает и раскрывается. Так было с плодами медитации, которой я упорно занимался весной 1938 года. Мне уже приходилось писать, что тогда я решил преодолеть ничтожество человека перед бездной космоса и чего-то добился; в ярком свете озарения я увидел сразу две модели вселенной с человеком в центре. В обоих случаях человек переставал быть ничтожной песчинкой и становился узлом, в котором связан весь мир.

Несколько смущало меня, что узлов оказалось два. Но разбирать, почему это так, не хотелось. Прошло много лет, пока я понял, что озарение озаряет только то, что уже складывается в уме. А в уме складывается то, что ему по силам, что как-то соответствует его кругозору. И яркое озарение бушмана будет бушманским, кроманьонца — кроманьонским, а Моисея — ветхозаветным...

* Подробнее в «Записках гадкого утенка».

Григорий ПОМЕРАНЦ

И все эти озарения — метафоры, и одновременное рождение двойни показывает, что близнецы одинаково условны, остаются на поверхности бытия. В лучшем случае это туманные намеки на глубины, а в худшем — просто нелепость (так это и было в 1938 г., и по заслугам отвергнуто моими друзьями).

Однако память озарения пригодилась мне на фронте. Об этом тоже было говорено. Ошеломленный грохотом бомбежки, я не мог справиться со страхом. И вдруг, по ассоциации этого страха со страхом бесконечного пространства и времени выплыло чувство внутреннего огня, внутреннего света, испытанное в марте 1938 г.; и фронтовой страх стремительно растаял, настолько, что хватило до конца войны. Тень страха, коснувшись сердца, тут же исчезала, как страх чумы в гимне Пушкина:

*Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...**

Можно было бы вспомнить и замечательный стих Державина, давший барочный образ человека через ряд оксюморонов: «Я раб, я царь, я червь, я Бог». Но Державина я в студенческие годы почти пропустил. Между тем, на волне поэтического ритма он дал слову Бог полноту реальности — не меньшей, чем реальность царя; Бог здесь реальность одного из полюсов человечности. И вопреки атеистической выучке человек приобщался к реальности бесконечного духа.

Эта реальность не доказывалась. Она захватывала волшебной силой поэзии, силой, подхватывавшей на своих волнах и раба, и царя, и червя, и Бога; захватывала силой культуры, неполной без шестого чувства. И это не догмат, выученный наизусть, это опыт, мгновенный опыт благодати, мгновенный ответ на пропасть, раскрытую перед взором человека, когда Коперник и Галилей разрушили небесный свод и Земля повисла в пустоте.

Впервые заболел звездной тоской Паскаль. Тютчев сослался на его слова о мыслящем тростнике, Толстой говорил, что Тютчев для него важнее Пушкина. Почему вселенская тоска Паскаля не нашла последователей у себя на родине? Почему запомнился только исходный шаг его мысли, афоризм, вошедший в минимум западной культуры: «человек слаб, как тростник; порыв ветра может сломить его; но этот тростник мыслит, и если вся вселенная обрушится на него, она не отымет этого преимущества»...

Для рационалистической культуры Франции XVII в. преимущество мысли уравнивало физическое ничтожество человека, но в России XIX в., заваленной материалистическими брошюрами, на первое место выступило именно ничтожество человека перед массой материи, перед математически бесспорным уравнением $n : \infty = 0$. Отравленный этим равенством, Толстой прятал от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье, чтобы не застрелиться. Его «Арзамасский страх» — не изящная словесность. Это опыт.

Меня поразило, что читатели «Анны Карениной» и «Записок сумасшедшего» Льва Толстого не попытались прорваться сквозь бездну к нераздельности человеческой глубины и вечных глубин.

Паскаль достиг этого. В одну из ночей он испытал вспышку внутреннего огня, в которой внешняя бесконечность сгорала и сгорало всякое превосходство материи над человеческим духом. Этот свой опыт он записал и листок зашил в подкладку камзола: «огонь... Бог Авраама, Исаака и Якова, не философов и ученых...» Что означало здесь слова «огонь»? Судя по моему опыту — чувство внутреннего горения, внутреннего света. В одном случае свет как бы погасил предметы, ничего не было кроме света. В других случаях он освещал какие-то слова. Как было у Паскаля, я не знаю, но думаю, что образов праотцев сперва у него не было, скорее, возникла ассоциация опыта с опытом, а не с размышлением философов и ученых.

Почему Паскаль зашил, засекретил свою записку? Почему ночной опыт его не стал широко известен? Почему он не дошел до Тютчева и Толстого? Скорее всего, Паскаль чувствовал, что современники не в силах понять

его. В какой мере этот разрыв в понимании сохранялся и позже, век за веком?

Сегодня меня не обвинят в ереси или в безумии, — но не в этом дело. Опыт нового времени показал, что взгляд в бездну вселенной остался достоянием немногих, для большинства он до сих пор табу. Некоторый сдвиг обозначился только в XX веке. Тогда многие физики заговорили об упанишадах (в частности Шредингер в его книге «Что такое жизнь с точки зрения физики», вызвавший скандал в Москве 1947 г. Потом я узнал, что Шредингер не одиночка). Только в годы моей жизни взрывной рост информации бросил Запад и Восток в один котел, где они сталкивались, постепенно постигая глубокое сходство в словах Христа «Царствие Божие внутри нас» и в словах Шанкары-ачарьи «Атман и Брахман едины».

Сегодня закрубились новые ассоциации, вышедшие за рамки обособленных культурных кругов и обособленных сфер знания. В американских книгах, изданных миллионными тиражами, бросаются в глаза продуманные ссылки на ведантские и дзэнские тексты. Из этих веточек плетется венок глобальной духовной культуры, век которой придет, быть может, скоро — если еще скорее не рухнет вся наша постройка научных связей. Исповедники разных традиций, сложившихся тысячи лет тому назад, сходятся сегодня за одним столом и понимают друг друга, как психолог Кен Уилбер понимает тибетских гуру, а Далай Лама — своих собеседников — бенедиктинцев.

Духовные глубины ищет сегодня не только востоковед или богослов, но и кинорежиссер. Например, в «Андрее Рублеве», «Солярисе», «Сталкере» импровизированные скважины в глубину («Солярис», «Сталкер») смотрятся рядом с Троицей и зрители втягиваются в неожиданные поиски — и находят общее в глазах рублевских ликов и в тайнах «Сталкера» и «Соляриса».

Мы не знаем, как на самом деле выглядят глубины глубин, но мы можем жить открытыми ей и в этой открытости искать источник силы, противостоящей всем внешним, поверхностным силам, ничтожным, сравнительно с огнем, мерцающим в глубине, и иногда вспыхивающим внезапным пожаром. Образом, рожденным в этом огне, могут быть и Бог Моисея, и Брахман, и Дао, и опыт созерцания недвойственности и взрывы гения в старой живописи и современной музыке, — словом, любой глубоко пережитый символ. В «Солярисе» Андрея Тарковского глубина просвечивает сквозь научную фантастику. Но меня захватила и отвлекла от фантастики другая ассоциация: мой сон, увиденный лет тридцать или сорок тому назад.

Я плыл сквозь озеро золотого света. Другого берега не было видно, так что это было скорее море, но почему-то я назвал его озером и так это осталось в моей памяти. Я знал, что до другого берега мне не доплыть, что я утону, но почему-то мысль об исчезновении в золотом свете переливалась во мне ликованием, собственно, это все, что я мог назвать словами, когда проснулся, но готовность погрузиться в золотой свет я помню до сих пор и до сих пор не могу ни вполне понять, ни забыть его. Этот сон постепенно сблизился с образами Тарковского, отодвинул назад все лишнее и оставил только берег, изрезанный фиордами, напоминающими те, над которыми я летел в Тромсе, приглашенный читать лекцию о Достоевском. Фиорды постепенно стали для меня образами личности, открытой в бесконечность. В своем устье фиорд-личность сливается с непостижимым и бескрайним, но остается резко очерченной в своих берегах. По крайней мере, так преобразилась в моем уже «сильно развитая личность», описанная когда-то Достоевским.

Эта метафора осталась для меня символом постоянного усилия быть открытым вечности, не давать никаким заботам закрыть духовное устье, быть открытым всем небесам всех вер.

Образ берега вечности, в которую открылся мой фиорд, стал для меня чем-то вроде внутренней иконы. Я постоянно ее вспоминаю и оберегаю устье от мусора, от обломков временных сооружений, принесенных волнами. Но океан бурлит, и обломков все больше; иные хочется поместить в музей и сохранить, другие распадаются в труху. И образ цивилизации, в которую уходят берега фиордов, все больше рушится. В XIX в. Европа казалась почти законченной, почти уравновешенной, подобной венку, в котором одна ветвь ограничивает другую, но не угнетает ее так, чтобы помешать рождению цветов. И все континенты, казалось, плыли вслед за Европой, тянулись к ее совершенству. Эта иллюзия рухнула в 1914 году, и перенос центра силы из Лондона в Нью-Йорк не изменил сути дела.

Условие гармонии — сдержанность, отсутствие головокружительных темпов, с которыми ветвь, теряя гибкость, становится бревном и всех расталкивает. Нет злокачественного развития общественных форм и движений, одержимых волей к власти. Нет превращения научно-технического и экономического прогресса в разрушение биосферы. Тысячелетние традиции не брошены временем в один котел и не громоздятся друг на

друга. Соглашения достигаются дистиллированным языком дипломата, но в сердцах растет вражда, как между сектором Газа и Израилем.

Современная наука ставит диагнозы, но лекарство может дать только соборное человеческое сердце. Образ соборного сердца — условность, но для групп творческого меньшинства, рассеянных по земле, — это реальность, и она не поддается вражде — религиозной, национальной, социальной. Это сердца, открытые вечности, их не так уже мало, — и ничтожно мало для своей задачи, если считать, что все надо сделать своими руками; и напротив: творческое меньшинство достаточно велико, если соборное сознание сможет распространиться и захватить достаточное число сильных и гибких умов, способных к действию.

Соборное действие невозможно без соборного сознания. А соборное сознание сможет родиться только так, как был создан мир — из ничего, из озера внезапно раскрывшегося зеркалом истины в клубящемся вихре сил, и в этом зеркале явится целостный образ, к которому потянутся избранные, а потом многие. Ясный и бесспорный образ не может быть выдуман. Он сверкнет, подобно огню Паскаля, и сразу осветит и притянет к единому свету все великие традиции. Их открытый вечности диалог может стать реальностью здесь и теперь. Это возможно. И вера в него может сотворить чудеса.

Сегодня эта вера создает стихи. И я присоединяю к эпиграфу еще три стихотворения из сборника Зинаиды Миркиной «Один на один», М., 2002.

*Своим дыханьем глину тронь,
Кинь искру в ночь, взметнись над нами!
Ведь ты огонь! Огонь! Огонь,
Который прожигает камень,
Который входит внутрь сердец,
Как в темень леса свет осенний...
Я знаю, знаю, мой Творец
Жар твоего прикосновенья!*

*Почему удлиняется вечером свет,
Чтоб до сердца достать моего,
Чтоб оставить свой долгий сияющий свет
В непроглядных глубинах его.
Чтоб потом ниоткуда, внезапно, сама,
Как прозренья в нечаянном сне,
Изнутри засветилась безмолвная тьма,
Сохранившая свет в глубине.*

*Во глубине моей горит огонь.
Всегда горит, без чада и без дыма.
А вы кладете на глаза ладонь.
А вам сияние невыносимо...*

*Вы стороной обходите меня.
Вы погасить хотите это пламя,
Не зная, что без моего огня
В глухую ночь провалитесь вы сами.*

Богословское приложение

«Действия Христовы рождаются изнутри глубинного созерцания, и только из глубин созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах: нравственных, богословских или любых принципах; но сколько бы ни были они истинны, прекрасны, справедливы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье. Мы, христиане, призваны жить на большей глубине, жить глубокой внутренней жизнью — но не в смысле обращенности на самих себя. Мы призваны уйти глубже этой обращенности, и сама эта глубина позволит нам вглядеться долго, спокойно, пламенно-чисто в канву истории, канву жизни и благодаря такому созерцанию, глубокому вглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни. И тут громадная разница между мудростью и человеческой опытностью. Опытность — результат прошлого, накопленный человеческий опыт; она обращена к пережитому, опыту более обширному, чем личный опыт, и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие. А мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божиим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать Бог».

Из выступления **Антония Сурожского**
в Париже в 1974 г.

Русский перевод Е.Л. Майданович, «Континент»,
1996, № 89). ■

ПРОБЛЕСКИ.

Новый Левиафан

Эссе

В папке современных эссе, изданных Lettra (первый выпуск, 2010, № 1), мое внимание остановило заглавие: «Страх, почтение, ужас». Это оказалось про Гоббса. Ничего интересного я про Гоббса не читал и решил понять, что потянуло автора, Карло Гинцбурга, в XVII век. В тексте чувствовался живой современный интерес. Загадка его разрешилась в последних строчках: «Гоббс мог бы помочь нам вообразить не только настоящее, но и будущее, пускай и не неизбежное, но, пожалуй, вполне вероятное. Давайте представим, что продолжается неуклонная порча нашей природной среды, и она достигает такого уровня, какой немислим даже сегодня. Загрязнение воздуха, воды и почвы в конце концов поставит под угрозу выживание всех до единого биологических видов — и растений, и животных, включая и вид Homo sapiens. На этом этапе не останется иной альтернативы, кроме установления жестокого, беспримерного контроля над всем миром и его человеческим населением. Выживание человечества потребует такого договора, который не будет слишком отличаться от описанного Гоббсом: каждый в отдельности человек откажется от своей личной свободы в пользу некоего деспотического сверхгосударства — Левиафана, бесконечно более могущественного, нежели те, что возникали в прошлом. Общественные узы спаяют всех в единый железный узел — не против «нечестивой природы», как выразился итальянский поэт Леопарди в стихотворении La Ginstra («Дрок»), а ради выживания хрупкой, ослабшей, раненой природы» («И ужас, что некогда спаял всех смертных в общие оковы» G. Leopardi. La Ginstra (Canti, Torino, 1962).

Практика Нового времени показала, что недоверие Гоббса к «нечестивой человеческой природе» было преувеличено. Однако на конгрессе экологов в 1968 г. проблема была поставлена по-новому; и с тех пор она ставится все чаще и все острее.

Что будет, если от граждан потребуют отказаться от 50 или даже 70% своих прихотей? Выдержат ли они это испытание без трепета страха перед угрозой гибели биосферы?

В скандальной форме эту мысль бросил покойный господин Кожин в период цветущих демократических надежд: что будут они делать, господа демократы, когда воду станут выдавать по карточкам, и кислород в аптеках?

Услышав это лет двадцать тому назад в изустной передаче, я подумал, что в Англии во время войны были трудности с продовольствием, но от свободы слова англичане не отказались. А вот Россия... И мне припомнилась пара строк из «Афоризматы Тита Левиафанского». Впервые я прочел этот текст, только что закончив «Повесть, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (казавшуюся мне в детстве очень веселой). Теперь, в 20 лет, я был подавлен ужасом жизни живых мертвецов, запечатленным мощной рукой Гоголя. Меня словно погрузили в массу клея, который тут же застыл и сковал руки, ноги, зрение и слух, и в отчаянной попытке вырваться я схватил в руки томик Герцена; случайно раскрылось на «Афоризмате». Это был счастливый случай. В каждой строчке блистали сарказмы, освобождая меня от застывшей пошлости. И когда я дошел до фразы, которая помнится мне до сих пор, я захопал ногами (потому что лежал на животе и мои руки держали книгу):

«Разве разум, а не безумие, создало все военные империи, от Ассирии до Пруссии (привычка к цензуре заставляет умалчивать о любезном отечестве)».

Это было зимой 1938 года, и меня привела в восторг удача составителя сборника, сумевшего легально и печатно описать атмосферу, в которой мы жили. Разумеется, Сталин считал разумным свой ответ 292 делегатам XVII съезда, вычеркнувшим его фамилию при тайном голосовании (и вероятно еще 300, 600 или

900 делегатам, хотевшим сделать то же самое, но не набравшихся храбрости). И я не знал, сколько миллионов людей было арестовано и сколько расстреляно, чтобы выкорчевать крамолу. И не знал, сколько генералов и офицеров было расстреляно накануне большой войны, проложив Гитлеру дорогу к блицкригу, как немцы это называли. Блицкриг, в конце концов, сорвался, но четыре миллиона наших воинов сдались в плен за полгода и еще полтора — за следующие полгода. И мы воевали и наконец даже побеждали в этом безумном мире.

Кризис биосферы может оказаться более страшным испытанием, чем Гитлер, испытанием глобальным. За последние годы об этом говорили очень серьезные люди, в частности, В.В.Иванов, которого я знал и высоко оцениваю трезвость его ума. Я не эколог, но мне ясно, что от шести миллиардов людей требуется высокая, глубоко осознанная дисциплина — наподобие перехода от жизни гуляки в монастырь. И все это в глобальном масштабе. Ясно, что без солидарности ничего не выйдет. А как достичь солидарности, если разные цивилизации тысячелетиями развивались, не заботясь друг о друге, и только в XX в. оказались в одном котле и внутри каждой еще дремлют и рвутся наружу маленькие, но злые конфликты?

В годы моей юности Индией и Китаем можно было пренебречь. Это были колония и полуколония. Сейчас это великие и быстро растущие державы. Они долго запрягли, но быстро едут. Архаические племенные основы, сохранившиеся у них, задержали старт, но сегодня они показывают нам пример устойчивости в стремительном темпе развития. Я представляю себе, что китайцам модель Гоббса может подойти. Но сумеют ли они навязать свое решение всему миру? И нет ли других путей?

В первом тысячелетии до Р.Х. греческая демократия не сумела выйти за рамки полиса. Попытка Афин создать прочную федерацию сорвалась. Царь Филипп объединил Грецию по-своему. Но в эти же годы Рим действовал по-иному. Когда плебеи ушли на священную гору, патриции пришли к ним и договорились создать пост народного трибуна с правом вето на любое решение аристократического сената. А при угрозе, созданной Ганнибалом, был испытан институт диктатуры, возобновляемой сенатом, пока угроза не прошла. С этим сочетанием олигархии, демократии и диктатуры Рим долго сохранял нравственную устойчивость и стал клониться к упадку только тогда, когда масштабы его завоеваний не превзошли хорошо продуманных рамок.

Опыт соглашения принципов, повторенный англичанами сперва в Великобритании, а потом в Соединенных Штатах, показал, что ни один принцип не должен доводиться до абсурда; к устойчивому порядку ведет

сближение идей, классов, этнических групп и т. п. Сейчас перед человечеством стоит задача диалога целых цивилизаций, только что осознавших, что история XX в. втиснула их в один глобальный каркас, где тысячи километров расстояния, горы и океаны, разделявшие в прошлом, потеряли значение, что Земля — наш тесный общий дом. И надо искать солидарности в духовной глубине, куда уходят корни всех религий. Это происходит в узком кругу, но совсем не затронуло массы. А без сдвигов в массах глобальная солидарность никак не выйдет. Разве только после нескольких жестких катастроф, которые встряхнут массы и заставят их искать духовной и экологической общности. Не слишком ли поздно поймут массы, что экологическая проблема, рационально поставленная, не сможет быть рационально решена без духовной отзывчивости к диалогу; а ее пока не видно, скажем, между басками и кастильцами, между палестинскими арабами и Израилем и в других подобных спорах. Какой ценой будет достигнуто понимание, что сохранение биосферы нельзя совершить по-отдельности, с презрением и ненавистью к соседу? Если понимание опоздает, — пиши пропало.

Что в этом потоке перемен ждет Россию? Ее прошлое — это мощные толчки, после которых наступает усталость и застой. После опричнины — застой. После стрельеческих казней верхи потянулись в общество европейских стран, но отставали низы; а потом правительство стало отставать от общества. После Ленина и Сталина — новый застой и новый тупик, из которого нельзя выйти, не распрощавшись со всеми гнусностями, без общества свободных людей, свободно согласившихся на экологическую дисциплину, без равенства на людей, достигших вселенских глубин, без верности памяти таких светских людей, как Вернадский, или церковных, как Антоний Сурожский. Без всего этого жизнь человечества на Земле кончится провалом.

Экологические и духовные проблемы сплелись в один узел и разматывать его можно только в целом.

*Аскеза — это моря гладь.
Нет множеств. Есть Одно.
Отбросить лишнее и стать
Единым, как Оно! (З.М.)*

Сумеет творческое меньшинство найти путь к Одному? Сумеет ли увлечь массу? Если нет — масса (в том числе русская) обречена на роль младших подданных китайского Левиафана. А нужно другое: отказ от излишеств лишней свободы (грубо говоря — от распухлости) и сохранения того минимума свободы, который необходим для творческой жизни. ■

МЫСЛЬ, ИСТОРИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ

Опыт параллельного чтения двух романов¹

Евгений РАШКОВСКИЙ

*Марии Рашковской,
так много сделавшей
для моего вхождения в миры Толстого и Пастернака,
это исследование посвящается.*

Год, когда я работал над этим исследованием — 2010 — знаменовал собой и время вековой кончины Толстого, и полувековой кончины Пастернака. Это было время особых размышлений о сквозных мотивах в творчестве обоих мастеров русской мысли и русского слова. Предложенное ниже параллельное чтение двух великих российских исторических романов XIX и XX столетий — «Войны и мира» и «Доктора Живаго»² — чтение не филологическое («как создан и сделан текст?»), но философское, т. е. задающееся специфическим философским вопросом: какие универсальные смыслы несет в себе текст? Хотя при этом очень важно иметь в виду, что философские темы художественного произведения даются нам не только в прямом рассуждении (таких рассуждений особенно много на страницах ВиМ, Вторая же часть Эпилога целиком посвящена этим рассуждениям), но прежде всего — через самую текстуру художественного повествования.

1

*О, бедный Homo Sapiens,
Существование — гнет...*³

Оба романа написаны почти что по горячим следам великих всемирно-исторических событий: в первом случае — Наполеоновские войны, посленаполеоновская реакция и первые шаги становления революционного движения в России; во втором — время от кануна Первой русской революции до первых смутных «предвестий свободы» в период после Великой Отечественной войны⁴.

И что особо важно — с точки зрения именно философского чтения обоих романов: оба автора — люди посткартезианской и постгегелевской эпохи. Эпохи, когда человеческая мысль предстала знаком и условием нашей внутренней приобщенности Бытию и обетованием нашего призвания состояться в Бытии. Ведь неслучайно Декарт, сформулировав свое «*cogito ergo sum* (мыслю, следовательно *есмы*)»⁵, стоял на коленях — в знак признательности и благоговения — перед образом Пресвятой Девы.

Не случайно и Пастернак в своих марбургских записях определял декартово «*cogito*» как попытку осмыслить одну из базовых «интуиций» «чистого и пристально-

внимательного (*des reinen und aufmerksamen*)» человеческого духа⁶.

Если подходить к обоим романам именно философски, то можно отважиться — по примеру Бенедетто Кроче — условно отнести оба романа к философской историографии, т. е. к широкой области постижения динамики человеческого духа во времени. Динамики, которая, собственно, и конституирует собой историю как значимую для человеческого духа связь эпох, времен, регионов и поколений⁷. Или же — если обратиться к терминам бергсоновским — можно говорить об истории как об *осмысленной длительности*⁸.

Оба романа — при всей огромности толстовского влияния на Пастернака⁹, при всех чертах сходства в самих их нарративах (умение прочитывать характер вселенских и народных судеб через судьбы и внутренний опыт отдельных личностей, семейств или малых групп) и порой даже в языке (это касается деталей мирного быта и моментов эпической остротности повествователя, когда речь идет о больших событиях, особенно событиях войн и послевоенных бедствиях), — оба эти романа не размениваются, не конвертируются друг в друга. Они — не сравнимы, но, скорее, именно параллельны.

Впрочем, эта проблема касается не столько забот философа-историографа, сколько — филологических забот. Однако, повторяю: во главе угла нынешнего нашего разговора — заботы именно философские.

2

«Сопрягать надо» ...¹⁰

Если угодно, оба романа — это романы о накоплении сил исторического напряжения в ходе — по словам Фернана Броделя — «больших длительностей (*les longues durées*)» истории. Романы о коллапсах полупатриархальных укладов, о взрывах революций и войн, в том числе и войн гражданских, о силах самовосстановления исторической жизни¹¹. В обоих романах акцентируется и момент поэзии повседневной жизни несовершенных, не всегда далеких, но несущих в себе исторические эстафеты людей.

Сочетание тщательной текстовой проработки жизненных событий и судеб центральных персонажей со множеством проносящихся сквозь романские пространства, но всегда значимых эпизодических фигур — общая черта обоих повествований. Бесконечно малое, убывающее малое, тем не менее, — знак и коррелят Большой истории, которой без этого «малого» попросту не дано. Осознание этого непреложного обстоятельства философской и исторической науки, этой, по выражению Вяч. Вс. Иванова, *метонимичности*

историзма, есть во многих отношениях заслуга столь повлиявшего на Пастернака философско-исторического критицизма последних десятилетий XIX — начала XX в.¹²

Но ведь и автор ВиМ, с его отрицанием прямолинейных и волюнтаристских толкований истории, с акцентом на ее открытость, парадоксальность и недосказанность, — к становлению исторического критицизма также, что называется, руку приложил¹³...

3

... Размеренные эти доли ...¹⁴

История — дважды контекстуальна. Это касается и ее макроконтекста, контекста эсхатологического, т. е. контекста объемлющих и последних вещей¹⁵; это же касается и микроконтекста истории — контекста внутренней, но коренящейся в Универсуме и прорастающей в Универсум человеческой личности. Это касается, в частности, и человеческого «*sogito*», которое есть порождение, но одновременно и предпосылка всеобщей, «соборной» связи человеческих душ и мышлений.

У обоих романистов внутренняя интеллектуально-духовная работа основных героев-мыслителей — Пьера Безухова и Юрия Живаго — определяет жизнь и поступки героев. Их внутренняя экзистенциальная динамика неразрывно связана с динамикой Большой истории: с трагической вовлеченностью в события войн и революций, в особом — не побоюсь сказать — русском опыте любви-жалости к женщине, в сострадании (со-страдании!) разрушенной историческими катаклизмами стране.

И оба исторических романиста прямо или косвенно настаивают, что мысль не сепаратна в отношении исторического времени, но и не слиянна с ним. Оба их героя не растворяются в исторических потоках, не капитулируют перед «злобою дня»¹⁶, но, скорее — если вспомнить описание пробуждения Пьера в Можайске — учится «сопрягать» себя с Богом и с миром.

Вспомним: дважды Пьер слышит в своих снах вещи голоса.

Первый раз — в Можайске, после страшного зрелища Бородинского сражения: «Сопрягать надо»¹⁷.

Второй раз — в Шамшеве, после убийства французами умирающего от истощения Платона Каратаева. Шамшевский сон — сон о Вселенной как о живом, сверкающем, многокапельном шаре. И — слова, расслышанные Пьером во сне: «Всё перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога»¹⁸.

И эта же тема *сопряженности* мысли, Универсума и любви («наслаждение общей лепкою мира»¹⁹) — сопряженности даже в самых надрывных обстоятельствах жизни и истории — сполна присутствует и в пастернаковском романе. И с наибольшей поэтической и смысловой полнотой эта тема присутствует в стихотворном приложении к роману — в той тетрадке стихов (25 стихотворений), которой одарил Борис Пастернак своего героя — Юрия Живаго.

Позволю себе, по крайней мере, два примера этой поэтической и философской сопряженности.

«Весенняя распутица»:

*Земля и небо, лес и поле
Ловили этот редкий звук,
Размеренные эти доли
Безумья, боли, счастья, мук.*

«Рассвет»:

*Я чувствую за них за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.*

*Со мною люди без имен,
Дерева, дети, домоседы.
Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа.*

И что важно для нашего рассмотрения: за обоими этими стихотворениями о сопряженности стоят не только сверхисторические смыслы, но и ненавязчивые, однако вполне прямые ассоциации с конкретными обстоятельствами истории — с насилиями гражданской войны («Весенняя распутица») и с трудностями советского быта («Рассвет»), — быта, если вспомнить стихотворение «Разлука», также вошедшее в роман, — «немыслимого»²⁰.

4

... Полета вольное упорство ...²¹

Оба параллельно читаемых нами романа суть романы самопознания и самосознания. И каждый из главных героев обоих романов — не то, чтобы alter ego автора, но, скорее, некая сквозная «лаборатория» поисков автором связи божественного и человеческого самосознания как скрытой, заведомо неявной, но, тем не менее, непреложной основы

истории. И здесь обнаруживается некая параллель в судьбах героев-мыслителей обоих романов: Пьера Безухова и Юрия Живаго. Авторы проводят обоих своих героев и через злоключения событийной «длительности» истории, и через открытие ее эсхатологической глубины.

Действующий, казалось бы, менее всего ситуативно, именно Пьер Безухов проявляет себя одним из самых *действующих* героев толстовского романа. Если умный, обаятельный и страстный Андрей Болконский как бы воплощает в себе действие по преимуществу ситуативное, хотя и просвещенное изнутри рефлексией²², то Пьер — носитель действия иного порядка, *действия мысли*.

Мыслию Пьер постигает непреложный характер революции в Европе (вплоть до бонапартистского ее перерождения²³), и непреложный характер ценностей духовных (пусть первоначально даже в клочковатой, масонской форме), и ценности любви (Наташа Ростова), и ценности житейской народной мудрости (Платон Каратаев). Мыслию постигает он связь собственного внутреннего мира со страданиями других людей (Наташа, опозоренная Анатоном Курагиным, Бородино, оккупированная и горящая Москва, плен, русские пленники и даже французские солдаты). Мыслию постигает он и красоту семьи и семейного попечения и, наконец, необратимость собственных политических решений — вплоть до возможной будущей Сенатской площади: «Общество джентльменов в полном значении этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачев не пришел зарезать и моих и твоих детей и чтобы Аракчеев не послал меня в военное поселение, — мы только для того и беремся рука с рукой с одной целью общего блага и общей безопасности»²⁴...

...Воистину, революционное движение в России начиналась в зазорах между страхами народного бунта, «бессмысленного и беспощадного»²⁵, и репрессивным крепостническим государством, начиналось с благородного негодования джентльменов. Надобно сказать, что и революционное движение в пост-наполеоновской Европе во многом слагалось из импульсов не только сопротивления репрессивной политике Священного союза, но и из стремления упредить возможности террористического и вождистского перерождения самих будущих революций...

Через Пьера Толстой познаёт работу мысли и рефлексии как активного деятеля истории, со всей сложностью ее религиозной и революционной динамики. Через Пьера он познаёт и — волей-неволей — определяет собственную судьбу²⁶.

Этот «пьеровский» проблемный фокус романа Пастернак позднее — и опять-таки, волей-неволей — перенес и на своего Юрия Живаго, ситуативно весьма инертного, но, по существу, самого живого (Живаго!), действенного именно силою мысли героя. Само сюжетосложение обоих

романов заставляет задуматься над параллелизмом судеб героев-мыслителей: опыт жадного осмысления жизни, разочарований и любви, «война, разруха»²⁷, поиски духовного жизненного стержня... Толстой через Пьера самоопределяется в мысли, семье, свободе и истории. Сходным образом и поздний Пастернак самоопределяется через судьбу заглавного своего героя в поэзии, любви, свободе и истории.

В обоих романах судьбы двух основных героев строятся: — опытом самопознания, разочарований, любви, переживания исторических катаклизмов (об этом уже писалось выше);

— опытом «проб и ошибок» (но что интересно: даже в своих ошибках оба героя проявляют некоторое чувство не только непреложности истории, но и непреложности своего внутреннего самостояния перед лицом истории²⁸);

— опытом приобщенности к народной беде, опытом плена и близкой смерти²⁹;

— опытом освободившейся и нашедшей себя мысли: если для кого-то мысль «забава», то для Пьера, как, впрочем, и для пастернаковского Юрия, — мысль есть нечто главное в жизни: таково его признание в канун зимнего Николы на исходе 1820 г.³⁰);

— last, but not least — и опытом творчества. Толстой пишет о серьезности занятий Пьера в «чтении и писании»³¹. Мы знаем, что в канун Первой Отечественной войны Пьер всерьез занимался историей и идеологией Массонского ордена ради отыскания средств предотвращения кровавых революций на путях нравственного самосовершенствования и постепенных общественных преобразований³². О послевоенных же занятиях Пьера мы можем лишь догадываться. Скорее всего, это занятия универсальной и отечественной историей, а также проблематикой конституционализма. А уж творческая доминанта жизни Юрия Живаго — самоочевидна: медицина, история, эстетика, натурфилософия³³. Но, в конечном счете, прежде всего и надо всем — поэзия.

5

*Зачем же плачет даль в тумане,
И горько пахнет перегной?
На то ведь и мое призванье,
Чтоб не скучали расстоянья,
Чтобы за городской гранью
Земле не тосковать одной*³⁴.

Томас Манн говорил, что один из важнейших мотивов толстовского творчества — обоснование «права мыслить (Recht zu denken)»³⁵. И обоих героев — и толстовского, и пастернаковского — роднит стремление в самих себе утвердить это право. Утвердить вопреки господствующим мнени-

ям «среды», вопреки всем злоключениям личных судеб и всей жестокости исторических разломов. Ибо именно в глубине мысли коренятся человеческое чаяние самообретения и свободы и та глубокая интуиция, что порукой этого чаяния может быть в конечном счете не подвластная насилию и глумлению «бессмертная душа»³⁶. Собственно, и поэзия любви, и поэзия самой поэзии коренятся в этом чаянии.

Разумеется, оба романиста — люди искушенные и в жизни, и в мышлении, и в творчестве. Оба знают — и не только по опыту собственной мысли, но и по наблюдениям исторических судеб, — что замыкающееся на самом себе (и потому не последовательное) мышление — вещь весьма рискованная и опасная. Поздний Толстой не случайно говорит о свойстве разума оправдывать «извращения» и «соблазны» и тем самым преумножать в мире мучительство, черствость и жестокость, тогда как самые насущные вещи — Бог, душа, добро — превыше рациональных определений³⁷.

Целая галерея персонажей романа ДЖ — оппонентов заглавного героя — и добродушный Самдевятков, и мелко-демонический Ливерий Микулицын, и Антипов-Стрельников — как раз и выступают носителями этой на себе замкнувшейся, не сознавшей своих пределов и своей открытости мысли. Мысли, оказавшейся санкцией «извращений» и «соблазнов», санкцией неоправданных людских страданий.

Вообще, надобно сказать, что тема замкнувшейся на себе самоправоты революционной мысли и ее бонапартистского перерождения³⁸ — одна из важнейших тем обоих романов. У Толстого эта тема эксплицирована чрезвычайно широко (возмущение несправедливостью и несправедностью внешней жизни — утопические мечты — всплывание властных притязаний тех, кто более других изворотлив и амбициозен — экспансия внешнего насилия...)³⁹. У Пастернака же бонапартистская тема дана редуцированно, но весьма насыщенно. Отмечу, по крайней мере, две «бонапартистские» темы в романе ДЖ:

— Павел Антипов-Стрельников — маленький и несчастный русский Буонапарте, гибнущий не только вследствие осознания своей внутренней несостоятельности, но и вследствие происков более примитивных и коварных своих соратников;

— тема революции, выродившаяся в застоявшуюся диктатуру, в «годы безвременщины»⁴⁰, «постоянного, в систему возведенного криводушия»⁴¹ — одна из самых настойчивых тем Окончания и Эпилога пастернаковского романа⁴²...

Не от сего ли горького опыта — одно из центральных и генетически связанных именно с Толстым убеждений позднего Пастернака: опыт повседневной любви, веры и творческого служения — безо всяких мессианских

притязаний — призван каким-то образом восполнить трагический опыт разломных эпох?

И здесь мне невольно приходит на ум заключительная строфа стихотворения польского поэта Владислава Броневского «Борис Пастернак», написанного еще где-то на грани 1920-х — 30-х годов:

*Трудно тьму эту вынести!
В мир, сырой и безгласный,
ты стихи свои выплесни,
как из рюмки — лекарство*⁴³.

6

*Я скажу а, а бе не скажу...*⁴⁴

Благоговее перед мыслью и не в последнюю очередь — благодаря внутренней работе самой мысли, оба романиста, тем не менее, исповедуют внутренне глубоко продуманную идею примата жизни перед лицом мысли. Герои обоих романов — Пьер и Юрий — именно в процессах восприятия и переосмысления жизни развивают в себе мощную динамику познания. И одновременно (не побоюсь сказать даже и в отношении Пьера) динамику творчества.

Толстовский Пьер воплощает собой всегда неполное, но пленительное, необходимое сердцу человеческому стремление жизни не только выразить, но и понять себя. Выразить и понять без самоомнения и гордыни. Пьер, чья судьба «скрещивается» с судьбами и Андрея Болконского, и Наташи Ростовской, и Платона Каратаева, вольно или невольно выражает не только полноту жизненной стихии, но и ее стремление в какой-то мере высказать и понять самое себя. Жизнь вмняет человеку груз почти что бесполезной (в плане утилитарном) мысли. Но эта просвещенность, казалось бы, бесполезной, далеко не всегда удающейся, но внутренне необходимой мыслью и делает человека прекрасным. Как прекрасны и Пьер, и князь Андрей, и княжна Марья; как прекрасен и Юрий Андреевич Живаго — этот разночинный наследник титулованных толстовских героев.

Прекрасны Наташа и Лара, которые не столько сама мысль, сколько жизнь, благоволящая мысли.

Короче, три героя-мыслителя обоих романов — Пьер, Андрей, Юрий — герои самосознания и самопознания.

А если говорить о фабульной стороне толстовского романа, то ценность этого процесса внутреннего освещения и освящения жизни самосознанием демонстрируется и от противного. Ибо жизнь вне самосознания, да притом еще без забот о хлебе насущном, при барском комфорте — становится лишь развратом, доходящим до потери «образа и подобия», до прямого демонизма. И потому не случайна в

толстовском романе связь мелких, развратных и капризных Анатоля и Элен Курагиных⁴⁵ с персонажем откровенно демоническим — с Долоховым...

Однако демонизм зарвавшегося барства как «провокатора» исторических обид (Курагины у Толстого, Комаровский у Пастернака) — вещь, по существу, общенсторическая и самоочевидная. Но вот связь человеческой мысли и революционных катаклизмов (в терминах Херберта Маркузе — «Reason and Revolution»⁴⁶) — вещь неизмеримо более глубокая, волнующая обоих романистов.

Пьер у Толстого, Юрий и Лара у Пастернака — как бы вольные или невольные лики революции⁴⁷. Не революционных толп и вождей, но, скорее, тех глубин пытающейся сознать себя жизни, которые так или иначе связаны с ее драматической динамикой.

Революции, революционные катаклизмы — Французская революция и Наполеоновские войны, Русская революция, зачинаемая в кругу прошедших Первую Отечественную войну «джентльменов» (выражение Пьера) — в числе неотвратимых загадок жизни. И люди мыслящей себя жизни — такие, как Пьер и Кутузов у Толстого, как Юрий и Лара у Пастернака, — проходят через эти загадки. Проходят — вплоть до «гибели всерьез»⁴⁸.

Разговорами о революции начинается (салон Анны Павловны Шерер, 1805 г.), разговорами о революции и страшным и вещим сном мальчика Николеньки Болконского о будущей братоубийственной войне (съезд друзей и родных в Лысых горах на исходе 1820 г.) завершается весь фабульный объем толстовского романа. И в обоих случаях как бы вестником революции выступает бескорыстный мыслитель и добряк Пьер. Но этот же добряк выступает как условно революционный персонаж на всем пятнадцатилетнем протяжении романа: рывок от поверхностного атеизма к духовным ценностям и понятиям, неудачные попытки общественного реформаторства, грозное одергивание зарвавшихся бар Курагиных, замысел тираноубийства в захваченной Бонапартом Москве, а в плену у французов — осознание неподвластности «бессмертной души» рабскому узническому существованию⁴⁹, созидание семьи как крепости и внутреннего резерва личности в условиях деспотического государства, созидание «Союза благоденствия» — основы будущего декабристского движения...

Каково же было отношение Толстого к революции, законосообразность которой он понимал, но нравственно принять не мог? Кем он был? — «Зеркалом русской революции» (Ленин)? «Пророком русской революции?» (Мережковский)? — Да нет же! Он был, скорее, совестью страны, фатально обреченной в те поры разломам революций.

Есть, правда, одна существенная разница в судьбах толстовских и пастернаковских героев. То, что было лишь

дальней перспективой для героев Толстого — вызревание революции и гражданской войны внутри русского общества⁵⁰ — для героев Пастернака стало не только беспощадной действительностью, но и непреложной ретроспективой истории.

И в свете сказанного — некий общий макроисторический урок обоих романов.

Революцию, как тектонический разлом истории, нельзя победить. Из нее можно лишь в той или иной мере достойно выйти, не покоровшись новому рабству. Нужно понять ее проблематику не только в социальных, но и в духовных и психологических преломлениях. Революции многозначно слагаются не только из чаяний правды, но и из людского самоутверждения в обидах, из мстительных страстей, из разрастания некогда подавленных амбиций, из appetитов статусного и материального перераспредела. «Отменить» этот комплекс перепутавшихся разнородных явлений волевым образом — будь то перспективно, будь то ретроспективно — невозможно. Возможно лишь осмысленное премуменьшение боли революционных разломов⁵¹. Подлинное преодоление революционного «распада»⁵² — в глубокой духовной работе, пересоздающей историю, в умении — если вспомнить стихотворение Рильке, переведенное Пастернаком⁵³ — «расти в ответ» истории. Расти в вере, в мысли, в осмысленной практике.

Разумеется, дух и мысль, по определению, одиноки в массовидных процессах истории. Это понимали и Толстой, и Пастернак. Понимали не только в опыте мысли, но и в опыте собственной судьбы. Но дар «чувствовать за всех»⁵⁴ воспринимался ими как далеко не напрасный и не случайный дар Свыше. Дар через историю.

7

*Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.*

*Из ранней редакции
«Высокой болезни»⁵⁵.*

Я начал предложенное читателю рассуждение с определения обоих романов — на кроччанский лад — как своеобразную форму историографии, т. е. самоосмысления человеческого духа во времени. И посему, подходя к завершению нашего разговора, хотел бы высказать несколько соображений о ценности обоих великих исторических романов двух сопредельных — XIX и XX — столетий для Большой исторической науки и для самой Большой истории.

Вообще, история — необходимая наука человеческого самопознания. И в индивидуальном, и в групповом, и в универсальном планах.

На понимании вопиющей недостаточности прямолинейных причинно-следственных объяснений истории⁵⁶ построены не только философская канва и не только весь философский дискурс последних страниц романа Толстого⁵⁷, но отчасти — и сама поэтика обоих романов: замедленное многоплановое повествование, перебиваемое теоретическим резонерством и самого автора, и романских персонажей; стремление авторов отобразить сплетенность судеб индивидов, семей, народов и Универсума — воистину, «судьбы скрещенье»⁵⁸; парадоксальность жизненных путей, разрывов, встреч и взаимных обретений героев заново; глубина внутренних состояний героев как предпосылка их, казалось бы, внезапных и парадоксальных поступков...

Причинно-следственный ряд наших задним числом выставляемых осмыслений не может передать всего размаха и всей парадоксальности исторических событий. Большая история, как показывают нам оба романа, формируется не только чередованием больших процессов и больших событий, но и присутствием больших смыслов⁵⁹.

Так или иначе — устремленность (пусть ограниченная, но всё же устремленность!) человеческой мысли к достоинству и свободе⁶⁰ не только «отражает», но отчасти и формирует собою контуры и само содержание исторической драмы. История — для обоих романистов, прошедших мощную школу философского и исторического критицизма, о жизненной школе я уж не говорю! — всегда недосказана и к своим предпосылкам не сводима. Но фактор мысли, — не господствующий, но присутствующий и работающий в массовидных и полуинстинктивных процессах истории, — остается для обоих романистов непреложным⁶¹.

В обоих романах живет некая негромкая похвала мысли. Однако мысли, не навязывающей себя жизни и истории на бонапартистский, диктаторский лад, но «сопрягающей» себя с ними.

8

... Всё вглубь, всё настезь⁶².

Думается мне, что оба романа еще не сказали своего последнего слова в «большой длительности» истории. Нашей-с вами-истории.

Действительно, оба романа не только мыслили предшествующую историю, но и *делали* историю последующую. Для российского XX столетия, с его братоубийством и репрессиями, с испытаниями Великой Отечественной войны, роман Толстого оказался книгой надежды и выживания.

Надежды через веру, мысль и стихийные силы самовосстановления жизни.

Роман Пастернака оказался не только фактором всё еще продолжающегося движения страны от плоских утопий к поиску подлинных ценностей веры и творчества и не только фактором духовной эрозии «марксистско-ленинского» бонапартизма. Для Русского зарубежья (этого особого и непреложного русла отечественной истории) роман стал фактором изживания психологии гражданской ненависти и гражданской войны. Фактором становления более открытого и пристального взгляда на современную Россию⁶³. Кстати сказать, и сам Пастернак отчетливо создавал это обстоятельство, отвечая в стихах на партийно-государственную травлю⁶⁴:

*Что же сделала я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей⁶⁵.*

Разумеется, «краса земли моей» для Пастернака — не только внешняя красота природы, но и внутренняя красота языка, слова, человека и культуры. т. е. всего того, что ненавязчивым и непредсказуемым образом входит в текстуру прошлой, настоящей и будущей истории, стремящейся через припоминание прошлого и новизну настоящего преодолевать былые разрывы и катаклизмы.

09.09.10

(день кончины священномученика Александра Меня)

Примечание

¹ В ходе нашего разговора названия обоих романов будут обозначаться шифрами: «Война и мир» — как ВиМ, а «Доктор Живаго» — как ДЖ.

Источники текстов: для ВиМ — подготовленное В. Г. Чертковым и Н. С. Родионовым для Полного собрания сочинений Толстого издание ОГИЗ-ГИХЛ, 1947; для ДЖ — Пастернак Б.Л. Полн. собр.соч. с приложениями в одиннадцати томах. — М.: Слово, 2003-2005, т. 4.

² Обоснование жанровой и смысловой специфики романа Пастернака именно как романа исторического дано в моей работе «История и эсхатология в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (Рашковский Е. Б. Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII-XX столетия. — М.: Новый Хронограф, 2005. С. 171-196).

³ «Сестра моя — жизнь», «Образец».

⁴ ДЖ. Кн. 2. Ч. 17. Гл. 5.

⁵ Именно **есмы**, а не «существую», как принято у нас переводить.

⁶ См.: Fleishman L., Harder H.-B. und Dorzweigler S. Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Б. Пастернака. Т. 2. — Stanford, 1996. S. 230.

⁷ См.: Croce B. Filosofia come scienza dello spirito: IV — Teoria e storia della storiografia. 6 ed. riv. — Bari: Gius, Laterza & Figli, 1948. Изложение кроччанской концепции историографии см.: Рашковский Е. Б. Профессия — историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 8-14.

⁸ Об исторической эвристике в трудах Бергсона см.: Рашковский Е.Б. Бергсон и Тойнби, или о «материи» исторического знания // Логос. М. 2009. № 3 (71). С.155-162.

⁹ Этой проблематике уделено немало внимания в многочисленных и текстологически обоснованных трудах Елены Владимировны и Евгения Борисовича Пастернаков.

¹⁰ ВиМ. Т. 3. Ч. 3. Гл. IX.

¹¹ Для примера — сравнения. У Толстого — описание истории послепожарной Москвы как истории восстановления именно полуосознанной исторической жизни народа (ВиМ. Т. 4. Ч. 4. Гл. XIV); у Пастернака — описание судьбы Тани Безочередовой и посмертного обретения стихов Юрия Живаго в Эпilogue романа.

Кстати сказать, и сама профессия заглавного пастернаковского героя — доктор — знак излечения, ис-целения. То есть — возвращение к жизни.

¹² См.: Иванов Вяч. Вс. «Марбург» Пастернака и Марбургская философская школа // «Марбург» Бориса Пастернака. Темы и Вариации. — М., 2009. С. 127-134.

¹³ См. в этой связи: Кареев Н. И. Историческая философия в «Войне и мире» // Собр. соч. Т. 2. — СПб.: Прометей, 1912. С. 108-152.

¹⁴ ДЖ, стихотворение «Весенняя распутица».

¹⁵ Éschaton (греч.) — последнее, крайнее, предельное.

¹⁶ Вспомним: именно автономность человеческой экзистенции — как раз то самое, что оказывается некоторым водоразделом между Пьером и Юрием, с одной стороны, и большинством их современников и оппонентов — с другой.

¹⁷ ВиМ. Т. 3. Ч. 3. Гл. IX.

¹⁸ ВиМ.Т. 4. Ч. 3. Гл. XV.

¹⁹ ДЖ. Кн. 2. Ч. 16. Гл. 15.

²⁰ В года мытарств, во времена // Немыслимого быта...

²¹ ДЖ, стихотворение «Август».

²² N.B. Наряду с Пьером, князь Андрей — один из любимых героев Толстого. Не случайно Лев Николаевич доверил раненому Андрею и глубину созерцания Неба на поле Аустерлица (ВиМ. Т. 1. Ч. 3. Гл. XVI), и переживание восстановительных сил жизни (эпизод с весенним дубом — Т. 2. Ч. 3. Гл. III), и очистительное переживание любви и собственной смерти после бородинской раны (Т. 3. Ч. 3. Гл. XXXII; Т.4. Ч. 1. Гл. XVI).

²³ Вспомним: в оставленной русскими Москве Пьер — благодаря своим каббалистическим выкладкам — усматривает в Наполеоне апокалиптического «зверя» (ВиМ. Т. 3. Ч. 3. Гл. 27).

²⁴ ВиМ. Эпilogue. Ч. 1. Гл. XIV.

²⁵ Пушкин, «Капитанская дочка», гл. XIII.

²⁶ Вообще, проблема интеллектуально-духовного самоопределения Толстого через судьбу своих героев, на мой взгляд, чрезвычайно важна для понимания всего корпуса его наследия. Через Левина из «Анны Карениной» он готовил себя к творческому перевороту 1880-х гг. (см.: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. — Л.: Худ. лит — АО, 1974); через Нехлюдова из «Воскресенья» он косвенно готовил себя к будущему уходу из Ясной Поляны...

²⁷ ДЖ, стихотворение «Рассвет».

²⁸ Еще раз повторяю: эта коллизия непреложности времен и внутреннего осмысленного достоинства человека и превращает историю из механического чередования поколений и событий в *человеческую длительность*, т.е. в собственно историю.

²⁹ Это как раз то самое, что в экзистенциальной философии получило название сопредельной ситуации: Grenzsituation.

³⁰ См.: ВиМ. Эпилог. Ч. 1. Гл. XVI.

³¹ Там же. Гл. X.

³² См.: ВиМ. Т. 2. Ч. 3. Гл. VII-VIII, X.

³³ Один из самых интересных подходов к пониманию интеллектуального мира пастернаковского героя (всё та же «сопряженность» мысли и творчества с Божеством, природой и красотой) см.: Витт С. Мимикрия в романе «Доктор Живаго» // В кругу Живаго. Пастернаковский сборник / Ed. L. Fleishman. – Stanford, 2000. P. 87-122.

³⁴ ДЖ, стихотворение «Земля».

³⁵ Mann Th. Zur Jahrhundertfeier seiner Geburt. 1928 // Mann Th. Es geht um den Menschen. – М.: Progress, 1976. S. 295.

³⁶ ВиМ. Т. 4. Ч. 2. Гл. XIV.

³⁷ Толстой Л. Н. Христианское учение <1894-1896> // Полн. собр. соч. М. 1956. Т. 39. С. 151-152.

³⁸ Воздадим должное Карлу Марксу. В данном случае обоснованию его идеи разложения революций вследствие их внутренних противоречий и обоснованию идеи бонапартистского разложения революций («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Последующая историография, отталкиваясь от Маркса, усмотрела в бонапартизме одну из важнейших исторических универсалий последних веков. Иное дело, что сам Маркс в своем уникальном подходе к истории опирался на те богатейшие традиции интеллектуальной культуры Европы, которые его ретивыми последователями были, по существу, утрачены. В частности, и на платоно-аристотелевскую концепцию кругового чередования политических форм...

³⁹ На страницах романа Толстого мы можем найти и фантазмагорические, хотя и отрывочные, не связанные общей волей «черновики» будущих революционных событий в России: крестьянский бунт в Богучарове, демагогия Растопчина, высылка из Москвы масонов, бессудная расправа толпы с беззащитным «политическим» Верещагиным. И, наконец, образы пылающего города, задыхающихся в пламени и гари людей, мародерства и групповых казней...

⁴⁰ ДЖ, стихотворение «Август».

⁴¹ ДЖ. Кн. 2. Ч. 15. Гл. 7.

⁴² ДЖ. Кн. 2. Ч. 15-16.

⁴³ Перевод мой. – Е. Р.

⁴⁴ ДЖ. Кн. 2. Ч. 11. Гл. 5.

⁴⁵ Вспомним строку из пушкинской деревни, сказанную, правда, в несколько ином контексте: *Здесь барство дикое без чувств и без закона...*

⁴⁶ «Разум и революция» – название монографии Маркузе, посвященной философии Гегеля.

⁴⁷ Вспомним слова Гордона из эпилога пастернаковского романа: «Задуманное идеально, возвышенно, – грубело, овеществлялось ... так русское просвещение стало русской революцией... всё переносное стало буквальным» (ДЖ. Кн. 2. Ч. 16. Гл. 4).

⁴⁸ Из стихотворения Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...».

⁴⁹ ВиМ. Т. 4. Ч. 2. Гл. XIV; см. также: Т. 4. Ч. 4. Гл. XII.

⁵⁰ Коллизия Пьера и в гораздо большей мере Васьки Денисова («... это колбасникам хорошо Тугендбунд... Тугендбунд я не

понимаю, а не нравится – так бунт!..» – ВиМ. Эпилог. Ч. 1. Гл. XIV), а также ребенка Николюшки Болконского, с одной стороны, и царского верноподданного Николая Ростова – с другой.

Для справки. Тугендбунд (Союз Добродетели) – немецкое либерал-патриотическое антинаполеоновское общество, созданное в Кенигсберге в 1808 г. и окончательно задавленное уже в период пост-наполеоновской реакции. Преддекабристский «Союз благоденствия» во многом ориентировался на опыт Тугендбунда.

⁵¹ Вклад Льва Николаевича в этот момент мировой политической культуры XX – начала XXI в. известен и признан. – См. в этой связи: Рашковский Е. Б. Осознанная свобода... С. 162-170.

⁵² Вспомним одноименное стихотворение из «Сестры моей жизни», связанное как раз с событиями лета 1917 г.

⁵³ «Созерцание (Der Schauende)».

⁵⁴ См.: ДЖ, стихотворение «Рассвет».

⁵⁵ Пастернак Б. А. Полн. собр. соч. в 11 томах. Т. 1. С. 410

⁵⁶ Гносеологически, эта недостаточность была обоснована Дэвидом Юмом, а в отечественной теоретической историографии – Николаем Кареевым. В Германии аналогичные темы постижения истории – однако на гораздо более высоком уровне философской рефлексии – развивались мыслителями Марбургской школы, столь сильно повлиявшей на Пастернака.

⁵⁷ ВиМ. Эпилог. Ч. 2.

⁵⁸ ДЖ, стихотворение «Зимняя ночь».

⁵⁹ Именно такой ракурс «постижения истории (A Study of History)» и был предложен в недавней моей книге «Смыслы в истории» (М.: Прогресс-Традиция, 2009).

⁶⁰ Или, если вспомнить слова Пастернака – «предвестие свободы» (ДЖ. Кн. 2. Ч. 16. Гл. 5).

⁶¹ Есть еще один русский роман XX столетия о мысли, свободе и больших смыслах в истории, роман, написанный с явной и почти демонстративной оглядкой на Толстого: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Но историологический анализ этого романа потребовал бы особого и развернутого рассмотрения. Важным приложением к такому анализу мне представляется книга С. И. Липкина «Сталинград Василия Гроссмана» (Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1986).

⁶² «За поворотом».

⁶³ См.: Флейшман А. С. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго». Борис Пастернак и «холодная война». – Stanford: Dept. of Slavonic Languages a. Literature? 2009. Согласно этому документально обоснованному исследованию, публикация романа и развязанная советской верхушкой травля Пастернака знаменовали собой не только явную дискредитацию этой верхушки, но начало длительного процесса разблокирования настроений «холодной войны» в отношении народов России и Советского Союза.

⁶⁴ В самой этой травле прочитывался не только явно антиинтеллектуалистский, но и скрытый, хотя и понятный во фразеологии тех времен антисемитский подтекст («чуждость», «отщепенство», «дурная трава» и т.д.) – См.: «А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть. 1956-1972 гг. Документы / Под ред. В. Ю. Афиани и Н. Г. Томиной. – М.: РОССПЭН, 2001. Что же касается внутренней готовности поэта встретить такую всесоюзную травлю, то едва ли не лучшим документальным свидетельством такой готовности может служить его перевод шекспирового 66 сонета, увидевший свет еще в 1940 г.

⁶⁵ «Нобелевская премия».

КНИГА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОЧИТАТЬ...

И БЕЗ КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ ЛИТЕРАТУРУ XX века

Екатерина ГЕНИЕВА

Сегодня ни у кого не возникает сомнений в том, что роман Джеймса Джойса «Улисс» — одно из значительных произведений мировой литературы.

Прошло время, когда роман подвергался преследованиям цензуры в Америке. Прошло время, когда его осуждали в Западной Европе и в Советском Союзе. Сегодня «Улисс» переведен на многие языки мира, его свободно можно купить в книжных магазинах, и нет необходимости защищать ни его автора, ни издателей, ни переводчиков.

Трудно перечислить всех тех писателей, которые в той или иной степени не испытали влияния Джойса — у него тысячи последователей во всех странах, и даже те авторы, которым его творческая манера остается чужда, признают его значение, как, например Дж. Б. Пристли, который как-то с раздражением воскликнул: «Покажите мне хотя бы одного писателя, который не знал бы Джойса!» В 2022 году мир, несомненно, будет праздновать столетие выхода в свет «Улисса» как одного из шедевров художественной культуры и значимой вехи в истории модернизма.

Исследования, посвященные «Улиссу», насчитывают десятки тысяч и сами уже составляют целые библиотеки, а литературоведов, занимающихся Джойсом, едва ли не больше, чем пушкинистов или шекспироведов. Многочисленные интерпретации этого романа. В истолковании «Улисса» на протяжении XX века попробовали себя все без исключения литературоведческие школы, начиная традиционной критикой и кончая деконструктивизмом. Порою возникает

ощущение, что про роман уже все сказано, разжевано и пережевано.

Однако это впечатление обманчиво. В отличие от многих произведений, которые удостоились столь заинтересованного внимания читателей и критики, «Улисс» знаменит по-особому.

И первое, на что стоит обратить здесь внимание (факт тоже всеми отмечавшийся и тоже ставший общим местом) — что самые именитые читатели совершенно искренне и без всякого стеснения признаются, что не смогли дочитать роман до конца. Таких читателей тысячи, и чтобы не перечислять слишком многих, упомянем хотя бы Йитса, Матисса, Мандельштама, Борхеса — даже великого книгочея, книгомана Борхеса!

Признавать великой книгу, которую нельзя прочитать до конца, это по всем меркам дело экстравагантное и в какой-то мере скандальное. И тем не менее это так. В истории литературы, правда, имеются аналоги. Известно, к примеру, что визитной карточкой «Божественной комедии» является анекдотический афоризм: «Слава Данте пребудет в веках, ибо его не читают». Сходную репутацию имеет и роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Но оба этих великих произведения отстоят от нас уже довольно далеко, что в известной мере оправдывает их читателей.

Хотя можно отметить и внутреннее родство этих шедевров и книги Джойса. Все они рисуют гигантскую, космогоническую модель мира, все они наполнены множеством намеков и аллюзий на обстоятельства политической жизни, требующие глубокого погружения в реалии эпохи для будущих поколений читателей. Все они положили в основу своего сюжета путешествие. Кроме всего прочего — всё это образцы творчества, новаторского для своих эпох, ломающего шаблоны восприятия.

И все же в «Улиссе» есть нечто такое, что отделяет его и от этих произведений. Сама его структура, язык и манера повествования как бы подводят к некоему пределу, где кончается та литература, которую на протяжении столетий понимала и ценила читающая публика.

Попробуем разобраться, в чем же тут дело.

Магистральный путь европейской литературы, в известном упрощении, подразделяется на два этапа: традиционалистский и Нового времени. Первый этап охватывает огромный период — со времен выделения литературы как особого вида искусства из первоначальной синкретической хорей, вплоть до эпохи романтизма. В самом общем виде его можно охарактеризовать как период «монологической» литературы, опирающейся на представление о мире как о едином, нерасчлененном духовном пространстве, имевшем

ценностное «ядро», мире, где можно было провести четкие границы между «добром» и «злом», между правдой и недолжным бытием. Ни древнегреческая трагедия, ни лирика трубадуров, ни литература эпохи Возрождения, ни драматургия классицизма и Просвещения не подрывали основ общего мировидения, делая предметом подражания некий идеальный эйдос, изображая всякое отхождение от него как комическое или трагическое отклонение. В подобном литературном космосе существовала строгая иерархия жанров, место каждого из них было узаконено, а правила, по которым строились различные произведения, заранее определены. Канон, традиция, иерархия — вот три кита традиционалистской литературы, которая дала миру множество шедевров — от эпических поэм до лирики и романа.

В XIX веке возникает совершенно особая ситуация, когда традиционалистская литература начинает постепенно разрушаться, утрачивая вековые контуры и очертания.

Первый гвоздь в «гроб» старой литературы вбили романтики, остро ощутившие те пути, которые накладывали на развитие литературы традиционные представления о ее смысле и предназначении. Именно романтики обнаружили фундаментальный разрыв между реальной жизнью и мифами о ней, которые в большом количестве производили писатели всех стилей, направлений и жанров.

Именно романтики, сделав ставку на индивидуальное, а не коллективное сознание, почувствовали враждебность личности и социума, обнаружили то самое «двоемирие», которое было немедленно воспроизведено в громадном числе поэм и романов — от Байрона до Лермонтова, и, как это часто бывает, скоро само превратилось в литературный штамп.

Признав самоценность индивида и его «точки зрения» на мир, романтизм не остановился на этом и сделал следующий шаг — признал права «другого», а следовательно — всех. Если значим мир отдельного человека, а людей — много, то значим мир каждого из них. Такая, незатейливая на первый взгляд, логика подрывала самые основы всякой мифологии и монологических жанров, единой, неделимой, господствующей «правды» о мире. Она требовала не только разобщенности и фрагментарности мира, но постулировала его принципиальную **многозначность**, которую отныне надлежало изображать «настоящей» литературе, коль скоро она не желала опускаться до примитивного уровня массового сознания с его неизбежными сюжетными клише и «сказок для взрослых» со счастливым концом.

Однако со способами изображения возникали проблемы. И не только у романтизма. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Эта знаменитая фраза Тютчева может служить лозунгом всей новой литературы. Если нет прежних критериев, продиктованных канонами, где найти

иные, которые помогли бы адекватно передать сложный мир внутренней жизни и ощущений каждого индивидуального сознания?

Старые методы для этого не годились, поэтому изобретали новые, разрушая сложившуюся систему жанров и самые основы словотворчества. Отныне вся литература, на какие бы течения и направления она ни делилась, была озабочена одной проблемой — поиском свежего и неповторимого литературного языка.

Свои (как оказывалось впоследствии — временные) решения находил каждый вновь возникавший «изм»: к ним относятся и «озарения» Рембо, и метафизическая герменевтика Малларме, и внешнее жизнеподобие «критического реализма», и обнаженные приемы «натуральной школы», и «автоматическое письмо» сюрреалистов, и многое другое. Со временем в этом ряду окажется и «Улисс» Джойса. Его слово в литературе, как мы увидим далее, с одной стороны, подытожило эти искания, а с другой — открыло совершенно иные перспективы и измерения — одновременно победоносные и трагические.

Чтобы понять тот способ литературного изображения, который предложил Джойс, следует обратить внимание на некоторые особенности его восприятия.

Известно, что в юности Джойс, воспитанный в иезуитских учебных заведениях, отличавшихся строгими нравами, испытал глубокий мировоззренческий кризис: столкнувшись с ложью и жестокостью священнослужителей, он утратил всякую веру. Более того, отринув все запреты, ранее налагавшиеся на него, Джеймс нарочито демонстративно выпустил на свободу свое материальное естество. Вместе с младшим братом Станислаусом они настолько переусердствовали в новом рвении, что на просьбу умирающей матери об исповеди и отходной молитве ответили ей отказом. Джойс «поставил свою вновь обретенную духовную свободу выше последней просьбы, последнего утешения матери»¹. Всю оставшуюся жизнь он раскаивался в этом своем поступке, хотя вместе с тем продолжал отвергать общественные устои, видя их лицемерие и условность. Потеряв Бога, Джойс обрел трезвое и пронзительное видение реальности, позволившее ему без шор и розовых очков всмотреться в себя и в окружающий мир.

Формированию особой восприимчивости Джойса способствовал также и врожденный недуг: широко известно, что с детства Джеймс отличался слабым зрением, которое со временем переродилось в заболевание, под конец жизни практически приведшее его к слепоте. Но, как бы предвзято это, природа наградила Джойса абсолютным слухом — музыкальным и лингвистическим. Он с детства не только

хорошо пел, но и «слышал» внутренний язык каждой вещи. Мир Джойса — это прежде всего и преимущественно мир звуков, шумов, музыки природы и человеческих голосов. Если зрительные образы для него скорее умозрительны, связаны с рациональным началом, поскольку для того, чтобы «разглядеть», ему приходилось делать значительные усилия, то образы звуковые были для него столь органичны, что напрямую взаимодействовали с подсознанием и эмоциональной сферой, где легко сопрягаются интуитивные смыслы и рождаются аллюзии.

То, что Джойс был способен мыслить звуком, несомненно повлияло на его лингвистический дар: он легко усваивал языки, ощущал пленительный звуковой рисунок каждого из них, совершенно естественно «слышал» этимологию каждого слова, и это наполняло его существование неизъяснимым блаженством. Используя выражение Урсулы Ле Гуин, можно сказать, что Джойс обладал уникальным даром слышать «истинную речь», а также врожденной и усиленной постоянными занятиями «языковой компетенцией», которой наделены в этом мире только маленькие дети, когда учатся говорить, и редкие лингвистические гении.

Не столь уникальным, однако не менее значимым в жизни Джойса обстоятельством оказалось то, что он рано покинул родину и две трети жизни прожил в разных странах, нигде не обретая корней. Именно в Европе он получил работу и признание, тогда как родная Ирландия была столь консервативна, что стала едва ли не последней страной, реабилитировавшей «Улисса», да и то лишь спустя много лет после смерти его создателя, так что, подобно Гамлету, Джойс мог бы назвать свое отечество «тюрьмой». Как бы то ни было, Джойс стал настоящим гражданином мира, перекатиполом, существовавшим в том пространстве между государствами, которое позволяло ему с одинаковой легкостью воспринимать обычаи разных стран и столь же легко отстраняться от любой национальной ограниченности.

Таким образом, безверие, слепота и изгнанничество породили довольно редкий сплав, то пограничное, насмешливое и углубленное в себя духовное состояние, которое легко оперирует разными измерениями — физическим, ментальным и чувственным, которое находит себя на грани миров, лишь соприкасающихся краями, ни одному из них не принадлежа безраздельно.

Именно этот духовный сплав в муках и наслаждении семь долгих лет рождал «Улисса».

По словам все того же Борхеса, «Джойс — как мало кто другой — не просто литератор, а целая литература»², а «Улисс» — уникальное произведение, где:

*Дни всех времен таятся в дне едином
Со времени, когда его исток
Означил Бог...³*

Как мы уже знаем, такие произведения, тяготеющие к построению гигантской метафизической модели мира, редки, но не уникальны. Поэтому гораздо интереснее сюжета «Улисса», изображающего бесконечное путешествие по миру трех основных персонажей романа, оказывается то, как этот сюжет изображен. Выясняя это, мы увидим, что мифологическая схема — лишь каркас, внешняя основа, которая худо-бедно скрепляет повествование, которое, по мере развития, обретает свою жизнь в гигантском количестве скрытых цитат, аллюзий, переключек, поворотов, уводящих далеко от стандартного маршрута, так что читатель очень скоро теряет путеводную нить и...

Здесь возможны различные варианты: бросает чтение; пробует пробраться через частокол неизвестных и непонятных фактов, прибегая к комментариям; пролистывает несколько страниц, чтобы найти внятное продолжение, и т. д. и т. п. Да, редкий читатель, при таком подходе к чтению, доберется хотя бы до середины «Улисса». И уж совсем извращенный ум, испытывая возрастающее недоумение, упорно будет читать роман до конца. Наконец читатель поймет, что обманулся в своих ожиданиях и с гневом или досадой отложит в сторону неподатливый текст, более к нему не возвращаясь...

Все упреки, конечно, к автору: «Ваш роман трудно читать». На это, столь стандартное для читателей «Улисса» восклицание Джойс не раз невозмутимо отвечал: «Вам трудно читать, а мне трудно было это писать». Разговор закончен, так и не начавшись.

Причина, однако, не в тексте, причина в установке читателя (глубоко укорененной и неосознаваемой) — найти в произведении нечто знакомое и привычное. Но искать традиционный ход вещей в «Улиссе» не имеет никакого смысла. Его следует читать совсем иначе: раскрепостить воображение, откинуть в сторону шаблонные ожидания и погрузиться не в себя, а в текст, полюбив его, как и сам Джойс. И тогда текст, как волшебная шкатулка, откроется невиданными богатствами и красотами, в особенности если читатель хорошо владеет английским.

Дегустируя каждое слово, каждое предложение, каждую цитату, стиль каждого эпизода «Улисса», отдавшись на волю этой словесной стихии, то обволакивающей, то завораживающей, то язвительно-насмешливой, то нагло-напористой, то пронзительно нежной и застенчивой, читатель уже не думает о приключениях героев, которые занимали его в иных произведениях, он вдруг осознаёт, что само **приключение языка** в этом странном тексте занимает его

гораздо более сюжетного повествования. Он начинает слышать различные «голоса» текста, его смех и слезы, его желания и надежды, его вкрадчивый шепот. И вот уже все эти звуки, пробудив в нем собственные ассоциации, собственные смутные надежды, доходят до сознания. Он начинает понимать, что автор не заманил его в заранее сконструированную клетку, где он встретит привычных героев в привычных литературных обстоятельствах, которых, на самом деле, не так уж и много в мировой литературе — и темы, и типы персонажей давно классифицированы и обыграны в конечном количестве сюжетных ходов и интриг. Взамен этого суррогата Джойс предлагает гораздо большее — целую вселенную человеческих смыслов, разноголосую, но необычайно привлекательную в своем многообразии; он предлагает прослушать каждый голос в отдельности, он предлагает обсудить это удовольствие вместе, он пробуждает наконец спящее сознание, которое, отталкиваясь от предложенных образов и ассоциаций, вызовет к жизни новые смыслы, рождающиеся уже не у автора, а у самого читателя. Джойс делает читателя сотворцом своего произведения и наслаждается процессом чтения вместе с ним⁴.

И в какой-то момент читатель вдруг поймет, что «Улисс» — не что иное, как образная и довольно точная имитация процесса нашего мышления. Ведь все мы мыслим как раз таким вот образом — ассоциативным, с перебивками и отступлениями, с внезапными озарениями и внезапными забываниями, прерывисто, дискретно. И лишь насквозь условная реальность — литература — приучила нас к неестественной, сковывающей линейности, к жесткой логике причин и следствий... А Джойс дарит нам исконно присущую нашему мышлению свободу...

Поняв, наконец, **что** изображает в своем романе Джойс, читатель тут же поймет и то, **как** он это делает. В особенности это поймет современный читатель, знакомый с Интернетом. Ведь «Улисс» — это не что иное, как **гипертекст**, с которым каждодневно имеет дело каждый пользователь сети: отправляясь из какого-то конкретного места, переходя от ссылки к ссылке, он постепенно втягивается в бесконечное путешествие по библиотекам, документам, цитатам, новостным лентам, блогам, сетевым сообществам, форумам... Попадая в Интернет, каждый пользователь заранее знает, что погружается в беспредельную вселенную различных дискурсов, что поиски его в этом пространстве никогда не закончатся, что он не вычерпает этого моря до конца. И его, пользователя, это нисколько не смущает. Почему же не отнестись подобным образом и к произведению Джойса?

Ведь что, как не множество стилистически разнородных текстов, связанных ассоциативной логикой, представляет собой Улисс? Исследователи давно отметили этот факт: помимо традиционно прозрачного и логичного

стиля, которым написаны преимущественно первые эпизоды, помимо знаменитого «потока сознания» Моли Блум, в «Улиссе» можно насчитать несколько десятков различных дискурсов: стиль прессы, канцелярский язык, профессиональные жаргоны, язык политических партий, и, наконец, пародии на едва ли не на все стилиевые и жанровые манеры мировой литературы...

Цель Джойса — показать языковой Вавилон, многоликое лицо человеческого разноречия, на котором зиждется мир. Он выявляет особенности каждого стиля, сталкивает их на одной площадке, заставляет играть гранями на фоне друг друга, пародийно заостряя характерные особенности или давая возможность излиться свободным потоком. Ни одному из этих языков не отдает он предпочтения, всем предоставляет трибуну.

Именно такое произведение считал М.М. Бахтин венцом романного жанра. Он видел его «многожанровым, многостильным, беспощадно-критическим, трезво-насмешливым, отражающим всю полноту разноречия и разногласия <...> культуры, народа, эпохи»⁵.

О том же феномене литературы, называя его интертекстом⁶, писала Юлия Кристева. А классическое его описание дал в своей книге «S/Z» Ролан Барт: «Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя наверняка признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они «неразрешимы» (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем — бесконечность самого языка»⁷.

Однако, создавая такой текст, впитавший принцип языковой всеядности и толерантности, а значит и неизбежного релятивизма, Джойс подводит литературу к опасному порогу, за которым открывается бездна.

Опасность заключается в том, что «бесконечность самого языка», изображаемая в литературе, делает ненужным такое фундаментальное понятие, как Автор. В самом деле, на протяжении веков автор придавал словесной стихии стройность, подчинял ее течению своему замыслу, видя в этом свое главное предназначение. Таким автором был и древний пиит, получавший творческий «заказ» и вдохновение от божества, таким автором является и современный писатель, руководствующийся субъективной творческой волей. Однако когда текст начинает строиться как мозаичный и

принципиально многозначный, говорящий уже не **благодаря**, а во многом **вопреки** автору, говорящий гораздо **больше**, чем хочет сказать автор, вовлекающий в процесс становления смыслов читателя, который становится полноправным **соавтором**, — такой текст, по сути, отвергает своего создателя, такой текст разрушает и само понятие литературы.

Страшноватым примером грядущего текста, приходящего на смену традиционному литературному произведению, может служить образ Океана в «Солярисе» Станислава Лема — коллективно-бессознательная память человечества, участвующая в процессе смыслопорождения. Более близкие примеры мы можем наблюдать в том же Интернете: это знаменитые сетевые романы, которые пишутся сразу несколькими читателями-авторами текста, каждым по своему разумению. Это та же «Википедия», создаваемая коллективными усилиями тысяч пользователей, имеющих возможность в любой момент не только дополнить сведения, добытые предшественниками, но и изменить их, перетолковать, а то и попросту зачеркнуть.

Джойс, несомненно, осознавал эту проблему, более того, показал ее логический конец. «Улисс» — это последний из шедевров «высокой» авторской литературы, где замысел писателя еще не утратил своего значения. Однако вслед ему, нашедшему русло для излияния стихийной словесной лавины, уже грядут «Поминки по Финнегану», где именно языку, а уже не автору, полностью принадлежит текстовое пространство, где язык правит свой собственный бал, ищет собственных оснований, плодит собственных детей, становясь все более эзотеричным, все менее и менее внятным... Человеческое сознание, когда-то обретшее Логос как мощное средство общения, постепенно утопает здесь в бесконечных коммуникационных шумах, все более и более подходящих на естественные шумы природы — плеск волн, шум ветра, шуршание листопада, — чарующие ухо, но абсолютно бессмысленные...

Итак, оказывается, что лишенное смыслового центра многозначие рано или поздно оборачивается своей противоположностью — полным отсутствием смысла.

Для писателя, осознавшего этот предел, остается два выхода. Первый — молчание. Его предпочел Рембо: исчерпав возможности языка, он сменил профессию и никогда не жалел о сделанном выборе.

Второй выход — это отказ от поисков абсолюта и возвращение к истокам, к началу поисков. Этот путь гораздо более сложен, чем первый, и вовсе не такой конформистский, каким может показаться на первый взгляд. Его прекрасно описал в своем известном стихотворении Пастернак:

*В родстве со всем, что есть, уверяясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В несмысленную простоту.*

Этот путь выбрал Пушкин, когда сменил поэзию на прозу. Его, как мы полагаем, намечал для себя и Джойс, когда, уже после «Улисса» и в разгар работы над «Поминками по Финнегану», написал кристально ясное, простое стихотворение, посвященное внуку «Ессе рует». Характерно и то, что лучшим произведением мировой литературы Джойс считал незатейливую, лаконичную притчу Льва Толстого «Сколько человеку надо».

Однако это только наша гипотеза. А в историю культуры вошел именно «Улисс» — книга, которую нельзя прочитать и без которой нельзя представить себе XX век, вместе с Джойсом увидевший в бесконечном путешествии языка последнюю возможность отдать дань Литературе и проститься с ней, смутно надеясь, что, быть может, новое

тысячелетие откроет перед человеком иные возможности словесного самовыражения.

Примечания

¹ Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Издательство Независимая Газета, 2000. С. 367-494.

² Борхес Х.Л. Соч.: в 3 т. — Т. 3. С. 132.

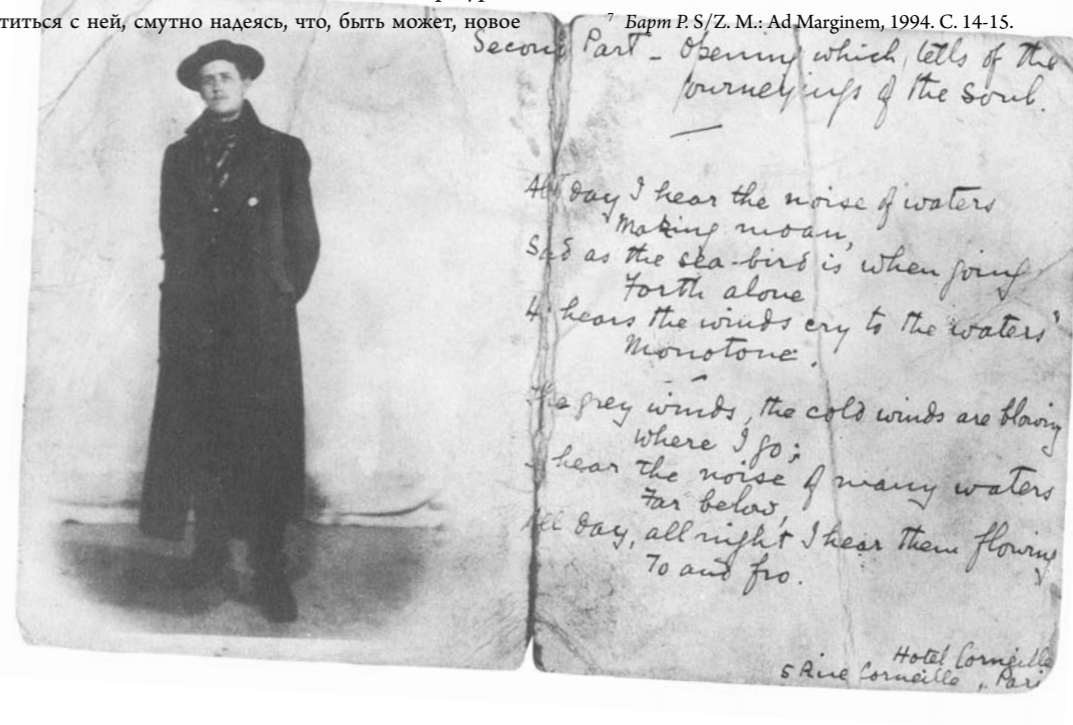
³ Там же. С. 481.

⁴ «Мои потребители... разве не они же и мои производители?» — напишет он позже в «Поминках по Финнегану».

⁵ Бахтин М.М. Из предистории романного слова // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. С. 425.

⁶ О термине интертекст см. подробнее: Косиков Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.Н. Нарумова, В.Ю. Лукашик. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — С. 8-42.

⁷ Барт Р. S/Z. М.: Ad Marginem, 1994. С. 14-15.

ЗАМЕТКИ ОБ «ОСТАЛЬГИИ» В ГЕРМАНИИ

Татьяна ХОФМАНН

Почти как у Киплинга: двадцать лет прошло уже после объединения Германии, а Восток остается Востоком.

На странице www.ossiladen.de сегодня легко заказать не только флаги ГДР и Советского Союза, но и такие ностальгические продукты социалистического пище-прома, как сгущенное молоко или леденцы-барбариски. Продолжает выходить коммунистическая газета «Новая Германия», на своих местах остаются кладбища советских красноармейцев и памятники немецким антифашистам. Не только фрагменты Берлинской стены, бывшие контрольно-пропускные пункты и тюрьмы, превращенные в музеи, но даже знаменитые часы на Александерплац в Берлине, зачем-то позволявшие людям знать точное время во всех мировых столицах, постоянно напоминают о недавнем прошлом Восточной Германии.

Ностальгия по этому прошлому, так называемая «остальгия» (от нем. *Ost(en)* — *восток*), для одних сделалась навязчивой идеей, другим показалась неплохим средством поддержать региональную экономику, третьим дала повод для усмешки, самоиронии и рефлексии. Государственный праздник 3 октября — День объединения Германии — сегодня мало кто празднует, кроме интуристов в берлинских дискотеках. Традиция гордиться нацией не воскресла, разве что ослабела традиция стыдиться своего прошлого.

Через двадцать лет после разрушения Берлинской стены и воссоединения Германии на всевозможных юбилейных выставках и в научных сборниках для описания случившегося чаще всего применяется нейтрально

окрашенное определение «мирная революция». При этом делается упор на воспитательный момент и всячески подчеркивается репрессивный характер политического режима в ГДР.

Потсдамский историк Мартин Сабров недавно собрал и издал антологию «Памятные места в ГДР», где попытался отразить более широкий круг мнений и воссоздать более разносторонний ландшафт исторической памяти. В нее вошло полсотни статей известных историков, социологов и видных политических деятелей прошлого. По сути, это очередной аналог «Памятных мест» историка Пьера Нора, который в начале 1980-х искал важнейшие символы французской нации в общественном сознании: географические пункты, события, личности, произведения искусства. Похожая попытка в Германии предпринималась Хагеном Шульце и Этьеном Франсуа, выпустившими в 2001 году «Немецкие памятные места». В антологии Саброва одно из таких мест — это восточноберлинский район Панков, где во времена ГДР «панками» и не пахло. Здесь обитала партийная номенклатура и деятели официального искусства. Здесь и сегодня живут такие писатели, как Криста Вольф, Фолькер Браун и Христов Хайн, сохраняют свои названия улицы Маяковского и Чайковского, а респектабельность здешних зданий и отсутствие иностранцев привлекают сюда семьи с хорошим доходом и странной убежденностью, что маленьких детей следует отправлять в детские сады уже в годовалом возрасте, для их скорейшей и безболезненной адаптации в коллективе. Этим детям уже не придется учиться русскому языку,

который в восточноберлинских школах почти исчез из программ, и о недавнем социалистическом прошлом они будут узнавать не столько на уроках и организованных воспитателями экскурсиях, сколько из рассказов родителей.

Ельке Шерстяной в статье «Вспоминая ГДР» (*UTOPIE kreativ*, № 204, октябрь 2007) утверждает, что история ГДР будет горячо обсуждаться немцами еще лет двадцать, пока не станет достоянием культурной памяти, как то произошло с памятью времен нацизма. Для ускорения этого процесса специально созданная комиссия историков рекомендует органам государственного управления учредить «учебные и мемориальные центры повседневного опыта диктатуры». Е. Шерстяной считает, что подобные учреждения приобретут обвинительный уклон и сосредоточатся исключительно на опыте жертв диктатуры, игнорируя все прочие аспекты общественно-политической, экономической и культурной жизни. В бурных дискуссиях непримиримых оппонентов вопрос ставится ребром: была ли ГДР «тюрьмой штази» или же «идиллией садовых гномиков»? Народная «остальгия» в этом вопросе решительно расходится с официозно-пропагандистским и научно-историческим подходами к изучению и интерпретациям немецкого послевоенного периода.

Вот одиозный пример. Для оформления дрезденской выставки «20 лет мирной революции: Дрезден '89 — начало демократии» были сооружены картонные стены с колючей проволокой наверху, чтобы любому посетителю, проходящему между ними, с ходу становилось ясно, что это было и куда он попал. И это в Дрездене — вдали от угрюмой Берлинской стены, в одном из красивейших городов мира с богатейшим культурно-историческим наследием, где даже при социализме производились отдельные товары класса «люкс» (в том числе знаменитые кондитерские изделия), и на поминавшем тюрьму или концлагерь только в больном воображении кураторов выставки.

Художественных произведений, в которых ГДР — тема и место действия, не так уж мало, но они редко пока становятся предметом культурной рефлексии. Куда чаще они служат для публики развлечением, о чем свидетельствует успех фильма «Гудбай, Ленин!» (2003, реж. Вольфганг Беккер) и экранизации юмористического романа Томаса Бруссига «Солнечная аллея» (1999, реж. Леандер Хаусманн).

Как альтернатива развлечению возникла мода на документальное повествование и мемуары. Сбежавшая из ГДР певица Нина Хаген стала первым общенемецким

панком, шокировавшим партийную номенклатуру Восточной и буржуазию Западной Германии. Целью побега, по ее словам, являлся не столько сытый Запад, сколько поиск Бога. Книга «Исповедь» писалась певицей как попытка разговора с Христом, что в результате привело Хаген к крещению в 2009 году. В ней она утверждает, что сбежала от замкнутости, убожества и скуки социалистического образа жизни. Хотя в последнее не очень-то верится, когда читаешь о регулярных поездках молодой эстрадной звезды на курорты Балтики, о ее близости с певцом-диссидентом и продолжателем творчества Бертольта Брехта — Вольфом Бирманом, об употреблении наркотиков и т. п. Причем скудный быт в ГДР певица сравнивает не с суровым бытом в других социалистических странах, но исключительно с бытом западных соседей, что само по себе весьма симптоматично.

Отрадное явление — проведенная 15-16 мая 2009 года в Бремене конференция «Творчество после переворота. Воссоединенная Германия в зеркале литературы и кино». На ней обсуждались, в частности: поэтика воспоминания в цикле рассказов Инго Шульце «Новые жизни»; распад времени в поэзии Дурса Грюнбайна; национальная идентичность в юмористическом романе Йоахима Лоттманна «Немецкое единство»; утопия интеллектуально свободной Германии в «Саду на Севере» Михаеля Клееберга, а также новые жизненные реалии в «Комнатном фонтане» Йенса Шпаршу, уже включенном в школьные программы.

Самым весомым и, если считать по количеству полученных премий, лучшим романом, описывающим социалистический эксперимент в Германии, признается «Башня» Уве Телькампа, изданная в 2008 году издательством Зюркампа. Автор родом из Дрездена, не был ни сторонником, ни противником режима, сегодня живет на юго-западе Германии. Главным героем его многопланового романа является город Дрезден. И хотя Телькампа, на первый взгляд, строго придерживается топографии «Флоренции на Эльбе» (как дрезденцы нежно и гордо называют свой город), он встраивает в свое повествование сюрреалистические элементы: перебрасывает мосты, где их не было и нет, заводит читателя по знакомым улицам в тупик. Как видно из откликов на роман, даже сами дрезденцы не сразу разобрались, что автор водит их за нос; что это не бытовой роман, а нечто другое.

Дрезден и его окрестности при социализме получили прозвище «долина незнающих» — из-за отсутствия приема западного телевидения и, соответственно, невозможности сравнить с тем, как все могло бы быть. В романе «Башня» присутствует эта тема островной

изоляции, но без перебора и без юношеской робинзонской экзотики. В художественной форме автор анализирует разные факторы прекращения существования ГДР, такие как перегруженный аппарат государственного управления и подавления, «социальная культура организованной безответственности», техническая отсталость, ведущая к экологическим катастрофам, и замкнутость, чреватая стагнацией.

В роли рассказчиков выступают три обитателя дрезденского квартала Лошвиц-Белый Олень — района вилл и особняков, где предпочитала селиться местная интеллигенция. На без малого тысяче страниц описываются последние семь лет перед падением Берлинской стены и воссоединением Германии и жизненные перипетии сотен персонажей из всех слоев общества, увиденные глазами рассказчиков. Молодой человек хочет стать врачом, но должен отслужить положенный срок в армии, его отец теряет пристижное положение в медицинской академии, а работающий в издательстве дядя описывает в своем дневнике перипетии дрезденской культурной жизни. Время словно застыло и прокручивается на одном месте, как на «треснувшей грампластинке», куда неотвратно приближается 9 ноября 1989 года. Во второй половине «Башни» реализм в стиле буржуазных романов XIX века переходит в разновидность критического реализма, вскрывающего проблемы в экономике, социальной инфраструктуре, образовании, вооруженных силах. Повествование оживляют гротескные эпизоды — такие как чтение по ночам Пруста в качестве принудительного труда. В целом «Башня» построена из смонтированных частей, подобно мозаике, временами дающей выход очередному потоку сознания (похожий конструктивный принцип Теллькампа использовал и в рассказе «Сон в часах», получившем в 2004 году премию Ингеборг Бахманн, одну из самых престижных в Германии). Из первой части романа — «Педагогическая провинция» — можно сделать вывод, что ГДР исчезла частично сама по себе, а частично с помощью протестантов, активистов и интеллектуалов, большинство из которых являлись оппортунистами. Дрезден предстает и центром оппортунизма, то есть привязанности к прошлому, и символом переворота, то есть протестных демонстраций. Вторую часть — «Гравитацию» — можно истолковать как подспудное стремление ГДР к самоликвидации и возвращению к нормальной исторической жизни. Социализм, таким образом, сбрасывается с «парохода современности», как балласт и ненужный хлам.

Исторические перемены являются главной темой лирического романа Дженни Эрпенбек «Heimsuchung»,

изданном в 2008 году берлинским издательством Айхборн. Название его переводится как «Визит домой» или «Поиск дома». В нем рассказывается история владельцев дома у озера в Бранденбурге под Берлином. Запутанное переплетение двенадцати биографий, историй и судеб от начала 1920-х до начала 1990-х годов, когда дом возвращается в руки наследников бывших еврейских владельцев. Попутно маклер предлагает его купить туристам и инвесторам.

Вся история Германии XX века беспристрастно отражается писательницей, выросшей в очень похожем доме в ГДР. Она разыскала его бывших владельцев по всему миру, нашла и скрупулезно изучила сохранившиеся документы, чтобы освободиться, наконец, от навяздения — от поработившей ее ретроспективной утопии своего детства, где люди — заложники истории, а дом — явление природы.

Насильно втиснутое в дом время символизирует одна из главных героинь, жена архитектора, прятавшаяся в конце войны в платяном шкафу. Она смеялась много и часто, пишет Эрпенбек, пока в 1945-м не стала жертвой обнаружившего ее в шкафу красноармейца. Мотив изнасилования немецких женщин в капитулировавшей Германии — ход бесприкрытый, но, как писала «Франкфуртская общага газета», эта безвкусная политическая порнография выглядит самой слабой сценой романа (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23.02.2008, Nr. 46).

В конце концов дом сравнивают с землей — прошлое уничтожается, на том же месте начинается новое строительство. Или строительство нового?

По крайней мере, старое залатано.

Восток сегодня прячется за отремонтированными и вылизанными фасадами опустевших восточнонемецких городов и городишек, оставшихся без молодежи, погрязших в безработице, локальном патриотизме и неприязни к ЕС. Он заявляет о себе в готовности голосовать за правые партии — особенно в Саксонии и вечно красивом Дрездене. Он по-прежнему слышится в Берлине, где типично берлинский говор — безошибочный индикатор восточноберлинской пролетарской ориентации. Этот Восток не вписался в новый западный мир и не растворился в нем бесследно. Его следы можно обнаружить, стоит только присмотреться, почувствовать. Другой Восток можно найти в Интернете и на красочных упаковках выставок, в фильмах, книжках, автобиографиях. Но порой кажется, что между этими двумя «Востоками» — реально существовавшим и товарно-рекламным — вырастает невидимая стена, а иногда, наоборот, что их уже не различить. ■

ЗАМЕТКИ О РИМСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ, 2008–2010 годы

Александр СЕРГИЕВСКИЙ

Рим музыкальный в сезонах 2008–2010 годов одаривал любителей как серьезной, так и легких музыкальных жанров выступлениями солистов и ансамблей самой высшей пробы. Пик сезона, — по числу выступлений гастролёров в столице, — как правило, падает на летние месяцы. Не стали исключением и последние годы. Концертные залы и площадки под открытым небом, парки, скверы и городские площади и территории, на которых расположены памятники архитектуры, помещения церквей и учреждений — в жаркое время года тут регулярно звучит музыка самых разных жанров: от концертно-инструментальной классики и оперы до всех видов лёгкой и народной музыки. И это не считая традиционных, ежегодно повторяющихся фестивалей, обычно устраиваемых по давно привычным «адресам». К числу которых относятся, в частности, фестивали камерной музыки в парке усадьбы Торлония, во дворе старейшего римского университета «Ла Сапиенца» и под стенами древнеримского театра Марцелла, что на берегу Тибра. С недавних пор к этим площадкам добавились целых три зала в новоотстроенном киноконцертном комплексе «Аудиториум» на окраине города (тут же проходят показы фильмов Римского международного кинофестиваля, выступления симфонических оркестров и оперных звёзд). Существуют и, так сказать, «передвижные» (хотя тоже ежегодные) музыкальные праздники: скажем, Римский фестиваль камерной музыки, в 2008-м отметивший свой 10-летний юбилей. Почти всегда на нём звучат произведения широкого спектра жанров: от музыки Баха или Перголези (как было в юбилейном году), до сочинений

классиков джаза и самых шумевших мюзиклов последних десятилетий. При этом место проведения каждый год сознательно меняют: музыка звучит на площадях, в скверах и парках города. На территории самого большого римского парка — на Вилле Памфили — закончившийся 2010 год стал двадцать третьим по счёту, когда слушатели на протяжении всего июля каждый вечер могли посещать «Концерты на Вилле Памфили». Здесь изменения касаются представляемых ежегодно жанров: за последние три года на нём отметились такие звёзды, как крупнейший исполнитель классической музыки в Италии, пианист Марио Поллини (Mario Pollini), один из ведущих американских джазовых пианистов (с уклоном в классику) Ури Кэйн (Uri Caine) или британцы — гитарист и певец в стиле кантри Гарри Мур (Garry Moore) и виртуоз джазовой электрогитары Джеф Бек (Jeff Beck). Для аналогичных концертных спектаклей летом предоставляются площадки и помещения и в других парках Рима — в первую очередь, на территории бывшей королевской усадьбы (так называемой Виллы Ада) и на Целийском холме, в одноимённом городском парке. А вот ежегодный музыкальный праздник под названием «Рим-Европа», лишь недавно сформировавший свою программу пока и не закрепившийся ни на одной определённой территории, привлекает к себе внимание меломанов уже по окончании летнего сезона — в октябре. Несколько ежегодных фестивалей и ряд однократных музыкальных «инициатив» приютил за прошедшие три сезона крупнейший концертный комплекс города «Аудиториум». Так, здесь, в частности, в 2008 году выступали (в рамках

своих европейских гастролой) Мадонна и Бьёрк, ведущий виброфонист современного джаза Гарри Бертон (Harry Burton) и гость из Китая Ланг Ланг (Lang Lang), талант первой величины среди молодого поколения пианистов-классиков; один из великих реформаторов джаза, последний, по сути, великий саксофонист второй половины XX века, Сони Роллинз (Sonny Rollins); крупнейший автор-исполнитель в жанре фолк-музыки Пол Саймон (Paul Simon) и его младший современник, рок-гитарист, певец и автор песен Джэксон Браун (Jackson Browne); а также «последний из могикан» итальянской эстрады — из созвездия великих певцов второй половины минувшего века — Джанни Моранди, представивший слушателям свой последний диск. Неувядаемый Боб Дилан в 2009 году начал в «Аудиториуме» своё турне по Европе, а крупнейшая итальянская джаз-певица Кьяра Чивелло (Chiara Civello), ныне проживающая в Нью-Йорке, — отправилась отсюда же на свои гастроли по Италии. В следующем сезоне в залах «Аудиториума» блистали такие всемирно известные джаз-гитаристы, как американцы Марк Кнопфлер (Marc Knopfler) и Пэт Мэтини (Pat Metheny), а также их соотечественники: непревзойдённый виртуоз и ветеран джазового пианизма Чик Кореа (Chick Corea); ещё одна «звезда» мирового джаза Кейт Джаррет (Keith Jarrett) в ансамбле с великим контрабасистом Гарри Пикоком (Garth Peacock) и неподражаемое рок-трио в составе Кросби, Стилза и Нэша (Crosby, Stills and Nash).

Продолжая музыкальную тему, отвлечёмся от лета и обратимся к прохладной и дождливой римской зиме, ничем, впрочем, не обиженной молчанием ЕВТЕРПЫ, музы Музыка (прошу прощения за неизбежную фонетическую тавтологию). Самым очевидным подтверждением чему — как обычно — служат предрождественские и предновогодние дни: в этот период в Риме вновь, как и летом, повсюду звучат музыка и пение — поют, играют, декламируют и танцуют местные и приезжие ансамбли, группы и солисты. Широкомасштабный ежегодный проект объединяет множество культурно-развлекательных мероприятий, в течение месяца проводимых в столице начиная с середины декабря: классическая и лёгкая музыка и пение, но также выставки, специальные программы для детей и молодёжи, конкурсы, литературные чтения и многое другое, что идёт под шапкой «Рим — город Рождества». Так, число их все последние годы только 24-го декабря неизменно достигает не менее сорока, а среди исполнителей регулярно встречаются имена первой величины. Так, в 2008-м тут пели великолепная оперная дива Монтсеррат Кабалье (Montserrat Caballé), легендарная джазовая вокалистка и блестящая актриса

Ди Ди Бриджуотер (Dee Dee Bridgewater) плюс целое созвездие исполнителей спиричуэлс (и вообще духовной музыки) из США, за последние пять лет ставших обязательными гостями Рима на рождественских фестивалях и всегда выступающих в лучших концертных и церковных залах города.

Более продолжительную историю — ещё с 30-ых годов XX в. — насчитывает ежегодный летний сезон Римской оперы (Opera di Roma), который в июле-августе проходит на территории античных Терм Каракаллы и неизменно открывается «Аидой» Верди. Репертуар сезона включает несколько опер: в 2008-м, кроме «Аиды», это были «Мадам Баттерфляй» Пуччини, «Лючия ди Ламермур» Доницетти, а также балет Адана «Жизель»; в 2009-м в Термах звучали «Тоска» Пуччини и «Кармен» Бизе. «Аиду» же в прошлогоднем сезоне слушали в помещении театра в январе: видимо, таковы были условия, выдвинутые Робертом (Бобом) Уилсоном, знаменитым и парадоксальным театральным постановщиком; третьим же спектаклем летнего сезона был балет по мотивам шекспировского «Сна в летнюю ночь» на музыку Мендельсона. А вот в 2010-м в программе оказалось лишь две классические оперы: традиционная «Аида» (в которой, пел Сергей Мурзаев) и «Риголетто» (с участием Михаила Рысова), а также балет Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта» (к хореографии которого в своё время приложил руку Рудольф Нуреев). Ныне Римская опера переживает очередной финансово-организационный кризис: прежнее руководство ушло, а новое и стабильное — ещё не утвердилось.

В программу летних сезонов в Термах Каракаллы балетные постановки из репертуара театра включаются регулярно. Кстати, среди балетов на сцене Римской оперы в сезоне 2008–2009 года, была и восстановленная постановка трёх одноактных балетов в хореографии известного русского балетмейстера Леонида Мясина в декорациях Пабло Пикассо (правда, показал их театр не в летний сезон).

Вообще же чисто российская тема в балете в Риме присутствует регулярно: в 2008-м она была продолжена спектаклем «Ромео и Джульетта» (на музыку Прокофьева) на сцене театра «Ардентина» и гастроями московского «Нового балета» в рамках летнего балетного фестиваля «Приглашение на танец», по традиции проводимого на Вилле Памфили.

Впрочем, данная тема часто не ограничивается исключительно балетом. Так, в том же сезоне она была представлена и в других жанрах: к примеру, на сцене Олимпийского театра в ноябре показывали театральную-музыкальную композицию, посвящённую памяти

Владимира Высоцкого, а театр «Новый Колизей» (ещё весной) осуществил постановку кучеховских «Трёхсестёр».

В тот же календарный период (7 и 8 марта) в зале Национальной музыкальной академии св. Цецилии давали концерт Валерий Гергиев и Владимир Репин: звучали сочинения Бетховена. А музыка Чайковского, Рахманинова, Бородина, Прокофьева, Шостаковича и Шнитке исполнялась в аудитории «Кочилационе» у врат Ватикана (в феврале и марте). Гергиев в 2009-м дважды выступал в Риме: во второй свой приезд (осенью) он управлял Лондонским симфоническим оркестром, в репертуаре вечера — и вновь в помещении Национальной музыкальной академии — опять звучала музыка русских композиторов (Чайковского и Стравинского). Кроме того, в зале камерной музыки «Аудиториума» 6 мая состоялся сольный концерт российского пианиста Григория Соколова.

В летний период наряду с музыкой расцветает и кино: только в центральной части города в эти месяцы по вечерам работают не менее десятка площадок (как правило, под открытым небом — в парках, скверах и на площадях), где обычно можно смотреть по два фильма за сеанс. И это — только специализированные кинопоказы (как правило, в рамках нескольких летних фестивалей, посвящённых музыке и театру, также нередко демонстрируется и кино). Так что для фанатов жанра Рим летом — поистине благословенное место. Тут можно увидеть фильмы разных лет, стран, режиссеров; тематика показов варьируется в самых широких пределах, на любой вкус и возраст. К тому же цены на билеты, как правило, ниже, чем в кинотеатрах (значительное количество которых хотя бы на пару недель закрываются, в основном — в августе). А посему, учитывая также и общее состояние дел экономики в текущее время, — летние площадки с натянутым экраном почти всегда заполнены зрителями. С другой стороны, на строго официальном уровне, так сказать, — в том, что касается Международного римского кинофестиваля, — то, увы (по мнению большинства специалистов и иностранной кинокритики), по основным качественным показателям он уступает своим основным соперникам: Каннскому и Венецианскому. И это — как минимум, поскольку такое же сравнение с другими фестивалями (например, в Берлине или Москве) не проводилось. Так что сравнивать остаётся лишь по формальным параметрам, таким как количество конкурсных произведений, число залов, в которых проходят просмотры, и бюджетным затратам. Впрочем, и по числу «звёзд» мирового экрана, которых приглашают в качестве почётных гостей, Римский кинофестиваль тоже уступает вышеупомянутым лидерам.

Вполне логично теперь перейти к другой сфере визуально-игрового искусства — исторически кино предшествовавшей. Имеется в виду театр, процветавший на Апеннингах, как известно, с античных времён и накрепко связанный с кинематографом, по меньшей мере, человеческим фактором: практически все итальянские актёры играли и играют как в театре, так и в кино. Достаточно вспомнить великих мастеров эпохи неореализма, тех, кто воплощал на экране замыслы Феллини, Висконти, Антониони, вплоть до лидеров сегодняшнего театра и кино в лице Тони Сервилло (TonI Servillo), Роберто Беннини (Roberto Bennini), Серджо Каstellито (Sergio Castellito)... Актёрские таланты в Италии не редкость, но вот, искусство режиссуры, особенно театральной, после ухода из жизни в 1997 г. признанного её лидера Джорджио Стреллера, находится ныне в периоде «больших ожиданий». Впрочем, отдельные и весьма заметные театральные события в том же Риме всё же происходят. Взять к примеру последний — по времени постройки — театр «Глобус» (точную копию знаменитого лондонского оригинала 1599 г., также изготовленную из дерева) с исключительно шекспировским репертуаром, что неизменно каждое лето вызывает неподдельный интерес театралов и ценителей творчества великого англичанина. Не в последнюю очередь, успеху способствуют режиссура и организаторские способности руководителя театра, известного актёра и режиссера Джиджи Проетти (Giggi Proetti), ежегодно приглашающего в «Глобус» театральные труппы из других городов Италии и из-за рубежа.

Так вот, в этой связи задайте себе вопрос: в каких пьесах Шекспира действие (полностью либо эпизодически) разворачивается в Риме? Правильный ответ должен включать «Юлия Цезаря», «Антония и Клеопатру», «Тита Андроника», «Кориолана» и «Цимбеллина». Немало, тем более что никакой другой город в этом смысле не выдерживает конкуренции с Вечным городом. Неудивительно поэтому, что тут в 2003 г. — всего за три месяца — была выстроена прекрасная «реплика» елизаветинского оригинала.

В 2008 г. с июля по октябрь (как правило, «Глобус» работает именно в этот период) показали «Сон в летнюю ночь», «Короля Лира», «Комедию ошибок» и «Венецианского купца». Причём в роли Лира блистал один из ярчайших талантов современного итальянского театра — Уго Палия (Ugo Paglia). А в городском Доме театра (на территории Виллы Памфили) подготовили специальную выставку, темой которой была история мировых постановок — театральных и экранных — тех самых пяти «римских» пьес Шекспира. На следующий

год репертуар театра составили «Отелло», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего» и «Венецианский купец». Причём «Венецианского купца» привёз театр «Politeama» из Катаньи — того самого сицилийского города, где в своё время самоотверженно боролся с мафией неотразимый Микеле Плачидо (это, конечно, к тем, кто помнит знаменитый сериал 1980-х про бесстрашного комиссара Катанью). Любопытно, что со сцены звучал текст, переведённый с итальянского на местный, сицилийский, диалект, а посему для подавляющего большинства зрителей давался обратный аудиоперевод (к региональным культурным традициям в Италии относятся с уважением).

В 2010 году поставили: «Укрощение строптивой», «Много шума из ничего», «Сон в летнюю ночь», «Два веронца» и «Бурю» — с ещё одним бесспорным мастером национальной сцены, Джорджио Альбертацци (Giorgio Albertazzi). Так и хочется спросить: чего ожидать зрителям, когда весь шекспировский репертуар будет исчерпан (если уже не исчерпан)? Однако не забудем, что спектакли здесь идут главным образом гастрольные — их привозят итальянские и зарубежные театры, а таковых (в репертуаре которых значится хотя одна пьеса Шекспира), скорее всего, не так уж и мало. Стало быть, политика «Глобуса» вполне плодотворна и дальновидна.

А теперь обратимся к наиболее традиционному и низменно великолепно подобранному «репертуару» самой характерной части культурных событий в городе — к художественным выставкам. Причём на сей раз мне хочется выстроить обзор согласно хронологии их собственной тематики. Обратимся к глубинам античной истории: с выставки, целиком посвящённой личности Юлия Цезаря. Впервые — по крайней мере в Риме — были собраны самые разнообразные и разножанровые материалы, посвящённые жизни и деятельности великого древнеримского диктатора, полководца и писателя: от бытовых изделий и произведений искусства его эпохи до (для наглядного сравнения) лучших образцов таковых же, созданных в последующие столетия докапиталистического периода европейской истории. Впрочем, заглянуть в ещё более глубокую древность позволила осенняя выставка этрусского искусства, образцы которого были найдены в ходе археологических раскопок на территории столичной области Лацио — в основных центрах одноимённой цивилизации: Черветтари, Вейо, Тарквиния и Вулчи. Наиболее впечатляющим экспонатом во Дворце выставок (среди предметов культа, быта и искусства) являлась великолепно выполненная в натуральную величину реконструкция этрусского храма, всё же в целом порождало мысль, что у нашего общего «европейского

дома», возможно, были основатели и учителя постарше римских.

Переходя от древнеримских реалий к эпохе расцвета европейского искусства на территории Апеннин, обратимся сначала, пожалуй, к выставке, в 2008 году представившей современным римлянам творчество одного из «отцов» венецианской школы живописи эпохи кватроченто (раннего Возрождения) — блестящего Джованни Беллини, предшественника гениев Джорджоне и Тициана. Недаром Дюрер назвал Беллини «лучшим из лучших». И не случайно долгие годы в родном городе почитали его главным Маэстро. Очевидным доказательством чему и стала эта выставка в так называемых «Квиринальских скудериях» напротив Президентского дворца — самом престижном выставочном комплексе Рима. Открывшаяся 30 сентября 2008-гои длившаяся около трех с половиной месяцев, экспозиция представила три четверти всего художественного наследия Беллини (более 60-ти работ, присланных из многих музеев мира) и лишний раз подтвердила общеизвестное суждение, что именно с него обрёл право на жизнь эпитет «итальянская» — в приложении к живописи мастеров, работавших на территории, которой лишь много веков спустя суждено будет объединиться с другими италийскими землями и городами и стать единой Италией. Уникальность выставки определялась и тем фактом, что она явилась второй в истории монографической экспозицией Дж. Беллини (первая состоялась в 1949 году в Венеции).

Целиком живописи пятнадцатого века художникам, работавшим в тот период в Риме, была посвящена выставка «XV век в Риме», развёрнутая в летние месяцы в Музее Корсо и собравшая более 170 работ самых признанных мастеров эпохи Ренессанса — от Мантеньи, Пьеро дела Франчески и Донателло до Пинтуриккьо, Перуджино и Филиппо Липпи. Были представлены также образчики изделия прикладного искусства, изготовлявшиеся в ту же эпоху в столице Папской области: медали, посуда, музыкальные инструменты, мебель, географические карты и т. п.

Грациозностью отличались и мифологические картины Антонио Корреджо, ещё одного представителя Возрождения. В столице, пожалуй, впервые была представлена столь обширная экспозиция этого живописца (более полусотни его работ). Выставка в залах Галереи Боргезе — основного художественного музея города — действовала почти полгода.

Дважды за последние три года в Риме было представлено творчество Джорджио Де Кирико, крупнейшего итальянского художника XX столетия, главы «метафизической школы» в живописи. Сначала в осенне-зимний

сезон 2008/2009 года — в залах Национальной галереи современного искусства (Galleria nazionale dell'arte moderna), выставка была организована в связи с 30-летием со дня смерти художника. Экспозиция «Де Кирико и музей» отражала, по сути, самый широкий спектр его творческой и личной биографии, хотя количество созданных им за долгие годы творческого труда (художник скончался в возрасте 90 лет) произведений в самых различных жанрах подсчитать трудно. Затем в течение весны и начала лета 2010 г. во Дворце выставок была представлена экспозиция «Де Кирико и природа».

Если на первой выставке ее устроители сосредоточились на взаимоотношении художника с искусством прошлого, собрав в залах почти сто его живописных, графических и скульптурных работ, то вторую экспозицию организаторы разместили в шести залах Дворца выставок, согласно числу интерпретаций понятия «Природа» у Де Кирико. И хотя произведений художника тут было меньше, чем на первой выставке, это никак не влияло на силу и полноту впечатлений, тем более что большинство его картин давно стали классикой современного искусства.

Работы Де Кирико, представленные на обеих выше-названных выставках, были позаимствованы из десятков музеев в разных городах и практически не дублировались, что лишней раз доказывало: творческая энергия и талант Мастера не иссякали до последних дней его долгой жизни (что, согласитесь, случается не столь часто), а периодически менявшиеся художественные концепции и стилевые особенности неизменно вдохновляли его на создание новых полотен и циклов работ.

И наконец, отдельного упоминания заслуживает тема русских связей художника. В 1923 (или 1924) году он познакомился с актрисой театральной труппы «Compagnia degli Undici» (руководимой, кстати, Луиджи Пиранделло), эмигрировавшей из России Раисой Гуревич-Кроль; с нею Джорджо Де Кирико прожил в Париже незабвенных шесть лет. Кроме того, чуть позже для «Русских балетов» Сергея Дягилева Де Кирико создал декорации к спектаклям «Бал» (в 1929 г. балет был показан в Париже, а затем в Лондоне и Нью-Йорке) и «Петрушка» (парижская постановка 1931 г.).

Надо также сказать, что большинство работ Де Кирико соседствовали на выставке со своими так называемыми прототипами: копиями произведений античного и классического европейского искусства, сюжеты, детали и концепции которых заимствовал художник, с их помощью создавая свои «метафизические» и иные «римейки».

Из целого ряда выставок 2008 года запомнилась мне и коллективная экспозиция в выставочном павильоне

усадыбы Торлония (которая, между прочим, в межвоенные десятилетия минувшего столетия служила семейной резиденцией Бенито Муссолини). В последние годы здания на территории этой преданной забвению усадьбы вернули былое величие, а одно из них приспособили для выставочного зала. Здесь-то зимой и была развернута экспозиция из почти пятидесяти живописных полотен (масло и акварель), а также представлены альбомы, монографии и документы, рассказывающие о жизни и творчестве их авторов (чьи имена, за исключением, пожалуй, Ренато Гуттузо, мало что говорят широкому кругу любителей живописи за пределами Италии). Упомяну лишь самых любимых мною — Антонио Донги (Antonio Donghi) и Марио Маффаи (Mario Maffai), чье творчество, протекавшее в значительной степени вне влияния Де Кирико, даёт прекрасное представление о таких интересных течениях в итальянской живописи межвоенных десятилетий минувшего столетия, как «пластические ценности» и «магический реализм». В портретах и пейзажах эти художники (обычно объединяемые под термином «римская школа») живо и «доходчиво» передают атмосферу того времени, о которой — полагаю, мало что известно русскому человеку, даже любителю живописи. И ещё — с известной долей юмора, конечно — я бы назвал этих художников «пре-рафаэлитами XX века»: ибо в творчестве они опираются на те же художественные ценности, что и их подлинники английские «однофамильцы» XIX столетия — на наивное искусство; Кватроченто дорафаэлевского периода (в первую очередь на Пьеро делла Франческа). Приглушенный, размытый свет их картин создает впечатление магии, надолго остающейся в памяти.

Художественные выставки сезона-2008 тоже не обошлись без русского «штриха», что, впрочем, нельзя назвать исключением. На сей раз то была составила экспозиция из шестидесяти с лишним картин маслом и акварелей из собрания Эрмитажа. Представлены работы сорока двух европейских и русских мастеров, в XVII–XIX веках, посетивших Италию и запечатлевших свои впечатления на холсте и бумаге. «Познавательные» путешествия по Апеннинам, вошедшие в моду среди молодых английских джентльменов особенно в конце XVIII века, тогда же получили название «Больших путешествий» или, даже дословно, «Гран туров» (Grand Tours). Выставка под таким названием в последние месяцы 2008 года и была развернута в одном из небольших выставочных помещений города (при церкви San Salvatore In Lauro). Работам было явно тесно, экспозиция заслуживала куда большего пространства и внимания, тем более что посетителей было более чем достаточно.

В этой связи, кстати, мне вспомнились две более ранние выставки, составленные по тому же структурному принципу: когда экспозиция подбирается не по хронологическому либо стилистическому (подбор произведений определённых «школ», течений, направлений и т. п.) принципу, а по тематическому. И тогда получаются довольно интересные по подбору произведений и итоговому впечатлению экспозиции: например, та, что представляла картины русских художников, которые были «пенсионерами» Императорской Академии художеств и работали в Италии в XVIII–XIX веках. Аналогична этой выставке была и экспозиция работ русских художников из собраний Эрмитажа, которые наряду с произведениями европейских живописцев XVII–XIX столетий пользовались огромным успехом у римской публики и огромного наплыва туристов. Большой интерес вызвала также выставка на тему «София, премудрость Божия» в ватиканском выставочном комплексе на площади Святого Петра, где были представлены иконы из музеев и храмов России.

И еще несколько слов о выставке «Grand Tours». Надо сказать, что участники этих путешествий по Италии (речь не идет о художниках) были состоятельными людьми и нередко покупали либо заказывали живописцам картины на сюжеты, которые должны были запечатлеть увиденные достопримечательности и пейзажи, а также жанровое исторические или мифологические композиции. Не были исключением и русские знатные и даже коронованные особы. Так, ещё в 1745 году императрица Елизавета Петровна приобрела из разных европейских коллекций 115 полотен для своего дворца в Царском Селе, среди которых было немало работ итальянских художников. В частности, четыре работы итальянского художника Александра Маньяско (Alessandro Magnasco), экспрессивные по манере письма картины которого пользовались в то время большим спросом. В следующем столетии французскому Теодору Дюклеру (Duclere), президенту неаполитанской Академии художеств, через русского посланника в Неаполе заказывал картины российский император Николай I. А его наследник, будущий император Александр II, лично согласовывал с Дюклером сюжет картины «Богородица в Риме» (представленной на выставке), которую и приобрёл во время своего «Большого Путешествия» в 1838–39 годах. Но самым большим спросом у русских путешественников и богатых коллекционеров пользовались работы французского живописца второй половины XVIII века Клода-Жозефа Верне (Vernet). Сегодня в экспозициях музеев России насчитывается более 50 его картин. Только собрания Дома Романовых находилось

около тридцати работ Верне, князья Юсуповы владели десятью его произведениями.

Граф Иван Иванович Шувалов, один из главных фаворитов Елизаветы Петровны получил от императрицы в дар те самые четыре картины итальянца Маньяско, входившие в число закупленных ею работ европейских художников (кстати, они «попали в кадр» на портрете графа кисти Федора Рокотова). А другой русский вельможа, граф Дмитрий Толстой, президент Петербургской Академии наук, проезжая через Венецию, заказал себе на память картину у местного живописца Джулио Карлини (Giulio Carlini) картину, также представленную на выставке под названием «Семейство Толстых на набережной Большого канала».

Что же касается моих собственных вкусовых предпочтений, то больше других запомнились мне два пейзажа голландца Яна Ф. Ван Бломена (Van Bloemen), жившего и работавшего в Риме под псевдонимом Оризонте (Orizzonte) в первой половине XVIII века. Это был один из лучших учеников Никола Пуссена и дальний предшественник ранних импрессионистов.

А ещё в Риме побывали Рембрандт, Вермер и Рубенс в окружении нескольких из наиболее известных своих соотечественников, составивших вместе с ними славу «золотого века» голландско-фламандской живописи XVII столетия. Выставка, развернутая в ноябре-декабре в залах музея «Фонд Рима» на виа дель Корсо, продлилась в итоге до середины следующего года.

Среди представленных шедевров — такие редкие «гости», как три полотна Рембрандта (включая «Меняю» и «Портрет человека в золотом шлеме», до сих пор вызывающий ожесточённые споры по поводу его авторства); «Девушка, примеряющая ожерелье» Вермера Делфтского, а также работы Рубенса, Ван Дейка и Питера де Хоха.

В тот же период (речь о зимнем сезоне 2008/2009 года. — *Ред.*) можно было посетить выставку «Арлекин в искусстве» работы Пабло Пикассо, с 1917 по 1937 год. Кстати, Пикассо тоже довольно редкий гость в Риме: последний раз он выставлялся здесь ровно пятьдесят пять лет назад. Чем, конечно, подогревался интерес публики, ожидания которой не были обмануты — в залах Викторианского выставочного комплекса экспонировались более 180 работ мастера, прибывшие из двух десятков музеев, художественных галерей и частных собраний в Европе и США. Такое количество экспонатов могло бы вызвать недоумение, но только в том случае, если «забыть» о необыкновенной плодовитости Пикассо, за 92 года жизни создавшего в общей сложности более тридцати тысяч работ в различных жанрах.

Между прочим, начало хронологии представленных на выставке «Арлекин в искусстве» работ художника отмечено 1917-м годом — как раз когда Пикассо несколько месяцев жил в Риме и работал вместе с Жаном Кокто над проектом декораций и костюмов к балету «Парад» для «Русских балетов» Дягилева. Именно тогда испанский художник познакомился с русской балериной Ольгой Хохловой (через год Пикассо заключит с нею единственный в своей жизни законный брак). Дягилевская труппа тоже обосновалась тогда в итальянской столице, проживая в гостинице «Минерва» близ Пантеона. Там же поселились и другие сотрудничавшие тогда с «Русскими балетами» русские художники: Бакст, Ларионов и Гончарова. В те же дни навестить Дягилева приезжал Игорь Стравинский. Вот такое созвездие сконцентрировалось в Риме в год падения монархии и двух революций в России. Сохранилась фотография, на которой Пикассо, Кокто и Маринетти засняты в одной компании с русскими звездами. Вполне вероятно, что снимок был сделан в «Старом греческом кафе» на виа Кондотти рядом с площадью Испании — старейшем заведении этого типа в Риме (где, кстати, в те годы обычно собирались итальянские футуристы во главе с тем же Маринетти). Семнадцатым годом датируется и «Арлекин» Пикассо (экспонировавшийся на выставке), которого многие специалисты считают портретом ещё одного участника дягилевской труппы — хореографа Леонида Мясина. Добавлю, что, приехав в Рим, Пикассо и Кокто поначалу разместились в отеле «Деи Русси» (Dei Russie) — излюбленной гостинице русских постояльцев в дореволюционный период (привычка эта вновь распространилась среди состоятельных российских туристов в последнее десятилетие).

Вот на таком «перекрестии» трёх национальных культур (русской, итальянской и испанской. — *Ред.*) закончился 2008 год. В 2009 году балетная «тема» получила в театральном сезоне Рима своеобразное продолжение, когда усилиями современных хореографов (в числе которых были и российские постановщики Вячеслав Хомяков и Николай Андросов) на сцене Римского театра оперы в течение апреля-мая были восстановлены двенадцать одноактных балетов, составивших в своё время славу дягилевской труппы. Спектакли на музыку Стравинского, Аренского, Римского-Корсакова (а также Дебюсси и Шопена) шли в постановке прославленных русских хореографов — Фокина, Мясина, Баланчина, Нижинского. «Сильфида», «Жар-птица», «Петрушка», «Клеопатра», «Послеполуденный сон фавна» и «Шехерезада» — вот то немногое, что удалось увидеть мне собственными глазами.

Русская «составляющая» в культурных инициативах года была дополнена экспозицией московского художника Валерия Кошлякова (в выставочном комплексе современного искусства МАХИ) в апреле-мае; русской же теме был посвящена музыкальная композиция «Ностальгия» французского композитора Франсуа Кутюрье (Couturier), написанная им по мотивам одноимённого фильма Андрея Тарковского. В ноябре в «Аудиториуме» состоялась постановка «Ностальгии». В «Аудиториуме» (но только в январе) в течение нескольких вечеров звучала гениальная музыка Чайковского, Бородина и Прокофьева; дирижировал оркестром Юрий Темирянков. Чуть позже в том же «Аудиториуме» Илья Ким играл Первый концерт Чайковского и Второй — Рахманинова для фортепиано с Берлинским симфоническим оркестром. В помещении театра «Араджентина» (предназначенного для гастрольных выступлений) труппа «Aterbaletto» показала свой вариант балета Прокофьева «Ромео и Джульетта», а на сцене Римской оперы в начале зимы была представлена «Аида» в постановке и сценографии Боба Уилсона (среди солистов выделялась Анна Смирнова, а авангардное мышление постановщика и оформителя, как всегда, привлекало к этим спектаклям многочисленную молодёжную аудиторию).

Год 2009-й был отмечен целым рядом первоклассных оперных спектаклей, созданных мировыми знаменитостями. Так, Питер Гринуэй (Peter Greenaway) поставил оперу «Голубая планета» современного боснийского композитора Горана Бреговича (Goran Bregovich), неувядаемый Франко Дзеффирелли — «последний из могикан» великой плеяды итальянских кинорежиссёров (в очередной раз обратившийся к театральной практике) — «Травиату» Верди и «Паяцы» Леонкавалло, а прославленный Рикардо Мути (Riccardo Muti) стоял за дирижёрским пультом в дни исполнения «Ифигении в Авлиде» на музыку Глюка.

Начало 2009 года запомнилось римлянам не только культурными мероприятиями: в течение первых дней января уровень воды в столичном Тибре неожиданно и резко побил рекорды многих предшествующих десятилетий, превысив привычную отметку более чем на десять метров. На реке смыло все пристани-временки и рестораны-поплавки: ещё три метра — и вода перехлестнула бы парапеты набережных. Но, слава Богу, всё обошлось, стихия успокоилась, Тибр вернулся в привычное русло, а культурная жизнь музеев, театров и концертных залов продолжалась (кстати, в один из тех дней разбушевавшейся стихии улицы и площади Вечного города на пару часов покрылись толстым слоем снега — такого тут не видали более четверти века!).

В «Аудиториуме» в день снегопада пел прославленный Джинно Паоли (Gino Paoli), старейший бард Италии, кумир нескольких поколений; открылась выставка Антонио Кановы в Галерее Боргезе, и т. д. и т. п. ...

Летом же Римская опера, как обычно, перенесла свои спектакли на территорию античных Терм Каракаллы (репертуар я перечислил в начале обзора), и в целом летний музыкальный сезон мало чем отличался от предыдущих лет — конечно, имеется в виду разнообразие жанров и количество участников. Конкретные же программы и состав исполнителей — всё это обходилось без каких-либо повторов. На сей раз почтили Рим своим присутствием «звёзды» мирового класса: 15-го августа в ходе своего европейского турне сделал первую остановку собирающий полные залы поклонников, Боб Дилан, а на месяц раньше в свой очередной приезд в Рим на Олимпийском стадионе пел Брюс Спрингстин. В том же июле в «Аудиториуме» публика ломилась на творческий вечер крупнейшего итальянского композитора, автора музыки более чем к пятистам кино- и телефильмам, прославленного Эннио Морриконе (Ennio Morricone), а в другом зале — так называемом «Аудиториуме Кончилационе» (менее вместительном, но замечательном своей долгой историей) в марте пела одна из ярчайших «звёзд» старшего поколения итальянской эстрады — Орнелла Ванони (Ornella Vanoni).

Любители же джаза впервые увидели (и услышали, естественно) крупнейшего африканского музыканта Абдуллу Ибрагима (Abdullah Ibrahim) из Южной Африки — джазмена с давней репутацией «звезды», которого в далёкие 50-е годы прошлого века благословил на эту стезю сам великий Дюк Эллингтон.

Стал зрелищем и «большой спорт». В том нет ничего удивительного, и потому администрации столичных городов во всём мире стремятся так или иначе заполучить себе то или иное спортивное шоу международного класса. Так что Рим — далеко не исключение, хотя он может похвастаться лишь двумя подобными событиями высшего разряда: традиционным финалом престижнейшей велогонки «Джиро Италия» и не менее заслуженным Римским теннисным турниром, отметившим в 2009-м свой восьмидесятилетний юбилей. В свою очередь, это было ознаменовано, во-первых, постройкой нового Центрального корта и, во-вторых, победой хозяйки турнира Франчески Скьявоне (Francesca Schiavone) в одиночном женском разряде.

А вот ежегодный Римский марафон от 22 марта, пожалуй, не может претендовать на «звёздное» событие в большом спорте, хотя в нём и принимают участие зарубежные спортсмены (в 2009 году он проходил в Риме

в пятнадцатый раз). Однако особенностью марафона является любительский «довесок»: дополнительная четырёхкилометровая дистанция, которую могут бежать все желающие — независимо от пола, возраста и уровня подготовки. Короче, полная спортивная демократия: плати 7 евро и беги на здоровье сколько хватит сил. И ведь бегут — сотни и тысячи людей бегом и трусцой, резво и не торопясь по улицам и площадям Вечного города, чтобы, тяжело дыша, закончить забег у стен древнего Колизея... И все четыре километра по обочинам дороги их подбадривают толпы римлян и заезжих туристов: для них это — зрелище, за которое вовсе не надо платить.

А теперь вновь о «высоком». То есть об изобразительном искусстве, без которого невозможно представить себя палитру культурного досуга, если живёшь в Риме или попал сюда хотя бы проездом. Итак, снова поговорим о выставках. Две из них были просто уникальны. Первая — крупнейшая в истории мирового музейного дела экспозиция великого Джотто (в Викторианском выставочном комплексе), вторая (в залах Капитолийских музеев) — посвящённая творчеству Фра Беато Анджелико. Причём обе экспозиции давали возможность увидеть (помимо работ самих мастеров) ещё и произведения их современников, учеников и последователей. Так, работы Джотто (более двадцати картин из крупнейших итальянских и зарубежных музеев) предстали в «антураже» полутора сотен произведений лучших европейских мастеров XIII–XIV веков, а 34 картины Беато Анджелико (многие из которых также прибыли сюда из целого ряда национальных и зарубежных коллекций) можно было сопоставлять с не меньшим числом полотен других художников, подобранных по аналогичному принципу. Проходили эти выставки примерно в одно и то же время — с апреля по июнь включительно.

Ещё в одном престижнейшем выставочном помещении столицы — так называемых Квиринальских Скудериях (то есть бывших папско-королевских конюшнях) — весь последний квартал года был отдан выставке «Искусство Древнего Рима I в. до н.э. — V в. н.э.». Тут были представлены фрески, мозаики, ткани, живопись по дереву и стеклу (так называемый «фаумский портрет»): всего более ста экспонатов из музеев Италии, из Лувра, Британского музея, музеев Берлина, Москвы и других европейских городов.

В начале же года залы Скудерий отвели под экспозицию «Футуризм» (во многом идентичную той, что видела затем Москва в залах Пушкинского музея). И посвящалась она столетию первого манифеста одноимённого художественно-литературного движения начала XX в., опубликованного его лидером Маринетти в парижской

«Фигаро» 20 февраля 1909 года. Открытая к этой дате, выставка продолжалась почти три месяца.

Не успела завершиться экспозиция Джотто в залах Викторианского комплекса, как сразу вслед за ней (вплоть до сентября) там открылась ретроспективная выставка Огюста Ренуара. Было представлено около ста пятидесяти работ, осветивших более чем 40-летний творческий путь замечательного мастера. На творчество Ренуара, кстати, значительное влияние оказало посещение им Италии в 1881 году. Свидетельством этому явились (тоже представленные в качестве экспонатов выставки) письма Ренуара.

Выставке выдающегося мастера японской пейзажной живописи XIX века. Хиросигэ (свыше 200 гравюр мастера в стиле «укиё-э» прибыли в Рим из Академии искусств в Гонолулу) были отданы в марте-мае залы Музея Корсо (замечу в скобках, что это его первая выставка в Италии). Кстати, страстными поклонниками его «поэзии в цвете» являлись в своё время французские импрессионисты, в первую очередь Моне и особенно Ван Гог, в чём воочию убеждаешься, рассматривая пейзажную гравюру великого японца.

Не менее разнообразно был представлен XX век. Причём на сей раз предпочтение было отдано заокеанским художникам и скульпторам. Так, сначала (в марте-мае) впервые в Италии состоялась ретроспективная выставка произведений одного из старейших американских мастеров современного искусства Эдварда Паркера, больше известного под псевдонимом Сай Томбли (Cy Twombly), — ярчайшего представителя текущего периода в области нефигуративной живописи и скульптуры, чьё творчество последних десятилетий критика именует «символическим реализмом». Большую часть своей творческой жизни он, между прочим, прожил в Риме и лишь в последние годы вернулся на родину. Некоторое недоумение, правда, вызывает столь запоздалая инициатива со стороны организаторов выставки: где же они были раньше, когда Томбли жил здесь? Так или иначе, но семьдесят его работ (живопись, скульптура, графика) в залах Национальной галереи современного искусства римляне наконец-то увидели. А на всю вторую половину осени и почти всю зиму во Дворце выставок расположилась экспозиция ещё одного мэтра и тоже американца — классика современной скульптуры, Александра Кальдера (Alexander Calder), чьи работы, особенно в стиле сюрреализма, находятся во многих музеях Америки и Европы.

В промежутках следовали выставки:

1) Сони Делоне (Sonia Delaunay), мастера абстрактной живописи, первой женщины-художника, возведён-

ной критикой в разряд «классика» и удостоенной прижизненной выставки в Лувре, к тому же награжденной орденом Почётного легиона;

2) костариканского скульптора Хименеса Дередиа (Jimenes Deredia), чьи работы внушительных размеров были размещены не только в залах Дворца выставок, но и в других выставочных помещениях, а также на нескольких площадях в центре города, и даже внутри Колизея и Форума (по словам самого скульптора, Рим — идеальное пространство для экспозиции его произведений);

3) летняя экспозиция итальянской живописи и скульптуры 40–70-х годов XX века в залах Национальной галереи современного искусства, приуроченная к 100-летию со дня рождения крупнейшей фигуры в области национального музейного дела и первого директора галереи — Пальмы Букарелли (Palma Bucarelli), создавшей эту структуру и руководившей ею в течение тридцати лет. На выставке экспонировались картины и скульптуры, которые Букарелли покупала, создавая коллекцию современного итальянского искусства. Кроме того, она проявила себя отважной патриот, когда всего за одну ночь, перед занятием немцами Рима в 1943 году, эвакуировала и спрятала основные фонды своего музея в безопасном тайнике за пределами города;

4) и, наконец, выставка живописи, скульптуры и графики текущего периода — во Дворце конгрессов (с участием 50-ти частных римских галерей), которая одновременно выполняла функцию ярмарки.

В конце списка позволю себе упомянуть ещё и юбилейную выставку ювелирных изделий дома «Бугари» — всемирно известного итальянского торгового дома, которому в 2009-м исполнилось 125 лет. В залах Дворца выставок желающие могли любоваться образцами самых изысканных ювелирных изделий (их количество — 500 штук — ненамного превышало количество охранников!). Ошеломляющее зрелище!

Разговор о 2010-м начну, пожалуй, с оперы, тем более, что Римский оперный фестиваль в будущем (2011 г.) отметит своё 40-летие: это старейший ежегодный музыкальный фестиваль в городе. В его программе накануне юбилейного года, рассчитанной, как обычно, на первую половину лета, на сей раз звучала музыка из оперных произведений Моцарта, Доницетти и Пуччини. Солисты же, хор и оркестр на время проведения фестиваля приглашаются со стороны — из лучших итальянских и зарубежных коллективов. Место проведения тоже вполне традиционное: в последние годы — это Концертный зал имени папы Пия IX.

Программа другого — правда, гораздо более молодого — фестиваля под названием «Мелодии июля», уже

несколько лет проводимого летом месяце в залах концертного комплекса «Аудиториум», отличается тем, что здесь звучит музыка практически всех известных жанров, а приглашаемые солисты, ансамбли и коллективы съезжаются практически со всех континентов. В минувшем сезоне в Риме выступали гости из США, Великобритании, Армении, Исландии, Кубы, Мексики, Мали и, конечно же, Италии, а среди «звёзд» преобладали уже упомянутые в самом начале обзора исполнители джазовой музыки: от гитариста Марка Кнопфлера до рок-трио Кросби, Стилз и Нэш. Концерты «Мелодии июля» вообще пользуются необычайной популярностью: по недавним оценкам римской прессы, за два последних сезона на них побывало более 120 тыс. человек.

Бесспорным «лидером» в серии художественных выставок в 2010 году была экспозиция, посвящённая 400-летию со дня смерти великого итальянского художника Микеланджело да Караваджо, основоположника реалистического направления в европейской живописи XVII века. Двадцать пять его картин, отмеченных выразительной игрой света и тени, эмоциональной выразительностью, экспонировались в течение трех с половиной месяцев в залах Квиринальских Скудерий и сопровождались нескончаемыми очередями поклонников его творчества. Работы великого мастера, прибывшие в Рим из крупнейших музеев мира (Эрмитажа, Лувра, Метрополитен, Берлинской национальной галереи, Галереи Уффици, Ватиканских музеев и т. д.), представляли все этапы творчества Караваджо: от первых картин, написанных в Риме в начале XVI в., до последней (как полагают искусствоведы) сохранившейся работы «Давид с головой Голиафа» (датируемой 1610-м годом, годом смерти художника). Если же припомнить, что за два года до этого Галерея Боргезе — как бы не принимая во внимание будущей запланированной юбилейной выставки в Скудериях — провела «свою» экспозицию полотен Караваджо, а спустя месяц после закрытия выставки в Скудериях, как раз в канун 400-летия со дня смерти художника 18 июля 2010-го, вечером в Риме открылись двери всех зданий, где ныне хранятся ныне картины мастера (около пятнадцати полотен), то 2010-й смело можно назвать «годом Караваджо». Остаётся добавить, что по примеру Рима великому художнику были посвящены выставки и в других городах Италии, так или иначе связанных с его биографией: во Флоренции, Генуе, Лечче, Римини, Порто Эрколе в Тоскане (где скончался Караваджо) и в Палермо (где в 1969 г., при невыясненных до сих пор обстоятельствах, из церкви Сан Лоренцо пропала его так и не найденная по сей день его картина «Рождество со святыми Лаврентием и Франциском»).

И уж самое последнее в связи с Караваджо (вернее, с его полотнами): в июне берлинская полиция сообщила о том, что украденный в 2008 г. из Одесской художественной галереи «Поцелуй Иуды» Караваджо был обнаружен в Берлине во время конфискации художественных ценностей у членов международной преступной группировки, специализирующейся на кражах и перепродажах произведений искусства. (Правда, замечу в скобках, не все специалисты согласны, что речь идёт об украденном подлиннике.)

Другим запомнившимся событием выставочного года стала четырехмесячная антологическая экспозиция в залах Музея Рима (Fondazione Museo Roma), посвященная творчеству крупнейшего американского художника XX в. Эдварда Хоппера (Edward Hopper). Это была первая в Италии выставка его произведений: 160 работ из музеев США (живопись, рисунок, гравюра, акварель) неподражаемого американского мастера великолепно отражали его долгий творческий путь (Хоппер скончался в 1967 г. в возрасте 84 лет). Мне представляется, что даже в пределах всего XX столетия его ни с кем не спутаешь (и не только с американскими коллегами), что уж говорить о так называемом «классическом» Хоппере 1930–1950-х годов (с такими картинами, как «The New York Movie» или «The Morning Sun»): мастерство во всех его оттенках не утрачено художником даже в самых последних полотнах (той же знаковой «Woman In the Sun», к примеру, написанной в 1961 г. — настоящая «визитная карточка» мастера, чей метод критика единодушно величала «поэтическим реализмом»). Начав работать как кубист, Хоппер заканчивал свой творческий путь в годы расцвета в американском искусстве абстрактного экспрессионизма и поп-арта. Однако его творчество как было, так и осталось последней страницей в истории американского реализма (или романтизма?). Недаром он написал: «Всё, к чему я стремился, — это изображать солнечный свет на стене дома» («All I ever wanted to do was paint sunlight on the side of a house»). Хоппер — одинокий волк, бегущий к свету.

Вернемся снова к классике, правда, не в живописи или в искусстве вообще, а в приложении к науке и инженерии, поскольку принадлежали эти достижения великому Леонардо, классика Ренессанса. В течение всего 2010 года в залах дворца бывшей папской Канцелярии (Palazzo Cancellaria) были экспонированы технические изобретения гения. В экспозиции было представлено 50 аппаратов и машин, конструкции которых придумал Леонардо (но не успел или не сумел воплотить в реальности — они так и остались на бумаге). Так вот, во флорентийском Музее техники по этим чертежам и рисункам

Grigory Yaroshenko. ROMA. 2005

изготовили действующие экспонаты, которые и прислали на выставку, так сказать, к услугам её посетителей: их можно было не только осмотреть и потрогать, но даже и опробовать в действии. Хоть и сделано сегодня, но ведь в точности, как это придумал Леонардо да Винчи! И там я вспомнил, что ещё несколько лет назад перед магазином деревянной игрушки неподалёку от Пантеона долгие годы стояла деревянная модель велосипеда в натуральную величину, выполненная по чертежу Леонардо (неясно было только, можно ли на нём кататься). Потом, правда, модель куда-то и почему-то исчезла...

Надо признать, что в целом 2010 год не был отмечен в Риме значимым числом событий, в том числе и российским присутствием в культурной афише города. Из того, что всё же состоялось, отмечу прежде всего церемонию вручения очередной российско-итальянской Премии им. Гоголя. Премия эта, учреждённая в предыдущем году российским Фондом Ельцина, вторично вручается в Риме российским и итальянским лауреатам — в сфере гуманитарной деятельности — за работы, имеющие отношение к развитию соответствующих двусторонних связей (литература, художественный перевод и литературоведение в первую очередь, но также театр и кино — одним словом, всё, что так или иначе формируется при участии Слова). Первый раз, в 2009-м, премия была вручена филологам: литературоведам Рите Джулиани и Юрию Ману, переводчикам Ландольфи и Живаго; на следующий год к когорте лауреатов добавились персонажи (представлять которых нет никакой необходимости), связанные, в первую очередь, с кино — и театральной деятельностью — Тонино Гуэрра и Питер Брук (за постановку спектаклей на чеховскую тематику); с российской же стороны жюри Премии — под председательством Андрея Битова и крупнейшего итальянского поэта Марины Луизы Спациани — отметило многолетние труды выдающегося переводчика итальянской поэзии Евгения Солоновича. Церемония вручения (как и в 2009-м) проходила 19 мая на территории исторического здания Виллы Медичи. А через несколько дней в помещении Национальной библиотеки открылась выставка наиболее известных работ Леона Бакста, которые художник делал для спектаклей прославленных «Русских балетов» Сергея Дягилева. Были представлены малоизвестные рисунки и эскизы декораций для спектаклей по пьесам Габриэле Д'Аннунцио в театрах Парижа и Лондона. Кстати, именно эти спектакли стали реальным воплощением теории и практики «тотального театра», основы которого были впервые столь блистательно выявлены в 10-е годы минувшего века в сценографической деятельности Бакста.

Если уж разговор пошёл о Гоголе, то 200-летний юбилей со дня рождения великого писателя не прошёл незамеченным и не отмеченным в Риме — городе, в котором он прожил шесть лет и в котором — по его собственному признанию — ему писалось, как нигде в другом месте.

В частности, в сентябре состоялись три международных научные конференции, посвящённые творчеству великого русского писателя (в том числе трёхдневная, организованная главным римским университетом «Ла Сапиенца»); государственный Исторический музей привёз из своих фондов выставку, посвящённую Гоголю (предметы быта и обихода эпохи, произведения живописи, прикладного искусства и ремёсла); по случаю той же даты в помещениях музейного комплекса Замок св. Ангела, в фойе Национальной библиотеки и ряде частных художественных галерей были развёрнуты художественные и фотовыставки (не обошлось и без российских гостей: так, в галерее «Делла Пиния», в двух шагах от Пантеона, с 26 ноября по 1 декабря прошла выставка четырнадцати российских художниц, членов московского творческого объединения «Ирида»).

Под занавес, как обычно, — о том, что показалось самым ярким из культурных событий вне Рима. Буквально в двух словах упомяну лишь два из них. Речь пойдёт о выставке, приуроченной к 500-летию со дня рождения Джорджоне, великого художника, основателя эпохи Высокого Возрождения, творца венецианской школы живописи. Юбилейную экспозицию можно было посетить в течение четырёх месяцев (12.12.2009-11.4.2010) в его родном городе Кастельфранко (Castelfranco). Там, в доме художника (незадолго до памятной даты превращённом в музей) было выставлено 18 полотен, что составляет добрую половину из всех приписываемых ему ныне произведений (поскольку споры по поводу атрибуции не стихают до сих пор, свидетельством чему служил особый раздел выставки, где были собраны работы, приписываемые Джорджоне, но в отношении которых и поныне существуют сомнения в его авторстве). Взять хотя бы знаменитую «Спящую Венеру» (приехавшую сюда из Дрезденской галереи): ещё сравнительно недавно её автором считался Тициан. Из картин же, в отношении которых авторство Джорджоне не вызывает сомнений, на выставке можно было увидеть такие шедевры, как «Гроза» из венецианской Академии, «Три возраста жизни» из палаццо Питти во Флоренции, «Юдифь» из Эрмитажа. Прислали экспонаты и Лувр, и Лондонская национальная галерея, и римская Галерея Боргезе, и Музей истории искусств в Вене — всего полтора десятка музеев и художественных галерей из разных стран. А в

местной церкви сохранилась единственная фреска работы великого художника, так называемая «Мадонна Кастельфранко». По правде говоря, приходится удивляться, что столько его работ вообще атрибутировано — ведь Джорджоне свои полотна не подписывал, а о его авторстве — за редким исключением — практически не сохранилось никаких документальных свидетельств. Загадка, почище тех «ребусов», что загадал потомкам своими картинами один из величайших художников Возрождения, считавший себя, в первую очередь, профессиональным музыкантом пять веков назад ушедший из жизни в возрасте тридцати лет.

Я остановился на этой выставке не только потому, что она произвела на меня столь неотразимое и даже магическое впечатление (мы часто непроизвольно склонны преувеличивать значимость и силу собственных эмоциональных переживаний), но главным образом в связи с тем, что увидеть так много картин Джорджоне обычно любителю живописи вроде меня не представляется возможным — их слишком мало в мире, слишком далеко и в единичных количествах раскиданы они по музеям мира, да и музеи-то не очень склонны расставаться с ними даже на короткое время. К тому же задаюсь вопросом: а когда состоялась предыдущая и столь же полная выставка работ Джорджоне? Не могу, конечно, утверждать наверняка, но полагаю, что давненько. С другой же стороны, надежды на следующее «собрание» подобной полноты тоже довольно гипотетичны. Итог: это событие стоит того, чтобы упомянуть о нём особо — с восхищением и удивлением, с благодарностью и почтительностью, которых заслуживают и сами картины великого мастера, и усилия, вложенные в это событие теми, кто постарался, чтобы мы эти работы увидели.

И ещё одно явление искусства я всё не могу забыть после того, как его увидел и услышал. А увидел я и услышал летом этого года одну из опер ежегодной программы летнего сезона Веронской оперы на сцене местной

Арены — известного памятника древнеримской эпохи. Но удивила меня не столько античная архитектура, сколько то, что довелось слышать и увидеть внутри этого сооружения. То была опера Бизе «Кармен» — одна из пяти в программе сезона, как и все остальные, поставленная одним и тем же мастером: знаменитым итальянским кинорежиссёром Франко Дзеффирелли. Не знаю, как остальные спектакли, но «Кармен» — явление более чем уникальное, и уникальность её отнюдь не в голосах солистов, хотя они были вполне на высоте, особенно сама Кармен в исполнении одной из ведущих оперных певиц мира, Кейт Олдрич (Kate Oldrich). Поражало другое: на сцене разворачивалось действие, в котором гармонично и удивительно совмещались принципы построения театральнo-оперных мизансцен и раскадровка, свойственная искусству кино. Своего рода сценическое кино, настоящее оперное действие — не только по названию, но в первую очередь по наполнению его движением и ещё какими-то не видимыми глазу ухищрениями, к результатам которых мы привыкли, только глядя на экран. Восхитительный эффект, да и только — и так на протяжении всех четырёх часов, всех четырёх действий, на которые была разбита постановка Дзеффирелли. Мастер нигде не «прокололся», не дал слабину, не слукавил (в расчете на невнимательность или неподготовленность зрителя) — он во всём и везде был на высоте, на предельной или почти на беспредельной (но не для себя, конечно, — о чём свидетельствовали и все другие спектакли сезона). Все эти постановки, созданные режиссёром (который во всех них выступал ещё и в качестве сценографа) в разные годы на сценах разных театров, и решила собрать веронская Арена в летнем сезоне 2010 года. Длится же сезон всегда со второй половины июня до конца лета. Великолепная, просто уникальная инициатива, плоды которой долго не забудут десятки тысяч зрителей, посетивших Арену этим летом.

Рим, октябрь 2010. ■

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ЖУРНАЛЬНОГО ЗАЛА»

Из воспоминаний и заметок Татьяны ТИХОНОВОЙ

... Второй любовью моей жизни (после мамы и папы) были книги. К четырем годам я научилась читать самостоятельно. В школьные годы я проглатывала по книге в день, а в удачные дни — и по две. Поэтому не было ничего удивительного в том, что ближе к концу восьмого класса я заявила папе, что хочу пойти учиться в библиотечный техникум.

Мой отец был лётчиком, мы тогда жили в военном городке под Иркутском. И, видимо, воображение быстро нарисовало ему такую картину: его горячо любимая дочь выдает книжки в какой-нибудь сельской библиотеке, в лучшем случае — в Доме культуры...

— И что, так и будешь всю жизнь библиотекарем?

— Ну, почему же, — бодро возразила я, — со временем можно стать и заведующей!

Папа никогда мне ничего не запрещал. Вот и в этот раз он только спросил:

— Тебе не кажется, что ты идешь по пути наименьшего сопротивления?

На том наш разговор и закончился. Но я задумалась. Может быть, папа прав, подумала я, и надо дерзнуть и замахнуться на большее? Я не пошла в библиотечный техникум, окончила десятилетку, поступила в Московский университет на факультет вычислительной математики и кибернетики и стала математиком. Но... судьба сделала очередной поворот — и в один прекрасный день вернула мне мою детскую мечту. Я все-таки стала «заведующей библиотекой»! Правда, библиотека эта не совсем обычная, и книги в ней не стоят на длинных стеллажах, а читатели не сидят за столами, листая с уютным шорохом

страницы. Моя библиотека — электронная. Это сайт «Журнальный зал».

Если бы не перестройка, наверное, сидела бы я в Академии и думала, что это и есть моя судьба. Но девятые годы всё перетряхнули, многих сняли с насиженных мест. В том числе и меня.

Представьте себе: на дворе 1995 год. Я — научный сотрудник Института общей физики. Сажу за столом, пытаюсь писать свою диссертацию. Но меня все время отвлекают разные мысли. В частности, о том, что живу я как-то суетно: диссертация, репетиторство, заодно сдача бухгалтерских отчетов (за последний годовой отчет я получила премию — мешок сахара). И вдруг (ведь в такой момент непременно должно случиться что-то неожиданное, правда?) раздаётся звонок.

— Таня, я помню, ты интересуешься писателями и художниками? Мы создаем проект, представляющий культуру в русском Интернете. Нам нужен человек, который будет брать интервью.

Голос принадлежал моему старому университетскому приятелю Сергею Королеву. Как оказалось, он возглавляет компьютерную фирму «Агама».

«Ага!» — подумала я, — «все понятно: хвастается. Какой русский Интернет? Там же только латинские буквы!»

Но на всякий случай спросила:

— А сколько заплатишь?

— Извини, много не смогу... — И дальше была названа такая цифра, что я сразу же спросила: — Куда приезжать?

Вскоре я оказалась в новомодном офисе с новенькими компьютерами и упертыми программистами. Все они почему-то оказались с химфака МГУ. Это меня окрылило — я заканчивала ВМК МГУ, и мы всегда дружили с химфаковцами.

Компьютерная компания «Агама» занималась разработкой лингвистических программ. Эта компания одной из первых предложила свои разработанные ей технологии для русского Интернета, который тогда только начинал создаваться. «Но хотелось взять в Интернет что-то человеческое, не одни голые технологии», — рассказывал Сергей Королев. Так возникло решение «построить» в Интернете «Русский Клуб», который будет представлять русскую культуру. В «Клубе» было несколько «этажей» — «Русская лавка» (антиквариат), «Музыкальный салон», «Венское кафе», «Библиотека», можно было найти большую базу данных по киноискусству. А фундамент — созданные «Агамой» Интернет-технологии: в первую очередь программы обработки русского языка и русифицированного поиска.

В основу литературного проекта легли идеи писателя и режиссера Евгения Козловского. Он как-то раз обратился за помощью в «Агаму», познакомился с ее идеями, увлекся ими и даже написал инструкцию для пользователя к одной из программ «Агамы». Кстати, общение с программистами не прошло даром — через несколько лет Е.Козловский стал главным редактором журнала «Компьютерра».

Идея Евгения заключалась в том, чтобы в русском Интернете была представлена лучшая современная литература. Как мы понимаем, чтобы появиться в Интернете, текст должен быть оцифрован. И такие тексты в то время уже существовали — они были подготовлены еще для старой ЭВМ. Но — то были повести Стругацких и классическая литература, а не современная. А ведь при этом — мы помним, — с какой жадностью тогда читали мы толстые литературные журналы. Все самое интересное сначала печаталось в них, а потом издавалось в книжном варианте. Значит, в русском Интернете должны были появиться толстые литературные журналы! К нам присоединился еще один писатель — Николай Климонтович. «Три К» — Королев, Козловский и Климонтович — всесторонне обдумали проект, и я, вооруженная их идеями, отправилась к главным редакторам толстых журналов, чтоб уговорить их поделиться со мной хотя бы дайджестами новых номеров. Момент был удачный — журналы уже сами стали оцифровывать свои тексты для типографий. Но никто мои рассказы не принимал всерьез — что-то вроде

продажи воздуха. Один раз меня спросили: «О чем врать будете?»

Но однажды мне повезло. Ожидая приема в редакции «Нового мира», я увидела в первый раз Сергея Костырко — он печатал статью на пишущей машинке, а потом что-то туда вклеивал и что-то замазывал. Я долго наблюдала за его кропотливым трудом и ужасалась этой кропотливости. Наконец не выдержала и сказала: «Но есть же компьютеры! На них же все это делать гораздо удобнее...» — и мы разговорились. Уловив заинтересованность Сергея, я пригласила его в «Агаму». Лед тронулся! К «трем К» добавилось четвертое. Сергей стал участником проекта, и под его честное слово мы получили первые дискеты с текстами. Так начался проект «Журнальный Зал».

К тому времени я стала менеджером «Агамы». Работать было необыкновенно интересно. Сергей Королев вздыхал: «Мне нужны исполнители, а тут одни гении»; возникали новые идеи, появлялись новые программные продукты, презентации шли за презентациями. У «Журнального Зала» в «Русском Клубе» появились соседи — картинные галереи и кинозал. Под них «Агама» создала новые программные продукты. Нам снова повезло — на один год ЖЗ получил поддержку Института «Открытое Общество» (грант Сороса) — и работы еще прибавилось. Иногда мы не успевали даже к закрытию метро. Любимая присказка — «Мы умные, мы придумаем» — помогала в трудные минуты.

14 марта 1996 года мы устроили открытие «Русского Клуба» и входящего в него «Журнального Зала», пригласили журналистов — тогда о нас написали в первый раз. В составе ЖЗ было 8 журналов: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Новая Юность», «Арион», «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение» и «Дружба народов». Вопросы зрителей на презентации были самые разные: будет ли в Клубе кабаре с канканом и цыганскими песнями? Казино с рулеткой и дискотеккой? Клуб знакомств с дамами?

Но грант мы отработали, деньги закончились, а проект требовал материальной поддержки. И мы с Сергеем переехали в «Инфоарт». Там ЖЗ укрепился, расширился и приобрел новый дизайн. Посещаемость ЖЗ вскоре перешла за тысячу человек в день.

Кроме того, «Инфоарт» предложил мне заняться проектом Интернет-телевидения. В телестудии на Шаболовке мне выделили отдельное помещение и телеоператора: «Приглашайте людей, которые вам интересны». Конечно, я воспользовалась этим предложением для

продвижения ЖЗ. Первыми гостями телестудии оказались главные редакторы толстых литературных журналов и мои любимые авторы. А потом на интервью начали приходить дизайнеры, художники, хирурги и даже один владелец мебельной фабрики. Все это транслировалось в Интернете в режиме реального времени, а потом хранилось в записи.

Но грянул дефолт. ЖЗ устоял, хотя нам опять пришлось поменять хозяев. Мы переехали, очень ненадолго, в Голден Телеком (Россия-online). Увы, тут мы явно оказались не на своем месте — у нас регулярно спрашивали: «А нет ли у вас эротики или детективов?» В конце концов, проект закрыли. Мы с Сергеем Костырко стали искать новых хозяев. Было несколько вариантов, в том числе от Газпрома. Решать надо было очень быстро. Ведь месяц перерыва — это двадцать новых журнальных номеров со множеством материалов в каждом! А через несколько месяцев будет такой завал работы, что останется только погибнуть под ним. Мы решили остановить свой выбор на «Русском журнале». Не только в силу созвучия: «Русский Клуб» — «Русский журнал». РЖ к этому времени был не только одним из самых популярных сайтов, там собралась именно та аудитория, которая была интересна нам — и которой были интересны мы. Кроме того, РЖ сделал нам крайне привлекательное предложение — оцифровать не только текущие номера, но и архивы толстых журналов. Это был бы беспрецедентный проект. Была бы представлена и открыта для широкого доступа жизнь русских толстых журналов за восемь десятилетий. Какой простор для историков, писателей, читателей — для всех мыслящих людей! К сожалению, этот проект все еще не реализован. Но такая возможность была тогда (как остается и по сей день) очень соблазнительной. Так мы стали частью РЖ.

В 2002 году «Журнальный Зал» получил Национальную Интернет-премию за лучший литературный ресурс года. Как мы были тогда счастливы! Приз сфотографировали и поместили на первую страницу ЖЗ — очень вовремя, т. к. предмет нашей гордости через некоторое время растворился в огне пожара.

О ПРОЕКТЕ (см. <http://magazines.russ.ru/about/>).

С самого начала в основании ЖЗ лежала идея литературы высокого качества. Эта мысль отражена в слогане ЖЗ — Русский толстый журнал как эстетический феномен.

Первые журналы не «принимали в ЖЗ», а скорее — уговаривали участвовать. Тогда было много сомнений — как отразится появление электронной версии на продаже «бумажных» изданий, например. (Позже выяснилось, что «электронная» и «бумажная» аудитории практически не пересекаются между собой.) Но со временем все сомнения отпали, и, наоборот, членство в ЖЗ стало престижным, превратилось в своего рода «знак качества». На нас посыпались упреки в тенденциозном отборе. Тогда Сергей Костырко и я решили, что мы не можем брать на себя всю ответственность за то, достоин ли тот или иной журнал места в ЖЗ или нет. Теперь этот вопрос ставится на голосование «отцов-основателей» ЖЗ — представителей восьми журналов («Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература», «НЛО», «Новая Юность», «Новый мир», «Октябрь») с участием редакторов ЖЗ — Советом «Журнального Зала». Увидев интересный журнал мы сами, предлагаем его «кандидатуру» на рассмотрение. Например, я была на Харьковском литературном фестивале, познакомилась там с журналом «Союз писателей». Потом Сергей написал всем членам Совета об этом журнале, предложил познакомиться с ним — и журнал был единогласно принят в ЖЗ. А бывали и другие случаи — когда журнал проходил при соотношении голосов 5:4 ...

СТРУКТУРА ЖЗ

Сегодняшний адрес: <http://magazines.russ.ru>

В «Журнальном Зале» выставляются журналы: «Арион», «Вестник Европы», «Волга», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Континент», «Нева», «Новая Юность», «Новый журнал», «Новый мир», «Октябрь», «Урал»;

в разделе «Нон-фикшн» — журналы литературно-критические и интеллектуальные, но во многом сориентированные на вопросы современной эстетики и культурологии: «Вопросы литературы», «Логос», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение»;

в разделе «Новое в ЖЗ» — недавно появившиеся на сайте журналы «Союз писателей», «День и ночь», «Дети Ра», «Зарубежные Записки», «Зеркало», «Иерусалимский журнал», «Интерпозия», «Крещатик», «Новый берег», «Слово/Word», «Студия»;

в разделе «Архив» — журналы, переставшие выходить, но по-прежнему хранящиеся в ЖЗ: «Волга-XXI век», «Критическая масса», «Логос», «Новая Русская Книга», «Новый ЛИК», «Отечественные записки», «Старое литературное обозрение», «Уральская новь». К сожалению, при переезде с сайта «Россия-он-лайн» на сайт «Русского

Журнала» мы не смогли восстановить архив выставленных ранее журналов «Несвоевременные мысли» и «Золотой век». В ближайших планах работы ЖЗ — попытка восстановить и этот ресурс.

Большая часть выставляемых журналов представлена на сайте полными текстами номеров; некоторые, скажем, «Вопросы литературы», «Критическая масса» или «Иностранная литература», — в виде дайджестов.

Пять журналов — «Знамя», «Новый мир» «Дружба народов», «Октябрь» и «Дети Ра» — представлены в ЖЗ в виде сетевых изданий.

На титульной странице «Новые поступления» и на странице «Афиша ЖЗ» регулярно выставляется информация о новых поступлениях, обновлениях и появлении отдельных страниц, о наиболее заметных публикациях в журнале.

В разделе ЖЗ «Обозрения» можно познакомиться с мнениями литературных критиков и обозревателей о журнальных публикациях.

Очень удобен раздел «Авторы» — каждый автор ЖЗ имеет собственную страницу, на которой вывешены все ссылки на его публикации в ЖЗ.

Раздел «Литературно-художественные журналы в Интернете» дает ссылки на страницы русских журналов, не выставленных в «Журнальном Зале», — «Дирижабль», «Простор», «Наш современник», «Воздух», «Бельские просторы» и т. д.

И далее все остальное можно посмотреть здесь — <http://magazines.russ.ru/>

СТАТИСТИКА

Статистика — на 12 ноября 2010 года:

- ° общее количество выставленных журнальных номеров — 2240;
- ° общее количество авторов, произведения которых вывешены на страницах ЖЗ, — около 1530;
- ° примерное количество выставленных текстов самых разных жанров — около 53 000;
- ° количество ежедневных посетителей — 15–17 тыс. в день.

КЛУБ ЖЗ

В 2007 году прошел первый вечер ЖЗ в клубе «Русского журнала». Виртуальная жизнь получила выход в реальность.

Открытие Клуба «Журнального Зала» состоялось в октябре 2007 года. Это — уже не виртуальный, а самый настоящий клуб. Он расположен в центре Москвы, в старинном особняке со сводчатыми потолками. В нем есть мебель темного дерева, настольные лампы под уютными зелеными абажурами и полки с книгами. Первым гостем Клуба ЖЗ была Марина Адамович, главный редактор нью-йоркского «Нового журнала» (<http://magazines.russ.ru/nj/>). Два слова о «Новом журнале» — он выходит с 1942 года, его вдохновителем был Иван Бунин, а обложку рисовал М.В. Добужинский. Стенограмма вечера, конечно же, была выложена на сайте (<http://magazines.russ.ru/km/anons/club/s2411.html>). Как и стенограммы последующих вечеров (<http://magazines.russ.ru/km/anons/club/>), которые проходят с тех пор, за редкими исключениями, каждую неделю.

Тот вечер открыл новый этап в развитии ЖЗ — во-первых, у ЖЗ появился первый не виртуальный проект — встречи с «живыми» гостями. И мы с Сергеем Костырко перестали быть закадровыми персонажами ЖЗ. Во-вторых, я стараюсь на каждом вечере делать стенограмму, а затем вывешивать ее в ЖЗ. И надеюсь, что таким образом я приобщаю читателей к московской клубной литературной жизни.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ЖЗ не просто перешагнул границу — ведь значительная часть нашей аудитории — это русские за рубежом, куда «реальные» журналы просто не попадают, — но теперь впервые зарубежная и отечественная русская литература оказалась на одном сайте. Хочется думать, что это начало процесса, который вернет целостность русской литературе ...

Татьяна Тихонова,
менеджер проекта «Журнальный Зал»
<http://magazines.russ.ru> ■

«ЖУРНАЛЬНЫЙ ЗАЛ» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Заметки в связи с пятнадцатилетием проекта

Сергей КОСТЫРКО,

литературный куратор проекта «Журнальный Зал»

1.

«Журнальному Залу» — пятнадцать лет. Срок вроде небольшой, но по нынешним временам, особенно «интернетовским», как выясняется сегодня, огромный. Неправдоподобно огромный.

Можно сказать, что ЖЗ начинался в другой эпохе. В те времена, когда сеть была местом обитания достаточно узкого круга «пользователей». И круга довольно элитарного — людей, принадлежавших (или активно претендовавших на это) к интеллектуальной элите нового — 90-х годов — поколения, технической и гуманитарной.

Мы начинали работать в окружении уже ставших легендарных для старожилов сети сайтов — «Тенета», «Сетевая словесность», «Круг чтения «Русского журнала», «Лито им. Стерна», «Вавилон», «Лавка языков» и др. Все мы примерно ровесники.

Тогдашний русский Интернет можно было назвать в какой-то мере литературоцентричным. Он еще не стал местом общественной, политической, религиозной, деловой, торговой жизни в той степени, как сегодня. Это было прежде всего информационное пространство.

И затевался ЖЗ именно в той среде, сообразно с тогдашним, если так можно выразиться, «менталитетом русского Интернета».

Начало (для меня) было почти случайным — в конце лета — 1995 в редакцию «Нового мира» зашла Татьяна Тихонова, сотрудница интернетовской фирмы «Агама», спросила: не могла бы редакция дать фирме

что-нибудь из своих публикаций для выставления в сети? «Агама» тогда разрабатывала свою поисковую систему «Апорт» и обустроивала на своем сайте нечто вроде полигона для обкатки своих программ, в частности мега-проекта «Русский Клуб», придуманного Евгением Козловским, и представлявшего собою виртуальный дом с лифтом, этажами, на которых располагались различные залы — от медицинских и антикварных до киноведческого и литературного. Нужна была начинка для «Журнального Зала». То есть это название было придумано еще до того, как начал формироваться ресурс ЖЗ. Редакцию в том разговоре представлял я, и первым моим движением было поблагодарить девушку за внимание, дать ей пару дискет с какими-нибудь текстами и забыть про этот визит уже на следующий день. Очень уж плотной, я бы сказал, горячечной была в те годы редакционная жизнь «Нового мира». Но мне стало интересно, очень уж зажигательные вещи говорила вестница из наступающих времен про технологии и фантастические возможности нового информационного пространства, и я попросил сводить меня в «Агаму», показать, что это такое. Так, собственно, и началась наша работа.

После нескольких визитов в «Агаму», где ее сотрудники терпеливо обучали меня тому, как ориентироваться в сети, я попытался максимально коротко сформулировать для себя, что такое Интернет. Получилась (это был, повторяю, 1995 год) библиотека на экране. Идея

ЖЗ направились сама собою. Обстоятельства, определявшие ситуацию, были таковы.

Первое. При обилии уже выставленных в сети литературных текстов Интернет был почти нетронутой территорией в том, что касалось современной литературы. То есть стихи Цветаевой, Есенина и песни Высоцкого, несколько текстов из русской классики в библиотеке Пескина, немного Пелевина и множество неведомых тогда широкому — да и профессиональному тоже — читателю авторов первых литературных сайтов, где начиналась русская сетевая литература девяностых годов. Ну и, разумеется, бурный, только начавший свое стремительное движение поток откровенной графомании на совсем уж любительских сайтах. Попыток системно представлять современную литературу практически не было.

Второе. К середине 90-х годов кардинально изменилась сама среда обитания «бумажной» литературы. Рушились крупные издательства, возникали новые, коммерческие — не только по статусу, но и по принципам работы, менялись отношения издателей с читателем: из, условно говоря, просветителей издатели становились обслугой интересов широкого (самого широкого) читателя. Начинался сложный и во многом мучительный процесс установления новых взаимоотношений в треугольнике «писатель — издатель — читатель» (и в треугольнике этом слово «читатель» уже почти поменялось на слово «покупатель»). Издательства в тот момент практически отказались от контактов с малоизвестными, не раскрученными в сознании широкой публики писателями. Современная литература автоматически становилась «толстожурнальной». При этом тиражи журналов начали свое снижение — в стране начиналась реальная общественная, политическая, религиозная, общественная и прочие формы жизни, заменой чему всегда была для нас, бывших граждан бывшего СССР, литература. Ну а собственно культуру в сознании новых поколений начала отодвигать поп-культура.

И, наконец, третье. Сам факт появления нового информационного пространства — Интернета совпал по времени — так получилось — с процессом чисто техническим: в редакциях толстых журналов пишущие машинки начали заменяться компьютерами. То есть почти каждая редакция уже обладала цифровыми версиями своих текстов.

Ну и если сложить все это вместе, то как раз и получился «Журнальный Зал». То есть все просто — для того чтобы выжить, собрать вокруг себя новую читательскую аудиторию из новых поколений, мы должны были свои оцифрованные тексты нести Татьяне Тихоновой в «Агаму». Вот и все.

То есть вопроса: сотрудничать или нет с новой модной штукой Интернет? — не было. Вопрос был только в том, как это делать.

А нужно было — с самого начала — ориентироваться на такой корпус текстов из современной литературы, который был бы репрезентативным для состояния русской литературы конца XX века. Иными словами, нужен был соответствующий отбор участников проекта.

Идею такого «Журнального Зала» в «Агаме» приняли сразу. И дальше началась организационная часть работы — переговоры с редакторами толстых журналов. У себя в «Новом мире» согласие на участие журнала в таком проекте я получил сравнительно легко. Не потребовалось особо уговаривать журналы «Октябрь» и «НЛО»; с другими журналами, основавшими ЖЗ, разговор был трудным. Дело в том, что журналы из государственных предприятий становились, говоря сегодняшним языком, малыми предприятиями, существование которых напрямую зависело от их бумажных, а отнюдь не виртуальных тиражей. Мы же предлагали им выставлять свои тексты (грубо говоря — свой товар) в бесплатное пользование, а следовательно, в бесконтрольное копирование и размножение. С точки зрения многих главных редакторов, акт почти самоубийственный. Плюс — у каждого журнала своя и эстетическая и общественно-политическая ориентация, и, соответственно, каждому журналу очень важен литературный контекст, в котором он появляется. И состав ЖЗ — в котором журналу предстояло появиться в сети перед новой аудиторией, был (и остается до сих пор) вопросом отнюдь не второстепенным. И если сегодня кому-то кажется, что ЖЗ это нечто монолитное и незыблемое, то он ошибается. ЖЗ — это довольно хрупкий организм со сложными взаимоотношениями внутри. Тем не менее согласие ведущих (ведущих, с моей, разумеется, точки зрения) русских литературных журналов было получено, и мы с руководителем «Агамы» Сергеем Королевым составили заявку на грант в фонд Сороса, грант этот получили, и «Агама» приступила к технической работе по обустройству нашего сайта. Начинать мы работали, заручившись согласием на участие в проекте восьми журналов, сегодня ЖЗ представляет деятельность 28 журналов, плюс архив ЖЗ с комплектами восьми переставших выходить или вышедшими из состава ЖЗ журналами (подробнее об этом см. в заметках Татьяны Тихоновой ниже).

2.

Вот это, возможно, излишне подробное описание начала ЖЗ, отчасти повторяющее уже написанное

мною пять лет назад про историю и про концепцию проекта ЖЗ («Magazines.russ.ru — к десятилетию «Журнального зала» — «Новый мир» № 3 за 2006 г.), я позволил себе вот по каким причинам. События вокруг ЖЗ последних двух-трех лет показали, что в сети, у большинства нынешних ее читателей, за последние годы сформировался свой образ «Журнального Зала» и его функций, и образ этот, увы, весьма далек от реальности. Выросло целое поколение сетевых читателей, которые осваивали Интернет с подсознательным убеждением, что ЖЗ был всегда, что это не один из литературных сайтов со своей программой и политикой, а что-то вроде некоей сетевой институции, некой мегабиблиотеки журналов. И цель вот этих моих заметок разъяснить — что такое ЖЗ, чем проект был этот изначально и чем он является теперь.

Первое и главное, о чем приходится говорить сегодня: никто сверху — ни партия, ни правительство, ни министерство культуры или министерство Интернета — ЖЗ не учреждал. Проект «Журнальный Зал» был и остается проектом, придуманным и осуществленным несколькими, так сказать, сугубо частными лицами, которые предложили концепцию проекта, собрали участников, нашли средства и базу (в разные годы сайт размещался на серверах «Агамы», «ИнфоАрта», «Россия-он-лайн», а последние десять лет на сайте «Русского журнала» в качестве его спецпроекта, но с благодарностью должен отметить, РЖ в нашу работу не вмешивается — по-прежнему текущая работа ЖЗ определяется ее менеджером и литературным куратором, а «стратегические вопросы» находятся в ведении Совета «Журнального Зала», который составили главные редакторы восьми журналов, учредивших когда-то ЖЗ). ЖЗ — это, если хотите, «самостоятельность», как с изумлением выяснили в прошлом году некоторые сетевые литературные деятели.

Дело в том, в сегодняшней сети неожиданно (для нас неожиданно) вокруг ЖЗ начала складываться довольно сложная ситуация. Можно сказать, что образовалась партия противников ЖЗ, состоящая, кстати, и из «либералов», и из «консерваторов-почвенников», согласно обвиняющих ЖЗ в тенденциозности и искажении картины современной толстожурнальной литературы. И первое, что вызывает раздражение у читателей ЖЗ, — это то, «Журнальный Зал» не стремится с максимальной полнотой представлять разные журналы. По какому праву, задают нам вопрос, вы «цензурируете» нашу литературу, ведь вы обязаны представлять всех и вся? В том, что мы обязаны это делать, почему-то уверено большинство. Типа вам поручили, вы и делайте. Никто, правда, не объясняет только, кто именно поручил нам это.

Похоже, мы «перестарались» — основательность, с которой обустроен сайт ЖЗ, исключает у многих мысль о том, что этот проект может быть «самостоятельным», или, как пишут в сети с возмущением, «частной лавочкой».

Вопрос: а почему, собственно, мы не имеем права на свой отбор представляемых изданий, на свой вариант картины сегодняшней русской литературы? — у наших противников даже не возникает. Почему-то наличие эстетической программы у любого другого литературного сайта воспринимается неотъемлемым правом, несомненным достоинством, а наличие таковой у ЖЗ — недопустимым произволом.

Во время недавней полемики вокруг ЖЗ в сети высказывалась даже мысль о необходимости «национализации» ресурса, то есть закрытия проекта ЖЗ, и обустройства на его месте Всеобщей Библиотеки Толстых Журналов.

Логика этого предложения просто обескураживающая. Похоже, люди, работающие в сети, так и не освоили саму специфику интернетовского пространства. Им почему-то кажется, что препятствием для создания этой библиотеки является существование в сети «Журнального Зала». Но ведь тексты журналов, как правило, имеющих в сети собственные сайты, доступны и без «Журнального Зала». Обустройство в сети полной библиотеки — это работа на пару часов, не больше: просеять литературный Интернет, собрать ссылки на все выставленные в сети толстые журналы и вывесить этот список на отдельной странице. Вот и все.

(И кстати, такую работу мы отчасти уже сделали. Сайт ЖЗ предоставляет возможность его читателям зайти на сайты всех толстых журналов в сети, которые не выставляются на нашем сайте. У нас есть специальный раздел — «Литературно-художественные журналы в Интернете», вход на который с титульной страницы ЖЗ, где вывешены сетевые адреса толстых журналов в сети. Плюс адреса четырех родственных ЖЗ по задачам и структуре «библиотечных» сайтов в сети: «Мегалит», «Новая литературная карта России», «Русское поле», «Читальный зал». Собственно, вот эти пять, включая ЖЗ, сайтов и выполняют сегодня функцию Всеобщей Библиотеки Журналов в сети.)

Свою же задачу с самого начала мы видели именно в структурировании литературного пространства сети. Это была попытка сориентировать читателя в современном безразмерном литературном пространстве. Другой вопрос: насколько успешно мы это делаем? Это вопрос для обсуждения, для которого мы всегда открыты.

Сложившуюся ситуацию можно было бы воспринимать как забавную, если б она не была на самом деле

жутковатой: люди вроде бы свободомыслящие, давно ушедшие от советской психологии, все равно обеими руками держатся за формы советского нормативного мышления.

Первым звонком, обозначившим наш новый статус «самозванцев», в представлении русской толстожурнальной литературы, стала громкая история с неприятием в ЖЗ по результатам голосования в Совете поэтического журнала «Воздух». Вот тогда в первый раз нас обвинили в «цензуровании» живой русской литературы, в том, что мы своим неприятием нового журнала в ЖЗ гробим это талантливое издание. То есть ситуация, с одной стороны безумно лестная для ЖЗ: это когда просто факт неприятия в его члены становится литературным событием. Получается, что в сознании обрушившейся на нас околосредовой общественности факт отсутствия журнала в ЖЗ означает, что его вообще нет в литературе! То есть вот он каков сегодня, статус у ЖЗ! Но радости это почему-то не вызывает. Как бы высоко мы ни ценили свой проект (в данном случае под «мы» я имею в виду не Тихонову с Костырко, а десятки квалифицированных литературных редакторов, отбиривших для своих журнальных публикаций тексты, выставленные затем в ЖЗ), но, видит бог, жутко, когда самая вроде бы свободололюбивая часть нашей литобщественности подосознательно исходит из убеждения, что должен быть только один стандарт, одна колодка представительства для литературного явления.

И здесь, похоже, ситуация печальнее, нежели позиционные бодания сетевых литераторов с «Журнальным

Залом» — дело уже не только и не столько в отношении сетевой общественности к ЖЗ. Дело в социальной психологии нашего обновленного общества, в растущем не по дням, а по часам настороженном отношении к личной инициативе, к «частным лавочкам» в культуре, к «неправильному», не тому, что считается «общепринятым». Дело во враждебном отношении к самой идее многообразия моделей поведения в литературном пространстве. Похоже, что в силу вступает поколение, как будто заранее уставшее от свободы, от гласности, поколение, жаждущее «стабильности» и «правильного порядка» во всех сферах жизни. В том числе и в литературной...

От таких печальных мыслей нелегко отделаться. Мы начинали свой проект в другую эпоху. В эпоху, когда Интернет был зоной свободы. Зоной, никем и ничем извне не регулируемой. Мы начинали в контексте таких же свободных от традиций советской культурной жизни сайтов. Но — вот беда! — в той эпохе мы не закончились. Мы пережили ее, оказавшись в новых временах. И поэтому, может быть, острее других чувствуем вот эту «смену веков», смену времен и их силовых линий.

И тем не менее мы продолжаем работать так, как работали, даже чувствуя себя в какой-то степени нарушителями конвенций, негласно принимаемых «сменовеховцами» новых времен. Чувствуя себя остатками того вольнолюбивого духа русского Интернета (и не только Интернета) 90-х годов. То есть по мере сил мы пытаемся и сейчас отбирать в потоке постоянно меняющихся литературных изданий то, что, разумеется с нашей, точки зрения, и есть современная русская литература. ■

С АМЕРИКАНСКОГО ЮГА ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ

Заметки о русской архитектуре и русском характере

Вильям БРУМФИЛД*

В верховьях реки Мезень на северо-востоке Архангельской области России встречаются «карманы» населения, которые, кажется, существуют в другом времени. Среди них — Кимжа, одна из наиболее своеобразных деревень, которые я видел за многие годы путешествий по России. На большинстве карт нет этой маленькой деревушки, хотя она стоит на слиянии двух рек — Мезени и Кимжи. Численность ее жителей зависит от времени года: несколько сот зимой и примерно на сто человек больше летом, когда приезжают родственники.

Большую часть года Кимжа закована в лед и снег; это объясняет, почему моя первая встреча с ней произошла в начале марта. Предыдущим летом — в 1999 г. — я увидел фотографию церкви Кимжи, построенной в 1760-х гг. и посвященной Богородице Одигитрии. Я увидел пять взмывающих к небу башен и куполов над зданием, сложенным из крупных лиственничных бревен. Этого было достаточно, чтобы убедить меня: я должен побывать там. Финансирование от Фонда Гугенхайма позволит оплатить расходы. И все же друзья в Архангельске предупреждали меня о трудностях: летом невозможно будет добраться до Кимжи по суше из-за отсутствия дорог.

Прежде были редкие рейсы паромом из Архангельска, но они прекратились из-за отсутствия государственных субсидий. Другой вариант: полет Архан-

гельск-Мезень на маленьком самолете. Но я хотел почувствовать местность между Архангельском и рекой Мезень, а для этого, сказали мне, есть другой способ передвижения: зимник — временная зимняя дорога.

К счастью, я знал одного человека. С 1998 г. я поддерживал тесный контакт с главным университетом Архангельска и ведущим университетом Поморья (территории, прилегающей к Белому морю) — Поморским государственным университетом. Юрий Кондрашов — первый проректор университета, родом из Мезени. И хотя он давно уехал оттуда, он поддерживал связь с друзьями детства, в частности, с Петром Кондратьевым — директором деревообрабатывающего завода в Каменке. Кондратьев выделил мне водителя из заводского автопарка и Лендровер — один из нескольких Лендроверов, совершающих еженедельные поездки между центром (Архангельском) и городами-двойниками Мезенью и Каменкой. Для водителя это была обычная, хоть и нелегкая, челночная поездка. А для меня это было нечто совершенно особенное.

Когда 7 марта после обеда мы выехали из Архангельска, солнце ярко светило, и был сильный мороз. Лендровер несся по асфальтированной дороге вдоль берега Северной Двины, пока мы не подъехали к устью реки Пинега, километрах в ста юго-восточнее Архангельска. Там мы повернули на восток по довольно гладкой гравийной

* Вильям Крафт Брумфилд — профессор славистики в университете Тюлейн и почетный член Российской Академии художеств. Он автор и фотограф многих книг о русской архитектуре, в том числе A History of Russian Architecture.

Вид с юго-запада на церковь Богоматери Одигитрии в Кимже, 2/8/00. Фото Вильяма Брумфилда

дороге близ правого берега Пинеги, пока не въехали в город с тем же названием.

За Пинегой дорога на Мезень резко повернула на север от главной дороги, и вскоре мы подъехали к большому таежному лесу. Уклоны стали положе, а дорога уже. Это начинался зимник. Несмотря на вроде бы удаленность этой местности, движение на дороге на Мезень хоть и небольшое, но стабильное, включая, к моему удивлению, два раза в неделю рейсы маленького автобуса.

По пути лес внезапно начал расступаться, и дорога стала лучше: прямая гать, похоже, через болото. Хотя было уже около одиннадцати, вдали были видны прожектора. Экскаваторы взрывали каменистую почву, а рокот большегрузных самосвалов нарушал нетронутую до того тишину леса. Водитель объяснил, что «они» решили построить круглогодичную дорогу через лес и болото прямо до Мезени через Кимжу. Тем временем мы снова углубились в лес. В свете фар не было видно ничего, кроме заснеженной колеи и бесконечных рядов елочных и сосновых стволов. Около полуночи клюющий носом и изнуренный водитель пробормотал, что мы, наконец, приехали.

Приезд в Кимжу глубокой зимней ночью создает жутковатое впечатление, особенно потому, что сначала видишь не деревню — она находится в стороне от дороги, а группу больших крестов, застывших и похожих на привидения и резко контрастирующих с ослепительным светом фар. Это было потрясающее — и исключительно красивое — видение. Я глянул вверх и увидел зеленовато-голубое мерцание северного сияния. В этой поездке я больше не видел чистое небо в районе Мезени. Следующий час принес погодный фронт с непрекращающимся три дня снегом и ветром. Но в этот короткий миг я смог ясно увидеть маячащий призрак церкви Кимжи.

Утром несмотря на сильный ветер и опасную поземку, я решил сфотографировать все, что смогу, хотя бы для того, чтобы снять напряжение. Конечно, церковь была моей главной целью. Она — единственный выживший пример этого типа, созданный, по-видимому, группой плотников, работавших только в этой части Севера. Меня до сих пор поражает великолепие их замысла.

Но еще больше, чем монументальной мощью церкви, я был поражен тем, как хорошо сохранились в деревне массивные бревенчатые здания, построенные в конце 19-го и начале 20-го столетия. Это не был музей под открытым небом с несколькими реконструированными бревенчатыми домами. Некоторые дома были заброшены или заколочены на, а несколько других были обшиты

досками. Но Кимжа продолжала быть функционирующей средой обитания.

Как объяснить такую степень сохранения — и зданий, и общины? Может быть, именно отсутствие дорог — «фактор изоляции» — защитило нетронутость этой среды. Но только этого было недостаточно для того, чтобы объяснить выживание Кимжи в то время, как исчезли сотни других деревень по всему Северу. Я подумал, что существование этой церкви, хотя она и была закрыта до 1999 г., могло способствовать выживанию деревни. Я решил снова приехать в Кимжу при более благоприятных обстоятельствах — летом, чтобы продолжить исследование источников ее силы.

В романе Александра Солженицына «В круге первом» развалины колокольни заставляют члена советской элиты размышлять о своей судьбе, о которой он раньше не задумывался. Похоже, что определенные культуры тянутся к своим развалинам, своим реликвиям, своим призракам и своим теням. Россия — одна из таких культур. Другая такая культура — американский Юг.

Когда я работал на Севере, русские коллеги часто говорили о сходстве между их взглядами и тем, что они интерпретировали как мой южный дух уважения к традициям и культурному наследию. И действительно, некоторым русским было легче принять меня как представителя региона (даже региона, который они знают, главным образом, из перевода романа «Унесенные ветром»), чем гражданина Соединенных Штатов.

Но сродство между Россией и американским Югом впервые поразило меня во время пребывания в Ленинграде в 1971 г. Красота этого города, даже в его обветшалости, преследовала меня — и напоминала мне о Новом Орлеане, основанном 15 лет позже, чем Санкт-Петербург. Первоначальная планировка обоих городов во многом обязана французской военно-инженерной науке. В тот год я также стал лучше понимать привлекательность литературы Юга в России. Самыми очевидными примерами были переводы романов Фолкнера и постановки пьес Теннесси Вильямса, а мой все еще несовершенный русский напрягался до предела, когда я объяснял русским слушателям таинственный Новый Орлеан.

У России есть еще одно общее с Югом: чувство, что, как сказал сам Фолкнер, «прошлое не мертво. Более того, оно даже не прошлое».

На русском Севере — основном регионе, где я фотографирую больше десяти лет, я побывал в десятках деревень, выжившая архитектура которых в течение

последнего столетия свидетельствует об исключительно творческой и жизнеспособной культуре. К сожалению, многие деревни исчезли или обезлюдели в результате демографических сдвигов и последствий экономической и социальной политики (включая безжалостную коллективизацию) советского режима.

В обоих местах все еще болят старые раны. Наследие рабства и разрушительной войны на территории Юга все еще доминирует южное воображение. Россия тоже когда-то зависела от труда подчиненного класса, а ее аристократическая история (вместе с ее очень иерархической советской историей) свидетельствует о большом историческом неравенстве на деле и в законах.

Россия и Юг также имеют призраки в более традиционном смысле: тех, кто пал в бою на обгавленную кровью землю. Путешествуя по России, я заметил, и во многих случаях сфотографировал, памятники жертвам войны, которые есть почти во всех российских населенных пунктах, даже в таких маленьких деревнях как Кимжа. Можно бесконечно спорить о причинах и ответственности за эти огромные жертвы, но масштабы жертв неоспоримы. Я рос на американском Юге и рано начал интересоваться военной историей, которая продолжает играть роль в моем понимании российской истории и российского менталитета. Я считаю этот интерес — в очень личном и, может быть, иррациональном смысле — уроком неповиновения: из каждой неудачи извлекать решимость отыграться. Идя на Север, я возвращаюсь на Юг.

В конце июля, снова в Архангельске, я купил билет на самолет и полетел из маленького местного аэропорта Васково. Вид с воздуха во время часового полета захватывал. Таежные леса, болота и извилистые реки приняли потусторонний вид. Я с трудом мог представить себе местность, по которой я проехал с таким трудом несколько месяцев назад.

По приезде в Мезень меня встретил майор, начальник местной милиции, и после выполнения необходимых формальностей меня отвезли на новеньком УАЗике в деревню Дорогорское на противоположном от Кимжи берегу Мезени. Там я встретил председателя местного сельсовета Алексея Житова, давшего мне понять, что он контролирует практически все, что происходит в Кимже. Нелегкая, между прочим, работа, а заилиение Мезени делает ее значительно тяжелее. Как я увидел позже, просто доставить маленькую баржу с котельным топливом на другую сторону — очень трудная, даже опасная, операция, а без котельного топлива в деревне Кимжа

нет электричества. Я не был удивлен, узнав, что Житов страдает тяжелой формой язвы.

Местный рыбак перевез меня в Кимжу в алюминиевой лодке с трещавшим подвесным мотором. Теперь я был на месте, но где же солнце? Оставив вещи в доме Федоркова, я пошел по деревне с двумя фотоаппаратами. Какое облегчение — идти без непрерывного преодоления снежных сугробов, какими бы живописными они ни были. Теперь земля была окутана зеленью, и я сдержал свое разочарование отсутствием солнца. Сильный ветер гонял облака. За мной, посетителем с другой планеты, шла группа детей, засыпая меня скороговоркой вопросов. А потом выглянуло солнце. Когда я, подбадриваемый следующими за мной детьми, бежал к центру деревни, церковь приобрела такое богатое свечение, какое может придать только позднее северное сияние.

Следующие несколько дней принесли такое же чередование облаков и солнца, и у меня было время поразмышлять над постоянно меняющимся образом церкви. Я также встретился с несколькими прихожанами местного прихода. Эта преданная группа, в основном, женщины, сумели в 1999 г. добиться того, что с церкви был снят замок, после чего она была вновь освящена православным священником.

Хотя не было ни местного священника, ни регулярной службы, церковь была открыта в 10 часов утра женщинами-членами церковного комитета. Они также сделали небольшой молитвенный столик (алтарь не был восстановлен) с иконой Спасителя. Дверь над папертью — репродукция одной из икон «умиления» с изображением Марии и младенца Христа. Церковных дам очень беспокоило состояние здания и волновало то, что Житов не хотел сделать необходимый ремонт, в частности, отремонтировать окна. Их призывы к разным фондам остались без внимания, хотя церковь является зарегистрированным национальным памятником. Довольно небрежная попытка реставрации в 1980-е годы была давно заброшена, и это тоже изуродовало внешний вид церкви.

В ходе расспросов о приходе я также узнал больше об общине. Хотя этот бывший молочный колхоз, окруженный ржавеющими машинами, для которых нет горючего, — лишь тень его советских размеров, большая часть молочного стада появилась вновь — как индивидуальная собственность. У меня было много возможностей угоститься свежим молоком, творогом и ряженкой (густым кислым молоком, похожим на пахту), которые делали всю неделю владельцы коров. Жители деревни живут за счет леса и ритма его времен года: время для ягод, время для грибов, время для охоты и рыбной ловли.

Вид с юго-запада на церковь Богоматери Одигитрии в Кимже, 2/8/00. Фото Вильяма Брумфилда

Я также был очень удивлен, когда узнал, что в Кимже осталось немало жителей моложе сорока с маленькими детьми. Это обычно большие семьи со скромными средствами. Большая часть их доходов в конце концов пойдет на оплату образования их детей в большом городе. А тем временем эти семьи, и другие, кто приезжают на лето, тихо гордятся тем, что они — часть деревни.

Как все сложные среды, Кимжа нелегко поддается определению. Я понял, что она не является каким-то изолированным карманом прошлого. Жители деревни

больше не сидят кружком, распевая подлинные народные песни. Многие пенсионеры, работавшие на дерево-перерабатывающем заводе, и их дети переехали в более крупные населенные пункты. Когда они возвращаются на лето, в культуре деревни появляются более городские элементы. Например, широко распространено телевидение. Жизнь здесь имеет много общего с жизнью в любом месте страны. И все же эти сохранившиеся деревни — потрясающий микромир русских традиций, многие из которых теперь забыты. ■

Мельница в Кимже, 2/8/00. Фото Вильяма Брумфилда

МЕЖДУ ЭШЕРОМ И БОРХЕСОМ

О выставке графики Александра Аксинина в ГЦИ

В октябре 2010-го в ГЦИ на Зоологической экспонировалась выставка работ погибшего в авиакатастрофе львовского графика Александра Аксинина (1949–1985), уже третья по счету в Москве. При жизни он имел персональные выставки только в Польше, Прибалтике и «квартирные» в Ленинграде. За впечатляющий перфекционизм трудоемких офортов художника называли «львовским Дюрером» и «немцем», тогда как его искусство вполне отвечало духу места и времени и должно рассматриваться в их контексте. Закончивший Львовский полиграфический институт им. Ив. Фёдорова, Аксинин был художником-книжником, но отнюдь не иллюстратором. Чтение было первой по времени его главной страстью — и второй по значению, после собственного творчества, стремительно развивавшегося с середины 1970-х годов. 340 офортов за десять отпущенных судьбой лет и примерно столько же стильных экслибрисов, замысловатых акварельных чертежей, проектов рукописных книг и т. п. — редкая плодотворность и производительность. Его воодушевляли знаковые книги того вязкого позднесоветского времени, ключевыми словами которого стали «мастер», «вечность», «нетленка». Циклы его медитаций на темы произведений Свифта, Кафки, Кэрролла, китайской «Книги Перемен (И Цзин)» можно рассматривать с 10-кратной лупой. Стилистически это ретроавангард (почти средневековая технология в сочетании с потмодернистской рефлексией), социально — андерграунд (отсюда творческое взаимопонимание с такими разными москвичами как Пригов и Шварцман, с питерцем Кривулиным, таллинцем Тынисом Винтом, польскими графиками), а идейно — эзотерика (как ни крути — «местечковые» конспирологические представления об устройстве «большого мира», универсума). Отсюда на листах его графики столько ветвящихся лабиринтов, вариантов мандалы, коробчатых перегородок и гомункулюсов в ретортах, а главное, философического... дизайна. Но это и было рентгенограммой того удивительного менталитета остановившегося времени — накануне новых потрясений, когда в столицах уже набирали силу соцарт, концептуализм и проч. Сегодня Александр Аксинин освобождается из плена своего времени и места, чтобы включиться в более широкий и масштабный культурный контекст. На что, собственно, и было нацелено его творчество изначально. ■

Репродукция одной из работ, подаренных устройствами выставки Государственному центру современного искусства

Выставки

Всемирный музей Google

Google Art Project — это семнадцать музеев из девяти стран, 385 выставочных залов, 400 художников и 1060 картин в высоком разрешении. Любой человек, у которого есть выход в интернет, теперь может посетить музей Метрополитен, Третьяковскую галерею, Тейт и Эрмитаж и рассмотреть их экспонаты в таких подробностях, которые не доступны даже в реальности. Google сделал бесценный подарок всем любителям искусства.

...Google Art Project стартовал полтора года назад в привычном для компании формате: большую часть дня сотрудники выполняют свои обязанности, но пятую часть рабочего времени им разрешается тратить на сторонние проекты, которые их интересуют. Так в какой-то момент все любители живописи в Google объединились и решили использовать имеющиеся в их распоряжении технологии для того, чтобы сделать искусство доступнее.

Многие музеи и галереи и раньше выкладывали свои оцифрованные коллекции в интернет, причем в гораздо большем объеме. ...Однако благодаря таким технологиям, как Picasa, App Engine и Street View, энтузиастам из Google удалось создать нечто новое.

Во-первых, еще никто не собирал в единую базу и не систематизировал работы из разных музеев мира, создавая нечто большее, чем просто набор репродукций. Во-вторых, проект Google интерактивен: можно составить свой список шедевров и поделиться им с друзьями. В-третьих, Street View позволяет буквально «пройтись» по залам знаменитых музеев. Рассмотреть картины в таком режиме не получится, но зато никаких японских туристов и музейных смотрителей.

Отдельного упоминания достойны картины, сфотографированные в сверхвысоком разрешении. Изображение каждой из них состоит из приблизительно семи миллиардов пикселей, то есть их разрешение в тысячу раз выше, чем у

простой цифровой фотографии. Благодаря такому увеличению можно рассмотреть не только крестьян Брейгеля, но и самые тонкие мазки, мельчайшие детали и трещины в краске.

Картины Google Art Project, доступные в высоком разрешении

- «Спальня художника в Арле» Винсент Ван Гог
- «Звездная ночь» Винсент Ван Гог
- «Мадам Мане в оранжерее» Эдуар Мане
- «Принцесса фарфорового царства» Джеймс Уистлер
- «Франциск Ассизский в пустыне» Джованни Беллини
- «Портрет Георга Гитца» Ганс Гольбейн-младший
- «Собор» Франтишек Купка
- «Жатва (август)» Питер Брейгель-старший
- «Бутылка "Анис дель Моно"» Хуан Грис
- «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» Витторе Карпаччо
- «Послы» Ганс Гольбейн-младший
- «Мария-Антуанетта с детьми» Элизабет Виже-Лебрен
- «Ночной дозор» Рембрандт
- «Возвращение блудного сына Рембрандт
- «Явление Христа народу» Александр Иванов
- «Не надо, женщина, не плачь» Крис Офили
- «Рождение Венеры» Сандро Боттичелли

Для российских музеев такая съемка стала подарком. Директор ГТГ Ирина Лебедева рассказала, что их «флагманскую» картину — «Явление Христа народу» Александра Иванова — специалисты Google снимали целый день. «Для того чтобы самим так сделать, у нас нет технологий, нет таких возможностей», — добавила она. «Уровень съемки такой, что даже специалистам интересно, исследователям и реставраторам», — присоединилась к ней представительница дирекции Эрмитажа.

...мы получим совершенно новый тип музеев. Их посетители перестанут чувствовать неловкость и, обращаясь к пояснительным ремаркам, никогда не будут сомневаться, что значит и к чему в их душе апеллирует «Рождение Венеры» Боттичелли или «Спальня художника в Арле» Ван

Гога. ...Воздерживаясь от далеко идущих выводов, создатели Google Art Project просто заявили, что очень рады реализации своего проекта и надеются в будущем расширить его, сделав демократичным если не само искусство, то хотя бы доступ к нему. Ничего не остается, как поблагодарить их за это. Как ни крути, то, что они сделали, совершенно поразительно.

Алексей Каданер

Лондонская выставка поставит рекорд по числу картин Леонадо да Винчи

Выставка работ Леонардо да Винчи, которая откроется в лондонской Национальной галерее в ноябре 2011 года, планирует установить рекорд по числу собранных вместе картин, пишет The Independent. Организаторам уже удалось договориться о пяти полотнах, о еще трех ведутся переговоры.

Кураторы заявили, что заключили беспрецедентные соглашения с Лувром и Эрмитажем. В Петербурге хранятся «Мадонна Бенуа» и «Мадонна Литта». По всей видимости, именно «Мадонна Литта» отправится в Лондон, так как выставка планирует сконцентрироваться на периоде работы Леонардо в Милане под покровительством Лодовико Сфорца.

В Лувре находятся пять полотен: «Мона Лиза», «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом», «Иоанн Креститель», ранняя версия «Мадонны в скалах», а также «Вахх» и «Прекрасная Ферроньера», авторство которых оспаривается. Известно, что как раз «Ферроньера» будет представлена на выставке; кроме того, одну работу одолжат музеи Ватикана — по всей видимости, это незаконченный «Святой Иероним в пустыне».

Всего существует пятнадцать картин, автором (или соавтором) которых специалисты называют Леонардо.

Выставка в Национальной галерее продлится с 9 октября 2011 года по 5 февраля 2012-го. На ней помимо картин будут представлены наброски Леонардо.

Составлен топ-лист книг Третьего Рейха

Историк Кристиан Адам (Christian Adam) составил список книг, которые пользовались популярностью среди немцев в период нацистской диктатуры с 1933 по 1945 годы, сообщает Welt. В своей работе «Чтение при Адольфе Гитлере — авторы, бестселлеры и читатели в Третьем рейхе» («Lesen unter Hitler — Autoren, Bestseller, Leser im Dritten Reich») он исследовал более 350 книг, проследив историю их появления и популярность среди читателей.

Как отмечает Адам, в Третьем рейхе бестселлером считалась книга, разошедшаяся тиражом в 100 тысяч

экземпляров и выше. Это были преимущественно романы, справочники, книги по определенной специальности, слащавые бульварные романы, сборники рассказов с фронтом. В принципе, по мнению Кристиана Адама, популярные в Третьем рейхе книги и авторы представляли собой полную противоположность книгам и писателям, попавшим под запрет.

В условиях жесткой цензуры расцвела аполитичная, довольно посредственная литература, но с другой стороны, как отмечает Адам, это также показывает, что нацистам не удалось унифицировать литературу и приобщить ее к идеологии. Во многом это объясняется хаосом, творившимся в нацистском государственном аппарате, где существовало около 20 контролирующих органов, при этом у каждого нацистского лидера было свое видение, какой должна была быть литература.

Один из главных идеологов Третьего рейха Альфред Розенберг не признавал развлекающей литературы, считая, что она создает неправильное настроение в обществе. Со своей стороны министр пропаганды Йозеф Геббельс, напротив, полагал, что в условиях военного времени, особенно после того, как участились поражения на фронтах, развлекающая литература служит своего рода вентиляем для выхода социальной напряженности. Издательства пользовались этой неразберихой.

Если оставить в стороне безусловных «лидеров» таких, как «Моя борьба» с тиражом более 12 миллионов экземпляров, «Мифы 20 века» нацистского идеолога Альфреда Розенберга (1,3 миллиона экземпляров), или книгу для юношества «Битва за Германию» начальника канцелярии НСДАП Филиппа Боулера (1,9 миллиона), популярность которых была обязательной, немцы читали те же книги, что и после войны.

Среди них были «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл (366 тысяч проданных экземпляров), юмористический сборник Генриха Сперля (Heinrich Spoerl), «Об этом можно спокойно говорить» (890 тысяч экземпляров), «Ветер, песок и звезды» Антуана де Сент-Экзюпери (135 тысяч экземпляров), или сборники советов Иоганна Хаарера (Johanna Naager) «Немецкая мать и ее первый ребенок» и «Уход за новорожденным», которые, как отмечается, продавались вплоть до 1987 года.

Незабвенная перестройка

Ольга Кабанова **Ведомости**

На этой выставке бегло — всего-то несколько сотен фотографий — обозначены важные события недолгого, но фантастически насыщенного пятилетия (1986-1991) стояния Горбачева на высоком посту главы советской империи в

ее последней, как оказалось, предсмертной стадии. По каждому показанному сюжету: последний съезд КПСС, дискуссии народных депутатов, вывод войск из Афганистана, возвращение Сахарова из ссылки, Чернобыль, «ночь саперных лопаток» в Тбилиси, падение Берлинской стены, первые уличные демонстрации, новые лица на телевидении, жизнь среди пустых магазинных полок — можно сделать отдельные выставки, способные вызвать слезы, боль, смех, удивление и ностальгию. ...Выставка мифы о перестройке не поддерживает. Показанные фотографии — чистые факты, их снимали талантливые и честные люди: Владимир Вяткин, Александр Абаза, Юрий Рост, Игорь Мухин, Виктор Ахломов, Александр Бородулин, и здесь еще не все перечислены.

Про любовь народа

...«Борис Ельцин и его время» занимает один зал Московского дома фотографии и кажется совсем тихой и камерной выставкой, не вмещающей в себя вольный дух отгремевших девяностых. Но воспоминания будит. По стенам развешаны фотографии, подобранные Президентским центром Б. Н. Ельцина. Это официальная хроника, но и она по воле объекта съемки местами смотрится колоритно. В центре же на нескольких стенах хроника, главные сюжеты ельцинского правления... Не перечислить даже того, что отмечено фотографиями. Броскими, яркими, наглядными — Ельцин и его время были исключительно фотогеничными, и фотографии тогда ничего не боялись. Но главное, о чем напоминают снимки: редкому русскому выпало столько искренней и страстной народной любви, сколько Ельцину, входящему во власть. Оправдать такой уровень народных ожиданий даже для него оказалось невозможным.

У интернета более 2 млрд пользователей

У интернета более 2 млрд пользователей

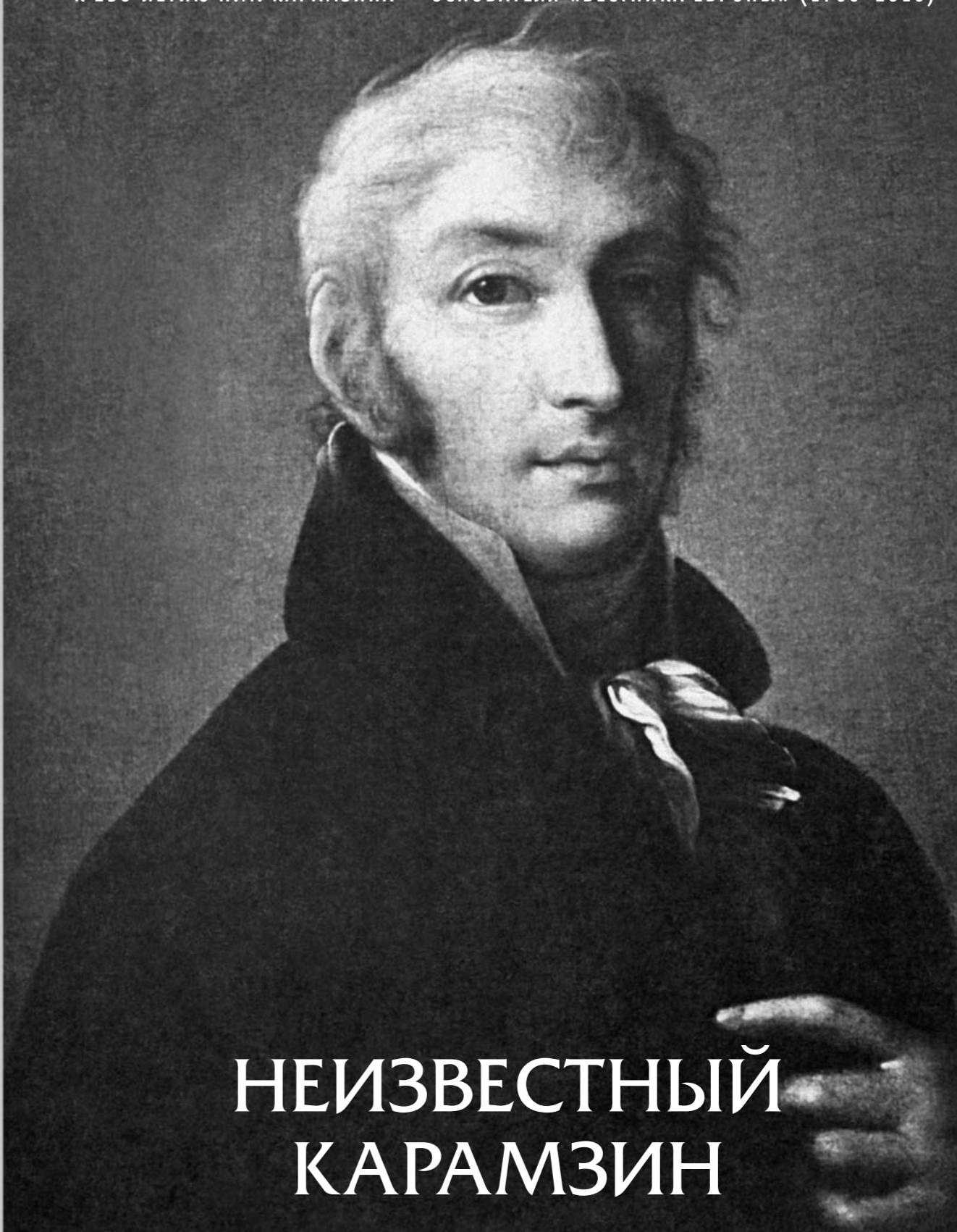
В 2010 году 2,08 млрд человек в мире пользовались интернетом. Об этом свидетельствуют данные отчета Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union, ITU), которые приводит «Маркер». Годом раньше интернет-пользователей было 1,86 млрд.

Это означает, что за 2010 год пользоваться интернетом в мире стало на 11,8% больше людей.

При этом, количество российских интернет-пользователей составило 46,8 млн человек.

По материалам сайтов:

Lenta.ru, Newsru.com, Openspece.ru, BBC и др.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КАРАМЗИН

3 декабря 2010 г.
в Государственном музее-усадьбе «Остафьево-Русский Парнас»
состоялась международная конференция

**«НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН:
ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО, ОКРУЖЕНИЕ»**

Конференцию в новом зале Остафьевского дворца открыл директор музея **Анатолий Семенович Коржилов**.

Музей пока еще мало известен, а жаль. Это уникальная, прекрасно сохранившаяся усадьба начала XIX века, со старинным парком и прудами, помнящая Вяземских, Карамзину, Жуковского, Батюшкова, Кюхельбекера, Гоголя, названная Пушкиным «Русский Парнас». Сейчас музей-усадьба проходит комплексную реставрацию, которая должна завершиться к 250 летию Карамзина.

Усадьбу Вяземских в 1898 году приобрел граф Сергей Дмитриевич Шереметьев, который открыл в ней общедоступный пушкинский музей, установил памятники Карамзину, Вяземскому, Жуковскому, Пушкину. В 2011 году будет 100 лет памятнику Карамзину в Остафьево, поставленному в 1911 г. П.С. Шереметьевым, в честь столетия пребывания там Н.М. Карамзина. В 1930-м году музей был закрыт и превращен в ведомственный санаторий, экспонаты, коллекции Вяземских и Шереметьевых разрознены, а многие ценности, (например, уникальная коллекция медалей, собиравшаяся многими поколениями Вяземских—Шереметьевых,) — навсегда утрачены. 5 декабря 1988 года было принято Постановление Совета министров СССР «об организации мемориального историко-литературного музея-усадьбы Остафьево». С тех пор Музей «Остафьево» начал свою новую историю.

Материалы конференции, будут опубликованы в очередном «Остафьевском сборнике». Вот некоторые тезисы, как их записал наш корреспондент.

* * *

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

говорил на тему «Общеввропейское и национальное в исторической концепции Н.М. Карамзина.» Карамзин удерживал авторитет европейски образованного мыслителя. Для европейцев он выступал представителем русской интеллигенции, когда Россия казалась далеким, но опасным соседом..

История Карамзина сразу была переведена в Европе на ряд языков. Изучить эти переводы—самостоятельная исследовательская задача...

К. отразил в своем творчестве черты национально-го мышления, в извечном споре что есть Россия, К. принадлежал к той партии, которая считала, что Россия есть Европа. На вопрос — в чем задача России, его ответ был: постижение современной цивилизации... Он принял идею непрерывности прогресса, восходящую к просветителям, разделял оптимистические надежды на просвещение и братство народов. Народы братья, злобы нет... В победе над Наполеоном он видит силу Провидения, Россию считает едва ли не приемником европейских народов в созидании европейской цивилизации. Им владеет идея универсальности культуры: все идут, замкнувшись лучше, друг за другом.

По Карамзину, Российское государство вошло в общую систему европейских государств в конце 10 века, за сто лет она достигла величия редкого... Уже в 14 веке Россия отстала, следствием раздробленности стало Иго. Россия выпала из европейской системы; три века погружалась в невежество. Низкие хитрости рабства, равнодушие, безмолвие народ тирания Ивана Грозного, третье нравственное уничтожение во времена смуты в начале 17 в.

И все-таки Россия вышла из под ига с европейским, а не азиатским характером. Россия не только есть, но и почти всегда была европейским государством. Жалобы бессильны, Россия должна провигаться по этому пути.

Для поддержания своего оптимизма К. обнаруживает принципиальное отличие: Российская Империя, пишет он, создавалась без насилия, примером лучшего.

К. считал, что он разрешил проблему— Российскую империю он представил *органическим созданием*.

Он подкреплял это приоритетом человеческих интересов над державными. К. называл всех насельников империи РОССИЯНАМИ.

Объявляет о необходимости самодержавной власти— просвещенная, стоящая над всеми политическими силами власть.

Убеденный сторонник самодержавности. В чем он ошибался?

Не было мирного создания империи: не столько власти авторитета, сколько силы, не столько закона, сколько власти.

Он сотворил исторический миф о России.

Доктор исторических наук **Катаржина Блаховска** из Варшавского университета

посвятила доклад теме Научные вдохновения Карамзина и роль труда князя ММ. Щербатова.»

...Труд Карамзина блестящий, если посмотреть на него как на литературный труд, и в то же— время как на исторический.

Екатерина хотела, чтобы Щербатов дал синтез русской истории на русском языке для всех русских. До этого не было ни одного синтеза русской истории на русском языке. И Щербатов написал российскую историю от древнейших времен 7 томов в 15 выпусках. Последний вышел в 1791 году, после смерти Щербатова. Екатерина выражала удовлетворение его работой. В 1790 г. Щербатов умер и его труд был забыт. В начале 50-х годов С.М. Соловьев проделал подробный сравнительный анализ «Истории Государства Российского» с трудом историографа князя М.М.Щербатова. М.П. Погодин сформулировал тезис, что Карамзин 10 лет готовился к писанию своего труда. С.М. Соловьев, а за ним П.Н. Милюков считали, что труд Карамзина очень зависим от труда Щербатова. «Видно, что том щербатовской истории всегда лежал на его письменном столе и всегда давал ему нить для рассказа и тему для рассуждения.» Однако надо рассматривать историю Карамзина прежде всего как на культурный факт: это был первый исторический труд, который читали все образованные россияне. Успех К. был успехом российской историографии и образования. Пушкин не зря сказал, что Карамзин открыл древнюю Русь, как Колумб открыл Америку.

Карамзин был и остается основателем современной российской историографии, но не надо забывать о труде историографа Екатерины.

* * *

Л.С. Савченко (Ульяновский университет) рассказывала о переписке Карамзина с царской семьей.

Письма К. — мало изученная часть наследия, но только письма открывают его личность. Семья, здоровье, тоска по семье и Москве. Он отказывается от абсолютной ценности писательства: важнее делание добра. Анализ писем Карамзина показывает ориентацию на адресата, готовность принять его точку зрения.

Последние недели жизни он убедился в непознаваемости истории. Будущее известно одному Богу; за месяц до смерти он испытал страстное желание отправиться «к лазури итальянской»...

Письма к императрице и Александру свидетельствуют о высоком достоинстве, ощущении равенства

перед Богом. Письма Карамзина-двойные листы почтовой бумаги, исписанные черными чернилами. Предпочитал родной язык. Письмо государыне —вежливый отказ императрице от переселения в Царское село и в Павловск. «Честный человек с умом и талантом обязан служить отечеству по своему дару.»

Петр Глушковски (Представительство Польской академии наук при РАН)

посвятил выступление взаимоотношениям Карамзина и Булгарина.

Карамзин — великий историк, а Булгарин — пошлый писатель, доносчик, что между ними общего?..

Но в молодости Булгарин был *самый популярный* писатель. На Историю Карамзина Булгарин заказал рецензию. После смерти Карамзина гордился, что печатал критики на его Историю. Карамзин стал иконой русской литературы, все относились к нему с уважением. Когда он умер, никто не сомневался, что умер самый великий писатель. Булгарин в 40-е боролся с мнением, что 30 е годы — эпоха Пушкина; для него это была эпоха Карамзина. Он объяснял это отсутствием учеников у Пушкина. Пушкин был гением поэзии, но последовать ему невозможно.

* * *

Л.М. Корнишина, заведующая научно-исследовательским отделом музея «Остафьево» посвятила доклад «хозяйственным заботам» Н.М. Карамзина.

Имение на юге нижегородской губернии в 180 верстах от Нижнего Новгорода и в 30 верстах от Арзамаса село Успенское, Малый Макателен, Большой Макателен принадлежало Екатерине Андреевне, с крестьянами 770 душ ...

После смерти тестя А.И. Вяземского (в 1808 году), Карамзин должен был заниматься делами имения. Получая 2 тысячи рублей в год как историограф, Карамзин нуждался в деньгах. Он был помещик и проблемы были типичные, помещицкие: задержки оброка (два раза в год, в марте и октябре), недоимки, земельные споры. В письмах были и жесткие формулировки. Бурмистру Степанову о неприменном собрании мартовской половины оброка. Вы знаете, никто не берет столь мало оброка как мы, имейте совесть, не заставляйте нас думать о продаже Макателена. Сам приеду, чтобы разделить с вами землей...

Оброчную сумму 2600 рублей получил. Обещаете доставить весь оброк, исполните, деньги нам очень нужны...До сего времени не получаю от вас оброка, вы

обманули меня...Мы с горечью, но решимся продать вас. Но недели продадим все, еще возьмем оброк через губернатора, он пришлет вам воинскую команду для взыскания.

28 апреля 1826 года, меньше чем за месяц до смерти (22 мая 1826г.) Карамзин пишет: платите оброк исправно, хоть и не совсем в срок, но чтобы в конце год был совершенно очищен.» Карамзин не смог добиться своевременной оплаты полного оброка.

Истриограф нуждался в деньгах «по неумению извлекать доход из арзамасской деревни своей супруги.»

Одной из причин неуплаты были засухи, которые повторялись каждые три года. В Макателене случались пожары, в 1823 году большая часть домов сгорела в Малом Макателене.

«С горечью я получил ваше уведомление о несчастном пожаре..

Надо всем миром помогать им... Карамзин разрешает рубить лес в заказнике, освобождает погорельцев от оброка на год.

Распоряжение: Непременно женить упомянутого Романа и не отдавать его в рекрута». Я вам отец и судья, мое дело знать, что справедливо и для вас полезно...Вы

мне все равны как дети.»велю строго вам слушаться и не смеять буянить.»

В. А. Димов, д.э.н.

Для меня Карамзин это человек, который впервые поставил вопрос -что такое Россия, какая она есть и какой будет? Такой постановки проблем не было ни до ни после, до Герцена.

Карамзин— первый интеллигент, первый идеолог. Он создавал для России идеологию через историю. Создавал мифологию русскую. Историю Карамзин написал в соображении идеи народного воспитания.

Многие хотели отменить крепостное право, но не все понимали, что народ не был готов, его надо воспитать. Это глубже задачи историка. У русских либералов и консерваторов один отец— Карамзин..

В.А.Ярошенко, главный редактор журнала «Вестник Европы»

выступил с докладом «Вестник Европы» от Карамзина до Гайдара».

В.Е. ■

Библиотека «Вестника Европы»

Книги, присланные в редакцию

Георгий Чистяков «Путь, что ведет нас к Богу». Отв. редактор Наталия Измайлова/ Сост. Н.Ф. Измайлова и Т.А. Прохорова. М.: Центр книги ВГБИЛ им. И.М. Рудомино, 2010. 336 с.

Георгий Чистяков (1953–2007) прожил короткую, но очень интенсивную жизнь. Он был уникальным человеком: священник, филолог, историк, эссеист, блестящий полемист, редкий среди нашего клира проповедник, знаток древних и современных языков, собеседник Антония Сурожского и Иоанна Павла II, наконец добрый и пронзительный батюшка, за гробом которого шли тысячи людей, его духовных чад. В книге собраны его эссе, лекции, беседы, посвященные, в сущности, одной теме — вера, совесть и культура. От многих других эта книга отличается глубиной и искренностью.

Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой «Я никому так не пишу, как Вам...» Составление, комментариев и примечания И. Бордаченков. М.: Центр книги ВГБИЛ им. И.М. Рудомино. 2010. 5044 с. с ил.

В этом солидном томе (автор идеи издания и предисловия — Е.Ю. Гениева, внучка адресата дурылинских писем) впервые публикуется переписка замечательного русского философа, священника, писателя и культуролога Сергея Николаевича Дурылина, чье имя в последние годы все выше поднимается из забвения, и Елены Васильевны Гениевой, одной из тех талантливых и высокообразованных женщин, что создали атмосферу русского Серебряного века. Переписка охватывает период с декабря 1925 по апрель 1933 года, очень драматичный в жизни философа. «Вестник Европы» на своих страницах публиковал фрагменты этой необыкновенной переписки и мы с радостью рекомендуем ее читателю.

Анри Труайя «Любовь длиною в жизнь». Девять эссе о женщинах, воспитавших русских писателей. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. 2010. 128 с.

«Самый русский» французский писатель Анри Труайя (Лев Тарасов) написал эти эссе незадолго до своей кончины. По воле его наследников они изданы в России — по-русски, прежде чем во Франции — по-французски. Сборник эссе о матерях русских классиков — М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого. Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями и гравюрами, для многих из нас откроет нечто новое в, казалось бы, знакомых с детства писателях. Жаль, что эта книга — единственная в своем роде.

М.Ю. Лермонтов «Из пламя и света рожденное слово». Поэзия М.Ю. Лермонтова в переводах на английский, французский, немецкий языки с параллельными оригинальными текстами/ Сост. Г.Г. Деренковская. М.: Центр книги ВГБИЛ им. И.М. Рудомино. М., 2010. 416 с.

Великолепно изданный том продолжает знакомить зарубежных читателей с богатствами русской литературы. Дело это более чем важное, оно требует неустанного и щедрого внимания. Как-то в Шотландии (был декабрь 1994 г.) к нам в баре подошел человек, услышавший русскую речь. Удостоверившись, что перед ним русский, он сказал: «Давно хотел узнать, правда ли, что у вас России есть очень знаменитый поэт, мой родственник?» «А как ваша фамилия?» — спросил я. «Лермонт», — ответил он. Была бы тогда у меня такая книга!

Основу тома составили переводы, выполненные участниками парижского семинара Е.Г. Эткинда. Их дополняют классические переводы Лермонтова, а также

переводы поэта Александра Ревича. В приложении — переводы на французский Марины Цветаевой.

Чехов А.П. Избранные рассказы. Selected Stories. На русском языке с переводом на английский. К 150-летию А.П. Чехова/ Сост. Ю.Г. Фридштейн, И.Г. Ирская. Переводы на английский язык: Patric Miles&Harvey Pitcher, Jessie Coulson, Ann Dunnigan, Constance Garnett. Рисунки Н.П. Чехова. М.: Центр книги им. И.М. Рудомино, 2010. 576 с.

Роскошное подарочное издание, любовно подготовленное к юбилею одного из лучших русских писателей.

Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. Век XIX. Сост. В.Т. Данченко. Центр книги ВГБИЛ им. И.М. Рудомино. М., 2009. 736 с. с ил. Несколько лет назад внимание «фиорентифилов» привлек толстый том с таким же названием, в нем были собраны писания о Флоренции деятелей русской культуры XX века. Нынешнее издание продолжает предыдущее, уводя его к началу XIX века. Здесь Г.Р. Державин, Е.Р. Дашкова, К.Н. Батюшков, А.А. Дельвиг, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, которому не довелось увидеть Флоренцию, но который посвятил «флорентийской Киприде» немало вдохновенных строк; здесь и А.А.Иванов, и Н.В. Станкевич, и А.И. Герцен, и М.М. Стасюлевич, издатель и главный редактор петербургского «Вестника Европы», и его плодовитый сотрудник А.Н. Пыпин, и Ф.М. Достоевский, и Ф.И. Тютчев и Б.Н. Чичерин — всего 59 замечательных имен деятелей русской культуры, влюбленных в город на реке Арно. Библиотека иностранной литературы продолжает замечательный проект, показывая богатейший общий контекст русской и европейской культуры.

«Иностранка» в годы войны. История библиотеки по документам и фотографиям из архива ВГБИЛ/ Сост. и комментарий Игорь Бордаченко. М.: Центр книги им. И.М. Рудомино, 2010. 200 с. с ил.

Л.И. Лопатников. О Сталине и сталинизме. 14 диалогов. М.: Возвращение. 2010. 224 с.

Внутренне яростная, но взвешенная и аргументированная полемика с реаниматорами тоталитаризма. Наш журнал печатал главы из этой книги.

Ю.М. Лотман. «Чему учатся люди». Статьи и заметки. Предисловие Пезтер Тороп, сост. Сильвия Салупере Пезтер

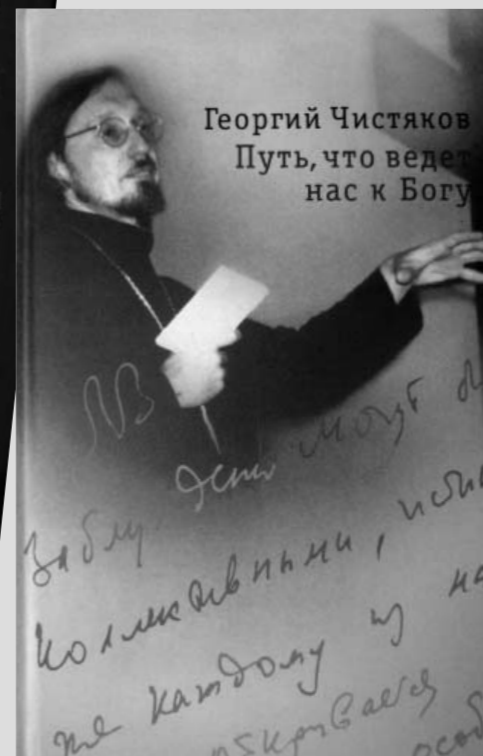
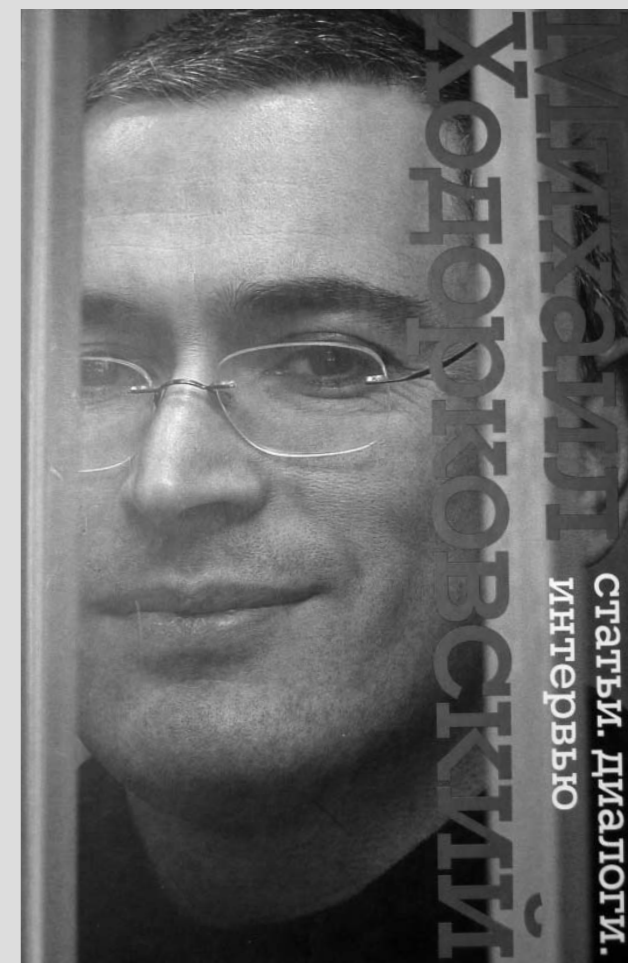
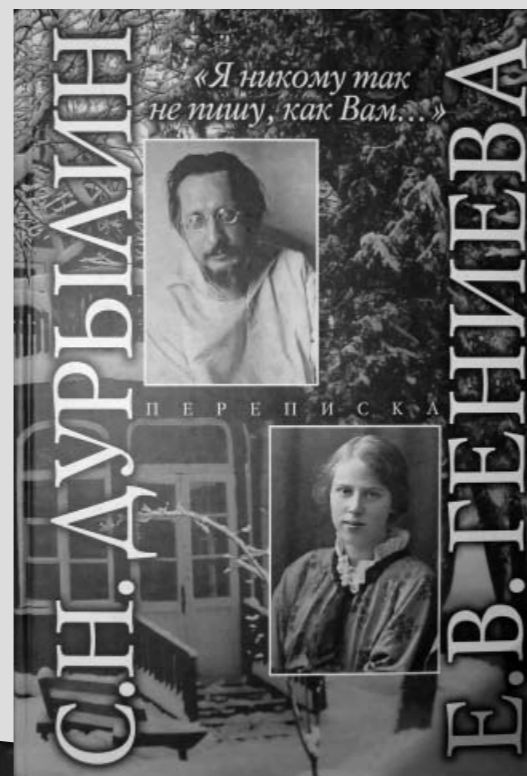
Тороп. М.: Центр книги ВГБИЛ им. И.М. Рудомино. 2010. 416 с.

Имя Ю.М. Лотмана с годами пользуется всевозрастающим уважением; книга, в которой собраны поздние эссе, статьи и лекции великого культуролога, прибавит ему новых читателей и почитателей. Книга состоит из четырех частей: «Чему учатся люди», «Знание», «Память», «Совесть». Я имел счастье слушать Ю.М. Лотмана и даже бывал в его тартуской квартире. Этот сборник передает живой голос ученого. Книгу завершает последняя прижизненная статья Ю.М. Лотмана «Смерть как проблема сюжета», написанная им к конференции (1992г.) в Великобритании, созданной в связи с его 70-летием. В сюжете жизни Ю.М. Лотмана смерть оказалась значимой только в том смысле, что отныне мы будем изучать лишь уже высказанные им мысли, которым, однако, еще предстоит развернуться во времени.

Ю.М. Лотман. «Непредсказуемые механизмы культуры». «Biblioteca LOTMANIANA. Таллинский университет. Рейн Рауд (Таллинский университет) — главный редактор серии. Предисловие Вяч.Вс. Иванова. Подготовка текста и примечания Т.Д. Кузовкиной при участии О.И. Утгоф. Таллин: TLU Press. 2010. 232 с.

После смерти Ю.М. Лотмана (28.X.1993г.) Тартуский университет, всемирную славу которого упрочил (если не создал) Лотман, потерял интерес к работам и даже архиву ученого. К счастью лотмановские и семиотические исследования, как и бесценный лотмановский архив, нашли приют в Таллинском университете. Представляемая книга — первое научное издание университетской серии Biblioteca LOTMANIANA. В этой серии будут публиковаться материалы из архива Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц, который теперь хранится в Эстонском фонде семиотического наследия гуманитарного института Таллинского университета. В 2008 г. университет учредил «Лотмановскую стипендию». Начиная с 2009 года в университете проходят «Лотмановские дни».

«Книга представляет собой выдающийся образец писательского мастерства Лотмана, всегда ясно выражающего свои заветные мысли в доступной широкой аудитории», — пишет в предисловии к книге Вяч.Вс. Иванов. Лотман создавал эту книгу в период распада СССР. «Главное в исторической концепции Лотмана — представление о многообразии вероятных продолжений, пучок которых существует в момент перед взрывом... Лотман считал, что мы должны успеть сделать правильный выбор за короткий срок, отпущенный нам для этого

историей», — полагает Вяч. Вс. Иванов. Книга «Непредсказуемые механизмы культуры» была написана непосредственно перед знаменитой книгой «Культура и взрыв» (1992), ставшей первой философской рефлексией, созвучной происходившим историческим событиям, и была впервые издана в Италии на итальянском языке в 1994 г. По-русски монография была опубликована в газете (!) «Валгаский архив». Такое было время!

Книга появилась на свет благодаря самоотверженной работе Т.Д. Кузовкиной, ученицы и помощницы Ю.М. Лотмана, которой он, уже будучи смертельно больным, диктовал свои последние тексты. В Овальном зале ГБИЛ прошла презентация книги, в которой приняли участие издатели, близкие, коллеги и друзья великого ученого.

Михаил Ходорковский. Статьи, диалоги, интервью. М. «Эксмо», 2010. —192 с.; илл.

Предисловие написал Леонид Парфенов; в книге собраны газетные и журнальные интервью, заочные диалоги М.Б. Ходорковского с писателями Б. Акуниным, Б. Стругацким, Л. Улицкой. Это книга относится к редкому жанру книги-судьбы. Таких книг мало, потому что их авторы за каждое слово расплачивались: кто костром, кто дыбой, кто газовой камерой, кто тюремным ШИЗО. Вспоминаются житие протопопа Аввакума, репортаж Юлиуса Фучика, путешествие Радищева, дневник Анны Франк. Разные книги. разные судьбы, общее в которых только одно — несломленная личность человека. Неправедный суд, странный приговор, пристрастные суждения власть предержащих... Но к книге это не имеет отношения. Она дышит внутренней свободой и человеческим достоинством, наполнена мыслями о судьбах России и мира. С автором можно не соглашаться, спорить (и его собеседники с ним очень даже спорят, иногда, кажется, даже забывают о реалиях экзистенции.) В любом случае, эта маленькая книга войдет в историю нашей эпохи.

«Россия–2010» («Российские трансформации в контексте мирового развития»)/ Предисловие М.С. Горбачева. Авторы: В.Г. Барановский, М.Ю. Головин, Е.Ш. Гонтмахер, В.К. Кувалдин, А.Д. Некипелов, В.В. Петухов, Д.Е. Фурман. М.: Логос. 2010. 308 с.

«Успешное реформирование российского социума требует глубокого анализа, смелого воображения, нестандартных подходов... Постановке и решению этих задач был посвящен научно-исследовательский проект «Россия 2010» выполненный Горбачев-фондом

совместно с фондом «Новая Евразия» и Московской школой экономики МГУ, — пишет в предисловии М.С. Горбачев. ... Меня спрашивали и спрашивают, — продолжает М.С. Горбачев в предисловии к монографии, пошел бы я на реформы, если бы знал заранее все то, что мы знаем сегодня. Мой ответ неизменен: так дальше продолжаться не могло, реформы были абсолютно необходимы». М.С. Горбачев не был бы сам собою, если бы даже в коротком предисловии не затронул главную для него тему: «Справедлив и правомерен вопрос: нельзя ли было выбраться из советской системы с гораздо меньшими издержками? Думаю, что можно. Как минимум было необходимо сохранить союзное государство, пусть в сокращенном составе, и не допустить к власти Б.Н. Ельцина с его окружением. Я как мог старался предотвратить такое развитие событий, но не сумел. Не сумел потому, что для этого надо было идти на кровопролитие, жертвовать человеческими жизнями, а для меня это абсолютно неприемлемо. И пусть история рассудит, кто здесь прав, а кто — нет».

В истории бывает, что человек велик не тем, что он сделал, а именно тем, чего *не сделал*. М.С. Горбачев останется в истории, потому, что не стал тем диктатором, который ради сохранения власти косной системы довел бы страну до большой войны и рек крови.

Как показал Ю.М. Лотман в «Непредсказуемых механизмах культуры», все мы в начале 90-х были участниками гигантских, непредсказуемых, взрывных (революционных) процессов, для развития которых было множество альтернатив. Бывают «эпохи переломные, когда старые пути пройдены, а новые еще не определились. Это эпохи выбора и свободы — и одновременно сомнений и неуверенности, — пишет Лотман. — Динамическая эпоха скупно отпускает время. Оценить прошлое, выбрать направление, перейти к действию — на все это нам даны мгновения».

В исторической перспективе не было двух эпох: эпохи Горбачева и эпохи Ельцина. Была одна эпоха взрыва, распада старой реальности и возникновения новой. Они теперь всегда будут вместе: Горбачев, стремившийся сохранить устои, Ельцин, тараном их рушивший, и Гайдар, конструирующий новую Россию.

* * *

Редакция «Вестника Европы» поздравляет Михаила Сергеевича Горбачева с 80-летием, благодарит его за проявленную мудрость и человеколюбие и желает ему здоровья и долгих лет жизни.

В.Я. ■

ШОТЛАНДИЯ в фотографиях Григория Ярошенко

Об авторах

Уильям БРУМФИЛД — профессор славистики в университете Тулейна в Новом Орлеане, США; историк русской архитектуры. Автор многочисленных трудов по истории русской культуры и архитектуры, признанный фотограф, почетный член Российской Академии художеств. В России издается собрание его фотоальбомов о сокровищах русской архитектуры. Неоднократно публиковался в «ВЕ».

Анатолий ГАВРИЛОВ — признанный мастер «малоформатной» прозы, отмеченной премиями журнала «Октябрь» и им. Андрея Белого, а также автор нескольких гротескных одноактных пьес. Закончил Литинститут, публикуется с 1989 года. Книги выходили в столичных и региональных издательствах России, издавались в Германии и других европейских странах. Живет во Владимире.

Нана ГЕГЕЛАШВИЛИ — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

Вера МЕНЬОК — кандидат филологических наук, руководитель Полонистического научно-информационного центра им. Игоря Менька, Дрогобычского государственного педагогического университета им. Ивана Франко, директор Международного фестиваля Бруно Шульца в Дрогобыче. Статья написана специально для журнала «Вестник Европы».

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ — профессор ГУ ВШЭ, академик РАЕН, автор многих серьезных книг и сотен научных публикаций. Среди его работ «История русской социологии», «Демократия и авторитаризм», «Теория конституционных циклов». Публикуемая статья в более полном варианте публикуется в журнале РАН «Российская история», главным редактором которого является наш давний автор.

Юрий ИЗДРЫК — западно-украинский прозаик, редактор журнала «Четверг», один из инициаторов и лидеров украинского постмодернизма.

Игорь КЛЕХ, прозаик, эссеист, переводчик, член российского PEN-центра. Автор книг прозы, путевых эссе и кулинарных рецептов. Составитель литературного раздела этого номера. Член редакции «Вестника Европы».

Сергей КОСТЫРКО — литературный критик, эссеист, куратор «Журнального зала».

Авигдор ЛИБЕРМАН — заместитель премьер-министра, министр иностранных дел Израиля, депутат Кнессета, лидер политической партии «Наш дом — Израиль».

Леонид ЛОПАТНИКОВ — экономист, журналист, сотрудник Е.Т. Гайдара, автор двухтомного экономико-математического словаря, книг о тоталитаризме, социализме, экономических реформах. Ветеран Великой Отечественной войны.

Чеслав МИЛОШ (1911–2004) — лауреат Нобелевской премии (1980) по литературе, рефлектирующий поэт и замечательный эссеист, политэмигрант, творческий долгожитель и патриарх польской литературы XX века.

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ — мастер лирических верлибров и коротких эссе, известный радиожурналист, политэмигрант и гражданин Великобритании, биографически связанный с Черновцами, а в последние десятилетия — с Прагой.

Евгений РАШКОВСКИЙ — доктор исторических наук, руководитель научно-исследовательского центра религиозной литературы и русского зарубежья ВГБИЛ им М.И. Рудомино. Философ, историк, поэт.

Владимир САЛИМОН — русский поэт, лауреат международных поэтических премий, автор многочисленных поэтических сборников, всегда узнаваемый по интонации, парадоксальному сопоставлению явлений и свойств этого благоустроенного мира. Член редакции «Вестника Европы».

Александр СЕРГИЕВСКИЙ — филолог, журналист, литературный переводчик. Постоянный представитель «Вестника Европы» в Италии. Живет в Риме.

Анджей СТАСЮК — на протяжении последних двух десятилетий один из ведущих прозаиков современной польской литературы и не менее интересный эссеист, часто переводившийся в Германии и России. Предпочитает жить в сельской местности и много путешествовать.

Татьяна ТИХОНОВА — журналист, деятель Рунета, в прошлом математик; одна из создателей и куратор «Журнального зала», давшего новую жизнь русским толстым журналам. Создатель литературного салона «ЖЗ».

Татьяна ХОФМАНН — славист, аспирантка Университета им. Гумбольдта в Берлине.

Александр ЧЕРНОВ — киевский поэт метареалистического направления, в свое время соученик и соратник Парщикова, Еременко и Жданова.

Бруно ШУЛЬЦ (польск. Bruno Schulz, 1892–1942, Дрогобыч) — еврейский художник и мастер польского слова Бруно Шульц родился 12 июля 1892 года в городе Дрогобыч (в то время — территория Австро-Венгрии, ныне — Западная Украина). В 1914—1915 годах учился живописи в Вене. Работал в Дрогобыче в гимназии Короля Владислава Ягеллона учителем рисования[1]. Автор повестей в новеллах «Коричные лавки» (1934) и «Санатория под клепсидрой» (1937), которые признаны шедеврами европейской прозы XX века. В прозе Шульца повседневная жизнь маленького провинциального городка становится фантастической притчей о судьбах мира. 30 июня 1941 года немецкие войска оккупировали Дрогобыч. Бруно Шульца застрелили на улице дрогобычского гетто 19 ноября 1942 года. Ряд его литературных произведений и почти вся живопись утрачены. В начале 2001 года были обнаружены фрески, которые Шульц в 1941—1942 годах выполнил для гауптшарфюрера Феликса Ландау на его вилле в Дрогобыче. В мае 2001 года три фрески были сняты сотрудниками центра «Яд Вашем» и нелегально вывезены за пределы Украины, остальные выставлены в Дрогобыче и являются одной из главных достопримечательностей города», сообщает «Википедия».

Игорь КЛЕХ, ценитель и переводчик Шульца, добавляет: «Бруно Шульц (1892–1942) — польско-еврейско-австро-венгерско-галицийский гротескный писатель и художник периода заката европейского модернизма, до сих пор недооцененный в России. Данный перевод и несколько сопутствующих материалов рассчитаны на то, чтобы привлечь читательский интерес к одной из ключевых фигур центрально-европейской (или средневропейской, по-немецки MittelEurope) культуры. Далее тему Центральной Европы как особого цивилизационно-географического феномена, — тесного и причудливого переплетения культур, народов и исторических судеб, — подхватывают и развивают современные польские, украинские и русские авторы и переводчики.

Франтишек ЯНОУХ — чешский физик, диссидент, правозащитник, друг Вацлава Гавела (опубликована книга их переписки). Живет в Швеции. Это вторая его публикация в нашем журнале (первая: см. «ВЕ», том 28/29).

Алла ЯЗЬКОВА, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, главный научный сотрудник института Европы РАН. Постоянный автор «ВЕ».

Содержание номеров журнала «Вестник Европы» (тома XXI–XXX)

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

экономика

- Михаил Борщевский.** Послесловие редактора статьи 21/49
- Михаил Борщевский.** Кризис сверхра 25/5
- «Христианская демократия — это ответственность за ближнего».** Архиепископ Кентерберийский Розн Уильямс беседует с Михаилом Борщевским 28-29/180
- М. Борщевский, В.Ярошенко.** Эта живучая Европа 28-29/5
- Егор Гайдар.** Россия и мировой экономической кризис 22-23/78
- Егор Гайдар.** Третий мир и третий центр 24/27
- Егор Гайдар.** Очерки смутных времен 25/30
- Егор Гайдар.** Мировой экономической кризис: последствия для российской политики 26-27/6
- Егор Гайдар.** Россия и кризис. Последний текст 28-29/9
- Владимир Мау.** Турбулентное десятилетие. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего 26-27/78
- Российская экономика в июне: предварительные данные и основные тенденции.** Обзор от Института Экономической политики имени Е.Т. Гайдара 28-29/28
- Роберт Партес.** Рецепт: осознанное вмешательство 28-29/50
- Анатолий Чубайс.** Послесловие к РАО «ЕЭС России» 24/38
- социология и политология**
- Анатолий Бурштейн.** Viva academia? Viva professore! 24/68
- Алексей Громыко.** Выборы в Великобритании: новизна и преемственность 28-29/44
- Александр Запесоцкий.** О роли интеллигенции в жизни страны. 26-27/239
- Сергей Капица.** Демографический переход и будущее человечества 21/17

- Светлана Князева.** Россия глазами итальянцев: вчера и сегодня 22-23/56
- Леонид Люкс.** Против Запада. Антизападные идеологические течения в русской эмиграции и в Веймарской республике 26-27/251
- Андрей Медушевский.** Перспективы дуализма. Очерк политической трансформации 24/56 Вестник Европы том XXVI-XXVII/2009
- Виктор Мироненко.** Россия и Украина. Потенциал конфликта. 26-27/40
- внешнее обозрение

- Геворк Мирзоян.** Перегрузка или перегрузка? 25/65
- Мусульмане в ЕС и в России.** По материалам круглого стола комитета «Россия в Объединенной Европе» 22-23/39
- Петр Ореховский.** Время практиков. Российская элита и современный кризис 25/50
- Александр Пумпянский.** Приключения европейского духа 24/70
- Беседы и размышления в Совете Европы 24/70**
- Александр Пумпянский.** Приключения европейского духа. Беседы и размышления в Совете Европы 25/11
- Юрий Рубинский.** Европейские ценности. 26-27/22
- Ф. Шелов-Коведяев.** Парадоксальная глобализация и Россия 26-27/57

60 лет Совету Европы

- Уинстон Черчилль.** Речь в Цюрихском университете. 26-27/92
- Что такое Совет Европы и чем он занимается** 26-27/94
- «Двенадцать сюжетов» Совета Европы** 26-27/96
- Томас Хаммарберг.** О правах человека. Вызов, на который предстоит найти ответ в Копенгагене 26-27/102
- Томас Хаммарберг.** Права детей 26-27/107
- Томас Хаммарберг.** Дневник комиссара Совета Европы по правам человека 28-29/145

Турбьёрн Ягланд — новый Генеральный секретарь Совета Европы	26-27/112
Хроника Совета Европы	28-29/133
Частичные соглашения Совета Европы	28-29/136
60 лет Европейской конвенции по правам человека	28-29/140
Валентин Федоров . Крушение Европы.....	22-23/22
Николай Шмелев . Преображение Европы	22-23/33
Алла Язькова . Большой Черноморский узел.....	21/21
Алла Язькова . О конфликтах «замороженных» и иных. Современный архив.....	24/5
Алла Язькова . Несвоевременные заметки о федерализме	26-27/66
Алла Язькова . Государства Южного Кавказа и Россия	28-29/31
Виктор Ярошенко . АЗИЯРОПА. Из истории проекта поворота части стока сибирских рек в Среднюю Азию.....	21/34
Виктор Ярошенко . Письма русского путешественника. Новый год в Палермо	21/190
Виктор Ярошенко . Письма из редакции. Время и случаи.....	22-23/66
Виктор Ярошенко . Письма из редакции. Затмения	24/12
Виктор Ярошенко . Письма из редакции. Эстонский остров.....	25/244
Виктор Ярошенко . Письма из редакции. Гоголь и Шаггал.....	25/75
Виктор Ярошенко . Летние письма русского путешественника	28-29/56

ЛИТЕРАТУРА

Ашот Аршакян . Дерево смерти. Рассказ	28-29/102
Геннадий Беззубов . Стихи	21/90
Геннадий Беззубов . Из Иерусалима с любовью. Стихи	25/119
Наталья Бельченко . Стихи	28-29/121
Андрей Битов . 14 ответов. Беседовал Игорь Клев	28-29/123
Юрий Вронский . Сплетни о писателях, художниках и других гражданах.....	21/51
Сергей Васильев . Стихи	21/102
Светлана Васильева . Лирическое хозяйство. Стихи	26-27/152
Светлана Васильева . Эффект бумеранга, или ниоткуда с любовью.....	22-23/184

Ефим Гаммер . Пером и автоматом (повести израильской жизни).....	25/125
Фридрих Гельдерлин . Стихи. Перевод и вступление Вячеслава Куприянова	22-23/136
Александр Gladков . Доля дипломата. Стихи.....	26-27/131
Александр Gladков . Понимая разницу. 26-27/136	
Андрей Грицман . Поэтический меридиан Пауля Целана. «Услышать ось земную...». 21/93	
Андрей Грицман . Новые стихотворения	24/96
Андрей Грицман . Ветер в долине Гудзона. Поэма	25/177
Пауль Целан . Стихотворения. Перевод Андрея Грицмана.....	21/100
Екатерина Горбовская . Утро вечера. Стихи.....	25/14
Юлий Гуголев . Стихи.....	21/119
Александр Давыдов . Гений современности ...	25/147
Александр Дорофеев . Божий узел	24/83
Ольга Исаева . Два рассказа	24/106
Игорь Клев . Хроники 1999-го года. Повесть...22-23/91	
Игорь Клев . Ночное светило русской культуры... 25/83	
Иван Клиновой . Столбы. Стихи.....	22-23/153
Николай Климонтович . Два рассказа	21/80
Николай Климонтович . Процедуры до и после. Рассказ	25/173
Переводы с венгерского	22-23
Андраш Ференц Ковач	22-23/156
Адам Надаши	22-23/157
Олег Лышега и Робинсон Джефферс . Стихи Перевод Андрея Пустогарова	28-29/114
Самый счастливый художник двух последних веков . Автопортрет русского художника Екатерины Медведевой. Катя Медведева . Рассказы, стихи	26-27/138
Юлия Меламед . Ночь с понедельника на пятницу (фрагменты)	21/106
Андрей Наврозов . Стихи	21/76
Антон Нечаев . «Я в эту землю врос...». Стихи	22-23/151
Антоний Наукин . Все так и было! Цикл рассказов	28-29/107
Петр Ореховский . Авария. Повесть	26-27/115
Игорь Померанцев . Жестокий месяц март. Стихотворение	28-29/120
Красноярск — литературная столица Сибири . Евгений Попов . Составитель и автор предисловия	22-23/143
Эдуард Русаков . Комендантский час. Рассказ	22-23/144

Роман Солнцев . Вместо письма другу юности. Стихи	21/251
Владимир Салимон . Стихи	22-23/120
Елена Твердислова . Автобиографизмы с Пушкиным	22-23/125
Елена Фанайлова . Поездка в Сараево. Стихи	28-29/118
Александр Шабуров . Радости обычных людей. Роман в рассказах переходного периода....	28-29/63
к 200-летию Н.В. Гоголя	
Владимир Шенрок . Н.В. Гоголь	24/190
Пять лет жизни за границей . 1836–1841 гг. Извлечения из «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича	
Владимир Шенрок . Н.В. Гоголь. Пять лет жизни за границей. 25/93	
1836–1841 гг. Извлечения из «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича	
Глеб Шульпяков . Стихи.22-23/158	
Феликс Чечик . Стихотворения.24/143	
Роуэн Уильямс . Истоки. Стихи. 28-29/185	
Владимир Эфроимсон . Стихи.26-27/148	

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, ЭТИКА

Из «Вестника Европы»	21/27
1912 г. сорок седьмого года издания. Третья Дума и предстоящие выборы.....	?21/27
Вацлав Гавел и Сэмюэл Беккет . Переписка	28-29/215
Архимандрит Августин (Никитин) . Неаполь: встреча Востока и Запада. Чудо Святого Януария	21/174
Джеймс Х. Биллингтон . Православие и демократия	26-27/172
Уильям Крофт Брумфильд . Маркиз де Кюстин и Достоевский: архитектура Петербурга как исторический текст.....	21/166
к 260-летию со дня рождения А.Н. Радищева	
Лаура М. Венниро . Александр Николаевич Радищев, провозвестник свободы.....	26-27/231
Екатерина Гениева . «Я никому не писал так, как Вам...»	26-27/178
Екатерина Гениева . Принципы шекспировской драматургии у Пушкина	28-29/239
Переписка Сергея Николаевича Дурюлина с Еленой Васильевной Гениевой	26-27/184

Владимир Гутаков . Русский путь к югу (мифы и реальность). Часть вторая	21/123
Никита Елисеев . Я и Томас Манн	24/180
Томас Манн . Рассуждения аполитичного.....	24/149
Из воспоминаний Н. Малышевой , вдовы академика В.В. Виноградова. Публикация и вступление Б.А. Успенского.....	28-29/216
Зинаида Миркина . Христос и великий инквизитор	21/156
Валентина Науменко . «Драгоценные сии сочинения»: Финляндия в творческом наследии российских ученых-путешественников	21/144
Григорий Померанц . Пророки и лжепророки. К столетию сборника «Вехи».....	25/189
Григорий Померанц . Инквизитор в одеждах структур и систем	21/161
Юбилей . Григорию Соломоновичу Померанцу исполняется 90 лет	22-23/4
Григорий Померанц . О подлости, о доблести, о славе	21-23/7
Григорий Померанц . Несколько касательных к кругу правды	24/221
Григорий Померанц, Зинаида Миркина . По ту сторону чисел	26-27/17
Григорий Померанц . Становление личности сквозь террор и войну.....	28-29/192
Георгий Чистяков . «О соединении всех» и другие эссе	21/196
Священник Георгий Чистяков . Вера и толерантность.....	28-29/189
Александр Раппопорт . Новый Иерусалим.....	21/213
Игорь Рейф . Каждый прозревает в одиночку. Комментарий к самиздатской рукописи. Памяти П.Г. Григоренко.....	26-27/213

диалоги на глубине

Гала Наумова в беседе с Лесечком Колаковским . Жизнь, несмотря на историю.....	22-23/170
Клод Леви-Стросс в беседе с Константином фон Барлевром и Галой Наумовой . «Человек во вселенной».....	25/197
Мишель Серр: «Только красота нас спасет» . Беседовали Гала Наумова, Константин фон Барлево	26-27/224
«Будущее не содержится в настоящем» . Илья Пригожин в беседе с Галой Наумовой и К. фон Барлево.....	28-29/175
«Христианская демократия — это ответственность за ближнего» . Архиепископ Кентерберийский Роэн Уильямс беседует с Михаилом Борщевским.....	28-29/180

artes

- Марианна Рошаль.** Война и эротика в рисунках
С. Эйзенштейна..... 25/239
- Николай Тарханов.** Грузия 24/228
- Виктор Ярошенко.** Сицилия. Фотографии..... 21/182
- Григорий Ярошенко.** Кубинский дневник..22-23/218
- Григорий Ярошенко.** Куба. Фотопортфолио.....
..... 22-23/223
- Париж Григория Ярошенко.** Фотоработы.....
..... 26-27/205
- Виктор Ярошенко.** Иерусалим. Фотографии.. 25/230
- Виктор Ярошенко.** Николай Тарханов..... 24/227
- «Библейские Холмы» Ирины Старженецкой.**
Беседовал Виктор Ярошенко. 28-29/254
- Ирина Драгунская.** «Цвет и свет». Субъективный
взгляд. Фотографии Вивиан дель Рио и Василия
Попова 25/234
- «Следы».** Выставка специального корреспондента
«Вестника Европы» Григория Ярошенко в галерее
«Глаз»..... 25/255

КУЛЬТУРА

- Выставки** 21/226
- Выставки** 22-23/216
- Выставки** 25/234
- Н. Дьяконова, С. Букреева.** «Победа приходит поздно...»: русский памятник Эмили Дикинсон 25/251
- Александр Запесоцкий, Юрий Зобнин, Андрей Михайлов** ?25/234
- Д.С.Лихачев и А.А.Зимин: уроки научной полемики** 21/240
- Юрий Зобнин.** Диалог как форма культурного бытия..... 25/246
- Интернет-хроника**22-23/19
- Интернет-хроника** 24/8
- Наталья Исаева.** Царевна Медея: рана чужого
..... 24/241
- Наталья Исаева.** Утомленные текстом. Русская тема во французском театре..... 25/227
- Хью Кеннер.** Картезианский кентавр. Эссе о С. Беккете. Предисловие, перевод и примечания Б. Дубина 28-29/202
- Леонид Лопатников.** К дискуссиям о статистике «Большого террора» 26-27/196
- Самуил Лурье.** Юбилей Бродского..... 28-29/271

- Сергей Манежев.** MONSTRUM MONSTRUOSUM.....
..... 22-23/183
- Наталья Новикова.** Старые и новые европейцы в Третьяковке..... 21/225
- Филипп Смирнов.** «Живи быстро, умри молодым!»
Отклик на выставку «Встреча с Амедео Модильяни» 21/222.
- Филипп Смирнов.** Семьдесят лет большого террора 22-23/163
- Паола Педиконе, Александр Лаврин.** «Человек забыл, зачем пришел в этот мир...». Мистика в жизни Андрея Тарковского 21/228
- Максим Осипов.** 101-й километр..... 21/234
- Юрий Прозоров.** Мастер-класс Альбрехта Дюрера
..... 22-23/177
- Евг. Рашковский.** Федор Достоевский — собеседник XXI века. Заметки на полях книги Рауэна Уильямса «Достоевский: язык, вера, повествование».....
..... 26-27/165
- Александр Сергиевский.** Мой Гарибальди.....
..... 22-23/188
- Александр Сергиевский.** Римские мозаики
..... 22-23/198
- Александр Сергиевский.** IV Международный конкурс молодых российских поэтов зарубежья
..... 26-27/260
- «История сталинизма» в 100 томах** 24/ 247
- От мифологем к вехам реальности** 25/189
- Две конференции.** Мифы сталинизма. Карен д'Анкос, Даниил Гранин, Борис Дубин. Юрий Любимов, Петр Тодоровский, Андрей Сорокин, Людмила Улицкая, Андрей Фурсенко..... ?25/189
- Франтишек Яноух.** Как я перепрыгнул через забор и встретился с Беккетом 28-29/209
- Хроника культурной жизни** 22-23/212
- Хроника культурной жизни** 24/237
- Хроника культурной жизни** 28-29/272
- некрологи
- Алексей Ильич Комеч.** Некролог..... 21/248
- Владимир Салимон.** На смерть Алексея Парщикова...
..... 25/243
- Евгений Попов.** Памяти друга. Р. Солнцев.
Некролог 21/253
- Виктор Ярошенко.** Памяти Егора Гайдара.
«Имя честное было завещано» 26-27/5